

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ II

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27

1901

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

О Т Д Ъ Л Ъ І.

Тазы, или Удиһэ ¹⁾.

(Опытъ этнографическаго изслѣдованія).

ВСТУПЛЕНІЕ.

Владивостокское „Общество Изученія Амурскаго края“, поставивъ, въ числѣ другихъ своихъ задачъ, изученіе вымирающихъ народностей Приморья (См. Отчетъ Общ. Изуч. Амур. края за 1896 г., стр. 1), обратило особенное вниманіе на тунгусскій народъ, извѣстный у этнографовъ подъ названіемъ орочей или ороchonъ. Послѣдніе разбросаны на небольшомъ пространствѣ въ Приморской Области и представляютъ значительное разнообразіе мѣстныхъ отличій, утративъ подчасъ національную чистоту подъ вліяніемъ соѣдства и совмѣстной жизни съ другими народностями, особенно съ китайцами, или манзами. Поэтому Общество Изученія Амурскаго края отправило въ 1886 году В. П. Маргаритова, для Изученія Орочей, въ Императорскую гавань, „какъ въ центръ болѣе сохранившихся отъ постороннихъ вліяній орочей“ (См. г. Маргаритова: „Объ орочахъ Императорской гавани“, С.-Петербургъ. 1888 г., стр. 1).

Помимо свѣдѣній, добытыхъ В. П. Маргаритовымъ и сообщенныхъ имъ въ вышеназванной монографіи, генеральнаго штаба капитанъ Сергѣй Леонтовичъ въ V томѣ (вып. II-й) „Записокъ Общества Изученія Амурскаго Края“ напечаталъ „Русско-орочанскій словарь“, собранный имъ во время экспедиціи, снаряженной военнымъ вѣдомствомъ лѣтомъ 1894 года, для изслѣдованія бассейна рѣки Тумнинъ, впадающей въ Татарскій проливъ сѣвернѣе Императорской гавани ²⁾.

Вслѣдъ затѣмъ однимъ изъ членовъ Общества Н. А. Пальчевскимъ былъ поднятъ вопросъ, намѣченный еще въ монографіи В. П. Маргаритова.

¹⁾ Латинское h употреблено мною для выраженія звука, которому въ русскомъ алфавитѣ нѣтъ соотвѣтствующей буквы.

²⁾ Во время окончанія своей работы, въ журналѣ «Землевѣдѣніе» за 1897 г. (кн. III—IV) я прочиталъ статью того же автора объ орочонахъ р. Тумнинъ, довольно обстоятельно знакомящую съ бытомъ, занятіями и природою названной мѣстности.

На страницѣ второй своего изслѣдованія послѣдній говоритъ: „По свѣдѣніямъ, собраннымъ академикомъ Шренкомъ въ бытность его на Амурѣ, настоящіе орочи простирались отъ залива Де-Кастри почти вплоть до залива св. Ольги... На югъ отъ нихъ, т. е. у зал. св. Ольги и южнѣе, жили орочи, переродившіеся подъ вліяніемъ маньчжуровъ и получившіе отъ нихъ названіе тазовъ или тадзовъ; Тадзы занимали пространство и по притокамъ рѣки Уссури и простирались даже до г. Владивостока. Теперь же эти тадзы раскинули свои предѣлы дальше на сѣверъ и, какъ мнѣ извѣстно, живутъ на р. Нельма, впадающей въ Японское море и называемой орочами Шамарга. Хотя шамаргинскіе тадзы и вышли изъ повиновенія мандзъ и отделились отъ нихъ на сѣверъ, тѣмъ не менѣе типъ чистыхъ орочей ими утраченъ, языкъ измѣнился и не совсѣмъ понимается орочами Императорской гавани. Мнѣ пришлось видѣть двухъ шамаргинскихъ тадзовъ... Они объяснялись съ орочами, но, какъ видно, не совсѣмъ ясно. Лобъ у нихъ выбритъ и носятъ двѣ косы; покрой одежды и устройство лодокъ напоминаетъ мандзовскій. Словомъ, это уже не орочи, а выродки изъ орочей; настоящіе же орочи оканчиваютъ свое распространеніе на югѣ рѣкою Ботиль, гдѣ находится селеніе орочей въ 8 юртъ“. Подчеркнутое мною въ словахъ г. Маргаритова ясно указываетъ, что послѣднимъ намѣчены были нѣкоторые вопросы, требовавшіе болѣе подробнаго изслѣдованія для своего рѣшенія.

Н. А. Пальчевскій, служа лѣсничимъ на Сучанѣ, сталкивался съ упоминаемыми г. Маргаритовымъ южными орочами, или тазами, и замѣтилъ, что они сильно отличаются отъ своихъ Императорскихъ собратьевъ ¹⁾. Въ виду того, что тазы сильно пострадали въ двѣ эпидеміи оспы, а равно и въ силу того, что молодое поколѣніе ихъ подверглось путемъ конкубината перерожденію или вырожденію, Н. А. Пальчевскій настаивалъ предъ Распорядительнымъ Комитетомъ Общества Изученія Амурскаго края на необходимости изслѣдовать тазовъ и предлагалъ снарядить экспедицію для собранія свѣдѣній о географическомъ распространеніи этого народа на югъ, остатковъ языка и бытовыхъ предметовъ и для антропометрическихъ измѣреній.

Комитету угодно было возложить выполненіе предложенія г. Пальчевскаго на Д. И. Дюкова и меня.

1-го іюля 1896 г. я и товарищъ мой выѣхали изъ Владивостока и около 15 іюля достигли рѣки Сяо-Судухэ, притока р. Та-Судухэ, гдѣ встрѣтили поселеніе тазовъ. Къ сожалѣнію, начавшіеся въ августѣ того года

¹⁾ Г. Пальчевскій не разъ бывалъ въ Императорской гавани и хорошо зналъ тамошнихъ инородцевъ, которыхъ ему манзы называли «ю п и т а з а м и», т. е. рыбожыми инородцами.

дожди и наводненіе, затопившее многія мѣстности такъ называемаго Южно-Уссурийскаго края, не позволили намъ объѣхать и изслѣдовать тазовъ на всемъ предположенномъ районѣ. Приходилось ограничиться на первый разъ свѣдѣніями, собранными въ долинахъ рѣкъ Сяо-Судухэ и Та-Судухэ, причемъ верховья послѣдней рѣки не посѣщены лично. Кромѣ того, застигнутый на Та-Судухэ ¹⁾ наводненіемъ, я принужденъ былъ возвращаться на Сучанъ по берегу Великаго океана на манзовской шампункѣ и потерпѣлъ въ ночь съ 6-го на 7-ое августа крушеніе отъ свирѣпаго тайфуна: шампунка разбита въ щепы, всѣ вещи разбросало по залитому водою берегу, самому приходилось спасать свою жизнь, пробывъ по поясъ въ водѣ съ 2 часовъ ночи до 12 часовъ дня. Крушеніе это истребило фотографическіе снимки людей, жилищъ и мѣстности, попортило дорогой фотографическій аппаратъ и коллекціи бабочекъ. Несмотря на указанныя бѣды, мнѣ все-таки удалось доставить въ Музей Общества коллекцію бытовыхъ вещей тазовъ и, что самое цѣнное, цѣлый еще не разложившійся трупъ семидесятилѣтней тазачки. Но бѣда, очевидно, шла за мною по пятамъ: переданный мною трупъ тазачки, стоившій мнѣ столькихъ усилій, испорченъ и обращенъ извѣстью въ трухлый порошокъ.

Матеріалъ, собранный лѣтомъ 1896 г., былъ слишкомъ ничтоженъ для того, чтобы на основаніи его дѣлать какіе-либо выводы. Районъ, обследованный мною, слишкомъ малъ, притомъ, какъ выяснилось потомъ, отправный пунктъ для изслѣдованія тазовъ избранъ былъ не совсемъ удачный. Словомъ, необходимо было продолжать экспедицію. Близо ставъ къ Обществу Изученія Амурскаго края, какъ членъ Распорядительнаго Комитета, и узнавъ ограниченность средствъ, я не осмѣлился утруждать его новыми просьбами о доставленіи мнѣ возможности посѣтить рѣки, на которыхъ, по добытымъ мною свѣдѣніямъ, жили сплошь почти тазы. Къ счастью, лѣтомъ 1897 г. Г. Военному Губернатору Приморской области понадобилось лицо, которое взяло бы на себя трудъ переписать инородцевъ по побережью Татарскаго пролива отъ р. Коппи на сѣверъ до бухты Терней на югъ. Мои услуги были приняты начальствомъ, и я объѣхалъ все побережье Великаго океана, начиная отъ г. Владивостока на сѣверъ до р. Коппи, познакомился съ разнообразнымъ населеніемъ этого побережья, разспросилъ и уяснилъ себѣ то, что оставалось неяснымъ послѣ экспедиціи на Сучанъ.

Такимъ образомъ, настоящее сочиненіе является результатомъ двухъ моихъ поѣздокъ по территоріи, занимаемой тазами. Мною посѣщены сѣверная и южная оконечности, а равно и вся восточная граница обитаемой тазами

¹⁾ Товарищъ по экспедиціи Д. И. Дюковъ уѣхалъ раньше на Сучанъ, оставивъ на моихъ рукахъ всѣ пожитки, коллекціи и инструменты.

части Приморской области. Мнѣ не удалось пройти территорію тазовъ съ востока на западъ и обследовать западную границу ихъ; но указанный районъ былъ недавно посѣщенъ охотничьими командами 1-й Восточно-Сибирской стрѣлковой бригады и г. Пальчевскіѣмъ во время переписи инородцевъ. Добытые и обнаруженные матеріалы и другіе литературные источники даютъ возможность представить первую попытку возможно полнаго и всесторонняго изображенія жизни и быта тазовъ, тунгусскаго народа, къ сожалѣнію, постепенно вымирающаго, вслѣдствіе неумѣнна приспосабливаться къ нѣскольکو измѣнившимся условіямъ существованія. Но я не ограничился, какъ увидить читатель, однимъ изображеніемъ явленій жизни тазовъ: я старался посильно, исходя отъ добытыхъ наукою данныхъ, объяснить эти самыя явленія тазовской жизни, потому что только подобнаго рода этнографическая работа имѣетъ и можетъ имѣть цѣну въ настоящее время. Въ видѣ приложенія, наконецъ, я печатаю словарчикъ тазовскаго языка, насколько мнѣ удалось добыть словарный матеріалъ въ двѣ экспедиціи. Благодаря Обществу Изученія Амурскаго края, Распорядительный Комитетъ и другихъ немногихъ лицъ, при содѣйствіи которыхъ появляется въ свѣтъ этотъ слабый трудъ, могу желать, чтобъ хорошія стороны его оправдали затраченные на мою первую поѣздку средства.

Сергій Браиловскій.

Владивостокъ. Мартъ—Августъ. 1898.

„По разсказамъ старожилонъ края, тазы, или кякала, жили по верховьямъ рѣкъ, впадающихъ въ Уссури; по сказаніямъ маньчжуронъ, преимущественно по восточному поморью и по рѣкамъ Фуцзинь и Тосэ, впадающимъ въ море... Кякала были прежде въ Хуньчуньской области, но теперь, повидимому, сосредоточились въ срединѣ Уссурійскаго поморья. Это племя заслуживаетъ особеннаго вниманія“...

Изъ неизданныхъ «Дорожныхъ замѣтокъ на пути отъ Благовѣщенска чрезъ Японію въ Пекинъ» архим. Палладія.

ГЛАВА I.

Обзоръ литературы предмета и выводы изъ него.

Самымъ старымъ и самымъ драгоценнымъ сочиненіемъ по изученію инородцевъ Приморской области является столь извѣстный классическій трудъ академика Шренка „Объ инородцахъ Амурскаго края“, появившійся въ свѣтъ въ 1881—1883 г.г.¹⁾ Авторъ посѣтилъ Амурскій край въ 50-хъ годахъ, когда послѣдній имѣлъ видъ вовсе еще нетронутой страны; имъ поставлены отчасти и рѣшены вопросы, касающіеся прошлаго инородцевъ, сдѣлана группировка инородцевъ по физическимъ и языковымъ особенностямъ; наконецъ, въ трудѣ Шренка находятся ссылки на сочиненія послѣдующаго времени вплоть до восьмидесятыхъ годовъ. Такимъ образомъ, вполне полагаясь на тщательность и добросовѣстность Шренка, изслѣдователь избавленъ отъ необходимости разсматривать то, что уже было разсмотрѣно. Вотъ почему свой „обзоръ литературы“ о тазакъ я начну съ тѣхъ сочиненій, которыя не приняты во вниманіе академикомъ Шренкомъ.

Однимъ изъ такихъ является сочиненіе О. О. Вуссе.

„Очеркъ условій земледѣнія въ Амурскомъ Краѣ“ (Библіотека для чтенія, августъ-декабрь, 1869 г.). Въ этомъ сочиненіи находимъ нѣсколько краткихъ свѣдѣній о тазакъ, свѣдѣній общаго характера, потому что авторъ по собственному признанію, мало знакомъ съ этимъ племенемъ. Поэтому мало имѣютъ значенія свѣдѣнія, что тазы живутъ вдоль морского берега отъ южныхъ гаваней до гавани св. Олга и далѣе къ сѣверу, что постройки и условія жизни ихъ сходны съ постройками и бытомъ гольдовъ. Гораздо важнѣе тѣ замѣчанія автора, которыми онъ сопровождаетъ обзоръ инородцевъ—орочей или орочонъ, гольдовъ и тазовъ. „Всѣ поименованныя племена,—говоритъ онъ,—можно назвать еще первобытными дикарями. Правда, на нихъ отозвалась китайская цивилизація, но только въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ проявленіяхъ и не проникла въ ихъ внутренній бытъ. Въ религіозномъ отношеніи они всѣ шаманствующіе, только нѣкоторые гольды, въ южной части Уссури и Даубихэ, приняли отъ китайцевъ ламаизмъ и то, кажется, только по внѣшности: шаманы все еще имѣютъ на нихъ глубокое вліяніе. Сношенія съ русскими до сихъ поръ ограничиваются только мѣною рыбы и пушнины на водку, бумажныя матеріи и хлѣбъ, что составляетъ для инородцевъ рос-

¹⁾ На нѣмецкомъ яз. сочиненіе Шренка—*«Die Völker des Amur-Landes»*—вышло въ 1881 г.; русскій переводъ его, ничѣмъ не отличающійся отъ нѣмецкаго подлинника, напечатанъ въ 1883 г.

кошь. Сосѣдскія отношенія русскаго населенія съ этими племенами весьма радушны и хороши... Въ экономическомъ отношеніи эти жители Амурскаго края имѣютъ значеніе только, какъ промышленники пушнины. Судя по едва замѣтному вліянію пятнадцатилѣтняго сосѣдства съ русскою цивилизаціею, трудно предположить, чтобы они скоро приняли осѣдлый и земледѣльческій образъ жизни, этой первой основы улучшенія быта и цивилизації. Пропаганда православной вѣры между инородцами идетъ успѣшно, судя по числу обращенныхъ; но до сихъ поръ еще не замѣтно у послѣднихъ смягченія нравовъ и влеченія къ осѣдлости“.

Весьма много бытовыхъ и экономическихъ указаній о тазакъ находится въ двухъ сочиненіяхъ, появившихся въ 1872 году. Одно изъ нихъ принадлежитъ г-жѣ Олимпіадѣ Васильевой и носитъ заглавіе „Гавань св. Ольги“ (Извѣстія Русскаго Географич. Общ., 1872 г., т. VІІІ, стр. 55—71). Авторъ весьма подробно говоритъ о тазакъ, живущихъ близъ гавани св. Ольги, и объ отношеніи ихъ къ манзамъ или китайцамъ. Изъ его статьи мы узнаемъ, что по близости Ольгинскаго поста тазовъ мало: въ 8-ми верстахъ отъ поста, возлѣ селенія Пермскаго, пять франзъ, зато въ селеніяхъ Тадуши и Пфусуни ихъ много. Главное занятіе тазовъ зимою звѣроловство, а лѣтомъ и осенью—ловля морской капусты; заимствована тазами отъ манзъ: тазъ-звѣроловъ и охотникъ по природѣ своей и условіямъ окружающей природы. Вообще авторъ даетъ въ своей статьѣ рядъ простыхъ наблюденій, не пытаясь проникнуть въ ихъ смыслъ и значеніе. Такъ, указавъ, что наружный видъ манзъ и ольгинскихъ тазовъ очень сходенъ (разницей служатъ двѣ косы и серьга въ носу у тазовъ), онъ не поставилъ этого явленія въ связь съ конкубинатомъ манзъ и тазачекъ, о чемъ самъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ. Объ экономической зависимости тазовъ отъ манзъ говорится глухо. Выраженія:—„торговля сосредоточена преимущественно въ рукахъ манзъ. Тазы въ торговомъ отношеніи вполне имъ подчиняются“—заключаютъ указаніе на весьма важное экономическое явленіе въ жизни тазовъ, о чемъ я подробно буду говорить впослѣдствіи. При сообщеніи, что религія у ольгинскихъ тазовъ буддійская съ примѣсью различныхъ вѣрованій, напримѣръ,—взглядъ на тигра, невольно напрашивалось замѣчаніе, что буддизмъ тазовъ—результатъ китайскаго вліянія, а воспоминаніе о религіозномъ значеніи тигра—остатокъ первобытной языческой религіи тазовъ. Только слегка затронуть авторомъ такой интересный вопросъ, какъ взглядъ тазъ на женскую нравственность. „Нравственность женщины у тазъ цѣнится очень высоко; недавно еще былъ случай, доказывающій, насколько тазы считаютъ вѣрность необходимымъ условіемъ семейной жизни и насколько у нихъ строгъ взглядъ на наказаніе: во время долгаго отсутствія мужа, тазачка принесла ребенка. братья мужа повѣсили этого ре-

бенка“. Цитированныя слова изъ статьи г-жи Васильевой вызываютъ рядъ вопросовъ: во-первыхъ, съ кѣмъ прижитъ тазачкою ребенокъ: съ тазомъ или манзою; во-вторыхъ, всегда ли тазы поступаютъ такъ, какъ описано, съ незаконно-прижитыми дѣтьми; въ-третьихъ, при расправѣ съ ребенкомъ, тазы руководились ли своими законами, своимъ псконнымъ правомъ, или же подобное наказаніе представляетъ явленіе чуждое, результатъ манзовскаго вліянія.

Наиболѣе цѣнными слѣдуетъ признать два замѣчанія г-жи Васильевой: одно о томъ, что „сближеніе между манзами и тазами — самое тѣсное“. Причиною этого сближенія служитъ нужда другъ въ другѣ: манза снабжаетъ тазу различными товарами и жизненными припасами, таза же — хорошіи охотники — и снабжаетъ манзу плодами своей охоты; главною же причиною сближенія является холостая жизнь манзъ, которые женятся на тазачкахъ. Другое замѣчаніе состоитъ въ указаніи, что около поста Ольгинскаго находится много развалинъ фанзъ, слѣдовательно, здѣсь раньше было тазъ больше.

Въ одинъ годъ съ статьей г-жи Васильевой появилась книга г. Алябьева „Далекая Россія. Уссурійскій край“ (С.-Петербургъ, 1872 г.). На стр. 113—114 авторъ удѣлилъ нѣсколько замѣчаній инородцамъ изображаемаго имъ края. Несмотря на фельетонность изложенія, книга интересна цифровыми данными о количествѣ тазъ. Поэтому опускаю его рѣчи о дикости орочей, или тазъ, о грязи ихъ жилищъ, объ эксплуатаціи ихъ манзами ¹⁾, укажу приводимую имъ таблицу населенія въ Уссурійскомъ краѣ, по которой тазъ значится:

	муж.	жен.
въ Уссурійскомъ округѣ	433	328
въ Аввакумовскомъ	297	162
въ Сучанскомъ	131	45
Всего	861	535

Болѣе цѣннымъ слѣдуетъ признать сочиненіе г. Степанова „Южно-Уссурійскій край“ (Отд. оттискъ изъ мартовской книжки журнала „Древняя и Новая Россія“ за 1880 г.). На стр. 11—12 этого сочиненія находимъ слѣдующія свѣдѣнія о тазахъ: „коренные жители Южно-Уссурійскаго края принадлежатъ къ племени тазовъ или орочей (китайское названіе ихъ, по сочиненію В. П. Васильева, куяра). Происхожденіе,

¹⁾ Въ свѣдѣнія г. Алябьева по этой части незначительнѣе свѣдѣній, сообщенныхъ въ книгѣ г. Пржевальскаго «Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ, въ 1867—69 гг.», вышедшей въ С.-Петербургѣ, въ 1870 году. На эту книгу часто ссылается г. Алябьевъ.

языкъ и религія этихъ инородцевъ не изслѣдованы; но существуетъ предположеніе, что названное племя суть члены тунгусской семьи“. Это племя охотниче, питается рыбой и мясомъ, земледѣлія не знаетъ. Отъ охоты, какъ главнаго занятія, зависитъ бродячій образъ жизни. Живущіе въ горныхъ трущобахъ тазы строятъ конусообразные шалаши изъ жердей, прикрываемыхъ берестой. Одежда готовится изъ шкуръ, домашняя утварь изъ бересты, а желѣзное оружіе вымѣнивается у китайцевъ на пушнину.

„Тазы, живущіе въ открытыхъ долинахъ, находятся въ полной зависимости и даже въ порабощеніи китайцевъ, переняли отъ нихъ постройку домовъ, одежду и частью даже языкъ. Питаясь охотою и рыболовствомъ, эта отрасль тазовъ перекочевываетъ два раза въ годъ, лѣтомъ на устья и берега рѣкъ, гдѣ они питаются рыбою, а зимою возвращаются въ свою фанзу, гдѣ остаются семейства, а мужчины уходятъ зимою въ хребты для охоты за пушнымъ звѣремъ. Вся добыча этого промысла идетъ манзамъ въ уплату за просо, табакъ и одежду, которыми они снабжаютъ семейства тазовъ, во время отсутствія мужей.

„Женщины занимаются домашними работами и вышиваніемъ нарядовъ, какъ для себя, такъ и мужей. Кокетство женщины выражается не только въ вышитомъ узорами кисетѣ и воротѣ курмы, сшитой изъ бязи, но также и въ серебряныхъ браслетахъ, кольцахъ и серьгахъ; послѣднія носятъ не только въ ухахъ, но и въ правой ноздрѣ“.

И позволилъ себѣ длинную выписку изъ статьи г. Степанова на томъ основаніи, что сообщаемыя имъ свѣдѣнія, очевидно, почерпнуты изъ непосредственнаго наблюденія, и потому, при всей своей сжатости, являются драгоценными. Конечно, не все сказанное имъ справедливо послѣ выхода въ свѣтъ классическаго труда Шренка. Еще болѣе интереснымъ трудомъ является рядъ отдѣльныхъ статей въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (1880 г., №№ 177 — 178) г. А. М(аксимова), морского офицера, скончавшагося и похороненнаго во Владивостокѣ въ 1896 г. Среди этихъ статей, носящихъ общее заглавіе „Наши задачи на дальнемъ востокѣ“, находится особый этюдъ объ орочахъ.

Тазы, по мнѣнію автора,—обычное имя орочей въ Уссурійскомъ краѣ—есть китайское престолярное названіе Дацзы; китайцы называютъ такъ монголовъ, а въ Уссурійскомъ краѣ это названіе поему-что привилось къ орочамъ ¹⁾). Дѣлятся тазы на бродячихъ и осѣдлыхъ (скорѣе кочующихъ?).

¹⁾ Ср. объясненіе Пржевальскаго: «Слово «таза», какъ объясняли мнѣ манзы, есть мѣстная передѣлка китайскаго названія «Юпида-узы», что значитъ, въ буквальномъ переводѣ, рыболоже инородцы. Этимъ именемъ китайская географія издавна называетъ оби-

Бродячіе характеризуются слишкомъ мрачными красками: „(Они) находятся на самой низкой ступени умственнаго развитія; даже невозможно опредѣлить, есть ли у нихъ какія-либо вѣрованія. Подунагіе, донелзя грязные, подходящіе по своимъ инстинктамъ ближе къ животному, чѣмъ къ человѣку, они бродятъ со своими семействами съ мѣста на мѣсто, перенося съ собою и свои жалкіе берестяные шалаши. Переходъ этотъ обусловливается недостаткомъ въ извѣстномъ мѣстѣ рыбы или звѣря, составляющихъ единственную пищу жалкихъ дикарей. Живя въ душныхъ, смрадныхъ, дымныхъ шалашахъ, они чуждаются всякаго общенія съ подобными себѣ и не имѣютъ никакихъ человѣческихъ стремленій. Всѣ ихъ умственныя и душевныя способности сосредоточиваются только на ѣдѣ и снѣ; орочь, убивъ какого-нибудь звѣря, перекочевываетъ, обыкновенно, къ нему со всѣмъ семействомъ и не выходитъ изъ шалаша до тѣхъ поръ, пока не уничтожитъ всей своей добычи... подусырое мясо поглощается въ огромной массѣ; ѣдятъ безъ мѣры до тѣхъ поръ, пока куски не начнутъ останавливаться въ горлѣ“...

До какой степени въ приведенной цитатѣ изъ этюда г. А. М(аксимова) сгущены краски и отсутствуетъ строгая объективность, необходимая для этнографа, какъ и для всякаго другого изслѣдователя, читатели увидятъ сами изъ послѣдующаго. Но г. А. Максимовъ въ своемъ увлеченіи рисовать мрачныя картины изъ быта тазовъ доходитъ до искаженія дѣйствительности, или же смотритъ на дѣло изъ узкаго окошечка. Такъ, у него читаемъ: „Они, какъ и всѣ дикари, имѣютъ необыкновенное пристрастіе только къ крѣпкимъ напиткамъ; за водку они готовы отдать все, что у нихъ есть, даже жену и дѣтей... Изъ этой пагубной страсти дикарей китайцы извлекаютъ для себя громадныя выгоды.. Каждый маньцзъ... за.. бутылку водки собственнаго изготовленія... требуетъ соболя, а при случаѣ беретъ и два“... Во-первыхъ, я не наблюдалъ и не встрѣчалъ ни у кого изъ изслѣдователей извѣстій, чтобы бродячій таза пропивалъ жену и дѣтей. Если среди нихъ встрѣчаются подобные субъекты-пропойцы, то они являются рѣдкимъ исключеніемъ. Во-вторыхъ, посредствомъ водки эксплуатируютъ орочей не одни маньцзы, а также японцы и русскіе.

Важіе разсужденія г. Максимова о значеніи тазъ для края. По его мнѣнію, отъ нихъ для края очень мало надежды въ будущемъ. Ихъ край-

тателей восточной Манчжуріи, употребляющихъ для обуви и одежды выдѣланныя шкуры рыбъ».

Ср. Китайско-Русскій словарь арх. Налладія и Попова (Пекинъ, 1888 г.), стр. 148: «Да - ц зы такъ въ просторѣчій называютъ Монголовъ, съ стариннаго да - да или да - дя нъ. Въ Манчжуріи китайцы называютъ этимъ именемъ Маньчжурскія племена. мѣстное произношеніе Кя - ка - ла, изъ чего русскіе составили названіе т а з ы; эти тазы, или Кякала, прозываютъ по приморью отъ Владивостока до р. Юсэ».

ная неразвитость потребуетъ много времени и трудовъ для достиженія благоприятныхъ результатовъ. Если такого мнѣнія о тазахъ нельзя раздѣлять вполне, то несомнѣнно справедливымъ слѣдуетъ признать такое замѣчаніе г. Максимова: „Бродячіе орочи были до настоящаго времени въ полномъ забвеніи со стороны мѣстной администраціи; никто ими не интересовался, ни у кого не появилась даже мысль—поставить ихъ въ болѣе лучшее экономическое и общественное положеніе. Я даже увѣренъ, что многіе мѣстные администраторы даже не знаютъ, что подъ ихъ „просвѣщенной“ рукой бродятъ „какіе-то“ дикари, стоящіе на самой низкой ступени умственнаго развитія. Между тѣмъ и эти дикари должны заслуживать искренняго вниманія, какъ подданные нашего государства... Необходимо прежде всего употребить всѣ усилія къ тому, чтобы поднять ихъ умственное развитіе; это дѣло нашихъ миссіонеровъ; имъ предстоитъ трудная работа... Примѣръ безукоризненной жизни, энергія, неустрашимость—вотъ главныя основы, обуславливающія собою успѣхъ пропаганды среди дикихъ орочей“... Замѣчу, что въ дѣлѣ просвѣщенія тазъ единичныя усилія миссіонеровъ, даже самыхъ идеальныхъ, едва ли сдѣлаютъ много: въ данномъ отношеніи наиболѣе плодотворнымъ средствомъ является близость русскихъ поселеній.

Благосклоннѣе относится г. Максимовъ къ осѣдлымъ тазамъ. Указавъ на внѣшнее сходство ихъ съ манзами, насильное подчиненіе ихъ китайской культурѣ, на экономическую зависимость, онъ думаетъ, что при большемъ культурномъ развитіи осѣдлые орочи, или тазы, представятъ полезное населеніе края.

Слѣдуя хронологическому порядку обзорѣнія литературы о тазахъ, я долженъ былъ бы говорить о не разъ уже названномъ сочиненіи Шренка; но въ настоящей работѣ часто будетъ оно упоминаться, потому что она по существу своему является лишь детальною разработкою того, что намѣчено покойнымъ академикомъ (См. Введеніе къ труду Шренка). Поэтому переходу къ сочиненіямъ, появившимся въ свѣтъ послѣ труда Шренка.

Наиболѣе интереса представляютъ сочиненія г. Надарова: 1) „Очеркъ современнаго состоянія Сѣверно-Уссурійскаго края (Владивостокъ, 1884 г.), 2) „Матеріалы къ изученію Уссурійскаго края“ (Владивостокъ, 1886 г.) и 3) „Сѣверно-Уссурійскій край“ (С.-Петербургъ, 1887 г., оттискъ изъ XVII т. записокъ И. Р. Г. Общ.). Во второмъ изъ названныхъ сочиненій находятся краткія свѣдѣнія о тазахъ, которыхъ онъ, согласно г. Висленеву, разсматриваетъ совмѣстно съ гольдами. Онъ даже заявляетъ на первой страницѣ статьи „Инородческое населеніе Уссурійской страны“, что „отдѣльнаго племени или народа тазовъ не существуетъ; названіе это относится без-

различно какъ къ гольдамъ, такъ и къ ороконамъ (орочамъ)“. Круглою цифрою гольдовъ и тазовъ для Уссурийской страны онъ считаетъ 1900 человекъ. Но если принять во вниманіе, что цифра эта относится къ 1879 году, то едва ли г. Висленевъ смѣшалъ, подъ именемъ тазовъ, гольдовъ и ороchonъ: приведенную цифру слѣдуетъ принять за выраженіе количества тазовъ въ Уссурийскомъ краѣ.

Изъ другихъ замѣчаній г. Надарова необходимо отмѣтить слѣдующее: „Орочоны Южно-Уссурийскаго края совсѣмъ не похожи на своихъ собратьевъ въ Сѣверно-Уссурийскомъ краѣ. Первые потеряли уже свой языкъ, одежду и, въ общемъ, мало чѣмъ отличаются отъ манзовъ“ (стр. 26). Въ полномъ своемъ объемѣ подобное замѣчаніе справедливо только по отношенію къ тѣмъ тазамъ, которые родились отъ смѣшанныхъ браковъ манзъ и тазачекъ, и которыхъ г. Висленевъ неудачно назвалъ „потуйзами“.

Значительно важнѣе остальные два сочиненія г. Надарова, изъ коихъ „Очеркъ“ является прототипомъ и легъ въ основаніе сочиненія „Сѣверно-Уссурийскій край“. На стр. 73—99 послѣдняго находимъ подробныя свѣдѣнія о жилищѣ, одеждѣ, пищѣ, религіи, нравахъ и обычаяхъ ороchonъ, или тазовъ, живущихъ въ верховьяхъ правыхъ притоковъ Уссури-Хора, Бикина и Илехна; тазы морского побережья не затронуты.

Какъ плодъ личныхъ наблюденій автора, много путешествовавшего по краю, и прекраснаго знатока инородческаго населенія, книга г. Надарова является первымъ самымъ обстоятельнымъ описаніемъ тазовъ и ихъ быта, настолько обстоятельнымъ, что послѣдующіе изслѣдователи не много могли прибавить къ свѣдѣніямъ его. Къ сожалѣнію, не на всѣ вопросы, связанные съ изученіемъ быта и возрѣній извѣстнаго народа, почтенный авторъ обратилъ должное вниманіе: у него напримѣръ, нѣтъ никакого указанія на памятники народнаго творчества тазъ; нѣтъ указанія на степени родства у нихъ; приведенный въ приложеніи (№ II) списокъ 238 словъ уссурийскихъ ороchonъ не отличается ни точностью транскрипціи, ни точностью указаній, въ какой мѣстности слова записаны, отсутствуютъ и антропометрическія измѣренія. Въ небольшой брошюркѣ г. Боголюбскаго „Краткій очеркъ народовъ Амурскаго края“ (С.-Петербургъ, 1890 г.) затрогивается интересный вопросъ о распространеніи тазъ.

„Въ южной части Приморской области,—говоритъ авторъ,—живутъ тазы, родственные гилякамъ; отъ сношенія съ китайцами они заимствовали религію, земледѣліе и даже ремесла. Эти тазы, по описаніямъ китайцевъ, кочуютъ на Уссури и внутри страны къ берегу Японскаго моря. (Юй-пи-та-сузы, т. е. одѣвающиеся въ рыбы кожи).

Манзы, поселившіеся издавна въ Уссурійскомъ краѣ, оттѣснили тазовъ къ сѣверу отъ залива св. Ольги за р. Тютихэ“ (5—6 стр.). Подчеркнутыя слова ясно доказываютъ, что г. Боголюбскій не сомнѣвался въ южномъ происхожденіи тазъ.

Весьма много статистическаго и бытового матеріала о тазахъ заключаютъ въ себѣ „Труды Пріамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1895 г.“ (Хабаровскъ, 1896 г.). Матеріалъ этотъ добытъ г.г. офицерами 5-ти охотничьихъ командъ 1-й Восточно-Сибирской стрѣлковой бригады, предназначенныхъ для изслѣдованія части территоріи Уссурійскаго края, ограниченной съ одной стороны частью рр. Усури и Амура, съ другой—горнымъ хребтомъ Сихота-Алинь. Я не разъ буду пользоваться сырымъ матеріаломъ, представляемымъ отчетами объ экспедиціяхъ; но долженъ замѣтить, что учетъ тазъ, вездѣ называемыхъ ороचनाми, не вездѣ точенъ; многія важныя свѣдѣнія не добыты или пропущены вниманіемъ.

Оставляя въ сторонѣ такія изданія, какъ Живописная Россія Вольфа, Амурскій Край изд. Сытина, Географическо-Статистическій словарь Амурской и Приморской областей г. А. Кириллова и Торгово-Промышленный календарь г. Романова, заключающія свѣдѣнія справочнаго характера, упомяну нѣкоторыя статьи позднѣйшаго времени.

Не касаясь моей статейки „Угасающее племя“ („Сибирь“, 1897 г., № 35, фельетонъ), останавлиюсь на статьѣ „Перепись по бассейну р. Има“ (Дальній Востокъ, 1897 г., №№ 46—47). Хотя статья не подписана, но легко догадаться, по яснымъ намекамъ, что она принадлежитъ лѣсническому Н. А. Пальчевскому. Тутъ находимъ интересныя статистическія свѣдѣнія, добытыя переписью инородцевъ по р. Иману и притоку его Ваку. Эти свѣдѣнія значительно исправляютъ цифры, показанныя г. Альфтаномъ въ статьѣ „Общій очеркъ движенія 5 охотничьихъ командъ 2-й В.-Сибир. стрѣлковой бригады, во время экспедиціи по изслѣдованію Уссурійскаго края лѣтомъ 1894 г. (см. Труды Пріамур. Отд. И. Р. Г. Об., за 1895 г.) По переписи г. Пальчевскаго оказывается ороchonъ—въ долинѣ р. Имана—199 муж., 148 жен., кромѣ китайцевъ, гольдовъ, солоновъ, корейцевъ и маньчжуръ; въ долинѣ р. Ваку—49 муж., 34 жен., кромѣ китайцевъ, гольдовъ и корейцевъ.

Помимо статистическаго матерьяла, обращаютъ въ статьѣ вниманіе нѣкоторыя замѣчанія автора, напримѣръ, онъ аборигенамъ тайги Сихота-Алина приписываетъ такія названія: орочей (Императорская гавань), тазъ (на югъ отъ Императ. гав. до Сучана) и ороchonовъ-удэ (вѣроятно, по

Иману и Ваку?). Если исключить изъ этихъ названій ничего не выражающее въ этнографическомъ смыслѣ слово таза, то получимъ два названія, дѣйствительно существующія, хотя авторъ не разобрался, кого какимъ именемъ называютъ.

Особенно подробно трактуется въ статьѣ вопросъ объ освобожденіи оро-чонъ изъ-подъ манзовскаго ига и экономической кабалы. Рѣдко среди трактующихъ о мѣстныхъ нуждахъ встрѣтишь лицъ, которыя такъ горячо ратовали бы за русскіе интересы и за интересы обездоленныхъ и угасающихъ инородцевъ, какъ это дѣлаетъ г. Пальчевскій. Въ своемъ мѣстѣ я возвращусь къ этому вопросу и къ статьѣ г. Пальчевскаго, а пока заключу замѣчанія на его статью однимъ указаніемъ. „Данныя произведенной мною переписи,—читаемъ у него,—и разспросныя свѣдѣнія говорятъ за то, что главная масса орочей обитаетъ въ районѣ Иператорской гавани и р. Хора, сходя нѣтъ на Амуръ и отгѣснена манзами на югъ“. Замѣчаніе слишкомъ поспѣшное и противорѣчитъ истинѣ, потому что ороконы живутъ по другимъ притокамъ Уссури, и по берегу Японскаго моря, да и неясно, кого разумѣтъ г. Пальчевскій подъ именемъ орочей.

Наконецъ въ самое послѣднее время (съ 3-го №, 1898 г.) г. Пановъ началъ въ своемъ „Дальнемъ Востокѣ“ не оконченную доселѣ статью „Матеріалы къ древней исторіи Приамурскаго Края“. Попросту сказать, г. Пановъ печатаетъ въ отрывкахъ неизданный черновой дневникъ покойнаго начальника русской духовной миссіи въ Пекинѣ, извѣстнаго русскаго синолога архимандрита Палладія. Копія съ этого дневника, хранящаяся въ архивѣ Общества Изученія Амурскаго края, побывала въ рукахъ г. Панова, который весьма плохо выписалъ изъ нея цитаты. Такъ, трудно добратъ до смысла въ слѣдующей цитатѣ изъ дневника: „Кякала то же, кюла, родственно другому роду Цюли-кэ... Они захвачены маньчжурами при отцѣ его прапрадѣда“. Спрашиваю, при отцѣ чьего прапрадѣда захвачены тазы (кякала) маньчжурами? Дѣло же объясняется тѣмъ, что у Палладія въ цитированномъ мѣстѣ говорится о посѣщеніи тазы кюйсюйли. При отцѣ прапрадѣда этого тазы и произошло покореніе маньчжурами тазъ. Въ виду сказаннаго не могу довѣрять статьѣ г. Панова и обращаюсь къ самому дневнику, въ случаѣ необходимости.

Подводя итоги сдѣланному обзору литературы о тазахъ, долженъ замѣтить, что она не бѣдна количественно, да и качественно представляетъ много цѣннаго. Во всякомъ случаѣ, обзорѣніе ея позволяетъ мнѣ видѣть ясно, что сдѣлано моими предшественниками и что слѣдуетъ сдѣлать. Такъ наиболѣе обследованъ и описанъ бытъ тазъ, живущихъ по правымъ прито-

камъ р. Уссури; мало изслѣдованными являются приморскіе тазы. Вопросъ о происхожденіи тазъ послѣ Шренка никѣмъ не поднимался, хотя на такое или иное рѣшеніе его дѣлаются робкіе намеки въ статьяхъ нѣкоторыхъ авторовъ. Существуетъ большая путаница въ названіяхъ, даваемыхъ этому народу, и только разъ указывается (у г. Пальчевского) самоназваніе иманскихъ тазъ. Границы территоріи, занятой тазами, совсѣмъ перемѣшаны и рѣдко точно опредѣляются. Весьма сбивчиво излагаются религіозныя воззрѣнія.

Пользуясь трудами своихъ предшественниковъ, а равно и собранными лично въ двѣ экспедиціи матеріалами, я дѣлаю попытку поставить и послѣдно рѣшить всѣ вопросы, возникающіе при начертаніи цѣльной и полной картины прошлой и современной жизни тазъ, которые давно уже причислены къ угасающему племени.

ГЛАВА II.

Происхожденіе и названіе народа.

У бикинскихъ тазовъ существуетъ пока единственно извѣстное въ печати преданіе объ ихъ собственномъ происхожденіи. Въ виду рѣдкости произведеній творчества среди нынѣшнихъ тазовъ и въ виду особенной важности этого преданія, при рѣшеніи вопроса о происхожденіи названнаго народа, привожу его подробно.

„На Сучанѣ, лѣтъ пятьсотъ тому назадъ, — гласитъ преданіе, — царствовали сильный царь Куанъюнъ, китайской династіи. Кругомъ его царства жили сильные цари, зависимые отъ него и платившіе ему дань. Почти черезъ каждыя сто верстъ было особое царство (Бай-ли-вуванъ), и только немногія изъ царствъ были самостоятельны. Время тогда было хорошее; урожаи большіе; погода всегда стояла ясная, теплая; болѣзней не было.

У Царя Куанъюна былъ племянникъ, который жилъ въ крѣпости, въ мѣстности Санда-гу, пор. Улахъ (выше р. Ноту). Семья племянника состояла изъ жены Хунлоню и сестры ея Люлоню, — обѣ писанныя красавицы; всѣ удивлялись ихъ красотѣ.

Тамъ, гдѣ великая китайская стѣна подходитъ къ морю, на каменной скалѣ стоитъ храмъ въ честь святой женщины — китайки Мындзя-ню, сохранившей до конца своей жизни супружескую вѣрность. Однажды жена племянника Хунлоню собралась поѣхать въ Храмъ Мындзя-ню поклониться

святой женщины, но передъ отъѣздомъ, черезъ ворожею, она узнала, что на обратномъ пути ей и ея мужу грозитъ большая опасность отъ дяди Куанъюна, который былъ большой развратникъ и любитель красивыхъ женщинъ.

Передъ отправленіемъ въ дорогу, племянникъ заявилъ женѣ, что на обратномъ пути имъ предстоитъ ѣхать мимо дяди и необходимо завернуть къ нему погостить. Хунлоню начала отговаривать мужа не заѣзжать къ дядѣ, но онъ не сталъ ее слушать и согласился исполнить лишь три условія, которыя она ему, наконецъ, поставила: 1) по пріѣздѣ къ дядѣ, коней не разсѣдывать, 2) водки не пить и 3) если ихъ ночь застигнетъ у дяди, ложиться не раздѣваясь. Мужъ обѣщался ей выполнить эти условія. Тогда Хунлоню, вынуть серьги, одѣвшись по-мужски и заплетя волосы въ одну косу, отправилась въ дорогу съ мужемъ и небольшимъ отрядомъ.

„Солнце уже склонялось къ западу, когда они на обратномъ пути подѣхали къ дядиному дому. Куанъюну дали знать о пріѣздѣ племянника, и онъ, выйдя ему навстрѣчу, сталъ очень уговаривать его зайти въ домъ и отдохнуть. Племянникъ согласился, вошелъ къ нему; но, помня завѣтъ жены, не велѣлъ разсѣдывать коней.

Куанъюнъ усадилъ племянника на почетное мѣсто, сталъ его угощать и разспрашивать про путешествіе. Племянникъ, порядочно уставшій за дорогу, выпилъ поднесенную ему чарку и захмелѣлъ, а тутъ ужъ и забылъ совсѣмъ, что обѣщался своей женѣ не пить водки. И дядя и племянникъ сильно выпили, когда наступила ночь. Во время пира Куанъюнъ обратилъ вниманіе на красиваго прислужника у племянника и спросилъ: „какъ тебѣ приходится этотъ человѣкъ?“ Племянникъ, забывъ, что обѣщалъ женѣ не выдавать ее, спьяна сказалъ было: „Моя—жена;“ но опомнился и сейчасъ же поправился: „это моей жены братъ“. Но было уже поздно: Куанъюнъ догадался, что это жена племянника и намѣревался теперь завладѣть ею. Онъ началъ спаивать племянника, а самъ ничего не пилъ. Наконецъ, до того напоилъ племянника, что онъ тутъ же заснулъ. Видя что племянникъ, мертвецки пьяный, уже спитъ, Куанъюнъ схватилъ жену его и сталъ ее цѣловать.

„Возмущенная Хунлоню выхватила саблю и отрубила дядѣ голову, а затѣмъ въ досадѣ на мужа, что онъ забылъ свое обѣщаніе, и ему отсѣкла голову. Кликнувъ свою стражу, она сѣла на коня и поскакала домой къ своей сестрѣ Лю-ло-ню. Но векорѣ войска Куанъюна бросились въ погоню за ними и настигли ихъ, такъ какъ кони у нихъ были уже измучены за дорогу. Видя свою неминуемую гибель, Хунлоню оторвала кусокъ отъ своей одежды и, укусивъ палецъ, кровью написала своей сестрѣ о всемъ случившемся. Затѣмъ

привязала письмо къ гривѣ, пустила свою чудную бѣлую лошадь домой, а сама себя заколола кинжаломъ. Отрядъ ея былъ весь перебитъ Куанъюновою стражею.

„Получивъ извѣстіе о гибели сестры и ея отряда, Лю-ло-ню собрала войска и направилась въ царство Куанъюна отомстить за нихъ. Это происходило въ самые жаркіе дни, лѣтомъ. Дойдя до рѣки Даубихэ, Лю-ло-ню послала одного вельможу посмотреть, стала ли рѣка. Тотъ пошелъ и принесъ отвѣтъ, что рѣка не стала. Ему отрубили голову и послали другого, но и этотъ принесъ тотъ же отвѣтъ; тогда и его постигла таже участь. Такъ казнили человѣкъ десять. Наконецъ, одинъ изъ посланныхъ думаетъ себѣ: „все равно отрубятъ голову, скажу, что рѣка стала.“ Такъ и сказалъ. Дѣйствительно, когда подошли къ берегу, ледъ покрылъ всю рѣку. Отрядъ перешелъ по льду черезъ Даубихэ и, дойдя до города, гдѣ жилъ Куанъюнъ, разбили на голову непріятельское войско. Оставшихся въ живыхъ, а также и всѣхъ жителей Лю-ло-ню приказала казнить, даже дѣтей не пощадила. Только одна дѣвочка спаслась. Хотя за нею и погнались, но она все увертывалась. Всячески старались ее подманить, но она не подходила близко. Тогда Лю-ло-ню спросила ее: „Какъ же ты одна будешь жить, вѣдь умрешь съ голоду или замерзнешь?“ На это дѣвочка отвѣчала: „Какъ буду жить, чѣмъ буду питаться — не ваше дѣло; проживу какъ-нибудь и безъ васъ; деревья закроютъ меня, а земля и вода дадутъ мнѣ пищу.“

„Когда всѣ уѣхали, оставивъ дѣвочку одну, она поймала въ лѣсу медвѣженку и стала съ нимъ жить, питаясь рыбою, медомъ и кореньями“. Отъ нихъ и произошло потомство, называемое тазами (=орочонами) [См. Труды Приамур. Отд. за 1895, ст. г. Альфтана „Инородческое населеніе по притокамъ Уссури рр. Бикину, Иману и Ваку“, 38—39 стр.].

Если отбросить въ приведенномъ преданіи обычные аксессуары, коими фантазія народная украшаетъ старину стародавнюю, то легко видѣть, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ историческимъ фактомъ.

Въ неизданныхъ „Дорожныхъ замѣткахъ“ архимандрита Палладія подъ 19 іюля (1870 г.) читаемъ слѣдующую, къ сожалѣнію, не вполне ясную запись: „Сучэнь—городище, бывшее резиденціей гиньскаго Вуцзу. Сынъ Вуцзу Куанъ-юнъ, имѣвшій двухъ женъ Хуньло и Луло, которыя спасли его, когда онъ поѣхалъ высмотрѣть, не хочетъ ли возмутиться его дядя. Сучэнь не позволяетъ у себя ночевать... Иные говорятъ, что тамъ возсѣдалъ танскій государь, ужъ не сунскіе ли государи сидѣли тамъ? Таны уничтожили дацзы. Шуанъ-чэнь (Никольское) есть мѣсто-

пребываніе племянника или потомка Ликэюна..., который жилъ здѣсь въ изгнаніи 40 лѣтъ“...

Сходство именъ преданія и мѣстъ съ таковыми же записи у архим. Палладія даетъ основаніе видѣть въ первомъ не одну игру народной фантазіи. Еще большую историческую цѣну даютъ ему нѣкоторыя детали, сближающія его съ бытующими среди тазовъ и понынѣ воззрѣніями. Такъ, и понынѣ тазы обожаютъ медвѣдя, и понынѣ среди нихъ живутъ преданія, что въ старину дѣвушки,—правда, во снѣ,—имѣли половыя сношенія съ медвѣдемъ и рожали отъ него дѣтей.

Слѣдуя этому преданію, необходимо признать, что первоначальною родиною тазъ былъ югъ, Сучанъ — мѣсто первоначальнаго поселенія ихъ, откуда они, подъ вліяніемъ ли напора со стороны другихъ народовъ, подъ вліяніемъ ли перемѣнъ, производимыхъ челонѣкомъ въ первобытной природѣ, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, двигались далѣе на сѣверъ.

Для архим. Палладія, очевидно, южное происхожденіе тазъ было внѣ сомнѣнія, какъ это видно изъ словъ, взятыхъ мною эпиграфомъ къ настоящему сочиненію. За южное происхожденіе тазъ высказался и другой авторитетъ по изученію инородцевъ Приамурскаго края академикъ Шренкъ. По его мнѣнію, распространеніе тазъ шло съ юга, съ границъ Кореи и верховьяхъ Уссури и исподоволь подвигалось вдоль берегового хребта и морского берега.

Г. Штернбергъ въ своемъ сообщеніи „Объ орочахъ Императорской гавани“, доложенномъ въ музеѣ Общества Изученія Амурскаго края 1-го ноября 1896 г., пытался опровергнуть установленное Шренкомъ мнѣніе о южномъ происхожденіи орочей. Онъ пытался доказать¹⁾, что орочи явились съ сѣвера, съ низовьевъ Амура, а не съ юга, и въ старину были оленеводами. Для аргументаціи въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, онъ обращается сперва къ разсмотрѣнію географическаго распредѣленія поселеній орочей. Селенія эти расположены большею частью въ устьяхъ рѣкъ, но фактически они занимаютъ всю страну до хребта Сихота-Алгена, такъ какъ охота и рыбная ловля вызываютъ среди нихъ постоянныя перекочевки по всей системѣ рѣкъ, ими обитаемыхъ, а по р. Тумни встрѣчается цѣлый рядъ постоянныхъ ороцкихъ селеній, въ среднемъ и верхнемъ ея теченіи. Даже при бѣгломъ взглядѣ

¹⁾ При изложеніи мнѣнія г. Штернберга и доказательствъ, пользуюсь отчетомъ газеты «Владивостокъ», къ которой авторъ доклада стоялъ близко (№№ 47, 48, 50 и 51 за 1896 г.).

на территорію орочей нельзя не обратить вниманія на тотъ фактъ, что рѣки, протекающія по этой территоріи, сближаются своими верховьями съ системой Амура и Усури, и что хребетъ Сихота-Алинъ, кажется, служить скорѣе соединяющимъ звеномъ, нежели преградою между отдѣльными частями ихъ поселеній. Уже по одному этому можно предположить, что система Амура и Усури были, если не родиной, то переходнымъ пунктомъ для нынѣшнихъ обитателей татарскаго побережья. Это живое сообщеніе между обитателями западнаго и восточнаго склоновъ Сихота-Алина наблюдается и въ наше время, и случаи переселенія съ одного склона на другой составляютъ обычное явленіе. „Наблюдая переселенія орочей въ настоящее время, — говоритъ г. Штернбергъ, — по аналогіи мы можемъ заключить, что именно съ низовьевъ Амура и притоковъ Усури постепенно спускались тѣ одинокія семьи, которыя въ послѣдствіи составили племя орочей“.

Вторымъ доказательствомъ сѣвернаго происхожденія орочей служатъ сохранившіяся среди нихъ (с. Дата нар. Тумни) преданія о томъ, что они когда-то были оленеводами. Наконецъ, о переселеніи орочей съ сѣвера свидѣтельствуетъ устройство юртъ и дѣтской колыбели.

Какъ легко замѣтитъ читатель, ни одинъ аргументъ г. Штернберга не отличается необходимою убѣдительностью, и его смѣлая гипотеза о сѣверномъ происхожденіи орочей падаетъ сама собою.

Во-первыхъ, логика учить, что аналогія не есть научное и прочное основаніе, тѣмъ болѣе аналогія отъ настоящаго къ далекому прошлому. Во-вторыхъ, мало пользы приносятъ рѣшенію вопроса о происхожденіи народа данныя, взятые изъ современнаго быта орочей; при несохраненіи орочами племенной чистоты, что можетъ доказать устройство дѣтской колыбели, особенно, если принять во вниманіе, что у нихъ имѣются колыбели двухъ типовъ?

Въ-третьихъ, вопросъ о происхожденіи орочей можно рѣшить только на исторической почвѣ, на основаніи историческихъ данныхъ, которыми совершенно пренебрегъ г. Штернбергъ. Эти-же данныя говорятъ противъ мнѣнія послѣдняго.

Такъ, въ японскомъ сочиненіи „San kokt tsou ran to sets“, переведенномъ Клапротомъ, говорится, что въ XVI-столѣтіи японскія войска, преслѣдуя корейскихъ принцевъ, проникли чрезъ всю провинцію Хамъ-кьонъ, за Киль-чу, до Тюменъулы и здѣсь вступили въ страну Оронкай (китайское чтеніе У-лянъ-хай). Точно также іезуитскіе миссіонеры, посѣтивъ въ 1709 г. устье Суйфуна и мѣстность нынѣшняго Никольскаго, называютъ мѣстныя племена тазами. „Все это, — справедливо замѣчаетъ г. Пановъ, у котораго мы заимствовали приводимыя свѣдѣнія, и названіе „Оронкай“, и „тазы“,

и сравнительная густота ихъ на югѣ (здѣсь японцы, по ихъ исторіи, взяли оронкайскую столицу и сожгли 9 другихъ городовъ) — вполне согласуется съ указаніемъ Шренка, что орочи (оронкайцы) распространялись именно съ юга (См. Дальній Востокъ 1896 г., № 114).

Мои личныя наблюденія и разспросы во время экспедиціи на Сучанъ и во время переписи инородцевъ по побережью Татарскаго пролива приводили къ тому, что и нынѣ происходитъ отчасти движеніе тазовъ съ юга, съ долины р. Та-Судухэ, на сѣверъ, въ долины рр. Та-ухэ, Пху-сунъ, Вай-фудинъ, Тазуши и др.

Въ виду сказаннаго, признаю доселѣ остающимся въ силѣ мнѣніе арх. Палладія и академика Шренка о южномъ происхожденіи тазовъ.

Больше затрудненій для своего рѣшенія представляетъ вопросъ о названіи народа, служащаго предметомъ настоящей монографіи.

Арх. Палладій по этому поводу высказалъ нѣсколько предположеній, называя тазовъ Кіакала или Кякала и отождествляя ихъ съ Куяла, самымъ крайнимъ на югѣ маньчжурскимъ родомъ, обитавшимъ по лѣвому берегу рѣки Тюмень-Ула.

Ав. Шренкъ, удѣлившій этому трудному вопросу нѣсколько страницъ въ названномъ классическомъ трудѣ (139—144 стр.), приводитъ слѣдующія названія: Та-цзе, Та-чже и Та-че (русское Тазы), названія китайскія, равно какъ Кіакала и Гокела; гольды называютъ тазъ — „Кэкаръ“ и „Ламука“. Затѣмъ слѣдуютъ различныя искаженія имени „Кіакала“, даннаго тазамъ въ китайской государственной географіи династіи Цинъ: „Къя-кара“, „Къэхкалъ“, „Кэкалъ“.

Наконецъ, есть еще названіе „Орочи“, данное Лаперузомъ и вошедшее во всеобщее употребленіе, и „Орочоны“, не менѣе часто встрѣчающееся въ русскихъ сочиненіяхъ о тазахъ. Академикъ Шренкъ совершенно отвергаетъ названіе „Орочи“. „Лучше всего было-бы, — говоритъ онъ, — вовсе бросить названіе „Орочи“ и замѣнить его какимъ-нибудь другимъ, хотя-бы названіемъ „Кэкаръ“, или тѣмъ, которое они даютъ себѣ сами, если только существуетъ такое названіе, общее у всѣхъ орочей и тазовъ отъ залива Де-Кастри до Суйфуна. До сихъ поръ, однако, еще совершенно неизвѣстно, какъ называютъ орочи сами себя“.

Еще менѣе, чѣмъ названіе „Орочи“, идетъ названіе „тазы“, „тацзы“ и т. п., коимъ китайцы, вслѣдствіе плохого знакомства съ этнографіей окраинъ Амура, коллективно обозначали тунгузскія племена или, по выраженію Риттера, „смѣсь народовъ“ на сѣверо-востокѣ Азіи.

Не рѣшивъ, такимъ образомъ, окончательно вопроса о названіи тазъ и оставшись при общеупотребительномъ „орочи“, акад. Шренкъ въ то же время далъ толчекъ къ дальнѣйшимъ попыткамъ разобраться въ этомъ вопросѣ. Многихъ изъ послѣдующихъ этнографовъ, изучавшихъ инородцевъ Приамурскаго края, интересовалъ вопросъ: „какъ называютъ сами себя орочи?“

Послѣдняя попытка рѣшить этотъ вопросъ принадлежитъ г. Штернбергу, который пришелъ къ слѣдующему заключенію: народъ, извѣстный въ этнографіи подъ именемъ орочей, самъ себя зоветъ „нана“=„нани“. Подъ вліяніемъ прозвищъ, данныхъ сосѣдями, это племя называетъ себя часто, особенно передъ другими, „ороча“, на крайнемъ югѣ—кэха, кэра, хыды, тазы и пр. (См. „Владивостокъ“, 1896 г., № 47-й).

Но слово „нани“, служащее, по мнѣнію г. Штернберга, самоназваніемъ орочей, оказалось слишкомъ широкимъ терминомъ, охватывающимъ и гольдовъ, и мангунъ, и ороковъ; поэтому его нельзя предпочесть названію „орочей“, имѣющему болѣе тѣсный и опредѣленный смыслъ.

Какъ мнѣ кажется, ближе всѣхъ къ рѣшенію вопроса стоялъ удивительно прозорливый архимандритъ Палладій. Въ разныхъ мѣстахъ неизданныхъ „Дорожныхъ замѣтокъ“ у него встрѣчаемъ интересныя по этому поводу замѣчанія. Такъ, подъ 21 іюня 1871 г. читаемъ: „Арочи (т. е. орочи) несомнѣнно мангуны; по преданію, нѣкогда у нихъ были олени¹⁾, но всѣ померли отъ заразы; они боятся кѣкаровъ (т. е. тазъ). Медвѣды у нихъ Мафѣ²⁾, тигръ амба, у тазовъ—тасха“. Такимъ образомъ, здѣсь архм. Палладій ясно различаетъ орочей и тазъ, считая ихъ особыми народами. Подъ 16 мая 1870 г., будучи въ заливѣ св. Ольга, архим. Палладій заноситъ въ дневникъ слѣдующее: „По мнѣнію Борисова (кажется хозяинъ-капустоловъ, скупавшій у тазъ соболей), далѣе дацзы живутъ орочоне, дацзы же одного племени съ гольдами“. Тутъ ужъ ясно противоположеніе тазъ орочамъ или орочонамъ.

Свѣдѣніями арх. Палладія слѣдуетъ дорожить, потому что они собраны человекомъ, вполне подготовленнымъ къ изученію народовъ Приамурья. Если бы послѣдующіе этнографы были столь же внимательны къ изучаемымъ народамъ, какъ арх. Палладій, то акад. Шренкъ давно бы рѣшилъ столь запутанный теперь вопросъ о самоназваніи тазъ.

Лѣтомъ 1897 г. мнѣ надо было переписать инородцевъ по побережью Татарскаго пролива отъ р. Коппи на сѣверѣ до бухты Терней на югѣ, или до р. Санденбея. На р. Коппи мною былъ взятъ переводчикомъ Сергѣй

¹⁾ Г. Штернбергъ въ упомянутомъ сообщеніи тоже самое доказывалъ объ орочахъ Императорской гавани и зал. Де-Кастри.

²⁾ Такъ и теперь называютъ медвѣда орочи Императорской гавани.

Тугинѹ, о рочонѣ, какъ онъ самъ себя называлъ¹⁾), хорошо знавшій языкъ жителей р. Коппи и другихъ, живущихъ сѣвернѣе до устья Амура, и довольно свободно объяснявшійся по-русски. Оказавъ мнѣ большую услугу на р. Коппи и ея притокахъ, этотъ переводчикъ оказался менѣе пригоденъ на р. Ботчи и другихъ на югъ, до того непригодны стали его услуги, какъ переводчика, что я принужденъ былъ взять еще одного переводчика, знавшаго тазовскій языкъ и китайскій, такъ что я говорилъ Тугину по-русски, онъ мою рѣчь переводилъ тазу по-китайски, тотъ эту рѣчь переводилъ по-тазовски жителямъ и передавалъ по-манзовски Тугину, который мнѣ говорилъ уже по-русски. Когда я на р. Ботчи обратился за разъясненіемъ, почему Тугину плохо передаетъ мнѣ рѣчь жителей, то переводчикъ и одинъ тазъ, знавшій немного по-русски, объяснили мнѣ, что отъ р. Коппи до Императорской гавани и сѣвернѣе живутъ „орочоны“, которые носятъ одну косу; а съ р. Ботчи на югъ, на р. Самарга и другихъ, живутъ „удиһэ“, которыхъ китайцы называютъ „тазы“, они носятъ двѣ косы.

Дѣйствительно, всюду по берегу Татарскаго пролива и Японскаго моря встрѣчавшіеся мнѣ аборигены страны говорили однимъ языкомъ, называли себя однимъ именемъ „удиһэ“, варьируя его въ произношеніи—удеэ, удэ. Такимъ образомъ, самоназваніемъ приморскихъ инородцевъ, начиная съ р. Ботчи на югъ до р. Та-Судухэ, слѣдуетъ признать названіе удиһэ (я обозначаю латин. буквою звукъ, для начертанія котораго нѣтъ въ русскомъ алфавитѣ буквы). Удивительно, что тоже самое находимъ и въ дневникѣ арх. Палладія. Подъ 19 іюня 1871 г. читаемъ: „Арх. Григ. Петровъ сдѣлалъ переѣздъ отъ Семеновской гавани къ верховьямъ Хунгари и по Хунгари (гдѣ гиляки); отъ рѣки же Ыкки (=Ботчи), на югъ начинается племя кѣкаръ... Указавъ рѣку Ыкки начальнымъ пунктомъ поселенія „кѣкаръ“ (=тазы) на сѣверѣ, арх. Палладій точнѣе опредѣлялъ ихъ мѣстожителство, назвавъ и другія рѣки. Такъ, подъ 16 мая 1871 г., говоря о тазахъ (дацзахъ) залива св. Ольга, онъ пишетъ: „Эти дацзы обитаютъ далѣе по рѣкамъ Дацзышу¹⁾, Чжучжихэ²⁾, Яочжихэ³⁾, Шенъ-Кебѣ⁴⁾, Кэма и въ двухнедѣльномъ пути отъ села рѣки Кунъху⁵⁾. Языкъ обитающихъ на послѣдней ему (т. е. тазѣ Кюйсѣили) непонятенъ“.

¹⁾ Замѣчу здѣсь, что на р. Коппи всѣ называли себя «орочонами», плохо соглашавъ съ названіемъ «орочи». Слышалъ я и другое названіе, въ смыслъ собирательнаго: мой переводчикъ Тугину говорилъ часто: «на такой-то рѣкѣ много—много шляка живи», а тамъ жили орочоны или тазы. Другихъ названій мнѣ не говорили, не знали.

¹⁾ т. е. Тазуши (Лефузе); ²⁾ Тютиха; ³⁾ Яудиху; ⁴⁾ Санхабэ или Санденбея, впадающая въ бухту Терней; ⁵⁾ Кэма и Кумгу не могу съ точностью переложить на современную географическую номенклатуру, но я не разъ слышалъ названія этихъ рѣкъ и переписалъ живущихъ по нимъ удиһэ. На существующихъ картахъ даны иныя названія рѣкамъ, чѣмъ даютъ имъ аборигены.

Зная границу поселеній тазъ по морскому берегу, мы узнаемъ изъ того же источника и границу сухопутную, на западъ отъ побережья. Въ отрывкѣ, взятомъ въ эпиграфъ къ настоящему изслѣдованію, ясно сказано, что тазы, или кякала, жили по верховьямъ рѣкъ, впадающихъ въ Уссури. Дѣйствительно, г. Пальчевскій, переписывая инородцевъ по рр. Иману и Ваку, узналъ, что орочны, живущіе „по вершинамъ правыхъ притоковъ р. Уссури“, называютъ себя „удэ“. Такимъ образомъ новѣйшія тщательныя изслѣдованія оставили внѣ сомнѣнія вопросъ о само-названіи тазовъ. Это особый народъ, называющій себя уди́нэ или удэ, занимающій и понынѣ тѣ мѣста, которыя указаны для него архим. Палладіемъ, объѣхавшимъ часть территоріи тазъ и весьма интересовавшимся изученіемъ этого народа. Само собою разумѣется, что уди́нэ, расселившись по многимъ рѣкамъ, впадающимъ въ Японское море и раздѣленнымъ продольными складками Сихота-Алина, могли образовать нѣкоторое разнообразіе говоровъ. Этимъ, думаю, можно объяснить замѣчаніе арх. Палладія, что тазу Кюйсюили непонятенъ языкъ уди́нэ, обитающихъ по р. Кумгу. И въ настоящее время языкъ жителей правыхъ притоковъ р. Уссури, Ботчи, Самарга, Та-Судухэ и др. представляетъ нѣкоторое разнообразіе, но послѣднее сводится скорѣе къ произношенію, чѣмъ къ словообразованію. Для примѣра укажу нѣсколько словъ: солнце-с-у́ Уссури и Иа-Судухэ), шу или шю (Ботчи, Самарга, Нахту и др. р.), шунъ (зал. св. Ольга изъ дневника арх. Палладія); гора-у-а́ (Уссури), у-а́ (Ботчи, Самарга и др. р.), гоу (св. Ольга у Палладія).

Выше мною было сказано, что мой переводчикъ, хорошо говорившій по-орочонски на р. Коппи, въ Императорской гавани и т. д., плохо понималъ жителей рр. Ботчи, Самарга и др. рѣкъ, впадающихъ въ Японское море южнѣе. Плохое пониманіе ясно указываетъ, что хотя тазы, или уди́нэ, являются инымъ народомъ, чѣмъ орочны Императорской гавани, зал. Де-Кастри, р. Тумнинъ, однако, какъ одноплеменные, имѣютъ нѣчто общее. Для убѣдительности привожу здѣсь параллельно нѣсколько числительныхъ именъ и другихъ словъ, записанныхъ мною у жителей рр. Коппи, Ботчи, Самарга и Нахту (или Нахтуху).

Русскія.	р. Коппи и Май- дата.	р. Ботчи.	р. Самарга.	р. Нахту.
Одинъ	омѹ	омоцѹ	омѹ и оmozѹ	омѹ
Два	дѹ	дѹ	дзиѹ или дзѹрь	джѹ
Три	эла	эла	эла	эла
Четыре	ды или дѣи	дн̄(и долгое)	ды (ы долгое)	ды
Пять	тунга	тунга	тунга ¹⁾	тунга ²⁾
Шесть	нюмѹ	нюмѹ	нюмѹ	нюмѹ
Семь	нада	ната	нада	нада
Восемь	джикъѹ или джантѹ	джактѹ	джакупѹ или джагипѹ	джякупѹ
Девять	хуѹ	јѣй	јѣй	јей
Десять	дъа	дча или джа	джѣ или дза	джѣ
Одиннадцать	джѣмѹ	джамѹ	джа-омѹ	джѣ-амѹ
Двенадцать	дѣнѣдѹ	джадѹ	джа-джѹ	джѣ-дѣѹ
Двадцать	ой	уай	уай	ојѣ
Двадцать одинъ	ой-омѹ	уамѹ	уай-омѹ	ојамѹ
Тридцать два	гутѣ-дѹ	эладжадѹ	эладза-джѹ	эладза джѹ
Сорокъ	дыньдѣ	диджа	дыджѣ или дычѣя	дыдза
Сто	омѹ-тангѹ	омѹ-тангѹ	омѹ-тангѹ	дзадза(=омѹ) танга
Двѣсти	дѹ-тангѹ	дѹ-тангѹ	дѹ-тангѹ	джу-тангѹ
Тысяча	омѹ-мѣнга	оминѣга	оминѣга	оминѣга
Отецъ	аманѣ	абугѹ	абунѣ	абунѣ
Мать	анимѣй	анига	анинѣ	аниннѣ
Сестра	хонадѣ	ока	старшая—онгѹ младшая—нокѹ	онадѹ
Братъ	ахлимѣй	старшій—ахалуѹ младшій—накогунѣ	ага	андѹ
Сынъ	хитанѣ	хитѣ	хитѣй или астѣй	хитѣмѣй
Дочь	хамѣхитанѣ	ситѣ	аджинѣ	хитѣмѣй
Мужъ	адѣнѣ	манѣй	адѣй	мафѣ
Жена	хампѣ	мамачѣй	мамазѣн	аханѣѣй
Олень	эдаъкѣ	игдахкѣ	ѹ	итѣтѣ слова (не знаютъ оленя)
Собака	энахкѣ	инай или пѣй	энѣй	инай
Хорошій	айѣ	аѣйѣ	аѣанѣй	аѣанѣй
Худой	уннѣ	гаѣанѣ	гоѣонѣй	гоѣоннѣѣ
Короткій	умѣ	омозѣ	омозѣ или омонѣ	умаза
Старый	ноонтѣ	мафасѣ	сагденѣтѣ	сагбинѣтѣ
Слушаю	догдѣвѣ	—	догдѣмѣ	дугдѣ
Говорю	бидыганивѣ	бинанамѣ	бидагаѣйѣ	динандѣ.

¹⁾ Недостающія буквы беру изъ латинскаго алфавита.

²⁾ Знакъ \sim , поставленный надъ *nh* или *ng*, означаетъ, что звуки *h* и *g* слѣдуетъ произносить съ носовымъ призвукомъ.

Нѣкоторые имена числительныя, а другія части рѣчи въ особенности, кажется, ясно свидѣтельствуютъ, что, при сходствѣ, жители рр. Ботчи, Самарга, Нахту, по языку ближе другъ къ другу, чѣмъ жители р. Коппи и другихъ болѣе сѣверныхъ мѣстъ. Если прибавить, что уди́нэ, какъ засвидѣтельствовано и г. Маргаритовымъ (у него шамаргинскіе орочи), по физическому типу нѣсколько разнятся отъ орочей Императорской гавани, то смѣло можно утверждать, что тунгузскій народецъ, извѣстный до сихъ поръ подъ именемъ тазъ, есть особое племя орочей или ороchonъ, носящее особое названіе. Основаніемъ къ такому утвержденію служить для меня то, что при рѣшеніи вопроса о причисленіи какого-либо народа къ опредѣленному племени главную роль играютъ физическія свойства и языкъ (Шренкъ, *Op. cit.*, 203 стр.). По моему мнѣнію, языкъ и физическія свойства тазъ таковы, что ихъ слѣдуетъ считать особымъ народомъ, имѣющимъ свое самоназваніе уди́нэ и противопоставляющимъ себя ороchonамъ Императорской гавани и другихъ болѣе сѣверныхъ мѣстъ. Этимъ-то тазамъ, или уди́нэ, и посвящена настоящая монографія.

Г Л А В А III.

Географическій очеркъ территоріи Уди́нэ и ея физическія свойства.

Народъ уди́нэ занимаетъ въ настоящее время часть Приморской области въ слѣдующихъ границахъ: на сѣверѣ—р. Ботчи, отъ устья до верховьевъ, теряющихся въ горныхъ складкахъ берегового хребта, извѣстнаго подъ именемъ Сихота-Алинь; на югѣ—рѣка Та-Судухэ съ правымъ притокомъ Сяо-Судухэ и бухта Находка; на западѣ—поселенія уди́нэ простираются за береговой хребетъ Сихота-Алинь и по рр. Хору, Бикину и Иману доходятъ до р. Уссури; на востокѣ страну ихъ омываютъ непривѣтливныя и бурныя воды Японскаго моря съ Татарскимъ проливомъ.

Таковы, въ общемъ очеркѣ, предѣлы территоріи, на которой тамъ и сямъ, сплошными поселеніями и разбросанно, вперемежку и вперемѣшку съ другими инородцами—гольдами, ороchonами, маньчжурами и китайцами,—обитаютъ нынѣ уди́нэ. Такимъ образомъ, послѣдніе занимаютъ своими постоянными и временными жилищами большую часть Зауссурийскаго края ¹⁾, въ сто слишкомъ тысячъ квадратныхъ верстъ.

¹⁾ Я вношѣ присоединяюсь къ мнѣнію геолога Д. В. Иванова, что дѣленіе Приморской области на Сѣверно-и Южно-Уссурийскій край искусственно и не имѣетъ никакого физико-географическаго основанія. См. его брошюру «Основныя черты оро-геологическаго строенія хребта Сихота-Алина» (Записки пріамур. Отд. И. Р.-Г. Общ., т. I, вып. 3).

Обширный Зауссурийскій край можно по справедливости назвать горною страной. Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ равнины на юго-западѣ его при озерѣ Ханка до прирѣчныхъ низменныхъ пространствъ вдоль праваго побережья рр. Уссури и Амура, онъ представляетъ сильно расчлененную гористую поверхность. „Собственно говоря,—справедливо замѣчаетъ геологъ Ивановъ,—даже нельзя провести строгой границы, гдѣ горная область на западѣ смѣняется равниною, такъ какъ среди послѣдней довольно часто встрѣчаются разбросанными отдѣльно стоящіе хребты и сопки, которые, по мѣрѣ движенія въ глубь страны, увеличиваясь въ числѣ, мощности и скученности, постепенно и незамѣтно сливаются съ предгоріями Сихота-Алина“ (Ор. cit., стр. 49).

Главная возвышенность Зауссурийскаго края, въ предѣлахъ территоріи Удиіа, Сихота-Алиня, вопреки сложившемуся мнѣнію, является не обособленнымъ массивнымъ хребтомъ, а имѣетъ видъ цѣлаго ряда параллельныхъ складокъ, имѣющихъ общее сѣверо-восточное направленіе и заполняющихъ собою весь край отъ моря до береговъ р. Уссури. Также вопреки сложившемуся мнѣнію, сѣверо-западные склоны Сихота-Алина представляются болѣе высокими и крутыми, чѣмъ юго-восточные, т. е. обращенные къ Японскому морю и Татарскому проливу ¹⁾. Имѣя въ среднемъ не болѣе 3—3½ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, складки Сихота-Алина мѣстами достигаютъ значительной высоты, напримѣръ, гора Голая, верстахъ въ десяти сѣвернѣе мыса Олимпіада. Прорѣзанныя глубокими рѣчными долинами вкрестъ своему протяженію, складки кряжа ясно дробятся на рядъ отдѣльныхъ вытянутыхъ хребтовъ съ характерными макушками—гребнями конической формы („сопки“). Сѣверо-сѣверо-восточному направленію главныхъ складокъ Сихота-Алина соответствуетъ направленіе долинъ, по которымъ течетъ большинство рѣкъ этого края. Только на западномъ склонѣ хребта долины рѣкъ имѣютъ различныя направленія—сѣверо-восточное, юго-западное и др. Что касается береговой полосы территоріи удиіа, то она характеризуется въ позднѣйшихъ чисто научныхъ сочиненіяхъ такъ. „Все наше побережье Сѣверо-Японскаго моря и Татарскаго пролива, по характеру своихъ береговъ, можетъ быть легко подраздѣлено на двѣ, совершенно различныя другъ отъ друга, части: южную, отъ залива Петра Великаго до залива св. Ольги, богатую бухтами и заливами, съ сильно развитой береговой линіей, и сѣверную, большую часть, отъ залива св. Ольги до залива Де-Кастри, отличающуюся недоступ-

¹⁾ «Мнѣніе, что гористость страны достигаетъ наибольшей своей интенсивности со стороны Татарскаго пролива и Сѣверо-Японскаго моря, зависитъ исключительно отъ рѣзкаго контраста горнаго ландшафта, сравнительно съ морской поверхностью, такъ какъ здѣсь горные хребты непосредственно обрываются въ море... (Ивановъ, ор. cit., 49 стр. примѣч. 2).

ностью своих береговъ и почти полнымъ отсутствіемъ сколько-нибудь значительныхъ бухтъ и заливовъ, за исключеніемъ развѣ только одной на всемъ этомъ протяженіи прекрасной фіордообразной Императорской гавани. Эта разница въ характерѣ береговъ обуславливается, главнымъ образомъ, орографическими особенностями страны; здѣсь на всемъ протяженіи береговой линіи тянется горная цѣпь хребта Сихота-Алина, которая крайними своими отрогами совпадаетъ съ направлениемъ берега; мѣстами же эти отдѣльныя параллельныя цѣпи горъ на юго-востокъ какъ бы обрываются прямо въ море и тогда даютъ начало ряду бухтъ и заливовъ... Америка, св. Ольга, св. Владимиръ и др.“ (Ивановъ, *Op. cit.*, 35).

На сѣверѣ отъ залива Св. Владиміра морскіе берега представляютъ почти непрерывные береговые хребты, параллельные береговой линіи моря, изрѣдка прерываемые горными рѣчками. Эти рѣчки являются единственно возможными путями для мѣстныхъ жителей, которые по нимъ переваливаютъ даже черезъ хребетъ Сихота-Алинъ, выходя на верховья р.р. Имана, Хора, Бикина и др. притоковъ Усури ¹⁾).

Зауссурійскій край богатъ водами, принадлежащими къ двумъ бассейнамъ: къ бассейну р. Амура и къ бассейну Японскаго моря и Татарскаго пролива.

Изъ рѣкъ Амурскаго бассейна по территоріи удіи²⁾ протекаютъ три большихъ правыхъ притока р. Усури—Хоръ, Бибинъ и Иманъ, съ своими многочисленными притоками ³⁾).

Рѣка Хоръ (кит. Маньчжунск. *Хорон*) вытекаетъ изъ того горнаго узла, гдѣ сходятся наиболѣе высокія складки Сихота-Алина и откуда берутъ свое начало верховья другихъ рѣкъ, Самарги, Дондона, Буды и др. Имѣя протяженія (вмѣстѣ съ извилинами) болѣе 370-ти верстъ, она сначала течетъ въ сѣверо-сѣверо-восточномъ направленіи; затѣмъ, по принятіи притока Джукдами, поворачиваетъ и на протяженіи 70 верстъ течетъ въ юго-юго-восточ-

¹⁾ Вотъ до сихъ поръ извѣстные перевалы отъ моря на притоки Усури. Геологъ Ивановъ на сѣверѣ перевалилъ черезъ Сихота-Алинъ такъ: р. Тумнинъ, ея западный притокъ Хута, р. Бута, притокъ Хуты, ручей Омоа и хребетъ того же имени, ручей Пелагія р. Гоббилъ, р. Дондонъ, р. Амуръ. Второй перевалъ его шелъ: съ р. Самарга на притокъ ея Кукчи, притокъ послѣдняго Янова, перевалъ Сололи, ручьи Дэди—Сололи, Ялдяго, Дядосу и Колю, р. Такома, лѣвый притокъ Хора, р. Хоръ. (Ивановъ. *Op. cit.* 11 и слѣд.). Съ верховьевъ р. Бикина существуетъ два перевала: одинъ идетъ отъ лѣваго притока Бикина Уленгоу до притока послѣдняго р. Бегаму, перевалъ, р. Кушунгоу и море. Другой перевалъ идетъ по р. Уленгоу до самаго перевала, затѣмъ по р. Тахобѣ спускаются къ морю.

Изъ долины р. Имана лучшій перевалъ черезъ Сихота-Алинъ находится въ 50 верстахъ выше впаденія въ него р. Армы (Труды Приамур. Отд. II. Р. Г. Об. за 1895 г.).

²⁾ Свѣдѣнія о рѣкахъ Зауссурійскаго края заимствую изъ слѣд. сочиненій: 1) г. Надарова: «Сѣверно-Усурийскій Край», 2) Труды Приамур. Отд. II. Р. Г. Об. за 1895 г. и 3) Д. Ивановъ «Основные черты оро-геологическаго строенія хребта Сихота-Алина.

номъ направленіи, а далѣе до самаго устья сохраняетъ западное направленіе, дѣлая два крутыхъ заворота—одинъ на сѣверъ, другой на югъ. На всемъ своемъ протяженіи рѣка Хоръ не имѣетъ цѣльнаго русла, а часто разбивается на нѣсколько переплетающихся между собою протоковъ, образующихъ большіе и малые острова, затопляемые въ большую воду. Тамъ, гдѣ Хоръ имѣетъ цѣльное русло, ширина различна: въ верховьяхъ 50-70 саж., въ средней части—доходитъ до 100 саж., а въ низовьяхъ иногда достигаетъ 150 саж. Глубина рѣки довольно значительна, но не всегда одинакова на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ вслѣдствіе наносовъ. Наибольшая глубина въ низовьяхъ рѣки колеблется между 35 и 70 фут., наименьшая 7 футовъ. Одинаковая на всемъ протяженіи Хора быстрота теченія значительна и въ среднемъ равняется 10 ф. въ секунду, исключая низовьевъ, гдѣ она доходитъ до 4 фут. въ секунду. Видное сквозь чистую, прозрачную и холодную воду дно рѣки покрыто, на всемъ протяженіи, галькою и, въ малую воду, выдается на многочисленныхъ перекатахъ иногда на одинъ футъ надъ поверхностью воды.

Въ верхнемъ и среднемъ теченіи берега Хора сопровождаются крутыми и скалистыми сопками, подходящими вплотную къ правому берегу и спускающимися высокими обрывами. Сопки лѣваго берега, отступая, образуютъ низину отъ 1 до 7 верстъ шириною. Эта низина переходитъ въ сплошную равнину нижняго теченія рѣки, гдѣ сопки значительно удаляются отъ береговъ и тонуть, въ видѣ изолированныхъ хребтовъ, въ общей равнинной картинѣ. Вся равнина эта покрыта слоемъ супеска, толщиною отъ 6 до 10 верш., лежащаго на глиняной или песчаной подпочвѣ.

Хоръ, какъ и многія быстрыя горныя рѣки, не подвергается сплошному замерзанію, хотя и покрывается въ срединѣ ноября льдомъ; въ концѣ февраля или началѣ марта онъ обыкновенно вскрывается. Тогда бываетъ такой подъемъ воды, что она выступаетъ изъ береговъ. Впрочемъ, разливы Хора, какъ горной рѣки, происходятъ и въ другое неопредѣленное время: стоитъ въ іюлѣ, сентябрѣ или въ какое-либо другое время, въ теченіе двухъ трехъ дней, пойти сильнѣе дождямъ,—и вода поднимается на 1—2 аршина. Вотъ почему въ равнинѣ Хора часты наводненія, разрушительная сила которыхъ не всегда одинакова.

Въ верхнемъ, среднемъ и нижнемъ теченіяхъ Хоръ принимаетъ много притоковъ. Такъ, слѣва въ него впадаютъ—Чуй, Кефалу (лю), Сурфай, Танду, Чуха, Суя, Кефынъ, Кетенъ, Мутенъ ¹⁾; справа:

¹⁾ Ивановъ еще называетъ въ числѣ лѣвыхъ притоковъ: Такома, Тянга, Адаки, Яву, Ходды, Ялоки, Тали. Сагди-Тали. Сагды.

Джукдами, Коломи, Гиудами, Октынъ, Боума, Келами, Миза, Лонто, Дукчи, Никонбисани ¹⁾).

Изъ нихъ доселѣ изслѣдованы и описаны весьма немногіе. Наиболѣе важными слѣдуетъ считать Джукдами, Кетенъ и Мутенъ.

Рѣка Джукдами впадаетъ въ Хоръ справа, версты на 2—3 выше устья лѣваго притока Чуя, и беретъ начало изъ ключей на водораздѣлѣ рр. Хора и Немпту (впадающей въ оз. Синда). Сперва она течетъ въ восточномъ направленіи на протяженіи около 25 верстъ, но за 6—7 вер. до слиянія съ Хоромъ поворачиваетъ на юго-востокъ. Незначительная въ верховьяхъ рѣчушка (до двухъ сажень шириною), она въ нижнемъ теченіи достигаетъ ширины большой рѣчки (15 и 20 саж.), съ глубиною отъ 1 до 5, и въ устьѣ до 17 футовъ. Дно ея устлано мелкою галькою, пескомъ и кое-гдѣ вязкимъ иломъ. Заломы и карчи мѣшаютъ движенію по ней лодокъ; а берега представляютъ равнину—болото (въ 6—7 вер. шириною), затопляемую при разливахъ водою, температура которой очень низка.

Рѣка Кетенъ сливается съ Хоромъ на лѣвомъ берегу его, въ 160 верстахъ отъ устья послѣдняго. Истоки ея находятся въ ключахъ горнаго узла, служащаго водораздѣломъ бассейна р. Хора отъ бассейна р. Бикина. Въ верхнемъ своемъ теченіи (отъ истоковъ до впаденія притока Седженъ), на протяженіи 70—80 вер., она, сохраняя направленіе съ востока на западъ, протекаетъ по долинь, стѣсненной справа высокими и обрывистыми, а слѣва пологими, но изрѣзанными множествомъ извилистыхъ падей сопками; узкость русла, быстрота теченія и заломы дѣлаютъ ее несудоходною. Принявъ притокъ Седженъ, Кетенъ, на протяженіи 145 вер., течетъ въ сѣверо-сѣверо-западномъ направленіи и становится довольно широкою рѣкою, протекая по обширнымъ площадямъ. Отъ устья притока Нево она поворачиваетъ на сѣверо-западъ и при слияніи съ Хоромъ образуетъ три рукава, изъ которыхъ самый большой имѣетъ до 16 саж. ширины. Вообще Кетенъ—большой притокъ Хора, что видно изъ протяженія (до 250 верстъ) и ширины, доходящей до 55 саж.; глубина же колеблется между 1 и 13 футами. Самое быстрое теченіе она имѣетъ въ верхнемъ теченіи (9 фут.), самое медленное—въ низовьяхъ (6 фут. въ сек.). Въ остальныхъ отношеніяхъ она походитъ на Хоръ: тѣже галька, песокъ и илъ на днѣ; тѣже наносные острова и островки, образуемые протоками; тѣже періоды замерзанія и вскрытія.

¹⁾ Ивановъ еще называетъ: Боггу, Даудя, Кочки, Талами, Олоса, Бауми, Юмми, Уфа, Типчангу, Омопа, Табау, Модяпу, Хунгарн, Сагду, Беудя. У г. Надарова совершенно иные названія для правыхъ притоковъ Хора: Мадъязотунъ, Анбанъ, Чибисонгоуза, Штыкенъ, Талами, Цуке, Сумлай, Кабули, Сухали (Ор. cit., стр. 15). Что значить эта пестрота номенклатуры? Въ Трудахъ Приамур. Отд. II. Р. Г. Общ. за 1895 г. перепутаны правые и лѣвые притоки (см. 7 стр. ст. «Результаты географич. изслѣдованій охотнич. командъ»).

Р. Мутентъ ¹⁾, направляясь съ юга на сѣверъ, имѣетъ мѣстами гористые, мѣстами равнинные берега. Глубина ея колеблется между 9 и 28 фут., ширина между 15 и 40 саж. Замерзаетъ она лишь въ первыхъ числахъ декабря, а вскрывается около середины марта.

Второй притокъ Уссури—Бикинъ. Вытекая изъ горныхъ складокъ Сихота-Алина, онъ, на протяженіи болѣе 275 вер., течетъ въ различныхъ направленіяхъ: съ юго-востока на сѣверо-западъ (73 вер.), на западъ (40 вер.), на юго-западъ (26 в.), снова на сѣверо-западъ (18 вер.), на западъ (52 вер.), на сѣверъ (52 в.) и еще разъ на западъ (17 вер.).

Позднѣйшими изслѣдователями все теченіе Бикина раздѣляется на четыре части.

Принявъ слѣва р. Уленгоу верстѣ черезъ 25 послѣ выхода изъ Сихота-Алина, Бикинъ становится уже большою рѣкою сажень въ 15 шириною, доходящую у горы Шифонтай до 50 саж. При очень большой быстротѣ теченія, глубина рѣки въ этой части достигаетъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 13 фут., причемъ встрѣчается множество перекатовъ, протоковъ и заломовъ. Кромѣ Уленгоу на этомъ протяженіи втекаютъ въ Бикинъ—справа Байчелаза и Гунзюгоу съ притокомъ Ябкэ, слѣва—Метахеза и Байчехеза.

Принявъ въ себя только что поименованные притоки, Бикинъ за горою Шифонтай до перевала вырастаетъ въ огромную горную рѣку до 100 саж. шириною и отъ $1\frac{1}{2}$ до 18 фут. глубиною, представляя и тутъ тѣ же перебаты, заломы и мели. И въ этой части въ главную рѣку вливаютъ свои воды мелкія рѣчки, каковы:—справа Тохоло, Се-тунъ, Чешуданза, Ньюшидинза и Гонголаза, слѣва—Ситуха.

За переваломъ, Бикинъ сильно измѣняетъ характеръ: при той же ширинѣ и глубинѣ, онъ имѣетъ ровное, менѣе 4 фут. въ секунду, теченіе и русло, очищенное отъ заломовъ и перекатовъ. На этомъ протяженіи ему несутъ дань своими водами—справа Алчанъ, слѣва—Малый Силанъ, Хантровоуди и Хамхеза.

Принявъ Алчанъ, Бикинъ еще болѣе расширяется (до 125 саж.) и еще медленнѣе несетъ свои воды въ р. Уссури.

Долина Бикина имѣетъ различную ширину: если сопровождающія его горы подходятъ къ руслу, то ширина долины не превышаетъ полуторыхъ верстъ; или же удаляются, то долина имѣетъ до 20 вер. въ ширину.

Принимая во вниманіе, что въ Бикинъ впадаетъ на 39-й верстѣ отъ устья Алчанъ, имѣющій до 110 верстѣ теченія, достигающій 30 саж. въ ширину и 13 фут. въ глубину и принимающій въ себя множество ручьевъ

¹⁾ Г. Падаровъ называетъ ее еще Корзуною, по имени одного изъ партій лѣсничихъ, работавшихъ въ Приморской области лѣтомъ 1861 года.

и рѣчекъ съ красною водою (особенность Алчана), можно согласиться съ г. Надаровымъ, что „Бикинъ составляетъ самый большой изъ правыхъ притоковъ р. Уссури“ (Ор. cit., 21 стр.).

Третій притокъ Уссури Иманъ (Има по-мѣстному) до настоящаго времени остается не обследованнымъ на всемъ своемъ протяженіи, которое по прямому направленію предположительно опредѣляютъ въ 275 верстъ.

По выходѣ изъ Сихота-Алина, эта рѣка, имѣя весьма извилистое русло, сохраняетъ въ общемъ направленіе отъ востока на западъ. Сперва мощный бурный потокъ, быстро несущійся по узкой долинѣ среди горъ, Иманъ, принявъ въ себя воды многихъ притоковъ, превращается въ большую рѣку, шириною отъ 30 до 70 и даже (въ низовьяхъ) до 100 саж. По незначительной быстротѣ своего теченія и по сравнительной чистотѣ своего русла, онъ болѣе другихъ правыхъ притоковъ Уссури способенъ къ судоходству. По словамъ г. Надарова, въ большую и среднюю воду по этой рѣкѣ могутъ плавать мелкосидящіе пароходы (Ор. cit., 28 стр.). Сопровождающія Иманъ возвышенности не отходятъ далеко отъ него, и потому долина рѣки, исключая низовьевъ, не широка. Съ этихъ возвышенностей стекаетъ множество рѣчекъ, питающихъ своими водами главную рѣку. Изъ такихъ притоковъ извѣстны: справа — Арма, Вагун-бэ, Тайзибери, Сибича, Тунача, Байцехэ и нѣкоторые другіе. Важнѣе лѣвые притоки: Тчанчихэ, Синандза, Соситухэ, Соенлаза, Ситухэ, Сеоханхэза, Ханехэза, Нейцахэ (по мѣстному Лейцахэ) и Бѣлая. Но самымъ значительнымъ лѣвымъ притокомъ, безспорно, является Вакъ. Это названіе рѣка носитъ лишь на протяженіи 156 верстъ, отъ устья до сліянія составляющихъ ее рѣкъ — Санда-Вака и Туда-Вака.

Вытекая изъ параллельныхъ складокъ Сихота-Алина, Туда-Вакъ довольно извилисто, съ большими кривунами, съ разнообразною скоростью и глубиною, течетъ по равнинѣ, то суживающейся, то расширяющейся, до горы Цуаинъ. Соединившись здѣсь съ Санда-Вакомъ, онъ течетъ подъ именемъ Вака сперва съ юга на сѣверъ, затѣмъ поворачиваетъ на сѣверо-западъ. Питаясь многими ручьями и рѣчками, вытекающими изъ падей и овраговъ, которыми изрѣзаны горы, сопровождающія теченіе Вака, рѣка становится шире и многоводнѣе и впадаетъ въ Иманъ, пробѣжавъ съ изгибами болѣе 200 верстъ.

По берегамъ какъ описанныхъ притоковъ Уссури, такъ и многихъ другихъ, которыхъ тутъ не перечисляю, встрѣчаются озера и болотистыя топкія мѣста.

Что касается рѣкъ, впадающихъ въ Японское море и Татарскій проливъ, то ихъ насчитываютъ до ста; но подробнаго описанія ихъ теченія не

имѣется въ географической литературѣ. Впрочемъ, для составленія понятія объ этихъ рѣкахъ, достаточно ознакомиться съ *habitus*’омъ одной какой-нибудь, потому что въ общемъ онѣ все сходны другъ съ другомъ. Избираю рѣку Самаргу (Иъглянку), какъ наиболѣе извѣстную и особенно любимую уди́нэ. Она вливается въ море верстъ на 15 южнѣе мыса Суфрентъ. Вытекающая изъ наиболѣе высокихъ складокъ Сихота-Алина, Самарга все время течетъ въ довольно узкой рѣчной долинѣ, стѣсненной высокими горными хребтами, которые, въ видѣ параллельныхъ горъ, тянутся по обѣимъ сторонамъ рѣки. При общемъ сѣверо-сѣверо-западномъ направленіи, теченіе ея прерывается каменистыми порогами и уступами. Принимая цѣлый рядъ болѣе или менѣе значительныхъ притоковъ ¹⁾, она расширяется и раздѣляется на ряды отдѣльныхъ протоковъ.

Кромѣ рѣкъ, на побережьи Японскаго моря и Татарскаго пролива имѣются три большія озера: озеро Благодати близъ бухты Джигитъ, озеро Бурное у мыса Гладкаго и озеро Утинное у мыса Олимпіады.

Обиліе рѣкъ даетъ основаніе предполагать обиліе атмосферическихъ осадковъ и дѣлать заключенія о свойствахъ климата Зауссурійскаго края. Но слѣдуетъ замѣтить, что при сужденіи о климатѣ этого края необходимо принимать въ соображеніе, кромѣ географическаго положенія, много побочныхъ факторовъ, вліяющихъ на него.

Все ²⁾ занимавшіеся метеорологическими изслѣдованіями Зауссурійскаго края свидѣтельствуютъ, что климатъ его въ общемъ гораздо суровѣе, чѣмъ то можно было бы предполагать по географическому положенію. Не слѣдуетъ забывать и того, что въ различныхъ пунктахъ этого обширнаго края встрѣчается множество частныхъ, чисто мѣстныхъ, климатическихъ особенностей. Особенно это примѣнимо къ климату территоріи уди́нэ.

Главными и существенными свойствами климата территоріи уди́нэ слѣдуетъ признать крайнюю влажность воздуха лѣтомъ и не менѣе сильную сухость зимою, въ зависимости отъ господствующихъ вѣтровъ, дующихъ съ правильностью муссоновъ. Послѣдніе являются здѣсь въ видѣ двухъ господствующихъ воздушныхъ теченій: зимою и осенью — сѣверо-западнаго, лѣтомъ и весною — юго-восточнаго.

Сѣверо-западный вѣтеръ, пронесшись надъ отличающимися сухостью воздуха Средней Азіей и Сибирью, въ Зауссурійскій край приходитъ съ 20⁰/о насыщенности атмосферы; а юго-восточный, несущійся съ поверхности

¹⁾ Справа: Силани-Биосани, Туня, Умучда, Бого, Аути, Дугдя, Хулемн, Боктаги, Пектя, Кукчи; слѣва: Омого, Тахто, Интугени, Эй, Дугдя, Кобохто, Агдя, Вайса, Ракки. Цинпу и др.

²⁾ Шренкъ, Воейковъ, Шперкъ, Макаровъ, Буссе, Надаровъ и др.

Великаго океана, весьма обилён влагою, которая, охлаждаясь надъ холодною водою Японскаго моря, превращается въ густой туманъ. Вотъ почему можно сказать, что, въ общемъ, климатъ территоріи удіѣ имѣетъ свойства континентальнаго и морского.

Параллельныя складки хребта Сихота-Алина, благодаря своему протяженію, являются, на ряду съ господствующими вѣтрами, важнымъ факторомъ, производящимъ еще одно общее свойство въ климатѣ страны, обитаемой удіѣ. Свойство это заключается въ томъ, что часть территоріи, прилегающая къ морю, обильна туманами и отличается недостаткомъ ясныхъ солнечныхъ дней, слѣдовательно климатъ ея можно назвать морскимъ по преимуществу. Наоборотъ, часть территоріи, расположенная по западнымъ склонамъ Сихота-Алина, солнечная, влажность воздуха въ ней, хотя и весьма значительная, выражается лишь дождемъ, росой и рѣдкими утренними туманами, т. е. климатъ этой части можно назвать континентально-морскимъ.

Ясно, такимъ образомъ, что параллельныя складки Сихота-Алина, дѣля территорію удіѣ на туманную и солнечную части, составляютъ въ то же время и границу непосредственнаго вліянія моря: въ прибрежной полосѣ нѣтъ такихъ контрастовъ между наибольшимъ морозомъ зимою и наибольшимъ тепломъ лѣтомъ, какъ въ полосѣ, расположенной по западнымъ склонамъ хребта.

Указанныя свойства климата страны удіѣ, въ отдѣльныхъ пунктахъ ея, разнообразятся въ зависимости отъ различныхъ мѣстныхъ условій, на примѣръ, отъ направленія отдѣльныхъ складокъ Сихота-Алина, отъ количества атмосферическихъ осадковъ, отъ близости океана и нѣкоторыхъ топографическихъ свойствъ данной мѣстности.

Такъ, нельзя опредѣлить для всего края сроки наступленія временъ года, а приходится дѣлить его на части. Для сѣверной части страны, занимаемой удіѣ, начало зимы совпадаетъ съ концомъ сентября мѣсяца, начало весны—съ началомъ марта, начало лѣта—съ началомъ іюня и начало осени—съ концомъ или половиною августа. Такимъ образомъ наиболѣе продолжительнымъ временемъ года здѣсь является зима, а самымъ короткимъ—лѣто.

По мѣрѣ передвиженія на югъ, къ заливу св. Ольги и южнѣе, передвигаются и мѣсяцы временъ года: на зиму приходится не болѣе трехъ мѣсяцевъ, самое большее — четыре. Въ Камнѣ-Рыболовъ, находящемся при озерѣ Ханка, слѣдовательно въ захребетной части Зауссурійскаго края, времена года распредѣляются такъ: зима начинается около конца октября и

позднѣе, весна—въ началѣ марта, лѣто въ началѣ мая и осень въ концѣ августа ¹⁾).

Весна и лѣто во всемъ краѣ характеризуются обиліемъ дождей, обиліемъ атмосферныхъ осадковъ, въ видѣ тумановъ. Но періоды дождей не совпадаютъ по мѣсяцамъ на всемъ пространствѣ Зауссурийскаго края: на сѣверѣ этотъ періодъ наступаетъ ранѣе, на югѣ—позднѣе. Туманамъ, какъ ясно изъ вышеизложеннаго, подвергается приморская полоса края. Осень и зима характеризуются, наоборотъ, ясными и сухими днями. Снѣгъ идетъ рѣдко, но выпадаетъ его иногда много, при чемъ, благодаря вѣтрамъ, онъ не повсюду ложится равнымъ слоемъ. Замѣчено, напримѣръ, что въ устьяхъ приморскихъ рѣкъ толщина снѣгового покрова ничтожна, въ верховьяхъ же она превышаетъ аршинъ.

Во всемъ Зауссурийскомъ краѣ съ паденіемъ дождей въ тѣсной связи стоитъ разлитіе рѣкъ. При горномъ характерѣ большей части рѣкъ, во время дождей разлитіе ихъ принимаетъ подчасъ грозный видъ и наноситъ народонаселенію огромный вредъ. Весною же, во время таянія снѣга, здѣсь рѣдко бываетъ чрезмѣрное переполненіе рѣкъ водою, потому что таежная растительность не позволяетъ лучамъ солнца расплавлять снѣгъ сразу, — онъ таетъ медленно и прибыль воды рѣчной малозамѣтна.

Что касается времени вскрытія и замерзанія рѣкъ, то оно, насколько можно судить изъ сдѣланнаго выше описанія рѣкъ, весьма разнообразно для различныхъ мѣстностей края; но въ общемъ можно считать за исходный пунктъ вскрытія мартъ мѣсяцъ, а замерзанія ноябрь, допуская большую варіацію чиселъ указанныхъ мѣсяцевъ. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что многія горныя рѣки, при быстротѣ своего теченія, покрываются сплошнымъ льдомъ лишь въ декабрѣ мѣсяцѣ, а иныя и совсѣмъ не покрываются, представляя огромныя и опасныя полыни.

Распредѣленіе и характеръ почвы въ Зауссурийскомъ краѣ слѣдуетъ тому же, наиболѣе характерному для этого края, закону разнообразія. При разнообразіи топографіи, почвенный слой имѣетъ различный характеръ. Такъ, гористые центральные участки предгорій Сихота-Алина въ большинствѣ случаевъ лишены почвеннаго покрова, потому что текущая вода сноситъ съ горныхъ крутизнь образующіеся перегной и частички вывѣтриванія мате-

¹⁾ По періодамъ растительности въ южной части края времена года распредѣляются такъ: Для Владивостока. зима начинается 10 ноября; весна—27 марта; лѣто 23 іюня; осень 17 сентября н. с. Для залива св. Ольги: зима начинается 7 ноября, весна 26 марта, лѣто 27 іюня, осень 14 сентября н. с. Такимъ образомъ и здѣсь зима преобладаетъ по количеству дней надъ другими временами года. (См. Надаровъ. Южно-Уссурийскій край въ современномъ его состояніи. Сообщ. въ общемъ собраніи И. Р. Г. О. 19 апрѣля 1889 г.).

ринской породы. Лишь на болѣе пологихъ склонахъ небольшихъ размытыхъ хребтовъ и сопокъ, на окраинахъ страны, встрѣчаются легкія перегнойныя почвы, около $2\frac{1}{2}$ —3 верш. толщиной; подпочвой служитъ такой же перегнойный слой, только съ большимъ процентнымъ содержаніемъ каменныхъ угловатыхъ обломковъ горной породы. Это такъ называемыя первичныя аллювіальныя почвы.

На низинныхъ пространствахъ вдоль береговъ рѣкъ встрѣчаются другого рода почвы, которыя по своему происхожденію относятся къ вторичнымъ, намыннымъ, аллювіальнымъ почвамъ и распадаются на нѣсколько типовъ и разновидностей, въ зависимости отъ частной топографіи мѣстности. Отъ рельефа даннаго района зависятъ и варіаціи почвы. Но каковы бы ни были эти варіаціи, можно выдѣлить двѣ подгруппы наносныхъ почвъ. Первая подгруппа—почвы возвышенныхъ мѣстъ, залегающія на древнерѣчныхъ валахъ, косахъ и отмеляхъ; это почти исключительно супесчаныя, песчаныя, съ малымъ процентомъ глинистыхъ частицъ, и боровыя почвы, окрашенныя перегнойными веществами въ сѣроватый цвѣтъ.

Вторую подгруппу составляютъ почвы низинъ, встрѣчающіяся на относительно пониженныхъ мѣстахъ, на падахъ, луговинахъ и низинахъ и, по-мѣстному, моревыхъ мѣстахъ; это—различнаго рода суглинистыя, собственно-глинистыя, иловатыя и болотно-перегнойныя почвы. Среди этихъ почвъ попадаются иногда бѣлесоватыя, мучнистыя, подзолистыя почвы ¹⁾.

Къ сказанному слѣдуетъ прибавить, что слой перегноя, вслѣдствіе обильной травянистой растительности, достигаетъ иногда внушительной толщины, переходя $1\frac{1}{2}$ аршина.

Распределеніе растительности и ея характеръ находятся въ соотвѣтствіи съ устройствомъ поверхности и свойствомъ почвы той или другой мѣстности Зауссурійскаго края. Послѣдній, будучи страной гористою, является вмѣстѣ съ тѣмъ и лѣсистою страной. Въ сѣверной части края преобладаютъ хвойныя породы, въ южной—лиственные; но распределеніе растительности въ обѣихъ частяхъ его одно и то-же.

Такъ, горныя хребты представляютъ сплошную тайгу, образованную преимущественно елью, пихтою, лиственницею и кедромъ ²⁾. Обыкновенно, крутые склоны горъ покрыты елью (*pinus obovata vajanensis*) и пихтою (*abies sibirica*), смѣняющимися въ покатыхъ подножіяхъ и невысокихъ перевалахъ лиственнымъ лѣсомъ (*larix sibirica*). Всѣ эти деревья перевиваются безчисленными нитями дикаго винограда и другихъ ползучихъ растений, порождае-

¹⁾ Подробности см. кн. Д. В. Иванова «Основныя черты С. Аліна», 52—54 стр.

²⁾ Подробное описаніе деревьевъ см. въ соч. Максимовича, Маака, Будищева и Пржевальскаго

мыхъ огромнымъ скопленіемъ влаги и достигающихъ здѣсь роскошнаго развитія; таковы: *ledum palustre*, *vaccinium* и *rubus arcticus*. Часто нога человѣка попираетъ каменистую почву лиственнаго лѣса, густо устланную моховымъ покровомъ (*sphagnum*). Въ такую тайгу рѣдко проникаютъ лучи солнца, и почти никогда здѣсь не гуляетъ вѣтеръ. „Нерѣдко приходилось наблюдать,—говоритъ г. Надаровъ,—что на верху тайги реветъ буря и ломаетъ верхушки деревьевъ, а у моего костра почти не шелохнется“ (Op. cit., 100 стр.).

Долины горныхъ рѣчекъ и каменистыя, галешниковыя наносныя почвы отменей покрыты чернолѣсьемъ, которое весьма богато числомъ представителей: тополь, береза, дубъ, ясень, вязъ, осина, липа, рябина, черемуха, сибирская яблоня и груша, боярышникъ,—все это смѣшанное чернолѣсье танется длинными языками по горнымъ долинамъ далеко въ глубь края. Прирѣчныя низинныя пространства покрыты однообразною тальпиковою растительностью—ивами и таволжникомъ (*spirea salicifolia*).

На югѣ и вообще тамъ, гдѣ появляются равнины, обнаженные отъ лѣсовъ, преобладаютъ разныя травы. На мокрыхъ пространствахъ онѣ достигаютъ исполинскихъ размѣровъ, такъ что стебли нерѣдко закрываютъ всадника; на болѣе сухихъ мѣстахъ травы понижаются, но зонтиковыя растенія, особенно заря достигаетъ саженой высоты и вершковой длины въ діаметръ у корня. По народному выраженію, на сухихъ угодьяхъ растетъ трава „вудрявая“, достигающая аршинной высоты и отличающаяся большимъ разнообразіемъ видовъ. „Между послѣдними, по словамъ Э. Э. Буссе, полевой горошекъ занимаетъ иногда обширныя площади, здѣсь-же растетъ пайза (кажется изъ семейства гречишныхъ), крайне питательная и излюбленная скотомъ“¹⁾.

Кромѣ мховъ, почвеннымъ покровомъ равнинъ и лѣсовъ часто являются ягодныя растенія—малина, красная смородина, земляника, клубника, черемуха, брусника, клюква; но онѣ не высокаго достоинства. Кромѣ того, встрѣчаются барбарисъ, ваина и кустовая черешня.

Такова флора Зауссурійскаго края въ своей первобытной неприкосновенности. Если-же посмотрѣть, какъ вліяетъ на нее чедовѣкъ, то на первомъ планѣ необходимо поставить лѣсные пожары или, по-мѣстному, палы. Обыкновенно палы случаются раннею весною и позднею осенью. Иногда лѣсной пожаръ охватываетъ нѣсколько десятковъ верстъ, и дымъ застилаетъ свѣтъ солнца, наполняя воздухъ удушливой гарью. Цѣли, съ которыми производятся палы, весьма различны. По словамъ г. Надарова²⁾, лѣсные пожары прино-

¹⁾ Буссе: «Переселеніе крестьянъ моремъ въ Южно-Уссурійскій край въ 1883—1893 годахъ», стр. 13.

²⁾ «Очеркъ современнаго состоянія Сѣверно-Уссурійскаго края». Владивостокъ, 1884 г., стр. 5.

сять большую пользу краю, осушая мѣстность и способствуя провѣтриванію тайги, равно уменьшая количество „гноса“ (комары, мошка, пауць).

Кромѣ того, въ южной части Зауссурийскаго края пожары производятся манзами съ цѣлью болѣе удобнаго нахожденія пантовъ. Наконецъ, часто лѣса горятъ отъ небрежности человѣка; либо охотники забываютъ залить водою костеръ, и вѣтеръ, разнося угли, причиняетъ гибель деревьямъ, либо то-же самое дѣлаютъ искатели женъ-шеня. Мнѣ не разъ приходилось видѣть по побережью Татарскаго пролива, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, лѣсъ послѣ пожара; печальное зрѣлище! Точно мертвецы, стоятъ обуглившіяся и опаленныя деревья на покрытой напломъ землѣ, и холодомъ смерти и разрушенія вѣетъ отъ такого „сухостоя“. Мнѣ кажется, стоитъ хоть одинъ разъ видѣть такую картину, и никакіе доводы въ пользу „паловъ“ не покажутся убѣдительными. Поэтому я всецѣло становлюсь на сторону изслѣдователей, говорящихъ о вредѣ лѣсныхъ пожаровъ. „Ежегодно огонь не только уничтожаетъ мѣстами молодую поросль и подлѣсокъ,—говоритъ *Э. Э. Буссе* ¹⁾),—но вредитъ корнямъ и стволамъ здоровыхъ и вполне развившихся деревьевъ; они хирѣютъ и, при дальнѣйшемъ ростѣ, дѣлаются дуплистыми, вѣтви частью умираютъ, и нерѣдко видно, какъ какой-нибудь исполинъ, вмѣсто красивой кроны, воздымаетъ къ небу сухія вѣтви. Иногда случается видѣть цѣлыя рощи сухостоя молодыхъ экземпляровъ, заваленныхъ колодами“.

Люди выжигаютъ не только лѣса, но и сухую траву на пашнѣ или сѣнокосѣ. Но дѣятельность человѣка не всегда носитъ характеръ губительности: тотъ-же человѣкъ, въ Зауссурийскомъ краѣ, осушилъ множество болотистыхъ мѣстъ и мочегинъ и увеличилъ количество удобныхъ угодій. *Г. Буссе* ²⁾) свидѣтельствуетъ, что въ 1886 г., объѣзжая окрестности села Никольскаго ³⁾), онъ провалился въ топкихъ мѣстахъ по брюхо лошади, а на остальной площади конь шелъ часто по водѣ; къ 90-мъ-же годамъ вода держалась въ немногихъ и небольшихъ ложбинахъ, все-же остальное пространство представляло прекрасный сухой сѣнокосъ и выгонъ, даже встрѣчались пашни на такихъ мѣстахъ, гдѣ раньше господствовали лягушки. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что человѣку трудно бороться съ буйною растительностью Зауссурийскаго края: если лугъ или другое культивированное угодіе останется безъ обработки годъ-два, то появляются поросли молодыхъ деревьевъ и кустарниковъ или-же пашня превращается въ болото.

Фауна Зауссурийскаго края необыкновенно богата по составу и обилію видовъ, но не всегда и не вездѣ являетъ одинаковое богатство по количеству особей.

¹⁾ Переселеніе крестьянъ моремъ, стр. 14.

²⁾ *Op. cit.*, 12 стр.

³⁾ Нынѣ городъ Никольскъ-Уссурийскій.

Природа центральныхъ предгорій Сихота-Алина столь угрюма, что, по мнѣнію г. Д. Иванова ¹⁾, къ ней примѣнимо названіе „лѣсной пустыни“, „которая, полной своей безжизненностью можетъ итти въ сравненіе развѣ съ песчанными пустынями Сахары“. Въ такой „лѣсной пустынѣ“ даже охотникъ-аборигенъ не можетъ найти для себя что-либо полезное, потому что тамъ замѣчается полное отсутствіе звѣря.

Иной характеръ и большее оживленіе представляетъ тайга по горнымъ скатамъ и въ невысокихъ падахъ. „Невозможно забыть впечатлѣнія, производимаго, въ особенности въ первый разъ, подобнымъ лѣсомъ,—говоритъ Пржевальскій ²⁾. Путника поражаетъ смѣшеніе формъ сѣвера и юга въ растительномъ и въ животномъ мірѣ. Пожалуй, еще больше поразитъ его тишина и отсутствіе какихъ бы то ни было проявленій жизни. Въ сѣверной части края тайга изрѣдка оживляется постукиваньемъ дятла и отрывистымъ кукованьемъ особаго вида кукушки, да трескомъ сучьевъ при бѣгѣ лося и еще рѣже при ходѣ медвѣдя. Что касается равнинъ въ южной части края, то мертвая тишина, царящая тамъ зимою, съ наступленіемъ весны, нарушается передетомъ множества птицъ, наполняющихъ воздухъ тысячами писковъ, свистовъ и другихъ непередаваемыхъ человѣческимъ словомъ звуковъ. Въ то время какъ зимою здѣсь можно встрѣтить изъ птицъ—утокъ гоголей, снѣжныхъ стрелатокъ и бѣлыхъ совъ, а изъ звѣрей—енота, барсука, лисицу, ласку и хорька,—весною появляются лебеди, гуси, бакланы, журавли и многія пернатые, которыхъ такъ подробно описалъ, по личнымъ наблюденіямъ, Пржевальскій въ VII гл. своего „Путешествія въ Уссурійскомъ краѣ“. Изъ міра животныхъ въ это время совершаютъ переходъ стада дикихъ козъ. Впрочемъ, съ полною увѣренностью можно сказать, что Зауссурійскій край круглый годъ имѣетъ и множество птицъ, и множество звѣрей. Рябчики, тетерева, фазаны, куропатки—постоянные обитатели лѣсовъ и равнинъ. Изъ звѣрей здѣсь преобладаютъ хищные, затѣмъ грызуны и жвачные; насѣкомоядныхъ мало, а еще меньше рукокрылыхъ и толстокожихъ.

Самымъ замѣчательнымъ изъ млекопитающихъ края является тигръ о продѣлкахъ котораго такъ много рассказано въ путешествіяхъ по Зауссурійскому краю и который нѣкогда пробирался въ сѣверную часть края. Недаромъ этотъ могучій и красивый звѣрь внушаетъ религіозный ужасъ дикарю. Рѣже встрѣчается здѣсь барсъ, наравнѣ съ тигромъ пользующійся божескими почестями у гольдовъ и удилъ. Не менѣе рѣдкое явленіе здѣсь рысь, о которой китайцы отзываются, что она—„Ига-янь ламъза“, т. е. „все равно, что тигръ“. На побережьи Японскаго моря, по глухихъ лѣсистымъ падамъ

¹⁾ Op. cit., 56 p. ²⁾ Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ, 26 стр.

и по горамъ, часто можно натолкнуться на дикую кошку. По всему почти краю во множествѣ истребляются—бурый и черный медвѣди, барсуки, куницы, соболи, выдры, волки, лисицы и енотовидныя собаки.

Представителей насѣкомоядныхъ мало—ежъ, кротъ и землеройка, а рукокрылые представлены здѣсь одною летучею мышью, которой насчитываютъ нѣсколько видовъ. Изъ отряда грызуновъ попадаются: летучая и обыкновенная бѣлки, бурундукъ, зайцы, мыши и крысы. Единственнымъ представителемъ толстокожихъ является кабанъ, за которымъ усердно охотятся человѣкъ и тигръ, но который, благодаря уничтоженію лѣсовъ пожарами, кое-гдѣ сдѣлался рѣдкимъ гостемъ.

Разнообразіе отрядъ жвачныхъ: антилопа (или горный баранъ), кабарга, лось (сохатый), изюбрь (олень настоящій), олень пискунъ (аксисъ) и дикая коза, или козуля,—вотъ предметъ постоянной охоты аборигеновъ края.

Изъ водныхъ млекопитающихъ въ устьяхъ рѣкъ и въ морѣ, куда эти рѣки втекаютъ, встрѣчаются во множествѣ нерпы, рѣже—сивучи, акулы и киты.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что воды, орошающія Зауссурійскій край и омывающія его, заключаютъ въ себѣ несмѣтные виды рыбъ, изъ которыхъ часть составляетъ главную пищу уди́нѣ. Правые притоки Уссури—всѣ рыбныя рѣки: таймень, ленокъ, сазанъ, сигъ, карась, чебакъ, пискаръ, красноперъ, верхоглядъ, щука, сомъ, касатка, осетръ, калуча и зубатка (кѣта) встрѣчаются почти во всѣхъ нихъ. Въ устья же рѣкъ, впадающихъ въ Японское море и Татарскій проливъ, рыба идетъ періодически. Наиболѣе цѣнными промысловыми для жителей являются принадлежащія къ лососевой семьѣ рыбы; горбуша, кѣта, хоё и нѣкоторыя форелевыя породы. Горбуша и кѣта идутъ въ два пріема. Кромѣ того, въ морѣ въ обиліи водятся—сельди, камбола, треска, не называя мелкой рыбы, въ родѣ бычковъ, коньковъ и т. п. Рѣки и моря изобилуютъ разными видами краббовъ, въ небольшомъ количествѣ потребляемыхъ уди́нѣ.

Къ вреднымъ животнымъ и насѣкомымъ слѣдуетъ отнести множество видовъ, еще мало изслѣдованныхъ, змѣй, лягушекъ, „паутъ“ и „гнусъ“. Подъ именемъ „паута“ разумѣется оводъ довольно крупнаго разбора. „Паутъ, собственно говоря, здѣсь двухъ видовъ—бурый и черный“,—читаемъ въ дневникѣ г. Бѣльковича ¹⁾. Бурый паутъ отличается нѣкоторою медлительностью характера: онъ садится деликатно и осторожно. Сѣвши, онъ сначала подумаетъ, пошевелитъ лапками и затѣмъ уже жалитъ, но чаще онъ улетаетъ, не причиняя никакого вреда человѣку. Черный же паутъ, хотя и меньше

¹⁾ Труды Приамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г.

бураго, отличается лютостью и стремительностью: онъ, словно пуля, налетаетъ на человѣка и причиняетъ жгучую боль. И бурый и черный пауты отличаются живучестью. Паутъ хотя и не признаетъ въ человѣкѣ царя надъ всѣмъ живущимъ на землѣ и жалитъ его куда вздумается, но все же съ нимъ жить можно. Зато мошка, или „гнусъ“, является положительно какою-то египетскою казнью въ здѣшнемъ краю, какимъ-то бичомъ Божиимъ. Она бываетъ двухъ видовъ—мелкая и крупная. Мелкая, наиболее опасная и назойливая, появляется съ начала весны, а крупная смѣняетъ ее во второй половинѣ мая. Противъ „гнуса“, который мириадами носится въ воздухѣ и нагло лѣзетъ въ глаза, въ уши, въ ротъ и въ носъ, забирается подъ рубаху, нѣтъ никакихъ положительныхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Сѣтки, дымокуры и темнота до нѣкоторой степени предохраняютъ еще человѣка отъ „этихъ дьяволовъ“, изъ которыхъ, по Пржевальскому ¹⁾, безъ дальнѣйшихъ хлопотъ, изслѣдователь можетъ собрать цѣлую коллекцію на самомъ себѣ; но бѣдные животныя сильно страдаютъ отъ нихъ. Они, по словамъ Пржевальскаго ²⁾, „мучимыя цѣлыми тысячами этихъ кровопійцъ, брыкаются, мотають головою, машутъ хвостомъ, даже бросаются на землю—и все-таки не имѣютъ возможности освободиться отъ своихъ мучителей“. Недаромъ такой сильный звѣрь, какъ лось, и тотъ, преслѣдуемый „гнусомъ“, перекочевываетъ изъ глубины материка къ морю, гдѣ мошки, сравнительно, меньше.

Наконецъ, подъ вліяніемъ жаркаго и влажнаго лѣта, развиваются мириады червей и жучковъ, вредящихъ деревьямъ.

Изъ домашнихъ животныхъ на территоріи удинѣ встрѣчаются — звѣровыя, или охотничьи, и ѣздовые собаки, низкорослыя лошади, огромные быки и коровы, свиньи, овцы, кошки; изъ птицъ — куры, гуси, рѣдко утки и голуби.

О другихъ естественныхъ богатствахъ края, напримѣръ, о минералахъ и металлахъ, не упоминаю, потому что аборигены не пользуются этими богатствами, да и болѣе культурные жители мало разрабатываютъ ихъ.

Въ заключеніе краткаго очерка физическихъ свойствъ территоріи удинѣ останавлиюсь на спорномъ вопросѣ о культуро-способности Зауссурійскаго края. Этотъ вопросъ, имѣя огромное практическое значеніе для края и его будущности, не разъ уже трактовался въ нашей литературѣ. Выразителями двухъ противоположныхъ рѣшеній вопроса въ послѣднее время явились — покойный О. О. Буссе ³⁾ и геологъ Д. В. Ивановъ ⁴⁾.

¹⁾ Op. cit. 222.

²⁾ ibidem.

³⁾ Переселеніе крестьянъ моремъ.

⁴⁾ Основныя черты орогеологич. строенія хр. С. Алма.

Для перваго вѣдѣнія сомнѣній земледѣльческая способность Зауссурійскаго края. Онъ рѣшительно опровергаетъ мнѣніе о неплодородности края, которое составилось на основаніи лишь того, что первые русскіе, посѣтившіе его въ 1860 г., нашли здѣсь пустыню. Пустынность края объясняется покойнымъ изслѣдователемъ чисто-историческими причинами — разорительными войнами, внутренними неурядицами. „Въ древности край былъ густо заселенъ хлѣбопашцами, и въ немъ процвѣтала китайская культура, и если русскіе застали здѣсь въ 1860 г. ничтожное населеніе, то лишь потому, что страна, обращенная въ пустыню разгромомъ въ началѣ XVIII-столѣтія, еще не успѣла вновь заселиться китайцами“ — вотъ окончательное сужденіе покойнаго Руссе по данному вопросу.

Г. Ивановъ, послѣ анализа физико-географическихъ условій края, пришелъ къ противоположному рѣшенію того-же вопроса. По его мнѣнію, большая часть площади Зауссурійскаго края, этой угрюмой и непривѣтливой страны, мало пригодна въ культурномъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, скалистые хребты Сихота-Алина лишены даже почвеннаго покрова, и растительность ихъ, вопреки общему о ней мнѣнію, какъ о чемъ-то мощномъ, является крайне жалкою и ничтожною.

„Разсматривая эти лѣсные участки въ центральныхъ предгоріяхъ Сихота-Алина, невольно приравниваешь ихъ къ обширному кладбищу природы, одинъ видъ котораго невыразимо тяжело дѣйствуетъ на человѣка“, — говоритъ г. Ивановъ. Не болѣе отраднаго можно найти на низкихъ мѣстахъ, въ среднихъ теченіяхъ горныхъ рѣчекъ. Тутъ господствуетъ во всей своей первобытной красѣ угрюмая дѣвственная тайга; но использованіе ея инымъ, кромѣ охотничьяго, путемъ, напримѣръ, путемъ эксплуатаціи лѣсныхъ матеріаловъ (о земледѣліи здѣсь не можетъ быть и рѣчи), едва-ли будетъ возможно: отдѣльныя деревья, опять-таки вопреки сложившемуся мнѣнію, поражаютъ своими скромными размѣрами и чахлымъ, болѣзненнымъ видомъ. Такимъ образомъ, остаются западные равнинные участки, ничтожные въ количественномъ отношеніи, по сравненію съ площадью всей территоріи. Но и эти участки не особенно пригодны для земледѣлія: во-первыхъ, они подвержены затопленію отъ разливовъ горныхъ рѣчекъ Сихота-Алина; во-вторыхъ, „они въ общей сложности, представляютъ такой ничтожный процентъ удобной земли, сравнительно съ общей площадью территоріи, что едва-ли могутъ быть принимаемы во вниманіе при разсмотрѣніи общей производительности всей страны“.

Отсюда, по мнѣнію г. Иванова, ясно, что земледѣліе въ Зауссурійскомъ краѣ должно уступить главную роль, въ экономическомъ отношеніи, рыболовству, охотничьему промыслу и горному дѣлу. „Использованіе именно этихъ

естественныхъ богатствъ страны, — говоритъ онъ, — является, по нашему мнѣнію, самымъ рациональнымъ для края“... По мнѣнію того же автора, на вопросъ: „неужели этотъ дикій, пустынный край отъ вѣка былъ таковымъ, съ такимъ ничтожнымъ инородческимъ населеніемъ, имѣя подъ бокомъ столь переполненныя населеніемъ территоріи сосѣдей?“ — слѣдуетъ, на основаніи ознакомленія съ естественно-историческими и физико-географическими условіями страны, отвѣчать утвердительнымъ „да“, съ прибавкою, что условія, неблагоприятныя для культуры, выражались рѣзче и были интенсивнѣе тогда, чѣмъ теперь.

Какъ примирить столь противоположныя мнѣнія о культуроспособности Зауссурийскаго края? По-моему, О. О. Буссе и г. Д. Ивановъ оба неправы, становясь на крайнія точки зрѣнія: первый увлекается насчетъ историческихъ причинъ пустынности края, второй — естественно-историческими и физико-географическими данными.

Свѣдѣнія О. О. Буссе о земледѣліи у переселенцевъ ¹⁾, данныя, собранныя агрономомъ Н. А. Крюковымъ ²⁾, представляемыя въ послѣдующемъ изложеніи данныя о существованіи пашенъ и огородовъ у удиле³⁾ ясно убѣждаютъ, что земледѣліе въ краѣ возможно и существуетъ, за исключеніемъ самыхъ сѣверныхъ частей его. Рисуя мрачную картину природы Зауссурийскаго края, г. Д. Ивановъ упускаетъ изъ виду, что земледѣліе и его развитіе обусловливаются тремя факторами: климатомъ, почвою и экономическими условіями. Климатъ, конечно, зависитъ отъ силъ природы, и человекъ не научился еще измѣнять его, но онъ умѣетъ приспособляться къ климату. Въ отношеніи земледѣлія, такое приспособленіе будетъ заключаться во времени посѣвовъ, подборѣ зеренъ и другихъ злаковъ. Китайцы, близко знакомые съ климатическими условіями края, отлично приспособились къ нему и поистинѣ являются первыми культуртрегерами среди аборигеновъ. Что касается почвы и экономическихъ условій, то человекъ можетъ оказать на нихъ большее вліяніе. Напримѣръ, указаніе г. Иванова, что равнинныя участки ничтожны по количеству, справедливо только теперь, когда край мало заселенъ, потому что площадь годной для посѣвовъ земли можетъ быть значительно увеличена осушеніемъ мокрыхъ земель, о чемъ убѣдительно и обстоятельно трактуетъ капитанъ Львовъ въ статьѣ „Опытъ изысканій для осушенія и воздѣлыванія мокрыхъ земель въ Приморской области (Записки Приамур. Отд. И. Р. Г. Общ., т. III, вып. I, Хабаровскъ, 1897 г.).

Въ силу вышесказаннаго я склоняюсь и считаю болѣе справедливымъ

¹⁾ Op. cit. стр. 140—152.

²⁾ Опытъ описанія землепользованія у крестьянъ-переселенцевъ Амур. и Примор. областей; Приамурскій край на Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

мнѣніе, что земли Зауссурийскаго края удобны для земледѣльческой культуры; но, какъ дѣлственныя, требуютъ упорнаго труда и многихъ горькихъ опытовъ, при первоначальной обработкѣ. Исторіей человѣчества доказано, что энергическій трудъ и знанія часто обращаютъ малоплодородныя мѣста и пустыни въ зеленѣющія нивы. Болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, потребны трудъ и знаніе здѣсь, и я не сомнѣваюсь, что, съ усиленіемъ русской колонизаціи, они явятся, непремѣнно явятся, тѣмъ болѣе, что охотничій промыселъ (на который возлагаетъ большія надежды г. Д. Ивановъ) съ каждымъ годомъ падаетъ, и аборигену края по необходимости прійдется въ скоромъ будущемъ перейти къ земледѣлію, если только онъ не желаетъ окончательно исчезнуть съ лица страны, своей родины.

ГЛАВА IV.

Разселеніе.

Въ предѣлахъ очерченной и описанной, въ предыдущей главѣ, территории обитаютъ удинѣ, которыхъ едва ли въ настоящее время насчитается двѣ-три тысячи. Этотъ незначительный полубродячій, полусѣдлый народецъ свободно переходитъ по рѣкамъ и переваламъ обширной страны, которую, вѣроятно, занималъ искони. Развернувъ этнографическую карту Шренка, приложенную къ его классическому труду, легко увидимъ, что въ 50-хъ гг., удинѣ жили тамъ же, гдѣ застаемъ ихъ и нынѣ. Можно съ увѣренностью сказать, что полоса земли отъ р. Уссури до моря, т. е. территорія удинѣ, при неоднократныхъ войнахъ маньчжуръ съ китайской имперіей, при движеніи русскихъ, не подвергалась крупнымъ передвиженіямъ и измѣненіямъ въ составѣ населенія. Отмѣченное академикомъ Шренкомъ молчаніе китайскихъ историковъ объ амурскихъ инородцахъ, по-моему, исключительно объясняется полнымъ невѣдѣніемъ китайцевъ относительно Зауссурийскаго края. Стоитъ припомнить исторію присоединенія Амурскаго края къ Россіи, подвиги Невельскаго и другихъ славныхъ русскихъ моряковъ ¹⁾, чтобы признать несомнѣнной истиной положеніе, что китайцы не знали Зауссурийскаго края и имѣли весьма смутное представленіе объ обитателяхъ его. Вотъ почему извѣстія китайскихъ источниковъ и не заходятъ далѣе XVII столѣтія, да и эти свѣдѣнія не отличаются ясностью и опредѣленностью.

Всѣ измѣненія, происшедшія, можно сказать, на глазахъ русскихъ на территоріи удинѣ въ недавнее прошлое, исчерпываются передвиженіемъ южной границы ихъ.

¹⁾ См. Записки Невельскаго.

По свидѣтельству архим. Палладія ¹⁾, тазы жили нѣкогда въ Хуньчунской области; по свидѣтельству Пржевальскаго ²⁾, въ концѣ 60-хъ годовъ истекающаго столѣтія тазы обитали по береговымъ рѣчкамъ Японскаго моря, начиная отъ устья р. Суйфуна, впадающей въ Амурскій заливъ. Въ настоящее время эту границу необходимо передвинуть еще дальше къ востоку почти не одинъ градусъ.

Въ экспедицію на Сучанъ, лѣтомъ 1896 г., я нашелъ около бухты Находка одну семью тазъ, а населеніе въ нѣсколько семей впервые встрѣтилъ на р. Сяо-Судухэ, верстахъ въ 7—8 отъ впаденія ея въ Та-Судухэ. На пространствѣ же отъ р. Суйфуна до Сяо-Судухэ тазы вытѣснены русскими и манзами. По причинѣ бродячаго и полубродячаго образа жизни огромнаго большинства удинъ трудно дать опредѣленную картину ихъ разселенія на искони занимаемой территоріи; но, въ виду особаго интереса при сравненіи съ недалекииъ прошлымъ, на нижеслѣдующихъ страницахъ предлагается подробный перечень поселеній удинъ, насколько можно было собрать о томъ позднѣйшія свѣдѣнія ³⁾.

Начну съ правыхъ притоковъ р. Уссури.

Объ удинъ, живущихъ по р.р. Бикину, Иману и Ваку, говорятъ, что часть ихъ ведетъ осѣдлый образъ жизни, часть находится въ переходномъ положеніи отъ кочевого къ осѣдлому быту, наконецъ, нѣкоторыя семьи, живущія по Иману, переходятъ съ одного мѣста на другое (Труды Приамур. Отд. И. Р. Г. О. за 1895 г.). Долженъ при этомъ замѣтить, что осѣдлость удинъ на одномъ мѣстѣ едва ли превышаетъ десятокъ два лѣтъ,— въ большинствѣ случаевъ она моложе.

Удинъ бассейна р. Хора и его притоковъ—кочующій народъ. По свѣдѣніямъ г. Бѣльковича, по Хору и его притокамъ кочуютъ три большія семьи или фамиліи: Кямунджига, Кимонку и Сыгдыри. Фамилія Кямунджига кочуетъ въ бассейнѣ р. Кетень, фамилія Кимонку—въ бассейнѣ р.р. Чуй, Сурфай, Чуна и Суя, фамилія Сыгдыри—по р. Мутену и въ низовьяхъ Хора. Самое верхнее становище по этой послѣдней рѣкѣ найдено ниже впаденія рѣки Чуй ⁴⁾. Затѣмъ идутъ ихъ временныя становища внизъ по теченію рѣки до устья. „Опредѣлить численность всѣхъ

¹⁾ Незданный дневникъ.

²⁾ Путешествіе въ Уссур. краѣ въ 1867—69 гг.

³⁾ Къ сожалѣнію, автору не были доступны свѣдѣнія, добытыя послѣднею переписью на всемъ районѣ, занимаемомъ нынѣ тазами.

⁴⁾ Такимъ образомъ опровергается сказанное у акад. Шренка на 25 стр.: «Говорятъ, что на р. Поръ(Хоръ) можно встрѣтить орочей не ближе, какъ въ 60 верстахъ разстоянія отъ устья впадающей въ него рѣки Кхетень-дабанъ. По начиная отсюда, они живутъ какъ по главной рѣкѣ, такъ и по ея притокамъ, напр., по Корсонѣ и др.

орочонъ, кочующихъ въ бассейнѣ Хора, было почти невозможно, такъ какъ во время нашего плаванія по этой рѣкѣ орочоны постоянно переезжали съ мѣста на мѣсто“,—говорить г. Вѣльковичъ. „По словамъ трехъ китайцевъ, живущихъ на Хорѣ и знающихъ каждый по счету всѣхъ орочонъ, кочующихъ въ окрестностяхъ той или другой китайской фанзы, выходитъ, что всѣхъ орочонъ кочуетъ на Хорѣ до 50 семействъ; такъ какъ каждая семья, въ среднемъ, состоитъ изъ 10 членовъ, считая тутъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, то, слѣдовательно, всѣхъ орочонъ надо считать до 500 душъ обоего пола и разнаго возраста“. Цифра 500 совпадаетъ съ показаніемъ г. Надарова, который, однако, насчитывалъ 98 семей (См. Сѣв.-Уссурийск. край, 19). По-моему, въ виду заявленія г. Пальчевскаго, что учетъ орочонъ произведенъ не совсемъ точно г. Альфтаномъ (Дал. Вост., 1897, №№ 46—47), можно допустить, что по Хору кочуетъ около 1000 человекъ (оставляя 98 семей г. Надарова и допуская для семьи цифру 10 человекъ).

Съ р. Хора удинѣ заходятъ (по р. Амуру или инымъ путемъ?) на р. Непту, впадающую въ озеро Синда, гдѣ ихъ встрѣчали охотничьи команды въ 1894 г. (Труды Приам. Отд. И. Р. Г. О. за 1895). Едва ли, поэтому, не будетъ справедливо признать оз. Синда и рѣку Непту за сѣверную границу удинѣ съ западной стороны.

О поселеніяхъ удинѣ по р. Бикину имѣются болѣе подробныя свѣдѣнія. Самымъ верхнимъ населеннымъ пунктомъ, выше котораго по Бикину уже никто не живетъ, является селеніе Та-Вайчелаза. Оно состоитъ изъ одной семьи удинѣ въ 19 человекъ (10 муж., 9 жен.), живущихъ здѣсь уже 7 лѣтъ въ трехъ балаганахъ. За нимъ слѣдуетъ селеніе Мушиджидзэ, состоящее изъ двухъ балагановъ и 23 жителей (12 муж., 11 жен.). Далѣе еще—селеніе Даусикцы, имѣющее 2 балагана и 24 жителя (12 муж. и 12 жен.), живущихъ здѣсь уже третій годъ. Четвертое поселеніе—Гангатуу состоитъ изъ 3 балагановъ и двухъ семей въ 22 человека (10 м., 12 ж.), живущихъ здѣсь болѣе двухъ лѣтъ. Пятое селеніе—Ся-Вайчелаза—состоитъ изъ 3 балагановъ и 16 жителей (7 м., 9 жен.). Шестое—Тунгоуза—2 балагана и 13 жителей (11 м., 2 жен.). Седьмое—Гундзюгоу имѣетъ одинъ балаганъ и одну семью удинѣ въ 7 человекъ (4 м., 3 ж.). Восьмое—Метахеза заключаетъ 4 балагана при 22 жителяхъ (13 м., 9 ж.). Девятое—Фунсулаза состоитъ изъ двухъ семей удинѣ въ 17 человекъ (9 м., 8 ж.). Десятое—Тохоло имѣетъ 1 фанзу и 3 балагана, въ которыхъ живутъ три семьи въ 38 человекъ (24 м., 14 ж.). Въ слѣдующемъ селеніи Кукчингэ, лежащемъ на протокѣ близъ р. Чамудиндзы, имѣется 1 большая фанза и 1 балаганъ, въ послѣднемъ живетъ 14 удинѣ (7 м., 7 ж.). Селеніе Сигуу, состоящее въ настоящее время изъ 6 фанзъ и 1 балагана и

имѣющее смѣшанное населеніе — китайцевъ и уди́на, лѣтъ 30 тому назадъ было большимъ поселеніемъ заключавшимъ болѣе 25 фанзъ. Эпидемія (оспенная?) разогнала и уничтожила жителей, которыхъ теперь всего 70 (35 м., 35 ж.). Въ селеніи Ся-Мушиджидзэ имѣется небольшая фанза и 1 балаганъ, въ которыхъ обитаютъ 10 жителей (6 м., 4 ж.). Последнимъ селеніемъ уди́на по р. Бикину является Табанъ, въ 60 верстахъ отъ устья рѣки. Въ немъ уди́на перемѣшаны съ китайцами, живутъ замѣчательно грязно, неуютно, сами — угрюмые, непривѣтливые, что и составляетъ ихъ отличительную особенность среди другихъ уди́на, обитающихъ по Бикину. Съ послѣдняго уди́на бродятъ и по его притокамъ ради охоты и рыбной ловли, напримѣръ, по берегамъ Алчана можно встрѣтить нѣсколько балагановъ изъ кедровой коры, гдѣ зимою обитаютъ кочующіе уди́на.

Во всѣхъ перечисленныхъ выше поселеніяхъ всего на все насчитывается 301 житель обоого пола, что совпадаетъ съ показаніемъ г. Надарова ¹⁾: послѣдній насчиталъ отъ 50 до 60 семействъ, т. е., полагая на семью по 5—6 душъ, получимъ отъ 250 до 360 человекъ обоого пола. По сообщенію же старожила-китайца Сунзуи, до оспенной эпидеміи 1877 года, уди́на было по Бикину въ 5—6 разъ болѣе.

По Иману имѣются поселенія уди́на въ слѣдующихъ мѣстахъ. На р. Армѣ находится юрта съ 15 жителями (10 м., 5 ж.); нѣсколько далѣе, внизъ по теченію р. Имана, находится еще юрта съ 14 жителями (8 м., 6 ж.); еще далѣе юрта съ 3 жителями (1 м., 2 ж.); на 168 верстѣ отъ устья рѣки имѣется юрта съ 9 обитателями (5 м., 4 ж.); на 164 верстѣ — юрта съ 11 жителями (7 м., 4 ж.), на 73¹/₂ вер. — юрта съ 7 жителями (6 м., 1 ж.); на 72¹/₂ вер. — фанза съ 10 жителями (4 м., 6 ж.). Есть и еще нѣсколько поселей уди́на, но на основаніи моего источника ²⁾ трудно съ точностью указать, какія изъ нихъ принадлежатъ уди́на, какія китайцамъ, живущимъ по Иману попеременно съ аборигенами ³⁾. Во всякомъ случаѣ, по Иману наиболѣе точный учетъ насчитываетъ 337 уди́на (199 м., 148 ж.), а по пригоку его Ваку — 83 (49 м., 34 ж.). Такимъ образомъ, по правымъ притокамъ Уссури, т. е. въ западной части территоріи тазъ, по наиболѣе свѣжимъ даннымъ, насчитывается 1731 человекъ обоого пола ⁴⁾.

¹⁾ Сѣв. Уссури. край, 25 стр.

²⁾ Результаты географич. изслѣдованій охотничьихъ командъ В.-С. стрѣлковыхъ бригадъ лѣтомъ 1894 г. Въ Трудахъ Приам. Отд. И. Р. Г. О. за 1895 г.

³⁾ Къ сожалѣнію, я не могъ воспользоваться матеріаломъ, добытымъ Н. А. Пальчевскимъ во время переноса инородцевъ по р. Иману и Ваку. Весьма желательно, чтобы онъ обнаруговалъ списокъ поселеній уди́на по названнымъ рѣкамъ, потому что его списокъ, очевидно, полнѣе и точнѣе другихъ.

⁴⁾ Допуская, что не всѣ кочующіе уди́на учтены, можно указанную цифру увеличить до 2000 человекъ.

Что касается прибрежной части страны уди́на, то поселенія ихъ на основаніи собранныхъ мною лѣтомъ 1897 г. свѣдѣній, имѣются въ слѣдующихъ мѣстахъ.

При устьѣ р. Ботчи находимъ двѣ юрты: въ одной 11 жителей (7 м., 4 ж.), въ другой—6 (4 м., 2 ж.). Пройдя вверхъ по рѣкѣ съ версту или меньше, встрѣчаемъ юрту съ 5 жителями (3 м., 2 ж.); еще далѣе вверхъ находятся двѣ юрты, изъ коихъ въ одной—12 жителей (6 м., 6 ж.), въ другой—7 (4 м., 3 ж.); еще далѣе, въ верховьяхъ рѣки, юрта заключаетъ въ собѣ 7 человекъ (5 м., 2 ж.) ¹⁾. На слѣдующихъ за Ботчи маленькихъ рѣчкахъ, на югъ до р. Нельма, появляются лишь временно охотники-удинѣ, —напримѣръ, съ послѣдней рѣки прѣзжаютъ для охоты за сохатымъ. Лѣтомъ 1897 г. я засталъ на одной изъ такихъ едва замѣтныхъ рѣчушекъ двѣ семьи уди́на, удачно охотившихся за лосемъ.

При устьѣ небольшой и, сравнительно, небыстрой рѣки Нельма расположено селеніе уди́на, называемое ими Нельмъ. Въ поселеніи двѣ семьи—одна въ 7 (5 м., 2 саж.), другая—въ 3 (2 м., 1 ж.) человекъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ, по свѣдѣніямъ г. Надарова, на этой рѣкѣ существовало болѣе многочисленное населеніе; въ 1897 г., при моемъ посѣщеніи, жители Нельмы и другихъ рѣчекъ (напр., Луды, Адамы) переселились на рѣку болѣе южную, называемую уди́на Самаргѣй, а на картахъ обозначаемую именемъ „Вѣглянка“. Послѣдняя дѣйствительно является своего рода центромъ и самымъ многочисленнымъ поселеніемъ уди́на въ сѣверной части территоріи ихъ. Лѣтомъ юрты разбиты на низменной полосѣ, которая тянется отъ устья рѣки на 10 верстъ, пока рѣка не вступить въ горы. При впаденіи въ море, рѣка эта разбивается на нѣсколько протоковъ, поросшихъ рѣдколѣсьемъ (ветлы, вербы, ели и др.) и высокою травой. Въ этомъ мѣстѣ видъ на рѣку довольно живописенъ, особенно раннимъ утромъ или тихимъ вечеромъ. Зимнія юрты расположены ближе къ горамъ, въ разстояніи 10 верстъ отъ лѣтнихъ.

На лѣвой протокѣ находятся два селенія: ближе къ берегу моря (въ разстояніи 40—50 саж.) Ку́нд и нà ²⁾ въ двѣ юрты съ 18 жителями (7 м., 11 жен.); по другую стороны протоки, наискось, с. Гѣ также въ 2 юрты, въ которыхъ 22 человекъ (15 м., 7 ж.). При устьѣ рѣки находится село Тикпѣй въ двѣ юрты, въ коихъ 21 житель (9 м., 12 ж.). Верстахъ

¹⁾ Интересно сопоставить съ моею записью записи г.г. Надарова и Маргаритова. Надаровъ въ первыхъ 80-хъ годахъ записалъ: «При устьѣ этой (Ботчи) рѣки стоятъ двѣ ороченскія юрты». Маргаритовъ въ концѣ 80 годовъ указалъ: «С.-Ботчи въ 8 юртъ съ 30 жителями». У меня 48 жителей, слѣдовательно, число обывателей селенія Ботчи увеличилось.

²⁾ Въ языкѣ уди́на часто слышится глухой *с*, который я вездѣ обозначаю латинскою буквою *h*.

въ 4—5 отъ устья расположено село Биһаулэни, состоящее изъ 5 юртъ съ 52 жителями (30 м., 22 ж.). Наконецъ, верстахъ въ 25 отъ устья рѣки находится село Мухтахъ, состоящее изъ 8 юртъ съ 13 жителями (8 м., 5 ж.).

Слѣдующимъ населеннымъ пунктомъ по берегу Японскаго моря является рѣка Идй (можетъ быть, р. Перетолчина существующихъ картъ) ¹⁾. По этой рѣкѣ, на разстояніи 1½—2 вер. другъ отъ друга, разбросано семь юртъ съ 66 жителями (40 м., 26 ж.). На р. Кюмоны (можетъ быть, Бархатовка), при моемъ посѣщеніи, удиһэ не оказалось, хотя г. Надаровъ указалъ при устьѣ ея 4 юрты. На р. Нахтұ (вѣроятно, Торопыгина) найдено шесть юртъ, при чемъ одна расположена на р. Оканъ, въ 20 вер. отъ Нахтұ. Во всѣхъ шести юртахъ 55 жителей (35 м., 20 ж.).

Вторую наиболѣе населенною рѣчкою является Кушунъ (на картахъ обыкновенно называемая Кушунгбу). Жители этой рѣки временно живутъ, во время охоты на сохатаго, по рѣкѣ Токо (на картахъ Тахобей), впадающей въ море сѣвернѣе Кушуна. Послѣдняя рѣка въ настоящее время является границею, до которой по побережью океана проникли китайцы, или манзы, двигаясь съ юга. Здѣсь-же сказываются первые признаки манзовскаго вліянія на удиһэ. Рѣка Кушунъ не широкая, раздѣляется, при впаденіи въ море, на нѣсколько рукавовъ, обильна мелями. Лѣвый берегъ покрытъ густымъ чернолѣсьемъ, правый свободенъ отъ густоты деревъ и часто представляетъ огромныя равнины, покрытыя слоемъ жирнаго чернозема (болѣе 1½—2 четвертей ²⁾). На одной изъ такихъ равнинъ, верстахъ въ 6—7 отъ устья, расположено поселеніе удиһэ и китайцевъ ³⁾. Поселеніе состоитъ изъ 11 жилищъ (фанзы, одна юрта и одинъ балаганъ), въ которыхъ насчитывается 53 жителя (39 муж., 14 ж.).

Слѣдующая рѣка Амгұ въ настоящее время заселена многолуднѣе, чѣмъ-то было въ началѣ 80-хъ годовъ, потому что г. Надаровъ упоминаетъ лишь объ одной юртѣ. Лѣтомъ 1897 г. мною найдено 5 жилищъ (фанзы и одинъ балаганъ). Впрочемъ, необходимо замѣтить, что увеличеніе населенія этой рѣки произошло исключительно на счетъ манзъ, а не удиһэ. Можно положи-

¹⁾ Далѣе называю рѣки именами, слышанными мною отъ удиһэ. Идйинскій старшина нарисовалъ мнѣ рѣки по морскому берегу въ слѣд. порядкѣ: Идй, Ай, Кюмоны, Нахтанъ, Пса, Уйканъ, Халанку, Кумһу, Таһа. Нѣкоторые удиһэ называли еще другія рѣчки на томъ же пространствѣ, наприм.: Казд, Нянеу.

²⁾ Мнѣ довелось быть на р. Кушунъ въ дождь. Идя по равнинѣ къ фанзамъ, я испытывалъ то же, что бывасть съ путникомъ во время дождя, напримѣръ, въ Подольской губерніи: жирный липкій черноземъ тянется за сапогомъ.

³⁾ На устьѣ этой рѣки стоитъ 1 юрта ороочоновъ, а выше по теченію рѣки расположено еще нѣсколько ороочонскихъ юртъ и китайскихъ фанзъ. Китайцы и ороочоны по р. Бикину говорили мнѣ, что на р. р. Кушунгоу живетъ много ороочоновъ, говорить объ этой рѣкѣ г. Надаровъ (Ор. cit. 36 стр.).

тельно сказать, на основаніи видѣннаго мною, что эта рѣка отвоевана у уди́нѣ китайцами. По сообщенію г. Большева, долина р. Амгу способна и благоприятна къ населенію. Дѣйствительно, я видѣлъ хорошія нивы вокругъ жилищъ; за пашнями высятся различной породы лѣсъ. Рѣка не особенно быстрая и довольно глубокая, на пройденномъ мною 7—8-верстномъ разстояніи отъ устья, течетъ въ высокихъ берегахъ, едва-ли позволяющихъ водѣ выходить изъ русла. Жилища, составляющія поселеніе на р. Амгу, разбросаны на большомъ пространствѣ.

Въ 4-хъ фанзахъ живетъ 6 манзъ и одна женщина уди́нѣ; въ балаганѣ-же — семья уди́нѣ, состоящая изъ 6 человекъ (5 м., 1 ж.), да еще одного работника—манзы,—всего въ селеніи 14 жителей (12 м., 2 ж.).

На р. Такхонѣ, въ 10 верстахъ отъ устья, расположено село Кэмэ. Время и сюда внесло значительныя перемѣны, судя по тому что сообщилъ г. Надаровъ. „Въ нижнемъ теченіи ея (Такхомы) расположена, — говоритъ онъ ¹⁾ — деревня орочоновъ, состоящая изъ 19 домовъ, а при устьѣ одна орочонская юрта“. При моемъ посѣщеніи, никакой юрты при устьѣ рѣки не оказалось; верстахъ въ 10—15 отъ устья находится и нынѣ село, состоящее изъ уди́нѣ и манзъ, но въ немъ всего-на-все шесть жилищъ. Еще г. Большевъ призналъ долину Такхомы вполне способной и благоприятной для заселенія. Дѣйствительно, при самомъ устьѣ рѣки, параллельныя складки Сихота-Алина, окружающія ее, значительно удаляются справа и слѣва и образуютъ обширную долину, по которой проложена даже колесная дорога жителями с. Кэмэ. Идя по этой долинѣ, покрытой черноземомъ, буйною растительностью и пестрымъ ковромъ разнообразныхъ цвѣтовъ, я невольно припомнилъ долины ранѣе видѣнныхъ рр. Сучана и Та-Судухэ: такъ всѣ онѣ сходны между собою. По долинѣ Такхомы тамъ и сямъ разбросанъ рѣдкій лѣсъ, который сплошнымъ кольцомъ облегаетъ далекій горизонтъ и чернѣется тамъ широкою лентою. Породы лѣса разнообразны, по склонамъ-же горъ исключительно растутъ низкорослый и корявый дубъ.

Къ сожалѣнію, долина эта въ нижней части подвержена наводненіямъ при разливѣ рѣки, вотъ почему село Кэмэ и отодвинулось верстъ на 10—15 въ глубь страны. Жилища, составляющія село Кэмэ, разбросаны на большомъ разстояніи и образуютъ двѣ группы: одна состоитъ изъ трехъ рядомъ стоящихъ фанзъ, другая тоже изъ трехъ фанзъ, но сильно разбросанныхъ. Семьи тутъ смѣшанныя, потому что манзы поженились на женщинахъ уди́нѣ; происшедшее поколѣніе женится между собою, и происходитъ сильное смѣшеніе крови уди́нѣ и манзовской. Лучше всего это будетъ видно изъ слѣдующаго

¹⁾ Ор. cit. стр. 37.

указанія на составъ семей. Въ первой фанзѣ 10 жителей: хозяинъ-китаецъ, женатъ на женщинѣ удиһэ; родившійся отъ этого брака сынъ женатъ на удиһэ и имѣетъ отъ брака съ нею двухъ дочерей и одного сына. Кромѣ названныхъ членовъ семьи, здѣсь живетъ — работникъ съ женою, оба удиһэ и работникъ—манза (5 м., 5 ж.). Въ другой фанзѣ изъ 8 жителей—два китаецъ, одинъ кореецъ, остальные—удиһэ (6 м., 2 ж.); въ третьей фанзѣ всѣ пять жителей—удиһэ (3 м., 2 ж.), въ четвертой изъ 9 жителей (6 м., 3 ж., три китаецъ; пятая состоитъ изъ 3 манзъ; шестая изъ удиһэ (2 м., 2 ж.). Во временномъ балаганѣ, встрѣченномъ при устьѣ Такхомы жили пастухи—одинъ удиһэ, другой—китаецъ. Р. Санденбея, впадающая въ бухту Терней, является въ настоящее время однимъ изъ населеннѣйшихъ пунктовъ побережья отъ р. Коппи до зал. св. Ольги. Значительное увеличеніе населенія объясняется притокомъ китацевъ.

Если г. Надаровъ въ началѣ 80-хъ годовъ по р. Санденбею нашелъ 4 фанзы, то теперь, верстахъ въ 6—7 отъ устья рѣки, расположено большое село Санхабэ, состоящее изъ 32 фанзъ, разбросанныхъ на протяженіи 10—15 верстъ по обоимъ берегамъ Санденбея. Это поселеніе можно считать вполне манзовскимъ, потому что изъ 32 фанзъ только 9 имѣютъ жителями удиһэ или семьи смѣшанныя. Поэтому и обозначаю здѣсь лишь эти 9 фанзъ. Въ первой фанзѣ хозяинъ—китаецъ, женатъ на вдовѣ удиһэ, имѣющей отъ перваго мужа—удиһэ двухъ сыновей (3 м., 1 ж.). Во второй фанзѣ изъ 10 жителей (6 м. 4 ж.) три китаецъ-работника, остальные — удиһэ; въ третьей—два китаецъ и двѣ женщины—удиһэ (2 м. 2 ж.); въ четвертой—одинъ удиһэ, два китаецъ (3 м.); въ пятой изъ 10 жителей (2 м., 8 ж.) всѣ удиһэ; въ шестой 9 жителей (5 м., 4 ж.): хозяинъ—китаецъ, хозяйка—удиһэ, у нихъ три сына и три дочери да работникъ—китаецъ; въ седьмой—шесть жителей (5 м., 1 ж.)—всѣ китаецъ, лишь женщина — удиһэ; въ восьмой всѣ 10 жителей (5 м., 5 ж.)—удиһэ; девятая фанза изъ 10 человекъ (8 м., 2 ж.) имѣетъ такой составъ: хозяинъ—солонѣ, женатый на женщинѣ удиһэ и дѣти отъ этого брака. Вполнѣ подтверждая сообщеніе г. Большева о пригодности долины р. Санденбея для заселенія, долженъ указать, что долина затопляется рѣдко, лишь въ исключительныя наводненія, каково, напримѣръ, наводненіе 1896 г. Долина покрыта довольно глубокимъ слоемъ чернозема, очень плодородна и тщательно воздѣлывается китацами. По моему мнѣнію, въ недалекомъ будущемъ село Санхабэ будетъ играть видную роль въ экономической и промышленной жизни края. Сама по себѣ рѣка отличается глубиною и славна на всемъ почти теченіи; въ устьѣ ея свободно проходятъ нагруженные рыбою японскія шкуны. Рыбы въ эту рѣку идетъ много, и этотъ участокъ считается наилучшимъ на побережья Япон-

скаго моря. Горы, окружающія долину, покрыты прекраснымъ кедровымъ лѣсомъ, къ разработкѣ котораго уже приступила лѣтомъ 1898 г. компанія владивостокскихъ коммерсантовъ. Разработка лѣсныхъ богатствъ сильно оживитъ рѣку, привлечетъ сюда еще большее населеніе, при чемъ тутъ поселятся и русскіе; потребности лѣсопильни вызовутъ спросъ на продукты сельскаго хозяйства, что заставитъ жителей расширить и безъ того обширныя пашни.

За рѣкою Санденбею прекращаются на большое разстояніе поселенія уди́нэ, или тазъ, уступивъ мѣсто одинокимъ фанзамъ манзъ. Вновь селенія уди́нэ появляются на р. Тадушю, или Тазуши (Лефуле); но здѣсь, какъ и дальше по другимъ рѣкамъ, уди́нэ живутъ уже островками среди мензовскаго моря и теряютъ основу національности—языкъ. По сообщенію ольгинскаго пристава г. Шкуркина, переданному мнѣ лично лѣтомъ 1897 г., на р. Тадушю только тѣ уди́нэ говорятъ, лучше сказать, знаютъ еще свой языкъ, которымъ болѣе 40 лѣтъ; молодое же поколѣніе забыло родную рѣчь и говоритъ по-манзовски. Подобное явленіе, печальное для національности уди́нэ, замѣчается повсемѣстно на югѣ.

Не имѣя подъ руками свѣдѣній, добытыхъ послѣднею переписью, затрудняюсь сказать что-либо опредѣленное о количествѣ тазъ, обитающихъ на рр. Тазуши, Аввакумовкѣ и другихъ; могу сказать лишь то, что количество ихъ значительно уменьшилось: г. Пржевальскій въ концѣ 60-хъ годовъ насчиталъ на р. Шерудинѣ 25 фанзъ китайцевъ и уди́нэ, т. е., полагая по 5 жителей на фанзу, 125 человекъ, а г. Шкуркинъ, переписывая жителей по той же рѣкѣ лѣтомъ 1897 г., нашелъ лишь 97 человекъ¹⁾. Во время экспедиціи на Сучанѣ, лѣтомъ 1896 г., мною добыты слѣдующія свѣдѣнія о поселеніяхъ и количествѣ уди́нэ!

На р. Сяо-Судухэ, верстахъ въ 7—8 отъ впаденія ея въ Та-Судухэ, имѣются уди́нэ въ слѣд. фанзахъ: въ фанзѣ Ли-чанга проживаютъ жена хозяина и ея братъ, родителями которыхъ были отецъ-манза и мать-тазачка, и работникъ, родители котораго были уди́нэ. Въ фанзѣ Шуэнца (или Ти-серъ) жителей 8 (4 м., 4 ж.)—все уди́нэ; въ фанзѣ Лойси—5 жителей (2 м., 3 ж.) все тазы, или уди́нэ, въ фанзѣ Лянсыра—1 уди́нэ. На р. Та-Судухэ, по обѣимъ ея сторонамъ, находятся уди́нэ въ слѣд. фанзахъ: въ фанзѣ манцы Лю-мин-хэ жена-уди́нэ и работникъ—уди́нэ (1 м., 1 ж.), далѣе идетъ семья уди́нэ Тоцара (1 м., 1 ж.), Канжара (2 м., 2 ж.), старухи Оригуэго (2 м., 2 ж.). Семья Кохолуна состоитъ изъ хозяина-таза, жены-корейки и дѣтей отъ этого брака—двухъ сыновей и дочери (3 м., 2 ж.). Въ фанзѣ Чанчуна мужъ и жена — уди́нэ, а товарищъ мужа —

¹⁾ «Поѣздка на р. Лифудинъ для переписи населенія въ 1897 г.», («Приамурскія Вѣдомости», №№ 202—203).

китаецъ; въ фанзѣ китайца Лію—два уди́не (2 м.); въ фанзѣ Чуй-фѹ и Тен-дѹ-фѹ тазъ 6 (4 м. и 2 ж.); въ фанзѣ Тодина 5 жителей — уди́не (4 м., 1 ж.). Въ мѣстности, называемой Тудугоу, есть фанза, хозяинъ коей полутазъ, жена-тазачка; у нихъ три сына и одна дочь, при чемъ меньшій сынъ, двухлѣтній ребенокъ, имѣетъ русые курчавые волосы — явление, весьма рѣдкое среди уди́не. Въ фанзѣ манзы Цуй-шен-юна одинъ тазъ (1 м.).

Въ бухтѣ Чутовѣ, недалеко отъ впаденія Та-Судухэ въ море, находится фанза таза-капустолова Павшѹна (1 м.); въ бухтѣ Лонгувай (близъ б. Находка), въ фанзѣ, 3 жителя—уди́не (2 м., 1 ж.).

Изъ сказаннаго ясно, что въ восточной части Зауссурійскаго края насчитывается около 500 уди́не обоего пола. Если присоединить сюда неизвѣстное количество по рр. Тауху, Лифудину и другимъ; если прибавить тѣхъ уди́не, которые, по разспроснымъ свѣдѣніямъ, обитаютъ близъ гор. Никольска-Уссурійскаго и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ, то всего уди́не едвали наберется 3¹/₂ тысячи.

Сосѣдями уди́не на сѣверѣ, западѣ и югѣ являются различные родственные и неродственные народы, которые оказываютъ на нихъ сильное вліяніе. На сѣверѣ они примыкаютъ и постоянно сталкиваются съ орочами или орочами р. Коппи и Императорской гавани ¹⁾. На западѣ и сѣверо-западѣ сосѣдямъ уди́не являются гольды и манзы; на югѣ—исключительно манзы и отчасти русскіе.

Изъ названныхъ народовъ наибольшую роль въ жизни уди́не въ настоящее время играютъ китайцы, или манзы. Столкновеніе уди́не съ китайцами, однимъ изъ культурѣйшихъ народовъ восточной Азіи, уходитъ въ почтенную давность: начало его восходитъ къ XVII столѣтію. Китайцы, этотъ практичный, предприимчивый и ловкій народъ, подчинившій своему культурному вліянію своихъ побѣдителей маньчжуровъ и образовавшій особый народъ манзъ (т. е. маньчжуро-китайцевъ), уже давно пробрались въ Зауссурійскій край и распространяютъ здѣсь свой языкъ, религію, нравы и обычаи, вліяя даже на измѣненіе физическаго типа аборигеновъ его—уди́не и гольдовъ. Надвигаясь съ юга (по арх. Палладію, съ Хуньчуна), манзы тѣснили уди́не и отодвигали ихъ постепенно на сѣверъ. Если взять недавнее прошлое, то въ долинѣ Сучана, напримѣръ, со временъ г. Пржевальскаго, впервые указавшаго на присутствіе большого количества манзъ на Сучанѣ, и со времени доклада г. Надарова („Матеріалы къ изученію Уссурійскаго края“, Владивостокъ, 1886 г.) многое измѣнилось. Въ настоящее время

¹⁾ Объ этихъ орочахъ писалъ г. Маргаритовъ: «Объ орочахъ Императорской гавани», С.-Петербургъ, 1888 г.

Сучанъ не является мѣстомъ главнаго скопленія манзъ, потому что распоряженіе покойнаго военнаго генералъ-губернатора бар. А. Н. Корфа о выселеніи съ долины этой рѣки манзъ, ежегодно увеличивающееся поселеніе русскихъ переселенцевъ сильно измѣнили этнографическую фізіономію данной мѣстности. Быть можетъ, упомянутыя только что обстоятельства явились причиною дальнѣйшаго движенія манзъ на сѣверъ, безостановочно совершающагося и понынѣ. Благодаря этому движенію, давно уже позади оставлена манзами граница, 46-й градусъ сѣверной широты, указанная г. Венюковымъ, какъ предѣлъ поселеній ихъ на сѣверѣ. Мы видѣли, что манзы проникли и осѣлись уже на р. Кушунгоу, не говоря о томъ, что для торговыхъ цѣлей они проникаютъ зимою гораздо сѣвернѣе. Сказанное о приморской части Зауссурийскаго края вполнѣ примѣнимо и къ захребетной: и здѣсь манзы проникли далеко въ глубь страны удіиѣ, подчиняя послѣднихъ своему вліянію.

Всестороннему разсмотрѣнію вліянія китайскихъ выходцевъ на различныя стороны матеріальнаго и духовнаго быта удіиѣ отчасти посвящены всѣ послѣдующія главы настоящей монографіи, потому что, изслѣдуя бытъ удіиѣ, нельзя не говорить о вліяніи на нихъ манзъ.

ГЛАВА V.

Физическія особенности удіиѣ.

Расовые признаки удіиѣ никѣмъ еще научно не изучались. Не беря на себя подобной тяжелой и непосильной по специальности работы, я рѣшаюсь представить въ этой главѣ нѣкоторый матеріалъ и нѣсколько заключеній и соображеній по этому важному вопросу, опираясь на результаты, добытые учеными относительно другихъ народовъ, въ частности относительно инородцевъ Сибири.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о классификаціи инородцевъ Амурскаго края, будемъ исходить изъ той мысли, что удіиѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими инородцами принадлежатъ къ тунгусскому племени. Поэтому вся наша задача, при изложеніи этой главы, будетъ состоять въ сообщеніи матеріала, который можетъ дать возможность къ установленію отношенія удіиѣ ко всему племени, а равно и къ отдѣльнымъ вѣгвамъ того народа, который извѣстенъ въ этнографіи инородцевъ Азіи подъ названіемъ орочей.

Принимая во вниманіе, что на территоріи удіиѣ едва ли происходили

въ историческія времена сильныя передвиженія народовъ и племенъ, а равно считая отчасти справедливымъ мнѣніе геолога Д. В. Иванова, что сѣверная часть Зауссурійскаго края, угрюмая и суровая, всегда была непривлекательною для человѣка, слѣдовало бы предположить, что чистый физическій типъ уди́нэ долженъ былъ сохраниться въ неприкосновенной цѣлости. Но подобнаго рода предположеніе было бы слишкомъ прямолинейнымъ. Не слѣдуетъ забывать, что Зауссурійскій край, не смотря на гористый характеръ, при обиліи рѣкъ и переваловъ, представляетъ возможность для всякаго рода передвиженій и сближеній населяющихъ его народовъ; не надо упускать изъ виду и то обстоятельство, что уже въ историческія времена, издавна, уди́нэ приходили въ соприкосновеніе съ различными родственными и неродственными племенами; стоитъ припомнить, что уди́нэ, мирный и безпечный, не сторонится приходящихъ на его территорію народовъ, но скоро и легко входитъ въ общеніе съ ними, подчиняясь вліянію болѣе культурнаго изъ нихъ,—слѣдуетъ имѣть все сказанное въ виду, чтобы признать, что уди́нэ, какъ и многіе другіе инородцы Амурскаго края, не сохранили чистоты своего физическаго типа.

На основаніи современныхъ данныхъ положительно можно сказать, что уди́нэ представляютъ помѣсь многихъ народовъ. Браки уди́нэ съ орочами Императорской гавани, приобрѣтеніе или похищеніе женщинъ-уди́нэ гольдами, въ позднѣйшее время все усиливающееся сожителство манъ съ женщинами этого народца—произвели такую этнографическую мѣшанину, что изъ нея трудно выдѣлить цѣльный физическій типъ. Послѣ только что сказаннаго вполне станетъ понятнымъ то разнообразіе характеристикъ физическаго типа уди́нэ, какое представляетъ литература. Венюковъ, впервые описавшій тазовъ, или уди́нэ, нашелъ, что они менѣе худощавы, въ отношеніи рукъ и ногъ болѣе мускулисты, сравнительно съ прибайкальскими тунгусами; лицо ихъ не имѣетъ угловатости исто-монгольскихъ племенъ, каковы бураты, калмыки и др.; скуловые дуги у нихъ выдаются меньше, носъ не плоскъ, промежутокъ между глазами не такъ широкъ и, наконецъ, глаза часто лишь сѣрые, а не черные ¹⁾). Максимовичъ замѣтилъ, что на рѣкѣ Хорѣ тазы даже выше средняго роста, красиво сложены, съ пріятнымъ лицомъ и высокимъ носомъ, но съ рѣдкою бородою ²⁾). г. Надаровъ ³⁾ пишетъ: „Лицо орочона нѣсколько продолговатое и не такое плоское и широкое, какъ лицо гольда; скулы у орочона тавія же выдающіяся, какъ у гольда, носъ менѣе приплюснутый и зачастую даже острый. Разрѣзъ глазъ косой. Волосы на головѣ у орочона

¹⁾ Цитирую Венюкова по сочиненію Шренка, стр. 302.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Op. cit. 74 стр.

черные, густые и жесткіе; усы и борода черные, рѣдковатые. Кисти рукъ и ступни ногъ малыя. Вообще по фигурѣ орочонъ представляется сухощавымъ, но мускулистымъ. У женщинъ формы тѣла очень округленныя. Губы у мужчинъ и женщинъ толстыя“.

Въ трудахъ Приамур. Отд. И. Р. Г. Общ. за 1895 г. читаемъ: „Орочонъ средняго роста, стройнаго и красиваго тѣлосложенія, съ плавными, граціозными движеніями. Женщины, наоборотъ, низкаго роста, широкаго, приземистаго сложенія, съ неуклюжей, переваливающейся походкою. Лицомъ орочоны совершенно похожи на китайцевъ ¹⁾. Хотя г. Маргаритовъ говоритъ въ своей работѣ объ орочахъ Императорской гавани, но такъ какъ онъ включилъ въ нее и уди́на, живущихъ на р. Ботчи (у него названа Ботиль), и такъ какъ орочи Императорской гавани являются ближайшими родичами уди́на, то я позволю себѣ привести сдѣланную имъ характеристику общаго физическаго типа орочей, характеристику, наиболѣе полную изъ всего, что писалось доселѣ. „Голова небольшая,—пишетъ онъ ²⁾,—лицо большое, лобъ прямой и невысокій, лобные бугры слабо развиты и сближены; виски (отъ полукружныхъ линій идутъ прямо назадъ) плоскіе. Затылокъ плоскій и у большинства спускается почти прямой линіей отъ макушки къ шеѣ; затылочный бугоръ неясно ощупывается, или же ощупывается въ видѣ поперечнаго вала, лежащаго несимметрично... Лицо плоское и широкое у скулъ и немного сужено къ верху и къ низу; при томъ бываетъ какъ короткое (квадратъ), такъ и продолговатое (прямоугольникъ). Носъ у большинства съ низкой спинкой и незамѣтно расплывающійся въ стороны... Курносыхъ и длинноносыхъ, собственно говоря, нѣтъ... Глаза вообще небольшіе, черные... Челюсти сильно развиты и вооружены большими, крѣпкими и частыми зубами... Руки и ноги не мускулистыя, ноги съ кривизною у колѣнъ наружу, кисти рукъ и ступни ногъ маленькія“... Къ сказанному необходимо добавить, что г. Маргаритовъ различаетъ двойственный типъ орочей Императорской гавани: одинъ плосколицый и безволосый или маловолосый, другой—длиннолицый и многоволосый.

Не предпрѣшая напередъ вопроса объ общемъ физическомъ типѣ уди́на, я постараюсь ниже привести тѣ антропометрическія данныя, которыя удалось мнѣ добыть въ экспедицію 1896 г. Подвергнуто было измѣренію 32 особи—уди́на, мужчинъ и женщинъ, стариковъ, взрослыхъ и дѣтей. А чтобы читатель могъ судить о достоинствѣ крови, текшей въ жилахъ мною измѣренныхъ субъектовъ, я предварительно приведу краткія свѣдѣнія объ ихъ происхожденіи и жизни до періода измѣренія.

¹⁾ Подобное же замѣчаніе см. у А. Максимова, «С.-Петер. Вѣдом.» 1880 г. № 178.

²⁾ Op. cit. 37 стр.

Таза Шуюнца́й (говорить, въ молодости звали его Тисе́ръ) родился отъ чистокровныхъ тазъ на р. Та-Судухъ; 22-хъ лѣтъ перешелъ на р. Сучанъ, и черезъ 10 лѣтъ на Сяо-Судуху. Жена его Инче́ръ—также чистокровная тазачка. Изъ ея дѣтей измѣренъ сынъ Шонсѣй Племянникъ Шуюнца́й Пха́ръ родился отъ тазъ: отца Соца́ра и матери Сиге́ръ на Сучанѣ. Переехалъ на Сяо-Судухъ въ 1884 г., когда, по приказанію покойнаго генераль-губернатора Приамурскаго края барона Корфа, выгоняли съ Сучана манзъ. Приставъ Марковъ, не зная племенного состава населенія Сучанской долины, принялъ тазъ за манзъ и выселилъ первыхъ вмѣстѣ съ послѣдними.

Таза Лойсѣй родился на Сучанѣ, а въ 1884 г. переселился на Сяо-Судухъ. Жена его Юэ родилась отъ тазачки и манзы на Сучанѣ. Племянникъ его Шу́а—чистокровный таза.

Лакáза родился на Сучанѣ отъ тазачки и манзы.

Су́а—родной братъ Шуюнца́й, чистокровный таза.

Сича́ръ—чистокровная тазачка, родилась на р. Та-Судухъ, гдѣ и вышла замужъ за манзу Лю-мин-хэ. Ка́ръ ея дочь отъ этого брака.

Тоца́ръ и его жена Цайне́ръ—чистокровные тазы; родились: мужъ на р. Тауху, жена—на Сучанѣ.

Канжа́ръ и жена его Чогоръ—чистокровные тазы. Онъ родился на р. Пхусунѣ, она—на Та-Судухъ.

Чуминда—чистокровный таза, родился на Та-Судухъ, бродилъ по Сучану, Сяо-Судухъ.

Чумуйэ—родился на Сучанѣ отъ родителей тазъ.

Кохолунъ (имя манзовское) считаетъ себя чистокровнымъ тазою, хотя сосѣди утвердительно заявляли мнѣ, что онъ происхожденія смѣшаннаго. Сынъ его Ся́ръ родился отъ брака съ корейкою.

Ленга́ръ—чистокровная тазачка, родилась и выросла на Сучанѣ.

Братъ Юнхѣ и Чюнцѣ родились на Сучанѣ отъ родителей тазъ.

Кинца́ръ родился на Сучанѣ, какъ и жена его Ями́ отъ чистокровныхъ тазъ. Ихъ сынъ Шоръ.

Таза Чинга́ръ родился на Та-Судухъ отъ родителей тазъ.

Чистокровный таза Тодинъ родился на Та-Судухъ, а женился на Сучанѣ на Кы́ръ, отцомъ которой былъ—манза, матерью—тазачка.

Братъ Оршао и Сы́ръ родились—первый на Та-Судухъ, второй—въ бухтѣ Ченсавай отъ тазъ.

Чистокровный таза Чангыръ глубокий старикъ.

Шанъ родилась на Сучанѣ отъ чистокровныхъ тазъ, но вышла замужъ за Чан-Сугу́на, у котораго отецъ—манза, мать—тазачка.

Измѣренія означенныхъ уди́нэ производились самоѣльнымъ приборомъ, устроеннымъ по образцу крапіометра, и метрическою лентою. Поэтому цифры моихъ измѣреній слѣдуетъ считать лишь приблизительными; величины мною всюду показываются въ сантиметрахъ.

Измѣренія тѣла дали слѣдующія цифры:

ИМЕНА И ПОЛЬ.	Сложение.			Размѣры тѣла.																
	Худое.	Среднее.	Толстое.	Ростъ стоя.	Ростъ сидя.	Высота слухового отверстия.	Высота плеча до края подбородка.	Высота асгном'а.	Высота Epicondylus'a.	Высота верхней конечности до края среднего пальца.	Объемъ груди.	Ширина плечъ.	Длина плеча.	Длина предплечья.	Длина кисти руки.	Обхватъ ладони.	Длина голѣни.	Длина ступни.	Обхватъ ступни.	Лѣта.
Шуюнцай м.	худ.	—	—	174	90,2	158,4	150,2	143	111,2	63	87,9	41	35,5	26,8	19,2	19,2	44	23	23,5	42
Инчѣръ ж.	—	ср.	—	154,7	79,7	144,2	128,9	132,5	98,7	57,6	85 ¹⁾	37,2	28	24,4	18,3	18,3	36	23,3	21,1	41
Шонси м.	—	ср.	—	137,8	74,1	123,8	118,7	112,2	85,4	50	66	27,6	24,5	21	14,8	16,8	31,9	21,2	20,6	13
Пхѣръ м.	—	ср.	—	169	87	153,2	142,8	139,7	105,5	64,5	91	38,8	33,4	24	20	20,3	41	25,3	24,8	28
Лойси м.	—	ср.	—	177	96,7	165	159	151,3	116,4	66,8	92	36,8	38	27	19,5	20,5	43,5	26,7	25	26
Юэ ж.	—	ср.	—	157,7	80,3	148,3	136,7	129,8	102,5	59,7	85,3	34,5	36,2	24,2	18,9	19,1	37	24,2	22	20
Шуа м.	—	ср.	—	156,6	79	144	135,5	129,6	97	58,2	81,6	35,7	28,8	24,7	18,8	19,4	39	24	22	17
Лаказа м.	—	ср.	—	134,5	69,4	125,7	116,9	106	82,4	45,5	67,3	30	24	19,3	15,7	16,2	28,5	20,9	18,9	12
Суа м.	худ.	—	—	178,4	94	167,6	156	148,3	117,3	70,6	87,3	41	32,9	27,8	18,8	18,5	40,5	27	24,6	30
Сичѣръ ж.	—	—	тол.	160,3	82,9	149	138,5	133,2	103,8	64,9	89	40	30,7	23,6	16,3	17,8	35,5	22,3	23,5	32
Каръ ж.	худ.	—	—	125,6	67,2	115,5	107	98,6	75,1	42,7	60,4	30,2	27,7	16,3	14	14,4	29,5	69,3	19	11
Тоцаръ м.	худ.	—	—	178,8	92,3	165,7	155	150,8	115,3	70	90,8	40	34	25	21,7	21	41,2	26,4	23,5	35
Пайнѣръ ж.	—	—	тол.	153,8	81,6	110,7	121,9	125,1	91,9	53,8	89,5	35,5	28,1	22	18,6	19,7	38,5	21,4	23	36
Канжаръ м.	худ.	—	—	170,5	88,7	159	149,7	142,5	108,7	64,3	89,2	32,2	32	28	21,1	23,1	39,4	27,4	25,8	21
Чогоръ ж.	худ.	—	—	158,1	81	146,1	137,8	132,2	101,8	62,2	80	32,5	30	23,3	18	17,5	37	23	24	21
Чуминда м.	—	ср.	—	168,8	91	157,7	148,3	133,3	106	62,8	77,8	39	27,7	24	19	17,5	37,9	24	24,3	60
Чумуйэ ж.	—	ср.	—	165,4	86,2	157	147	139	105,2	60	84,8	39,7	31,2	24,7	19,3	20,1	39,8	24,7	25	27
Кохолунъ м.	худ.	—	—	169,1	78	156,7	149,2	141,9	109,7	63,1	80,8	37,6	33,7	27,5	21,2	19,5	42,5	27	21	41
Сяръ м.	—	ср.	—	159,4	74,7	145,9	137,3	131,6	101,5	58,3	76,3	35,7	27,6	23,3	18,2	19	37,4	23,9	22,9	17
Ленгаръ ж.	худ.	—	—	155	75,2	143,3	135,7	125,9	95,3	59,4	78	35,4	29,8	23	17	16,5	37,5	21	19,5	27
Юнхѣ м.	—	ср.	—	161,2	81,2	149,8	142	132,8	97,9	56	79,9	40,5	33,1	25,7	18,8	21	38,5	24,3	23,9	20
Чунцѣ м.	—	ср.	—	144,5	70,8	135,5	130,6	117,9	88,1	50	73	36,5	26,7	21	16	16,8	34,9	23,8	22,3	12
Кинцаръ м.	—	ср.	—	166,5	86,4	153,1	143,8	141,5	108,8	62,4	89	42	35,2	28,7	20,2	19,8	39	26,2	23,5	38
Ями ж.	—	ср.	—	147,4	83,7	134,5	126	124,8	93,8	58	81	33,5	29,3	24,5	17,5	17	32	23,5	22,6	38
Шоръ м.	худ.	—	—	116,8	59,5	104,2	100	92	70,7	42	57	28	21	18,5	14,3	14	27	20,1	19,2	9
Чангаръ м.	—	ср.	—	161,7	86	150,1	141,5	136,8	106	64	82,3	34,7	30,5	23,6	20	20	39,7	26,4	24	49
Тодинъ м.	худ.	—	—	175,3	95,2	163,3	150,8	139,8	109	67	89,8	40	35,2	26	23,5	22	42,5	26,3	25	40
Кыръ ж.	—	ср.	—	161,4	89,1	150,7	142,5	131,4	100,7	64,7	81,8	38,5	33	24	18,4	18,9	37	25	22,8	31
Оршао м.	—	ср.	—	160,4	89,8	148,6	137,8	129,7	99,2	61,5	81,5	38	31,8	23,3	19,9	18,8	38,8	24,4	21,8	32
Сыръ м.	—	ср.	—	164,2	87	156,3	142	134,5	102,8	63,4	88,3	42,3	34,7	25	20,5	22	38	24,8	24,1	25
Чангыръ м.	худ.	—	—	171	85,9	159,4	148,6	141,5	112	65,5	90,1	40,3	33,8	26,5	21,3	21,3	37,8	28,5	27,5	72
Шанъ ж.	худ.	—	—	156,4	79,2	146,3	133,8	126	95,5	61,5	81	35,4	31,5	21,2	18,1	18,3	36	24,4	21,8	28

¹⁾ Женщинъ нельзя было измѣрять, обнаживъ ихъ, поэтому объемъ груди измѣрялся чрезъ платье (двѣ рубахи).

Примѣчаніе: 1) У Чумуйэ на обоихъ ногахъ выдается второй отъ большого пальца. 2) При измѣреніи Ленгаръ и др. женщинъ оказалось, что измѣрять женскія головы мѣшаютъ обильные волосы. 3) У Тодина на ногахъ, при обхватѣ ступни, шишка; на обоихъ ногахъ большой палецъ и слѣдующіе равны. 4) У Оршао на обхватѣ ладони, около мизинца, шишка. 5) У старика Чангыра на объемѣ голени, съ обоихъ сторонъ, шишки; на обоихъ ногахъ второй отъ большого пальца длиннѣе. Шишки ревматическаго происхожденія.

Представленная таблица позволяет сдѣлать слѣдующіе выводы: во-первыхъ, толстые субъекты среди уди́нэ явленіе весьма рѣдкое; большая часть ихъ среднего или худощаваго (тощаго) тѣлосложенія. Во-вторыхъ, примѣсь манзовской крови влечетъ увеличеніе роста и другихъ частей тѣла. Въ-третьихъ, сравненіе моей таблицы съ таблицею г. Маргаритова ¹⁾, измѣрившаго орочей Императорской гавани, показываетъ почти полное совпаденіе цифръ роста, длины кисти руки, обхвата ладони, если перевести его миллиметры на мои сантиметры. Поэтому весьма вѣроятно, что ростъ, длина кисти и обхватъ ладони, въ отношеніи размѣра тѣла, являются наиболѣе устойчивыми физическими признаками для различныхъ вѣтвей одного народа, извѣстнаго подъ именемъ орочей, а затѣмъ, можетъ быть, и для всего тунгускаго племени ²⁾.

По цвѣту волосъ всѣ измѣренные субъекты оказались черноволосыми, два имѣющими красный отливъ, одинъ—чернорыжеватые волоса. На бровяхъ, вѣкахъ, бородѣ и усахъ ³⁾ волосы совершенно такого же цвѣта, какого цвѣта волоса на головѣ ⁴⁾. Растительность на усахъ и бородѣ рѣдкая, на бровяхъ гуще, но не настолько густая, какъ у орочей Императорской гавани. Сѣдыхъ въ обѣ экспедиціи приходилось видѣть мало; сѣдѣть начинаютъ съ 60 лѣтъ и позднѣе. Въ бассейнѣ Та-Судухъ, на Сучанѣ и по побережью Татарскаго пролива мнѣ встрѣтилось не болѣе десятка сѣдоволосыхъ, вообще старыхъ мужчинъ и женщинъ. Весьма вѣроятно, что до старости доживаютъ немногіе уди́нэ, потому что невзгоды жизни, а особенно оспенныя эпидеміи поражаютъ, главнымъ образомъ, взрослое населеніе. Да, по правдѣ сказать, старикъ и старуха представляютъ нѣчто невыразимо жалкое и беспомощное въ современномъ быту уди́нэ. Слепота, глухота, подчасъ общее разслабленіе организма лишаютъ уди́нэ возможности принимать дѣятельное участіе въ жизни юрты или фанзы; такіе старики и старухи почти совершенно заброшены,—и имъ остается только поскорѣе сойти въ могилу, чтобы не обременять своимъ бесполезнымъ существованіемъ другихъ. Живя изо дня въ день, ничего не сберегая про черный день, уди́нэ готовитъ себѣ самую грустную старость!

Подобно цвѣту волосъ весьма однообразенъ и цвѣтъ глазъ. Основнымъ цвѣтомъ глазъ для уди́нэ является карій съ нѣкоторыми немногочис-

¹⁾ Ор. cit. 38—39.

²⁾ Труды антропологическаго общества 1894—1895 уч. года, т. II, статья г. Никольскаго: «Этнографическо-антропологическій очеркъ восточныхъ черемисъ», стр. 54.

³⁾ Борода и усы имѣются у очень немногихъ мужчинъ.

⁴⁾ Свѣтлые волосы у мальчика, о которомъ упоминалось на стр. 59, являются единственнымъ и рѣдкимъ исключеніемъ.

сленными оттѣнками. Такъ, изъ 32 субъектовъ, измѣренныхъ мною, у 24 встрѣтился карій цвѣтъ глазъ, у 4-хъ—темно-карій, у 2-хъ—свѣтло-карій, черный—у одного и сѣрый—у одного. При этомъ слѣдуетъ оговориться, что у стариковъ, напримѣръ, у семидесятидвухлѣтняго Чангыра, трудно опредѣлить цвѣтъ глазъ, потому что онъ измѣнился отъ времени, вылинялъ такъ сказать. Каріе или черные глаза встрѣчались мнѣ исключительно и по побережью Татарскаго пролива.

Труднѣе мнѣ было опредѣлить цвѣтъ кожи: я видѣлъ уди́на лѣтомъ, когда они загорѣли подъ вліяніемъ жаркихъ лучей лѣтняго солнца. Но на основаніи свѣдѣній другихъ изслѣдователей, видѣвшихъ уди́на зимою, можно сказать, что основнымъ цвѣтомъ кожи ихъ слѣдуетъ признать темновато-бурый. На открытыхъ мѣстахъ тѣла—на шеѣ, лицѣ, ногахъ—этотъ цвѣтъ приближается къ темному, а у нѣкоторыхъ, особенно у тѣхъ, которые являются дѣтьми манзъ и тазачекъ, онъ переходитъ въ темно-оливковый. Свѣтлый цвѣтъ кожи, какъ рѣдкое исключеніе, я встрѣтилъ лишь у одного субъекта, который явился плодомъ любовныхъ похижденій лѣсной стражи.

Перехожу къ нѣкоторымъ частнымъ измѣреніямъ.

Остановлюсь сперва на данныхъ, полученныхъ отъ измѣренія и изслѣдованія глазъ.

Имена и полъ.	Велики или малы.	Углублены или выдаются.	Прямые или косые.	Ясно, неясно или вовсе прикрытъ слезный бугорокъ.	Лѣта.
Шуюнцай мужч.	малые	углуб.	слабо косы	не закрытъ.	44
Инчеръ жен.	маловаты	не углуб.	наружн. углы припод.	не закрытъ.	41
Шонси муж.	малые	углуб.	косые	неясно	13
Пхаръ »	большіе	выдаются	прямые	ясно	28
Лойси »	малые	нормал.	верх. углы припод.	ясно	26
Юэ жен.	малые	средн.	верх. углы припод.	ясно	20
Шуа муж.	сред. вел.	не углуб.	полупрямые	неясно	17
Лаказа муж.	узкіе	не углуб.	наруж. углы припод.	закрытъ	12
Суа муж.	малые	углуб.	косые	неясно	30
Сичаръ жен.	малые	средн.	наруж. углы припод.	неясно	32
Каръ дѣв.	сред. вел.	средн.	наруж. углы припод.	неясно	11
Топаръ муж.	сред. вел.	средн.	прямые	ясно	35
Цайгаръ жен.	сред. вел.	средн.	наруж. края припод.	ясно	36
Канжаръ муж.	большіе	средн.	нар. края немного прип.	неясно	21
Чагоръ жен.	малые	средн.	косые	неясно	21
Чуминда муж.	сред. вел.	углуб.	прямые	ясно	60
Чумуйэ муж.	сред. вел.	не углуб.	косые и нар. края прип.	ясно	27
Кохолунъ муж.	большіе	не углуб.	прямые	ясно	41
Саръ муж.	большіе	не углуб.	косые	ясно	17
Ленгаръ жен.	малые	внѣшн.	косоватые	неясно	27
Юнхидъ муж.	сред. вел.	не углуб.	прямые	неясно	20
Чуншиэ муж.	сред. вел.	не углуб.	наруж. края припод.	неясно	12
Кинцаръ муж.	большіе	не углуб.	почти прямые	немного закр. (неясно)	38
Ями жен.	сред. вел.	средн.	немного косые	неясно	38
Шоръ мальч.	сред. вел.	нормал.	наруж. края припод.	закрытъ	9
Чангаръ муж.	сред. вел.	нормал.	прямые	неясно	49
Тодивъ муж.	малые	углуб.	немного косые	неясно	40
Кыръ жен.	сред. вел.	не углуб.	прямые	ясно	31
Оршадъ муж.	малые	углуб.	прямые	закрытъ	32
Сыръ муж.	сред. вел.	не углуб.	верх. вѣко опущено	неясно	25
Чангыръ муж.	малые	углуб.	косые	неясно	72
Шанъ жен.	сред. вел.	не углуб.	прямые	ясно.	28

Примѣчанія: 1) У Инчеръ верхнее вѣко толстое; наружный край его свѣшивается; нижнее вѣко тоже свѣшивается.

2) У Лойси верхнее вѣко виситъ.

3) У Шонси правый глазъ пораженъ катарактой.

4) У Лаказы оба вѣка такъ толсты, что глаза представляютъ щели

Изъ представленной таблицы ясно, что большіе глаза среди удийнэ встрѣчаются какъ рѣдкое исключеніе. Преобладающими являются или средніе или малые, причемъ они не сидятъ въ глубинѣ глазной впадины; нельзя признать глаза удийнэ и косыми, тѣмъ болѣе, что слезный бугорокъ, какъ

ИМЕНА.	Полъ.	Возрастъ.	Н о с ъ.					Г у б ы.	
			Длина.	Ширина.	Длина выступа.	Очертаніе.	Межглазное пространство.	Толстыя или тонкія.	Сжатые или раскрытыя.
Шуюнцай. . .	м.	42	4,8	3,6	8,3	съ небол. горбик.	2,7	тол.	полураскр.
Ничеръ. . . .	ж.	41	4,3	3,5	8,5	прям.	3	тол. ниж. губа	раскр.
Шонси. . . .	м.	13	4,1	3,3	7,6	распл.	2,9	тол.	вер. губ. прип.
Ихаръ.	м.	28	4,9	3,9	8,1	курн.	3,1	сред. вел.	ниж. губ. раскр.
Лойси.	м.	26	5,2	3,5	9,6	съ больш. горб.	3,1	ниж. губ. толст.	сжат.
Юэ.	ж.	20	4,8	3	8,6	распл.	3,6	тол.	вер. губ. прип.
Шуа.	м.	17	4,4	3,6	8	прям.	3	тол.	раскр.
Лаказа. . . .	м.	12	3,4	3,2	6,6	распл. въ стор.	3,4	тол.	раскр.
Суа.	м.	30	4,5	3,3	8,2	прям.	3,1	средн. вел.	вер. губ. прип.
Сичаръ. . . .	ж.	32	4	3,5	7,8	прям. распл. въ стор.	3,3	средн. вел.	сжат.
Каръ.	ж.	11	3,7	3,2	7	вставл. распл.	3,8	ниж. губа. тол.	раскр.
Тоцаръ. . . .	м.	35	5,7	3,9	8,4	прям.	3,4	сред. вел.	сжат.
Цайгаръ. . . .	ж.	36	4,2	4,3	8,1	курн.	3,8	тол.	раскр.
Канжаръ. . . .	м.	21	4,8	3,6	9,5	прям.	3,2	тонк.	полураскр.
Чагоръ. . . .	ж.	21	4	3,2	8,3	курн.	2,7	тол.	ниж. губ. отв.
Чуминда. . . .	м.	60	5,1	3,8	5,2	прям.	3,5	тонк.	сжат.
Чумуйэ. . . .	м.	27	4,7	3,7	8,4	прям.	3,6	ниж. губ. тол.	сжат.
Кохолунъ. . .	м.	41	5	3,7	9,5	вздер.	3,2	тол.	раскр.
Сяръ.	м.	17	4,7	3,3	8,2	прям. съ горб.	2,9	тол.	раскр.
Лепгаръ. . . .	ж.	27	4,6	3,4	7,9	прям.	3,4	ниж. губ. тол.	раскр.
Юнхіэ.	м.	20	4,8	3,6	8,3	прям.	3,1	тол.	полураскр.
Чуншіэ. . . .	м.	12	4	3,6	7,8	курн.	3,5	тол.	раскр.
Кинцаръ. . . .	м.	38	5,6	3,8	10,5	прям.	3	тол.	вер. губ. пр.
Ями.	ж.	38	4	3	8,7	курн.	3,5	ниж. губ. тол.	раскрыт.
Шоръ.	м.	9	3,3	2,9	6,8	курн.	3,2	средн. вел.	сжат.
Чангаръ. . . .	м.	49	5	3,6	7,3	курн.	2,7	средн. вел.	сжат.
Тодинъ. . . .	м.	40	5,2	3,8	9,7	вздер.	3,3	ниж. губ. тол.	полураскр.
Кыръ.	ж.	31	4,4	3	9	прям.	2,7	ниж. губ. тол.	полураскр.
Оршао.	м.	32	4,8	3,4	8	прям.	3,3	ниж. губ. тол.	полураскр.
Сыръ.	м.	25	4,5	3,3	8	прям. съ горб.	2,8	средн. вел.	сжат.
Чангыръ. . . .	м.	72	4,9	4,1	8	расплюс.	3,7	тон.	сжат.
Шанъ.	ж.	28	3,7	3	7,3	вздерн.	2,7	ниж. тол.	сжат.

¹⁾ См. Op. cit. 36—37.

видно изъ представленной выше таблицы, часто ясно или совершенно закрытъ верхнимъ вѣкомъ. Такимъ образомъ, среди удийнэ наблюдается то же явленіе, какое подмѣчено г. Маргаритовымъ среди орочей Императорской гавани ¹⁾.

Измѣренія носа, губъ, рта и зубовъ дали слѣдующую таблицу:

Р о т ъ.	З у б ы.	Прямые или косо направл. впередъ.	Частые или рѣдкіе.	Сжатые или не сжатые.	Крупные или мелкіе.	Мѣста ясныхъ промежутковъ.
бол.	прямой.	напр. назадъ	частые	сжатые	средн. вел.	нѣтъ
обыкн.	прямой.	прямые	частые	сжатые	мелкіе	нѣтъ
обыкн. вел.	прямой.	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
больш.	прямой.	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
больш.	прямой.	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
сред. вел.	прямой.	прямые	частые	сжатые	сред. вел.	нѣтъ
больш.	прямой.	прямые	частые	не сжатые	крупные	нѣтъ
больш.	оба угла отрѣзаны.	кривые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
сред. вел.	прямой	прямые	частые	сжатые	различ. вел.	нѣтъ
сред. вел.	прямой	прямые	частые	не сжатые	крупные	нѣтъ
сред. вел.	прямой	прямые	частые	не сжатые	крупные	нѣтъ
сред. вел.	прямой	прямые	частые	не сжатые	крупные	нѣтъ
сред. вел.	прямой	прямые	частые	не сжатые	крупные	нѣтъ
сред. вел.	прямой	прямые	частые	не сжатые	крупные	нѣтъ
больш.	прямой	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
сред. вел.	прямой	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
больш.	прямой	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
больш.	прямой	прямые	рѣдкіе	сжатые	крупные	нѣтъ
средн. вел.	прямой	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
средн. вел.	прямой	прямые	рѣдкіе	сжат. вкось	крупные	нѣтъ
средн. вел.	прямой	прямые	частые	не сжатые	крупные	нѣтъ
больш.	углы упущены	прямые	частые	сжатые	средн. вел.	нѣтъ
средн. вел.	прямой	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
средн. вел.	прямой	прямые	частые	не сжатые	рѣдкіе	нѣтъ
средн. вел.	прямой	прямые	частые	стерты	крупные	нѣтъ
средн. вел.	прямой	не ровн.	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
средн. вел.	прямой	кривые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
средн. вел.	прямой	кривые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
средн. вел.	прямой	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
средн. вел.	прямой	зубовъ отъ старости	частые	сжатые	мало	нѣтъ
средн. вел.	прямой	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ

Какъ видно изъ таблицы, а еще болѣе къ тому приводятъ многочисленные личныя наблюденія, носъ у большей части уди́нъ не великъ и прямой, но высота его незначительна. У большинства субъектовъ, мною наблюденныхъ, носъ при основаніи вогнутъ и расплывается по сторонамъ. Носы вздернутые или курносые встрѣчались не рѣдко; меньше попадалось горбоносыхъ, но таковыя встрѣчались и по побережью Татарскаго пролива. Кстати будетъ замѣтить здѣсь, что обычай женщинъ—уди́нъ носить въ носу большія серьги сильно портитъ носъ. Ноздри у многихъ субъектовъ, особенно у женщинъ, рѣзко выраженные и видѣль довольно часто. Ширина носа незначительная: нормою для нея можно принять 3 сантиметра съ незначительными отступленіями.

Губы у большей части уди́нъ—толстыя. Сколько я могъ наблюдать, у многихъ пожилыхъ уди́нъ нижняя губа всегда толста и отвисла, хотя верхняя средней толщины. Ротъ средней величины—преобладаетъ, но большіе рты встрѣчаются особенно часто среди мужчинъ. Что касается ушей, то большихъ и оттопыренныхъ я не встрѣчалъ. Преобладаютъ уши средней величины; но у женщинъ, вслѣдствіе привычки съ ранняго дѣтства носить тяжелыя серьги, нижняя часть уха сильно оттянута. Довольно часто встрѣчаются и маленькія уши.

По виду и формѣ, зубы у большинства измѣренныхъ—прямые; кривые встрѣтились у трехъ-четырехъ субъектовъ. Крупные и сжатые, равно частые зубы преобладаютъ надъ мелкими, несжатыми и рѣдкими. Бѣлый цвѣтъ зубовъ встрѣчается у весьма немногихъ, чаще всего у женщинъ; обыкновенно преобладаетъ или желтовато-бѣлый или бурый съ черною каймою на границѣ десенъ съ зубами. Порча бѣлаго цвѣта зубовъ и сравнительная рѣдкость его среди уди́нъ, повидимому, объясняется обычаемъ курить трубку съ пяти-семилѣтняго возраста. Курятъ трубки съ длинными чубуками, оканчивающимися каменными или металлическими мундштуками. Привычка не выпускать изъ рта трубку причиняетъ зубамъ уди́нъ, помимо порчи естественнаго бѣлаго цвѣта, другой вредъ. Такъ, у Шуюнца внутренніе углы верхнихъ рѣзцовъ стерты (въ верхней челюсти); вторые рѣзцы на той же челюсти, параллельно, стерты. У Кянцара верхніе и нижніе зубы съ лѣвой стороны искрошены мундштукомъ, исключая клыковъ. Подобнаго рода порча зубовъ встрѣчается часто. Зубовъ каріозныхъ и порченныхъ отъ другихъ причинъ я встрѣчалъ мало. Зубною болѣзнію по всему побережью Татарскаго пролива при мнѣ страдало всего два-три человѣка. У 72-лѣтняго старика Чангыра почти половины зубовъ, въ верхней и нижней челюстяхъ, не было. Не могу сказать, въ какой степени вліяетъ на зубы куреніе опиума, и вліяетъ ли вообще это вещество на зубы; но среди уди́нъ, особенно въ южной части ихъ территоріи, куреніе опиума сильно распространено.

Измѣренія головы и лица дали слѣдующую таблицу:

ИМЕНА.	Г о л о в а .										Л и ц о .							
	Полъ.	Возрастъ.	Горизонтальная окружность.	Поперечная окружность.	Вертикальная окружность.	Наибольший диаметрный диаметр.	Наибольший широтный диаметр.	Ушной диаметр.	Отъ Glabella до сосцевиднаго отростка.	Отъ сосцевиднаго отростка до затылочн. бугра.	Между сосцевидными отростками.	Полная длина лица.	Длина верхняго лица.	Верхний поперечный диаметр.	Наибольший широтный диаметр.	Расстояние между скуловыми дугами.	Нижний поперечный диаметр.	Длина горизонт. вѣтъи нижней челюсти.
Шуюнцай	м.	42	55,8	33,5	36	21	15	13,8	16	8,7	13,2	11,2	5,5	12,5	14,8	11,7	11,9	10,5
Иичеръ	ж.	41	54,4	34,8	31,8	17,7	14,8	13	14,8	8,7	12,9	12	5,1	11,8	13,7	10	13,5	8,8
Шонси	м.	13	52	32	35,8	15	14,8	13,3	12,9	8	12	10	5,1	11,2	13,4	10,4	10	9
Пхаръ	м.	28	60,2	34,2	35	19,1	15,2	15	16	8,7	14	12	6,1	13	15,3	12	11,3	10,7
Лойси	м.	26	56,6	35,9	33,1	19	15,1	14	15,9	7	13,3	14,7	6,2	12,4	14,9	11	11,3	10,6
Юа	ж.	20	53,4	32,4	36	18	15,1	13	14,5	13,3	12,8	11,3	5,4	13	13,3	11,2	11,1	10,5
Шуа	м.	17	54,6	33	35	15,2	15,8	14,3	15	8,2	13,4	10,6	5,3	13	13,2	10,6	10,8	9,2
Лакза	м.	12	50,2	33,8	36	16,2	14,7	12,9	13	8	12,2	9	4,4	11,4	12,8	10	10,2	9,4
Суа	м.	30	56,6	33,9	35,4	19	15	14,3	16	9,1	14	10,9	5,1	12,4	14,4	11,9	10,5	10,4
Сичаръ	ж.	32	56	33,5	37,4	17,4	16	14	15,5	8,5	13,5	11,2	5,3	12,9	14,1	11	13	11,5
Каръ	ж.	11	50,4	32	32,3	16,8	14,7	13,2	14	9,3	12,5	9,2	4,6	12	13,2	11	12,3	9
Тоцаръ	м.	35	56	33,9	36,5	18,9	15	14,2	15	7,8	14,3	12,8	6,4	13	14,8	11,5	11,8	10,1
Цайгаръ	ж.	36	55	32	37	19,8	16	14,5	16,2	9,8	13,5	11	5,4	13,1	14,8	11,9	12,8	11,3
Канжаръ	м.	21	56	34,5	38	18,7	15,8	14	14,2	9,6	14,5	14	6	12,4	14,6	10,7	12,5	10,8
Чагоръ	ж.	21	49	34,7	35,2	17	15	13,1	14,8	8,8	12,2	11,2	5,3	11,8	13,6	11	11	10,2
Чуминда	м.	60	56	34,3	36,5	19,8	16,2	14,1	16	15	14	12,6	6,3	13,2	14,7	11,3	11	10,7
Чумуйа	м.	27	57,4	34,7	35,6	18,2	15,2	13,8	15,4	9,4	13,4	11,7	6,2	13	14,3	11,1	11	10,5
Кохолунъ	м.	41	55	35	36	19,6	14,6	14	16,2	9,3	13,2	12,3	6,3	12,2	14,7	11	11,2	10
Сяръ	м.	17	54,7	33,8	34	18,7	14,9	13,7	15,6	10	12,7	11,7	6,3	12,4	14	11	10,6	9,7
Ленгаръ	ж.	27	52,8	33,1	35,6	17,7	15	13,5	13,5	9,5	12,1	11,4	6	12,4	14	11,3	11,2	9,7
Юнхя	м.	20	53,1	31	35	17,3	14,3	13,3	15,7	10,1	13	11,8	6	12,2	13,4	11	10,8	11
Чуншя	м.	12	53,5	32,7	36	17,7	15	13,8	14,9	9,2	13	10,8	5,6	12	13,8	11	11,1	9,7
Кинцаръ	м.	38	57,1	30,6	33,4	20	15,6	14,5	16	9,2	14	13	6	12,5	15	11,5	12	10,8
Ями	ж.	38	55	33	35	18,9	15,6	15,2	14,7	10,8	12,8	10,4	5	12,8	13,2	11,1	9,9	10,3
Шоръ	м.	9	52	34	33	16,5	14,6	12,6	12,8	10	12	10,5	4,8	10,9	11,3	9	9	7,8
Чангаръ	м.	49	55,1	34,5	34	19,3	15,2	15,4	14,8	11	14	11,6	6,1	12,5	15,1	9,9	13,8	10,1
Тодинъ	м.	40	56,8	36,5	37	18,3	15	15,1	15	10,1	14	14,5	5,5	13,7	15,2	12,7	10,1	10
Ыръ	ж.	31	52,3	34,7	37	16,2	15,3	15,9	13,2	8,5	12,3	11,4	5,2	12,4	13,4	11	10,2	10
Оршао	м.	32	53,7	33	35,8	18,4	13,7	13,7	14	9,5	13	11,1	5,6	12,1	13,5	11	9,9	9
Сыръ	м.	25	55,9	33	34,5	18,6	13,5	13,9	14,3	10	13,2	12	5,5	13,9	14,3	11	10,3	10,5
Чангыръ	м.	72	56	31,5	33,5	19,3	14,1	14,2	15,1	9,6	13,9	11,2	5	12,1	14,1	10,1	10,9	10,1
Шанъ	ж.	28	51,5	34,5	33,5	18,5	13,2	14,2	13,6	9,9	13	10,5	4,2	12,2	13,1	9,9	9,5	9,8

Сравнивая цифры трех главных размѣровъ окружности головы—горизонтальной, поперечной и вертикальной,—находимъ, что для мужчины максимальной величиной будетъ: для горизонтальной окружности—60,2, для вертикальной—38, поперечной—36,5; для женщины—горизонтальная окружность—56, вертикальная—37, поперечная 34,7. Минимальной величиной для мужчины будетъ: гориз. окр.—50,2, вертикаль.—33, поперечная—30,6; для женщины: горизонт.—49, вертикаль.—31,8 и поперечная—32 сантиметра. Такимъ образомъ, по вышеназваннымъ тремъ окруностямъ голова женщины—удііе немногимъ разнится отъ головы мужчины.

Взя одну горизонтальную окружность головы измѣренныхъ субъектовъ, видимъ, что наибольшее количество имѣтъ 55—56 сант. съ долями, одинъ—50 сант., два—52 сант. съ долями. Иначе говоря, если разгруппировать эти величины на имѣющихъ малую окружность головы, до 50 сант., среднюю, отъ 50 до 52, и большую, отъ 52 сант. и болѣе, то станетъ ясно, что удііе имѣютъ довольно значительную горизонтальную окружность головы.

Сравненіе величинъ верхняго поперечнаго и нижняго поперечнаго діаметровъ лица показываетъ, что разность между ними незначительная, иногда же показатель нижняго поперечнаго діаметра превосходитъ показателя верхняго поперечнаго діаметра. Такимъ образомъ, удііе въ этомъ случаѣ близко примыкаютъ къ своимъ сѣвернымъ сосѣдямъ и родичамъ, орочамъ Императорской гавани, о которыхъ г. Маргаритовъ сообщаетъ слѣдующее: „Сильное развитіе скуловыхъ и челюстныхъ костей одинаково присуще всѣмъ орочамъ, причемъ ширина нижней челюсти (между задними углами), а также ширина между скулами и между лобными скуловыми отростками на глазъ мало разнятся, почему лицо кажется почти одинаково широкимъ на всемъ своемъ протяженіи. Мало того, у нѣкоторыхъ женщинъ ширина между скуловыми костями превосходитъ ширину самого черепа, почему, глядя на орочку, вамъ зачастую представляется, что у нея на плечахъ не голова, а одно лишь лицо ¹⁾). Мнѣ кажется, этотъ физическій признакъ, повторяющійся въ различныхъ отрасляхъ орочей, можно признать однимъ изъ основныхъ и типическихъ.

Перехожу къ описанію менѣе устойчивыхъ физическихъ свойствъ, въ значительной степени, зависящихъ отъ упражненія, питанія и другихъ условій жизни.

Мышечной силою едва ли удііе отличаются: видѣнные мною въ обѣ экспедиціи проводники и переводчики значительно уступали по силѣ рус-

¹⁾ Ор. cit. 37.

скимъ солдатамъ, которые, неся по непривычнымъ лѣснымъ дебрямъ трехпудовую тяжесть, не утомлялись такъ, какъ утомлялись уди́нэ съ незначительною кладью. Привелось видѣть на р. Самарѣ борьбу уди́нэ; въ ней гольдъ оказался сильнѣе и удалѣе, а съ моимъ Калачинымъ никто не посмѣлъ вступать въ борьбу. Съ другой стороны, въ ходьбѣ вообще уди́нэ неутомимы и терпѣливы при невзгодахъ: отправившись на охоту, уди́нэ исходитъ десятки верстъ, голодаетъ днями, но все перенесетъ и добьется звѣря. Равно не меньшую способность къ продолжительной дѣятельности обнаруживаютъ они при ѣздѣ по рѣкамъ на лодкахъ. Но этимъ и исчерпывается кругъ терпѣливости и выносливости уди́нэ. Въ общемъ уди́нэ неподвиженъ и малодѣятеленъ по природѣ: лишь крайняя нужда побуждаетъ его приняться за дѣло; нѣтъ этой нужды,—и уди́нэ апатично лежитъ въ своемъ жилищѣ, не менѣе апатично покуривая трубку въ промежуткахъ между сномъ и бодрствованіемъ. Не сомнѣваюсь, что всякій русскій, жившій среди уди́нэ, невольно возмущался этою неподвижностью, если ему доводилось искать проводника или переводчика, если ему требовалось послать уди́нэ куда-нибудь за лодкою. Въ движеніи уди́нэ, обыкновенно, медленъ и тяжеловатъ, но у него въ мышцахъ хранится значительный запасъ готовности сразу перейти въ движеніе. За все время своихъ скитаній среди уди́нэ я встрѣтилъ только двухъ (одного старика, другого молодого), полныхъ вѣчнаго трепета и порывовъ къ движенію и дѣятельности. Несмотря на сказанное, я глубоко убѣжденъ, что всякій уди́нэ способенъ перейти отъ неподвижности и покоя къ самой хлопотливой дѣятельности. Стоитъ посмотрѣть на уди́нэ тогда, когда онъ длиннымъ шестомъ гонитъ вверхъ по рѣкѣ свою оморочку и спорить съ быстротою теченія; стоитъ обратить вниманіе на то, съ какою настойчивостью онъ слѣдуетъ за „чужакомъ“, чѣмъ-либо его заинтересовавшимъ. Припоминается мнѣ, сколько оживленнаго говора, толковъ и предположеній, сколько любопытства вызвало среди уди́нэ мое появленіе, для переписи ихъ. Еще сильнѣе врѣзался мнѣ въ память тотъ энтузіазмъ, съ какимъ они провожали меня, послѣ пятичасоваго пребыванія на р. Нахтѣ. Надо видѣть уди́нэ въ такіе моменты пробужденія быстрыхъ и сильныхъ движеній, чтобы не признать его безнадежно апатичнымъ. Легко впасть, въ данномъ отношеніи, въ ошибку. На обыкновенно равнодушномъ и тупомъ лицѣ уди́нэ не прочтешь подчасъ ни испуга, ни горя, ни гнѣва. Слущая жалобы безпомощной старухи, горькіе вопли пораженной смертью мужа и разстройствомъ хозяйства жены, вы въ равнодушныхъ чертахъ лица не прочтете никакихъ слѣдовъ переживаемаго горя. Только гнѣвъ у нѣкоторыхъ, очень немногихъ субъектовъ вызываетъ особый блескъ глазъ. Поражая европейца своимъ, подчасъ невѣроятнымъ, равнодушіемъ, уди́нэ можетъ

удивить и общей нечувствительностью кож. Последняя, лишенная чистоты и холи, подверженная дѣйствию атмосферы различного свойства, теряетъ, въ значительной степени, свою чувствительность. Ни ужасныя раны на головѣ отъ объятій медвѣдя, ни адская боль отъ вонзившейся въ кость ноги стрѣлы, настороженной на сохатаго, но по несчастной случайности угодившая въ человека, никакія другія физическія страданія не вызываютъ ни стоновъ, ни криковъ, ни оханій.

Что же касается органовъ внѣшнихъ чувствъ, то они (особенно зрѣніе и слухъ) у полудикаго уди́на развиты въ высшей степени. Неуловимый для европейца шорохъ и трескъ въ лѣсу, незамѣтное движеніе въ чащѣ тайги или на глубинѣ рѣчной — ничто не ускользнетъ отъ зоркаго и быстрого взгляда и чуткаго уха уди́на. Въ этомъ отношеніи онъ тѣмъ болѣе поражаетъ европейца, что ѣдкій дымъ жилища, поражая глаза краснотою и слезливостью, не уменьшаетъ зоркости зрѣнія, нечистоплотность уха не ослабляетъ тонкости и чуткости слуха. Насколько развито у уди́на обоняніе, трудно сказать безъ достаточныхъ спеціальныхъ наблюденій. Вонь употребляемой иногда пищи, дурной запахъ атмосферы жилищъ еще не служатъ вѣскимъ основаніемъ для утвержденія о полной неразвитости этого внѣшняго чувства. Вкусъ развитъ достаточно: горькое, соленое, кислое, сладкое легко различались уди́на, предпочитающими въ пищѣ прѣсное и сладкое. Вообще можно сказать, что полудикарь уди́на способенъ различать и запахи и вкусы, но не имѣетъ возможности, живя въ убогой обстановкѣ, въ достаточной степени развивать и упражнять заложенные матерью-природою вкусовые, обонятельные и другіе задатки. Въ развитіи внѣшнихъ чувствъ большое значеніе имѣютъ упражненія и спеціализація этихъ упражненій. Занимаясь съ раннихъ лѣтъ рыболовствомъ, звѣроловствомъ и охотою, уди́на прекрасно видитъ и слышитъ въ таежной обстановкѣ, обнаруживаетъ поразительную чуткость къ шороху тайги и плеску рѣчной волны; при всемъ томъ весьма возможно, что онъ окажется весьма невоспріимчивымъ къ варіаціямъ пѣнія или музыки. Въ заключеніе описанія физическихъ особенностей уди́на необходимо упомянуть объ уродствахъ и болѣзняхъ, часто встрѣчающихся среди нихъ.

За весь періодъ моего пребыванія среди уди́на мнѣ удалось встрѣтить одного горбатаго, двухъ кривыхъ, одного на костылѣ и одного безрукаго. Горбатымъ сдѣлался видѣнный мною уди́на въ дѣтствѣ, упавъ съ дерева; окривѣлъ одинъ отъ старости, другой — отъ медвѣдя, который „лапою вынулъ глазъ“; безъ руки сталъ уди́на, благодаря шалости тигра, охотившагося, какъ и пострадавшій, за козулями. Полагаю, что указанныхъ уродствъ еще немного на все количество уди́на.

Косоглазыхъ я не встрѣчалъ, но болѣзни глазъ сильно распространены

среди нихъ. Причиною весьма распространенной красноты ¹⁾ и слезливости глазъ является свойственная уди́нэ нечистоплотность ²⁾ и дымъ жилищъ. Весьма часто болѣзнь глазъ является слѣдствіемъ оспы. Не могу сказать, чѣмъ объяснить весьма частую, по сообщенію г. Пальчевскаго (Дал. Вост., № 46, 1897 г.), слѣпоту среди женщинъ р. Имана. Глухоту встрѣчалъ лишь у старыхъ, какъ слѣдствіе притупленія всѣхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ.

Въ слѣдствіе неряшливости, большое распространеніе среди уди́нэ имѣютъ всевозможныя накожныя болѣзни. Вотъ, какъ образецъ, описаніе болѣзни кожи у 24-лѣтней женщины Яръ, вышедшей замужъ за манзу Сунфа (на Сяо-Судухэ).

Все тѣло ея поражено ранами, похожими на мокрый лишай и переносающимися съ мѣста на мѣсто. Мѣста прежняго пораженія похожи на зажившія раны, причиненныя кипяткомъ. Болѣзнь началась въ 1891 году и, въ моментъ осмотра мною поражений черезъ 5 лѣтъ, имѣла такой видъ: на носу, верхней губѣ и вокругъ нихъ—мокнущіе, рубцующіеся прыщи, но полное отсутствіе боли, даже при давленіи прыщей. Правое ухо и до середины щека покрыты сплошнымъ рубцоватымъ пятномъ; такой же рубецъ на лбу; сзади лѣвой брови—зажившее рубцеватое пятно величиною съ трехкопеечную монету. Раны имѣются на правой рукѣ отъ кисти, внутри, въ видѣ четырехъ серебряныхъ рублей; на изгибѣ локтя, внутри же, рубецъ; на плечевомъ сочлененіи продольная язва въ 2 вершка. Такой болѣзни не было ни у кого изъ ея родителей; у нея появилась она послѣ 4-хъ лѣтъ супружеской жизни. Ни на кого изъ живущихъ съ нею вмѣстѣ эта болѣзнь не переходитъ. Противъ болѣзни никакихъ средствъ не предпринималось; попробовали обмывать теплою водою, но замѣтили, что отъ обмыванья болѣзнь усиливается, и оставили.

Весьма часто встрѣчаются среди уди́нэ ревматическія и другія простудныя болѣзни, порождаемыя устройствомъ жилищъ и условіями быта. Охота и рыболовство, главные занятія ихъ, заставляютъ подчасъ весьма долго находиться на холодѣ и въ водѣ. Перемѣнить или высушить платье онѣ еще

¹⁾ Это въ большинствѣ случаевъ трахома. См. Труды Приамур. Отд. II. Р. Г. Об. за 1895 г. ст. г. Бѣлковича.

²⁾ Уди́нэ не имѣютъ обыкновенія умываться и купаться, хотя лѣто проводятъ близъ рѣкъ; но подъ вліяніемъ указаній и совѣтовъ русскихъ охотно пріучаются къ этимъ гигиеническимъ привычкамъ. Такъ, я не однократно объяснялъ, почему надо мыться и купаться, раздавалъ куски яичнаго мыла и видѣлъ, что мой совѣтъ исполняется. При этомъ замѣчу, что женщина являлась наиболѣе воспріимчивою къ моимъ наставленіямъ. Теперь странствующій среди уди́нэ часто встрѣтитъ и умытыхъ, и причесанныхъ, и разряженныхъ женщинъ—уди́нэ. Къ сожалѣнію, я не могъ убѣдить и нигдѣ не видѣлъ обыкновенія мыть платье или перемѣнять его.

не научился: оно сохнетъ на немъ. Устройство жилищъ съ двумя противоположными дверями, со множествомъ щелей, съ вѣчно пылающимъ очагомъ, нагрѣвающимъ лишь ту часть тѣла, которая обращена къ нему, прямо ведетъ къ сильнымъ ревматизмамъ. Въ долину рр. Та-Судухэ и Сяо-Судухэ мнѣ не такъ часто доводилось встрѣчать эти болѣзни, какъ на побережьи Татарскаго пролива. Можетъ быть, такое явленіе объясняется тѣмъ, что уди́на долины названныхъ рѣкъ обзавелись фанзами, представляющими болѣе надежную защиту отъ холода и сквозняковъ, чѣмъ убогій шалашъ или юрта.

Сравнительно малую, но весьма гибельную распространенность среди уди́на имѣетъ сифилисъ, которому даже названія не придумали до сихъ поръ эти полудикари. Замѣчательно, что эту ужасную болѣзнь, со всеми ея гибельными для организма послѣдствіями, мнѣ доводилось встрѣчать лишь въ южной части территоріи уди́на. Несомнѣнно, что болѣзнь имѣетъ заносное происхожденіе, и, по моему мнѣнію, ее принесли сюда манзы. Чтобы читатель могъ судить, что дѣлаетъ съ человѣкомъ сифилисъ, при отсутствіи средствъ для борьбы съ нимъ, я опишу 16-ти лѣтнюю дочь Шуюнцая, пораженную этой болѣзнію въ 1891 г. За пять лѣтъ болѣзнь успѣла до того разрушить организмъ молодой и здоровой дѣвушки ¹⁾, что она представляла нѣчто невыразимо ужасное. Нельзя было равнодушно смотрѣть на это заживо гнѣющее существо, съ выпавшимъ носомъ, вытекшимъ глазомъ; нельзя было равнодушно слушать хрипѣнье въ пораженномъ горлѣ. Вотъ картина болѣзни, замѣченная мною: на правой сторонѣ лба двѣ гнойныя язвы величиною съ трехкопеечную монету, язвы расположены одна надъ другой; на мѣстѣ праваго глаза—зарубцевавшееся углубленіе; правая щека превратилась въ гнойную язву величиною въ 1½ кв. вершка, носъ провалился и видна кость (оконечность); часть верхней губы сгнила, и чрезъ образовавшуюся щель видны зубы; лѣвый глазъ едва открывается—онъ пораженъ и скоро вытечетъ; руки чрезвычайно тонки: эго буквально кости, обтянутыя кожей. Судя по тому, что больная хрипитъ, глухо покашливаетъ и часто сплевываетъ гнойную слюну, надо предположить, что сифилисъ поразилъ уже горло.

По словамъ родителей, болѣзнь началась небольшимъ прыщомъ на плечѣ, превратившимся затѣмъ въ язву; потомъ тоже повторилось на другомъ плечѣ, наконецъ болѣзнь перешла на лицо; на другихъ частяхъ тѣла язвъ нѣтъ. Прыщикъ вскочилъ вскорѣ послѣ того, какъ въ ихъ фанзѣ заночевалъ бродячій манза.

Какъ ни грустна картина больной дѣвушки, но еще грустнѣе то, что сифилитичка не удалена изъ семьи, спитъ на нарахъ рядомъ съ другими

¹⁾ Къ сожалѣнію, удачно снятый съ нея портретъ погибъ въ ночь съ 6-го на 7-ое августа 1896 г., когда тайфунъ разбилъ везшую меня шампунку.

дѣтьми, плясуетъ на земляной полѣ, на которомъ играютъ маленькіе братья и сестры.

Такою же заносною, но болѣе безпощадною и частою среди удіѣ является эпидемическая болѣзнь—оспа, называемая китайскимъ именемъ чу фѣ. Больше всего рассказовъ объ этой страшной гостьѣ привелось мнѣ услышать на югѣ, что, какъ и слово чу фѣ, прямо указываетъ на источникъ, откуда болѣзнь появилась. Сѣвернѣе, по побережью Татарскаго пролива я меньше слышалъ рассказовъ объ оспѣ и рѣдко встрѣчалъ пораженныхъ ею. На югѣ особенно хорошо помнятъ двѣ эпидеміи оспы 1874—75 гг. и 1882—83 гг. Первая эпидемія оспы поразила всѣхъ взрослыхъ, оставивъ малолѣтнихъ, такъ что хоронить мертвецовъ было некому. По словамъ стариковъ, въ первую эпидемію оспы на Сучанѣ было мало манзъ, которые не умираютъ отъ оспы, потому что переносятъ ее въ дѣтствѣ; во вторую эпидемію ихъ было уже много, и они хоронили умершихъ удіѣ. Противъ оспы они не знаютъ средствъ. Лишь очень немногіе начинаютъ прививать оспу, пользуясь услугами знахарей-корейцевъ. Въ чемъ состоитъ эта прививка, что за лѣкари корейцы, мнѣ не удалось узнать, потому что видѣнный мною знахаръ ничего не сообщилъ моему переводчику-корейцу о своемъ врачебномъ искусствѣ. Судя по видѣннымъ мною орудіямъ врачебнаго искусства, напоминающимъ инструменты русскихъ коноваловъ, можно предположить, что эти врачи скорѣе губятъ, чѣмъ спасаютъ отъ болѣзни довѣрчивыхъ паціентовъ. Впрочемъ, жена манзы Лю-мин-хэ сообщила мнѣ, что за 4 р. 50 к. ея четырехлѣтнему сыну привилъ оспу кореецъ, и болѣзни не было у сына. Слѣдуетъ предположить, что въ качествѣ лѣкарей практикуютъ среди удіѣ манзы, лѣчащіе посредствомъ травъ и растений, пантовъ, жень-шеня и т. п. Можетъ быть, вполнѣ самобытнымъ является слѣдующій способъ лѣченія простуды: больное мѣсто растираютъ докрасна твердою костью¹⁾.

Изъ другихъ болѣзней, встрѣчающихся среди удіѣ, приходилось наблюдать: параличъ рукъ, усыханіе спинного мозга, водянку и болѣзни желудка. Другіе изслѣдователи наблюдали чахотку²⁾, да и мнѣ не разъ говорили, напримѣръ: „умерла мать не отъ чуфы, а отъ другой болѣзни, кашляла“. На р. Самарѣ я видѣлъ больного, который не можетъ принимать никакой пищи, потому что его тошнитъ, тотчасъ же по принятіи пищи, и рветъ. Одинъ жаловался на сильную головную боль. Вообще приходится здѣсь повторить почти общее мнѣніе, что удіѣ нуждаются въ медицинской помощи³⁾. При наличности ея и при заведеніи другихъ санитарныхъ и ги-

¹⁾ См. ст. Бѣльковича въ Трудахъ Приамур. Отд. II. Р. Г. Общ. за 1895 г.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ «Теперь, какъ и вообще при каждой встрѣчѣ съ инородцами, они сейчасъ же обращались къ охотникамъ за медицинскою помощью; пріѣзжали больше взрослые, приводили

гигиеническихъ условій, къ которымъ, конечно, рано или поздно приведетъ удилнѣ дѣйствительность, они могутъ дать закаленное, выносливое и искусное населеніе, могущее, по словамъ г. Надарова ¹⁾, во время войны принести, въ качествѣ партизановъ, значительныя услуги Россіи.

ГЛАВА VI.

Экономическія основы быта.

Удилнѣ, подобно другимъ своимъ родичамъ, искони извѣстны за рыболововъ и охотниковъ. Рыболовство и охота являются не только главными занятіями, но и главными экономическими основами быта ихъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что рыболовство, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ территоріи удилнѣ, буквально обуславливаетъ самое существованіе жителей. Этотъ промыселъ питаетъ, отчасти одѣваетъ и даже доставляетъ домашнюю обстановку удилнѣ. Вотъ почему, вѣроятно, они не оставляютъ совершенно рыболовства даже тамъ, гдѣ, вслѣдствіе измѣнившихся условій, пришлось переходить къ земледѣлію, между тѣмъ какъ охота многими совершенно заброшена. Весна и лѣто, можно сказать, самое горячее время для рыбнаго промысла на побережья Великаго океана ²⁾. Для этого промысла все населеніе рр. Ботчи, Самарги и др. съѣзжается къ устью, къ берегу моря, потому что здѣсь и породы рыбъ разнообразнѣе, и рыба свѣжее и здоровѣе. Хотя удилнѣ не пренебрегаютъ никакой рыбой (ѣдятъ бычковъ, тайменя, краснопера, щуку и т. п.), однако запасаютъ на прокормъ себѣ и собакамъ, главнымъ образомъ, горбушу и кѣту, даже предпочтительно послѣднюю. Несомнѣнно, кѣта предпочитается горбушѣ вслѣдствіе своей величины и мясистости ³⁾. По крайней мѣрѣ, во время перваго хода горбуши, предшествующаго ходу кѣты, въ іюнѣ мѣсяцѣ, жители рр. Ботчи, Нельмы и др. не спѣшили ловлей ея для юколы, хотя рыба во множествѣ выкидывалась

больныхъ дѣтей. Хининъ, антифибринъ, касторка, скипидаръ и вазелинъ—вотъ всѣ медикаменты, которыми лѣчили пациентовъ, и большая часть ихъ выздоравливали. Часто приходилось жалѣть, что въ командѣ не было фельдшера и было взято такъ мало лѣкарствъ съ собою. Много добра можно было бы сдѣлать этимъ несчастнымъ дикарямъ, вымирающимъ постепенно отъ различныхъ болѣзней и не имѣющимъ возможности обращаться къ кому-нибудь за помощью» (ст. г. Альфтана въ Трудахъ Приамур. Отд. II. Р. Г. Общ. за 1895 г.).

¹⁾ Сѣв.-Уссур. край, 100 стр.

²⁾ Сперва буду говорить объ этомъ районѣ территоріи удилнѣ, какъ менѣе извѣстномъ. Затѣмъ скажу объ удилнѣ, живущихъ на правыхъ притокахъ р. Усури.

³⁾ Мое утвержденіе нисколько не противорѣчитъ сказанному г. Маргаритовымъ на стр. 17, потому что горбуша предпочитается кѣтѣ только при спѣшномъ заготовленіи юколы, когда нѣтъ времени хорошо прокоптить и просушить рыбу.

на поверхность рѣкъ. На мой вопросъ, почему не ловятъ рыбы, мнѣ отвѣчали, что подождутъ кѣты ¹⁾).

Добываютъ рыбу сѣтями, острогами и крючками.

Во время переписи инородцевъ по побережью Татарскаго пролива, я не только въ каждой юртѣ встрѣчалъ принадлежности для вязанья сѣтей (иглы—ильма, ручка для поддерживанія сѣти—халá), но нашелъ жителей, которые спеціально занимались вязаньемъ сѣтей, какъ занятіемъ, дающимъ средство къ жизни. Сѣти вяжутъ изъ нитокъ, добываемыхъ изъ дикорастущей крапивы, хотя предпочитаютъ нитки русскаго приготовленія, доставляемыя услужливыми китайцами и русскими купцами изъ Владивостока. Помню, какъ уди́на, упрасивая меня пріѣхать къ нимъ на слѣдующее лѣто съ товарами, говорили: „привези, капитанъ, нитокъ для сѣтки“. Видѣнные мною сѣти не отличались своею величиною, и уди́на не безъ зависти говорили о японскихъ неводахъ, сдѣланныхъ изъ травы и рисовой соломѣ и отличающихся огромными размѣрами и шириной. Одинъ старикъ, разсматривая на шкурь „Сторожъ“ заарестованный у японцевъ неводъ и удивляясь его величинѣ и доброкачественности, говорилъ: „Одного такого невода достаточно, чтобы прокормить все наше село рыбою“. Помню ту радость, которою преисполнились жители р. Кушуна, по случаю подарка имъ нѣсколькихъ кусковъ японскаго невода. Поплавки для сѣтей дѣлаются изъ дерева: это небольшія, въ четверть длиною, дощечки, шириною вершка въ два, толщиною около вершка, съ подструженными концами. У этихъ концовъ находятся дырочки, чрезъ которыя проходятъ нитки, прикрѣпляющія ихъ къ веревкѣ, обходящей сѣть внизу и вверху. Грузилами служатъ куски желѣзныхъ вещей, гладко обтесанные камни или добытыя на брошенныхъ японскихъ рыболовняхъ глиняныя грузила. Веревки, тяжести и клячи къ сѣтямъ дѣлаются изъ крапивныхъ веревокъ собственнаго издѣлія.

Несмотря на малый размѣръ сѣтей, на ихъ, въ большей части случаевъ, значительную ветхость, обиліе рыбы, во время ея хода, позволяетъ вытаскивать сотни штукъ за одну тоню. Я самъ былъ нѣсколько разъ свидѣтелемъ ловли горбуши: за двѣ тони дрянною сѣтенкою пойманъ почти полный боть рыбы.

Къ сожалѣнію, употребленіе сѣтей распространено среди уди́на очень мало: незначительный ли бюджетъ, или просто неумѣнье и нежеланье заставляютъ ихъ довольствоваться большею частью, а на правыхъ притокахъ р. Уссури, исключительно острогою. Правда, умѣнье владѣть острогою до-

¹⁾ Подробное описаніе кѣты и горбуши сдѣлано г. Маргаритовымъ, къ работѣ котораго и отсылаю читателя. Оп. сіт. 15 л. далѣе.

ведено у нихъ до такого совершенства, что этотъ способъ добыванія рыбы слѣдуетъ признать исконнымъ и самымъ основнымъ. Удилье съ острогою въ рукѣ на своемъ батѣ является удивительнымъ виртуозомъ: разъ замѣчена рыба, она не уйдетъ отъ него; онъ погонится за нею и на разстояніи до двухъ сажень вонзится въ нее свою острогу.

Остроги бываютъ двухъ видовъ—цѣльные и привязные. Цѣльная острога состоитъ изъ желѣзнаго лезвія, насаженнаго неподвижно на тонкую и длинную (до 4¹/₂ арш.) палку. Лезвіе иногда имѣетъ видъ трезубца ¹⁾). Такою острогою бьютъ и колютъ небольшую рыбу. Для болѣе крупной рыбы (тайменя, сома) употребляется привязная острога, потому что большая рыба, послѣ удара острогой, бьется и ломаетъ древко или срывается. Привязная острога тѣмъ, именно, и отличается отъ цѣльной, что лезвіе ея не насаживается на древко неподвижно, а такъ, чтобы его легко можно было снять. Лезвіе у этой остроги за ушко привязывается тонкою и крѣпкою веревкою къ противоположному концу древка или къ его серединѣ. Когда такая острога вонзается въ рыбу, то послѣдняя быстрымъ движеніемъ срываетъ вонзившееся въ нее лезвіе съ древка и продолжаетъ плыть, таща за собою бросаемое изъ рукъ древко, служащее въ данномъ случаѣ поплавкомъ и указателемъ, куда направилась раненая рыба. Когда рыба выбьется изъ силъ, удилье подплываетъ къ добычѣ и осторожно, взявъ за древко, подтягиваетъ ее.

Крючками ловятъ рыбу различно. Мнѣ не разъ приводилось видѣть ловлю крупной и мелкой рыбы на наживку ²⁾). По сообщенію г. Надарова ³⁾), осетръ и калуга ловятся желѣзными крючками, привязанными къ веревкѣ съ поплавками: играя, рыба цѣпляется за крючки. Кромѣ желѣзныхъ крючковъ, употребляются самодѣльные, какъ остатокъ глубокой старины, состоящіе изъ рѣзца кабарги (самца), прикрѣпленнаго подъ прямымъ угломъ къ деревянной палочкѣ. На такой крючекъ, съ насаженною наживкою, при мнѣ на р. Нахтѣ поймали тайменя, при чемъ наживкой служила горбуша ⁴⁾).

При ловлѣ рыбы употребляются лодки двухъ типовъ: болѣе помѣстительныя—баты и меньшія—оморочки. Батъ выдалбливается изъ цѣльнаго дерева, при чемъ такъ, что передъ носомъ на 1¹/₂—2 арш. выдается доска, продолженіе плоскаго дна. Онъ очень легокъ, идетъ хорошо противъ теченія и поднимаетъ до 40 пуд. Но онъ требуетъ осторожнаго и умѣлаго обращенія, потому что очень валокъ и легко ломается. Оморочка также выдалбли-

¹⁾ Подробности см. въ цитиров. кн. г. Маргаритова, стр. 19.

²⁾ То же говоритъ и г. Маргаритовъ, *Op. cit.* 18.

³⁾ *Op. cit.* 102.

⁴⁾ По сообщенію г. Маргаритова, такъ ловится рыба хоѣ, *Op. cit.* 18.

вается изъ цѣльнаго куска дерева, но корма и носъ у нея острые. Оморочки—ходки, легки и тонки и поднимають до 10 пуд., но требуютъ весьма умѣлаго обращенія, иначе легко переворачиваются. Въ настоящее время уже почти не встрѣчаются оморочки изъ бересты, потому что онѣ крайне непрочны ¹⁾).

Вся работа по добычѣ рыбы лежитъ, главнымъ образомъ, на мужчинѣ, хотя я встрѣчалъ (напримѣръ, на р. Самарѣ) и промысляющихъ женщинъ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ дѣло объяснялось вдовствомъ и отсутствіемъ дѣтей мужского пола хотя бы 10-лѣтняго возраста. Во всякомъ случаѣ въ рыболовствѣ мужчинѣ весьма часто помогаетъ женщина: она правитъ батомъ и направляетъ его туда, куда смотреть съ приготовленною острогою мужчина. При ловлѣ рыбы сътью, послѣднюю вмѣстѣ съ мужчинами часто тянуть и женщины.

Орзодо рѣже ловятъ рыбу ловушками. По нѣкоторымъ рѣкамъ, впадающимъ въ Татарскій проливъ, мнѣ встрѣчались такого рода нехитрыя ловушки. Зная обыкновеніе горбуши и другой рыбы, при ходѣ противъ теченія, выпрыгивать изъ воды, удила изъ тонкихъ жердей среди рѣки ставятъ загороду, полъ которой покать: низкій конецъ его постепенно понижается въ воду, а противоположный поднимается надъ водой. Съ того мѣста, гдѣ полъ выдается изъ воды, начинаются стѣнки изъ травы или вѣтвей. Рыба, идя вверхъ противъ теченія и вскидываясь, попадаетъ на помостъ загороды и тамъ остается, потому что стѣнки мѣшаютъ ей свалиться въ воду. Ловушки осматриваются хозяевами раза два—три въ день. Мнѣ передавали, что за ночь иногда попадаетъ рыбъ 10—20. Обыкновенно, подобнаго рода ловушки устраиваются близъ жилья, чтобы не тратить много времени на осмотръ ихъ.

Трудно сказать что-нибудь опредѣленное о количествѣ ежегодно добываемой удила рыбы: никто еще не дѣлалъ попытки подсчитывать уловъ за весь рыбный сезонъ хотя бы въ одномъ селеніи, а сами жители на вопросъ объ этомъ не говорятъ, да и не могутъ сказать ничего точнаго, потому что не считали. Сказать, что „каждая семья запасаетъ на зиму 1500—3000 рыбъ ²⁾), едвали значить точно опредѣлить цифру дѣйствительно добываемой рыбы.

Что касается правыхъ притоковъ р. Уссури, то тутъ ловля рыбы (кѣты) производится въ сентябрѣ мѣсяцѣ почти исключительно острогою, которою колютъ съ носовой выдающейся части бата.

¹⁾ Подробности и рисунки см. у Маргаритова, стр. 14 и слѣд.

²⁾ См. Труды Приамур. Отд. II. Р. I. Об. за 1895 г.

Во время пребыванія на морскомъ берегу ради добычи рыбы, до наступленія времени хода ея и въ промежутки между ходами, удиһэ занимаются охотою, которая является второю послѣ рыболовства основою ихъ экономического быта.

Во всякое время, когда только представится случай, удиһэ бьютъ нерпу (рѣдко сивуча). Нерпа на всемъ побережьи Татарскаго пролива не составляетъ предмета специальной охоты для жителей, а убивается ими, такъ сказать, между дѣломъ. Тѣмъ не менѣе въ обиходѣ жителей нерпа играетъ важную роль, доставляя мясо, жиръ и шкуру. При мнѣ нерпу стрѣляли изъ ружей, весьма распространенныхъ въ настоящее время среди удиһэ. Большею частью встрѣчается пестрая нерпа темновато-сѣраго цвѣта, рѣже бѣлая или, лучше сказать, блѣдно-желтая. Точно также между дѣломъ часто бьютъ изъ ружей и выдру, водящуюся во всѣхъ рѣчкахъ, впадающихъ въ океанъ. На этого звѣря, впрочемъ, охотятся и зимою, настораживая на него снаряды и лучки. Въ долину р. Та-Судухэ мнѣ попался охотникъ, который круглый годъ, особенно лѣтомъ, ловилъ выдръ капканомъ, по своему устройству совершенно напоминающимъ обыкновенные капканы на крысѣ.

Въ іюнѣ и отчасти іюлѣ мѣсяцахъ удиһэ сильно охотятся на сохатаго (лося), мясо котораго, подобно мясу кэты, готовится на зиму. И лось, подобно нерпѣ, доставляетъ мясо, жиръ („масло“) и матеріалъ для различныхъ подѣлокъ. Лѣтомъ лось появляется на морскомъ побережьи, спасаясь отъ „гнуса“, зимою же онъ перекочевываетъ въ глубь материка, но охота на него продолжается и тамъ. Куда я ни пріѣзжалъ въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, всюду въ деревняхъ удиһэ встрѣчалъ сушившееся и коптившееся мясо сохатаго, равно растянутыя на палкахъ кожи. Въ это время охотились на лося, главнымъ образомъ, ради мяса и кожи: шкура лѣтомъ никуда не годится, потому что шерсть линяетъ даже на ногахъ, а въ пахахъ и на головѣ имѣются голыя плѣшины, выѣденныя мошкой, оводомъ и комарами. При мнѣ били лося изъ ружей. Для этого охотникъ на оморочкѣ отправлялся въ извѣстное излюбленное лосемъ мѣсто вечерняго и утренняго водопоя и подкарауливалъ тамъ звѣря. Зимою же, обыкновенно, охотятся на лося съ ружьемъ и на лыжахъ съ копьемъ и собаками. Кромѣ того, зимою по преимуществу настораживаютъ на тропинкахъ къ водопою луки—самострѣлы. Въ южной части территоріи удиһэ лѣтомъ усиленно охотятся на изюбря, главнымъ образомъ, ради пантовъ, т. е. молодыхъ роговъ. На югѣ лучшими считаются панты пестрыхъ оленей. Бьютъ изюбря двоякимъ образомъ: или, развѣзжая по рѣкѣ въ оморочкѣ, выселѣживаютъ звѣря, когда онъ подходитъ полакомиться различными водорослями и водяными лиліями, или же бьютъ его по „трубѣ“. Послѣдній способъ охоты практикуется осенью

и основанъ на томъ, что съ сентября мѣсяца изюбрь-самецъ начинаетъ ревѣть, отыскивая самку. Призывая ревомъ самку на свиданіе, самецъ въ это время очень свирѣпъ и изъ-за обладанія ею идетъ на страшный бой со своимъ соперникомъ. Пользуясь этимъ, удилъ трубою подражаютъ реву изюбря, который, предполагая увидѣть соперника, идетъ прямо на охотника. Вотъ очень интересное описаніе охоты подобнаго рода.

„Еще засвѣтло пришли охотники къ рѣчкѣ Сядунгоу и стали ждать. Когда стемнѣло, и показалась луна, издали послышался ревъ изюбря; онъ подходилъ все ближе и ближе, и вдругъ въ одной верстѣ отъ стоянки охотниковъ раздался ревъ громаднаго быка. Гольдъ Ильянъ взялъ свою трубу изъ бересты ¹⁾ и, подражая реву изюбря, проигралъ на ней. Тотчасъ же послышался отвѣтъ изюбря. „Онъ сердится, пойдемъ!“ сказалъ Ильянъ, и охотники тронулись къ нему навстрѣчу. Отойдя шаговъ 200 отъ табора, остановились на полянѣ за сломленнымъ бурей дубомъ. Поляна, на которой стояли, освѣщалась полной луной... На полянѣ, въ полувёрстѣ отъ притаившихся охотниковъ, большой изюбрь-самецъ искалъ свою возлюбленную. У небольшого дерева онъ увидалъ самку, которая еще раньше примѣтила его и поспѣшила принять граціозную позу... Увидѣвъ самку, изюбрь закричалъ во всю свою мощную грудь, на что получилъ въ отвѣтъ слабый крикъ самки, которая приглашала его подойти. Но въ это время Ильянъ опять проигралъ „арію возлюбленнаго“ на своей трубѣ. Вострепенулся изюбрь и въ ярости готовъ былъ броситься въ чащу, чтобы скорѣе покончить съ воображаемымъ своимъ соперникомъ. Изюбрь сгоралъ отъ ревности и, въ нетерпѣніи, рылъ копытами землю... Послышался опять звукъ трубы; старый быкъ отвѣтилъ ему самымъ грознымъ вызовомъ, но противникъ все не шелъ... Рѣшили подойти къ нему, и, во время подхода, по временамъ, Гольдъ останавливался и игралъ въ трубу. Наконецъ, подошли шаговъ на 80 къ полянѣ... остановились на краю ея за толстой осиною и Ильянъ заигралъ въ рогъ. Раздался отвѣтный грозный крикъ изюбря, и онъ поскакалъ къ гольдамъ ²⁾ ..“ По побережью Татарскаго пролива знаютъ цѣну пангамъ лишь тѣ удилъ, которые живутъ на югѣ, начиная отъ р. Кушунгоу. На югѣ, гдѣ много манзовскихъ купцовъ, панты являются предметомъ самымъ интереснымъ и заманчивымъ для обитателя. Нѣтъ сомнѣнія, что охоту за пантами создали манзы. По рассказамъ старожиловъ, глубокихъ стариковъ, до прихода манзъ въ долину р. Та-Судухэ, тамъ было очень много пантовъ, такъ много, что имъ не придавали никакой цѣны и проигрывали въ карты. Когда же пришли сюда манзы, панты повысились въ цѣнѣ, но ихъ стало совсѣмъ мало. Опыт-

¹⁾ На р. Санденбей я видѣлъ подобную же трубу изъ дерева.

²⁾ Труды Приамур. Отд. II. Р. Г. Об. за 1895 г. ст. I. Альфтана.

ные охотники говаривали въ шутку, что прежде на одного охотника приходилось двадцать пантачей (звѣрей съ молодыми рогами), а теперь (въ 1896 г.) на одного пантача приходится двадцать охотниковъ. Убылью звѣря, вѣроятно, объясняется и то обстоятельство, что очень многіе уди́нэ, наскучивъ неудачною охотою за пантами, бросаютъ ее и переходятъ къ другимъ болѣе вѣрнымъ занятіямъ. Добываніе пантовъ является дѣломъ труднымъ не потому только, что звѣрь съ каждымъ годомъ значительно уменьшается, а и потому, что пантачи, спасаясь отъ комаровъ и мошекъ свои молодые, нѣжные и чувствительные къ уколамъ рога, прячутся въ чащу тайги, и рѣдко выходятъ на открытыя мѣста. Поэтому охотнику приходится бродить по непроходимой тайгѣ, ища случайной встрѣчи съ изюбремъ или оленемъ. Впрочемъ, такъ какъ ночью звѣри приходятъ на солонцы, то ихъ по большей части тамъ и бьютъ охотники.

Особенно цѣнятся молодые рога пестраго оленя (*cervus axis*), который водится въ южной части территоріи уди́нэ. Изюбринные же панты считаются лучшими лишь тогда, когда сняты съ лобовой костью черепа съ изюбря, убитаго въ концѣ іюня. Уменьшеніе звѣря и дороговизна пантовъ побудили нѣкоторыхъ охотниковъ держать изюбрей и оленей въ засадкахъ и ежегодно спиливать панты. Мнѣ нигдѣ не приходилось въ селеніяхъ уди́нэ видѣть подобныя засадки, да и никто изъ изслѣдователей быга ихъ не сообщилъ о засадкахъ у нихъ. Весьма возможно, что уди́нэ не имѣютъ засадокъ, при своемъ подвижномъ и временномъ хозяйствѣ.

Если рыба (кѣта и горбуша) и лось питаютъ и одѣваютъ уди́нэ, то охота на соболя, главное занятіе ихъ зимою, доставляетъ средства для удовлетворенія всѣхъ остальныхъ несложныхъ потребностей; соболь—единственное богатство уди́нэ.

Этотъ драгоценный звѣрь водится по всей территоріи уди́нэ и только на югѣ (бассейнъ Сучана, Та-Судухэ) онъ съ каждымъ годомъ попадаетъ рѣже и рѣже, не составляя предмета спеціальной охоты.

Добываютъ соболя различными способами: ловятъ силками, сѣткою, настораживаютъ лукъ, наконецъ охотятся на него съ ружьемъ и собакою. Наиболѣе цѣннымъ считается соболь, имѣющій темный цвѣтъ шкурки; такіе соболи встрѣчаются въ сѣверной части Зауссурійскаго края и при томъ, насколько извѣстно, въ прибрежной полосѣ; по притокамъ же Уссури соболей плохого качества. Весь добываемый уди́нэ соболь поступаетъ въ продажу, и никогда не употребляется ими для своихъ нуждъ. Лѣтомъ на р. Ботчи и другихъ я лишь у нѣкоторыхъ видѣлъ по одной, по двѣ шкурки этого дорогого звѣрька, которыя уди́нэ носили за пазухой и обращались съ ними, какъ съ ходячей монетою. Такимъ образомъ, весь соболь, добываемый зимою,

поступаетъ на рынокъ и является главнымъ предметомъ торговаго оборота, о чемъ подробнѣе будетъ рѣчь впереди. Зимой же, по пути, добываются и другія животныя: кабарга, мѣшочки струи которой продаются повсюду среди уди́нэ, козуля, медвѣдь, лисица, барсукъ, хорекъ, бѣлка и кабанъ. Лисицу добываютъ отравою и ловятъ собаками. Ко мнѣ часто обращались уди́нэ съ просьбою достать имъ во Владивостокѣ и переслать черезъ пароходъ „Вай-каль“ стрихнина для отравленія лисицъ. Среди лисицъ преобладаютъ красныя. Съ каждымъ годомъ увеличивается добываніе медвѣдя, котораго или бьютъ изъ ружей, или поднимаютъ изъ берлоги на копье (тй́г а). Въ южной части Зауссурійскаго края охотятся еще на волка и енота. Особенно интересна охота на послѣдняго съ собаками въ долинѣ рр. Имана и Вака. Охота производится ночью, потому что звѣрь этотъ для своихъ прогулокъ выбираетъ обыкновенно это время. Промышленникъ, имѣя одну или нѣсколько собакъ, „привязываетъ имъ на шею небольшіе бубенчики и съ заходомъ солнца выходитъ на охоту. Собака, найдя енотовый слѣдъ, идетъ по слѣду, догоняетъ звѣрька и душитъ его. Осенью еноты бываютъ очень жирны и неуклюжи и потому собака безъ труда догоняетъ ихъ. Звонъ бубенчика указываетъ промышленнику, гдѣ его собака душитъ енота. Промышленникъ отправляется на это мѣсто и подбираетъ звѣрка ¹⁾). Енотъ даетъ шкурки и сало.

Уди́нэ охотятся и на птицъ, но рѣже, и это производится скорѣе какъ развлеченіе. Охотятся, главнымъ образомъ, на утокъ, которыхъ насчитывается нѣсколько породъ. Бьютъ изъ ружей-дробовиковъ и почти оставили бить деревянными стрѣлами изъ ручныхъ луковъ. Въ каждой юртѣ, гдѣ есть много маленькихъ дѣтей, вы непременно увидите украшенія и побрякушки на дѣтскихъ поясахъ, сдѣланныя изъ ножныхъ костей и носовъ утокъ. Особенно много утокъ бываетъ по веснѣ, когда однимъ выстрѣломъ легко убиваютъ по 10—15 штукъ. Осенью силками и петлями ловятъ, а изъ ружей бьютъ много рябчиковъ. Въ странѣ уди́нэ существуетъ два рода рябчиковъ: обыкновенный сѣрый и такъ называемый „каменный“ рябчикъ, почти чернаго цвѣта. Особенно считается вкуснымъ послѣдній, добыть котораго весьма легко, потому что онъ непугливъ и близко подпускаетъ къ себѣ. При мнѣ разъ убила дѣвушка—уди́нэ сѣраго рябчика палкою. Рѣже бьютъ гуся и лебедя. Изъ шкурки послѣдняго, тщательно выдѣланной, шьютъ иногда одежду, чаще же она идетъ на отдѣлку къ ней.

Орудіями при охотѣ служатъ копья, луки, стрѣлы, ружья и всевозможные снаряды. Изъ копій обращаютъ вниманіе тѣ, которыми бьютъ мед-

¹⁾ Надаровъ: «Сѣверно-Уссурійскій Край», 118—119 стр.

вѣдя. „Копье дѣлается большое съ маленькими поперечниками на ремняхъ, въ 2—3 четвертяхъ отъ передняго конца. Копье прикрѣпляется къ крѣпкому, но легкому и прямому древку въ $2\frac{1}{2}$ аршина длины сыромятными ремнями ²⁾. Луки бываютъ двухъ видовъ—обыкновенный ручной лукъ и „самострѣль“. Насколько могу судить по личнымъ наблюденіямъ, стрѣлы, копья и луки съ каждымъ годомъ уступаютъ мѣсто ружьямъ. Мнѣ часто приходилось бесѣдовать съ уди́нэ, и я всегда слышалъ отъ нихъ восторженные отзывы о ружьяхъ. Едва ли ошибусь, если скажу, что за вѣтную мечтою каждого уди́нэ является—скопить денегъ или соболя и приобрести ружье. Уже теперь на побережьи Татарскаго пролива я не встрѣчалъ юрты, въ которой не имѣлось бы ружья. Только дороговизна заставляетъ уди́нэ довольствоваться „дѣдовскимъ оружіемъ“.

Пока имѣются ружья курковыя, заряжающіяся съ дула, рѣдко берданки и больше „винчестера“, особенно на югѣ Зауссурійскаго края. Стрѣляютъ уди́нэ удивительно мѣтко, не тратя даромъ пороха. Мой проводникъ Кинцаръ попадалъ пулею въ воробья, билъ изъ двухъ десятковъ созванныхъ куръ намѣченную птицу въ голову. Попавшаяся на глаза уди́нэ добыча рѣдко уходитъ въ лѣсъ или воду. Помню разсказъ моего проводника по р. Амгу объ одномъ странномъ случаѣ съ нимъ: ѣхалъ онъ разъ въ оморокѣ по рѣкѣ, и вотъ въ заливчикѣ, близко отъ него, стоитъ у воды сохатый. Онъ схватилъ винчестеръ, выстрѣлилъ разъ. Сохатый, сдѣлавъ нѣсколько скачковъ, остановился, точно удивляясь, какъ это пуля пролетѣла мимо. Охотникъ выстрѣлилъ вторично, пуля снова пролетѣла мимо, и сохатый скрылся въ чащѣ таежной. Разсказчикъ самъ не могъ понять, какъ онъ промахнулся на такомъ близкомъ разстояніи. Часто мнѣ доводилось слышать желаніе приобрести берданки. Ружья эти они предпочитаютъ винчестерамъ. Любовное и удивительно аккуратное обращеніе уди́нэ съ ружьемъ, даже самымъ плохимъ, ясно показываетъ, насколько ему необходима и цѣнна эта вещь. Онъ часто протираетъ ружье, чиститъ его, хранитъ въ чехлѣ изъ кожи нерпы или изъ барсуковаго или кабавьяго мѣха и вѣшаетъ на самое почетное мѣсто въ юртѣ. Въ виду сказаннаго понятнo будетъ, сколько горя причиняло уди́нэ заарестованіе ружей на Сучанѣ лѣсною стражею вслѣдствіе того, что эти дикари не понимали сущности закона, запрещавшаго охоту въ тѣ мѣсяцы, когда матки ходятъ беременными или производятъ дѣтенышей.

Снарядовъ и ловушекъ, которыми уди́нэ ловятъ звѣрей, много, но по своему виду и устройству они напоминаютъ и совершенно сходны на таковыя же

²⁾ Труды Приамур. Отд. II. Р. Г. Об. за 1895 г., ст. г. Альфтана.

у другихъ инородцевъ Зауссурійскаго края ¹⁾. Само собою разумѣется, что наибольшее количество ловушекъ приходится на долю драгоценнаго звѣрка-соболя. Немало ихъ и на оленя, особенно интересна одна, весьма часто практикуемая на югѣ, напримѣръ, въ бассейнѣ р. Та-Судухэ ²⁾. Ловушка эта по-манзовски называется „лутхауза“ ³⁾ и состоитъ изъ такъ называемаго „оленяго башмака“ и веревочной петли. Башмакъ представляетъ четырехугольную деревянную рамку, убитую гвоздями, загнутыми вовнутрь такъ, что образуютъ нѣчто въ родѣ конуса. Эта рамка кладется конусомъ изъ гвоздей въ ямку, выкапываемую на тропѣ, по которой ходятъ олени. На рамку набрасывается сверху веревочная петля съ привязанною на свободномъ концѣ веревки палкою. Олень, идя по тропѣ, попадаетъ ногою въ раму, проваливается, раздвигая гвозди, которые не позволяютъ вынуть ногу обратно. Чувствуя на ногѣ тяжесть, олень старается сбросить башмакъ, рвется и бьетъ ногою и хотя ломаетъ раму, зато затягиваетъ петлю. Уйти далеко послѣ этого онъ не можетъ, палка цѣпляется за кусты и деревья, а кровавый слѣдъ изъ пораненной гвоздями ноги приводитъ охотника къ добычѣ.

Въ качествѣ орудій охоты, для удиһа имѣютъ большое значеніе лыжи и собаки.

Собака исполняетъ двѣ роли въ быту удиһа: она возитъ и ловитъ или отыскиваетъ звѣря. Впрочемъ, на территоріи удиһа, въ сѣверной части, зимою рѣдко употребляютъ собакъ для ѣзды, чаще на нихъ перевозятъ по рѣкамъ товары. Но начиная съ р. Кушунгоу, нѣтъ ѣздовыхъ собакъ, держать здѣсь исключительно такъ называемыхъ „звѣровыхъ“, т. е. для охоты назначенныхъ. Если употребляютъ собакъ для ѣзды, то впрягаютъ ихъ ремнями въ легкія и небольшія санки, называемыя нартами. Хорошія ѣздовые собаки рѣдко встрѣчаются у удиһа, а если встрѣчаются, то продаются за 100 рублей, каковую сумму едва ли можетъ скопить какой-либо изъ нихъ.

Звѣровыя собаки доступныѣ по цѣнѣ: средняя стоимость ихъ—10 руб., самая низкая цѣна плохой собаки—5 руб.

И звѣровыя и ѣздовые собаки—одного типа. Онѣ—небольшого роста, пропорціональнаго сложенія, съ небольшою острой мордою, съ характерно торчащими ушами, съ небольшими глазами, съ стройными сильными ногами и маленькими лапами; хвостъ у нихъ длинный, пушистый и крючкомъ загнутый, на груди, брюхѣ и ногахъ шерсть свѣтлѣе, чѣмъ на спинѣ, при

¹⁾ Но желая здѣсь повторять извѣстное о ловушкахъ, отсылаю читателей къ книгѣ г. Маргаритова, гдѣ находится подробное описаніе и рисунки (стр. 12—13).

²⁾ Даю подробное описаніе, потому что въ литературѣ не встрѣчалъ подробныхъ извѣстій.

³⁾ Отсутствіе «тазовскаго» названія, вѣроятно, указываетъ на манзовское происхожденіе ловушки.

этомъ шерсть длинная, особенно на шеѣ, и торчащая въ разныя стороны. Такую собаку можно встрѣтить въ каждой юртѣ и фанзѣ. Онѣ очень злы, часто грызутся съ собаками сосѣдей, нападаютъ на прохожаго, и только крикъ хозяина „thà“ унимаетъ ихъ. Нѣкоторые хозяева держатъ днемъ своихъ собакъ на привязи, большинство же — на полной свободѣ, при чемъ собаки, прячась отъ мошки и мухъ, вырываютъ у берега глубокія ямы и скрываются тамъ.

Необходимою принадлежностью каждого охотника въ зимнюю пору являются лыжи. Онѣ въ длину бываютъ отъ 2¹/₂ до 3 аршинъ, дѣлаются изъ бархатнаго дуба или ильмоваго дерева и подбиваются изюбриными или козьими голеними, которыя поделываются калужимъ клеемъ. При ходбѣ на лыжахъ необходимъ посохъ, чтобы спуститься съ горы и управлять движеніями. Посохъ этотъ представляетъ обыкновенно палку отъ 2 до 2¹/₂ арш. въ длину. Къ одному изъ концовъ палки прикрѣпляется влыкъ отъ сѣкача или какая-нибудь острая кость (иногда желѣзное острие), а чтобы этотъ конецъ не увязалъ, при упорѣ на него, въ 5 — 6 вершкахъ отъ конца привязывается ремнями колесо съ четверть или болѣе въ діаметрѣ. На другомъ концѣ посоха дѣлается лопаточка, для копанья барсучьихъ норъ.

Около юрты и въ юртѣ удиһэ нерѣдко встрѣчаются нѣкоторыя дикія животныя, которыя живьемъ достаются ему на охотѣ. На сѣверѣ Зауссурійскаго края мнѣ лично не разъ приходилось видѣть небольшіе срубы для содержанія медвѣжатъ, выращиваемыхъ для особаго, такъ называемаго „медвѣжьяго праздника“. Часто приходилось встрѣчать срубы поменьше, въ которыхъ содержались лисята, продаваемые потомъ японцамъ либо живьемъ, либо шкуркою. Любители держатъ въ клѣткахъ, а чаще на привязи, ради потѣхи и удовольствія, орловъ и другихъ хищныхъ птицъ. Наконецъ, въ качествѣ пѣвчихъ, попадаютъ синія сороки и другія мелкія птички.

До сихъ поръ, говоря объ охотѣ, я нигдѣ не называлъ времени и количества добываемаго звѣря. При нѣкоторомъ разнообразіи климатическихъ условій въ сѣверной и южной частяхъ Зауссурійскаго края, время охоты колеблется и опредѣляется различно, учеть же количество добываемаго звѣря на всей территоріи удиһэ невозможно, потому что добываемаго звѣря никто не считалъ и не считаетъ. Поэтому я рѣшаюсь нѣсколько послѣдующихъ страницъ занять добытыми лично свѣдѣніями о срокахъ охоты и количествѣ добываемаго звѣря, насколько мнѣ удалось собрать ихъ въ разныхъ селеніяхъ.

На р. Ботчи соболя ловятъ четыре мѣсяца: ноябрь, декабрь, январь и февраль. Вѣроятно, впрочемъ, что этотъ срокъ слѣдуетъ варьировать такъ: съ половины октября мѣсяца — начало, съ половины февраля — конецъ охоты

на соболя, потому что удилъ не научились еще точному обозначенію времени мѣсяцами и числами. Количество добываемаго звѣря весьма различно: въ хорошій годъ одинъ охотникъ добываетъ отъ 40 до 50 соболей, въ плохой— 2—3 соболя. Весь добываемый соболь идетъ въ продажу, при чемъ покупщиками являются русскіе и манзы: при мѣнновой торговлѣ хорошій соболь идетъ за 5—6 и даже за 8 руб. Выдръ на р. Ботчи—мало; въ хорошій годъ ихъ добывается не болѣе 2 штукъ, которыя продаются исключительно манзамъ за 5—6 рублей одна товаромъ. Медвѣдей бьютъ осенью и зимою въ хорошій годъ на одного охотника выпадетъ 6 медвѣдей, въ неудачный годъ—не болѣе 2-хъ. За шкуру хорошаго, большого и чернаго, медвѣдя товаромъ манзы даютъ 10 руб., за плохую же—5 руб. Сохатыхъ бьютъ лѣтомъ и зимою, при чемъ при удачной охотѣ добывается по 20 штукъ на охотника. Кожу и шкуру продаютъ манзамъ по 3 руб. товаромъ. Нерпъ въ р. Ботчи водится мало: одинъ охотникъ въ годъ добываетъ 10 штукъ. Кожу нерпы покупаютъ манзы по 2 рубли деньгами и товаромъ. На р. Самаргѣ соболя начинаютъ ловить съ октября и прекращаютъ охоту въ мартѣ до схода снѣга. Наибольшій уловъ одного охотника равняется 30—50 соболямъ, наименьшій—10. Соболя покупаютъ гольды и китайцы, платя за хорошаго соболя—8 руб., средняго—5—6 руб. и за худого—2—3 руб. товаромъ. Количество соболя въ данной мѣстности зависитъ отъ урожая кедровыхъ орѣховъ. „Много орѣховъ—много бѣлокъ, много бѣлокъ—много соболя“, говорили мнѣ на Самаргѣ. Выдръ и здѣсь мало; охотятся на нихъ лѣтомъ и зимою, добывая, при удачѣ, 4—5 штукъ. Гольды и китайцы, при мѣнновой торговлѣ на товары, установили цѣну на выдру по 1 рублю за четверть шкурки. Здѣсь хорошая выдра имѣетъ 4—5 четвертей. Медвѣдя бьютъ лѣтомъ и зимою, добывая, при счастливой охотѣ, до 5 медвѣдей на человѣка. Шкура хорошаго медвѣдя оцѣнивается товаромъ въ 8—9 руб., плохого—въ 5 р. Сохатаго бьютъ лѣтомъ и зимою, при чемъ наибольшая добыча на охотника исчисляется въ 8—10 штукъ. Шкура или кожа сохатаго, смотря по качеству, продается отъ 1 до 3 руб.

На р. Кушунгоу соболя добываютъ съ ноября по февраль мѣсяцъ (рѣдко по мартъ). На охотника за сезонъ приходится отъ 10 до 20 соболей. Покупателями являются манзы, платя деньгами и товаромъ за хорошаго соболя 6—8 руб., за плохого—4—5 руб. Сохатаго бьютъ лѣтомъ и зимою, при чемъ удачный годъ приноситъ охотнику 10 штукъ. Кожу продаютъ за 1—2 рубля, а хорошіе панты ¹⁾ доходятъ до 80—100 руб. Пантовъ ежегодно добывается не болѣе 2—3. Выдра встрѣчается въ не-

¹⁾ Здѣсь уже, благодаря сосѣдству манзъ, знаютъ имъ цѣну, и имѣются специалисты-охотники на пантачей.

большомъ количествѣ, такъ что на охотника приходится лишь до 5 штукъ; цѣна шкурѣ отъ 3 до 4 рублей. Козуль тоже мало: ежегодно на охотника приходится 2—3. Медвѣдей въ осень и зиму каждый охотникъ добываетъ 5—6, продавая шкуры манзамъ за деньги или товары; цѣна хорошему медвѣдю—9—10 руб., худому—4—5 руб. Тутъ охотятся и на лисицъ, добывая въ удачный годъ до 10 шкуръ на охотника. Шкурка лисицы опѣшивается въ 2 руб. Бѣлокъ на охотника приходится въ годъ удачный по 50 штукъ; десятокъ шкурокъ продаютъ за 2 руб. товаромъ. Кабарговую струю при мнѣ покупалъ мой проводникъ на р. Идѣ за 1 р. 70 к. мѣшечекъ.

На р. Такомѣ сохатыхъ бьютъ мало.—1—2 штуки: соболя въ удачный годъ добываютъ по 50 штукъ на охотника; выдръ по 10 штукъ; медвѣдей—то же количество; бѣлокъ по 3—4; козуль по 10. Продають: шкурку сохатаго за 2 руб.; хорошаго соболя—за 6—7 руб.; хорошую выдру—за 5 руб., плохую—за 2—3 руб., медвѣдя хорошаго—за 12 руб., плохого—до рубля, шкурку бѣлки по 1 коп., козули—по 3 коп. Хорошіе панты (рога пятнистаго оленя) стоятъ 200 руб., а плохіе доходятъ до 10 руб. Перечисленные мною разспросныя свѣдѣнія, кажется, даютъ возможность заключить, что охота должна давать сильную поддержку хозяйству удилѣ, особенно предполагая, что количество добываемаго звѣря показывалось менѣе дѣйствительнаго ¹⁾); если же на самомъ дѣлѣ она не приноситъ охотнику возможныхъ выгодъ, то причиною являются нѣкоторыя ненормальныя явленія быта, о чемъ подробно будетъ сказано ниже.

Почти тождественное значеніе въ экономическомъ быту удилѣ съ „пантами“ имѣетъ женъшеневый промыселъ. Съ женъшенемъ познакомили удилѣ манзы, приписывающіе этому растенію способность „поправить человѣка, возвратить ему силу и свѣжесть молодости, сдѣлать кожу красноватой, какъ у молодой дѣвушки“ ²⁾). Этотъ корень растетъ по скатамъ горъ въ тѣнистомъ лѣсу. Онъ бѣлаго цвѣта длиною въ 2—3 дюйма, со многими тонкими отростками въ видѣ бѣлыхъ нитокъ; толщина корня въ среднемъ около $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$ дюйма, но встрѣчаются и болѣе толстые. Поверхъ земли этотъ корень выпускаетъ стебель, длиною фута въ $1\frac{1}{2}$, толщиною 1,5 линіи. Отъ стебля, на разстояніи 6—8 дюймовъ отъ земли, отходятъ 4 листа, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ 5 отдѣльныхъ, расположенныхъ вѣерообразно листовъ; въ срединѣ находится самый большой листокъ, достигающій до 5 дюйм-

¹⁾ Допускаю такую возможность особенно съ рѣки Кушунгоу на югѣ, потому что манзы никогда не показываютъ въ истинномъ видѣ своихъ доходовъ, боясь, что за показанное придется платить въ русскую казну пошлину.

²⁾ Надаровъ, Сѣв.-Уссур. край, 115 стр.

мовъ въ длину и до 2-хъ въ ширину; слѣдующіе листки съ боку немного меньше, а крайніе еще незначительнѣе, величиною до одного дюйма; каждый листокъ овальной формы, съ острымъ концомъ; края листковъ мелкозубчатые. Стебель оканчивается пучкомъ красно-яркихъ ягодъ, числомъ до 10; но эти ягоды появляются и приобретаютъ красный цвѣтъ только позднимъ лѣтомъ. Искатели женъшеня уди́нэ раздѣляются на два класса: одни ищутъ корень по собственной волѣ, для собственнаго прибытка, чтобы сразу разбогатѣть, другіе ищутъ поневолѣ, по порученію своихъ хозяевъ—манзѣ. И тѣ и другіе отправляются искать женъшеня съ іюля по сентябрь мѣсяцъ. Должники-уди́нэ-т. е. искатели поневолѣ, отправляются за корнемъ артелью, получая продовольствіе отъ своего кредитора-китайца. Снаряжаются въ походъ такъ: „на-дѣваютъ короткую куртку, наколѣбники изъ толстой ткани поверхъ штановъ, улы; голени обертываютъ длинной лентой изъ дабы или кожей; для предохраненія отъ сырости и для сохраненія одежды у каждого имѣется холщевой промасленный передникъ. Кромѣ того, берется сумочка съ огнивомъ и трупомъ, костяная палочка или деревянныя вилочки для выкапыванія корня, ножъ и длинный посохъ“. Впереди идетъ опытный и зоркій искатель. Идутъ все въ линію, иногда въ двѣ, идутъ тихо, раздвигая траву посохами. Когда корень найденъ, то опытный искатель осторожно, чтобы не повредить самыхъ тонкихъ отпрысковъ, выкапываетъ его. Выкопанный корень обкладываютъ мохомъ, укладываютъ въ коробку и обсыпаютъ землею, которую изрѣдка поливаютъ водою. Все добытое за полтора-два мѣсяца отдаютъ своему хозяину-китайцу, который продаетъ на исконномъ женъшеневомъ рынкѣ въ китайскомъ селеніи Има-Хоузѣ, противъ Графскаго поселка. Цѣна женъшеня зависитъ, главнымъ образомъ, отъ свойства и достоинства корня. Молодой корень, съ тремя листьями, считается хорошимъ, и за фунтъ его даютъ отъ 85 до 150 руб. Если стебель женъшеня имѣетъ 4 листа, то корень его считается лучше и цѣнится отъ 200 до 600 руб. за фунтъ. Когда на стеблѣ 5 листьевъ, то корень считается очень дорогимъ, и его продаютъ не фунтами, а штуками и по высокой цѣнѣ. Еще дороже цѣнится корень женъшеня, на стеблѣ котораго 6 листьевъ. Такъ, передаютъ, что въ 1879 г. одинъ уди́нэ нашелъ по р. Ваку женъшеневый корень около 1 вершка въ діаметрѣ и отъ 6 до 7 вершковъ длиною, за который получилъ 1500 металлическихъ рублей.

Кромѣ достоинства корня, на оцѣнку его сильно вліяетъ количество добытаго въ данномъ году женъшеня и число покупателей ¹⁾). Но женъше-

¹⁾ См. Надарова Сѣв.-Уссур. край, 114 и слѣд.; Труды Приамур. Отд. II. Р. Г. Общ. за 1895 г.; Приамурскія Вѣдомости №№ 205 и 209.

новый промысел ненадеженъ: можно исходить цѣлое лѣто и ничего не найти; тутъ нужно особое счастье, или „фартъ“, какъ говорили мнѣ уди́нэ р. Та-Судухэ. Приготовленіемъ женшена, равно разведеніемъ искусственнаго корня, болѣе дешеваго, уди́нэ не занимаются, предоставляя эти занятія китайцамъ, какъ хорошимъ и опытнымъ знатокамъ, поэтому я и не буду говорить объ этомъ ¹⁾).

Истребленіе лѣсовъ пожарами и уменьшеніе изъ года въ годъ звѣря, случайность находженія женшена, не всегда удачный ловъ рыбы, побуждаютъ уди́нэ, особенно тамъ, гдѣ онъ соприкасается съ манзами, ввести новый факторъ въ свое экономическое существованіе. Я говорю о земледѣліи.

Вдоль побережья Татарскаго пролива легко можно прослѣдить тѣ первоначальныя фазы, которыя переживаетъ земледѣліе: сперва оно имѣетъ видъ огородовъ, на которыхъ воздѣлывается картофель. Съ р. Нельмы и далѣе на югъ, при опросѣ жителей о занятіяхъ, всюду называли, кромѣ рыболовства и охоты, и огородничество. На р. Ботчи не знаютъ еще этой отрасли хозяйства, но не разъ высказывали желаніе научиться садить картофель, который, какъ пищевой продуктъ, имъ очень нравится. Тѣхъ уди́нэ, которые умѣютъ садить картофель, научили этой отрасли хозяйства манзы. Садятъ пока мало: самое большее $\frac{1}{2}$ —1 десятину. На р. Самаргѣ въ огородахъ, кромѣ картофеля, начинаютъ воздѣлывать немного буды, тоже по примѣру китайцевъ. На слѣдующихъ къ югу рѣкахъ огороды постепенно увеличиваются въ размѣрахъ (до $1\frac{1}{2}$ —2 десятинъ) и переходятъ уже въ пашни, гдѣ, кромѣ картофеля и буды, встрѣчаются пшеница, ячмень и макъ. На рр. Ку-цунгоу и Санденбея путникъ уже встрѣчаетъ огромныя поля подъ будою, пшеницею, кукурузою и макомъ. Послѣдній, по мѣрѣ движенія на югъ, получаетъ все большее распространеніе и воздѣлывается исключительно для добыванія опиума. За заливомъ св. Ольги, къ югу, земледѣліе является для нѣкоторыхъ уди́нэ исключительнымъ и главнымъ занятіемъ, хотя необходимость имѣть земледѣльческія орудія, рабочій скотъ, помѣщеніе для храненія зерна еще не сознается многими изъ уди́нэ, какъ условіе, безъ котораго нѣтъ прочнаго земледѣльческаго хозяйства. За все время пребыванія своего среди уди́нэ, и на Сучанѣ и на побережьи Татарскаго пролива, я нигдѣ не встрѣтилъ такого хорошаго (относительно) земледѣльческаго инвентаря, какой всюду имѣется у манзъ. Не видя въ дворахъ уди́нэ ни плуга, ни быка, ни лошади, я съ удивленіемъ спрашивалъ, какимъ образомъ они обрабатываютъ подчасъ довольно обширныя поля. Отвѣтъ получался всегда одинъ и тотъ же: „манзы даромъ даютъ“. Впрочемъ, по словамъ ольгинскаго пристава г. Шкур-

¹⁾ Желающихъ прочитать объ этомъ отсылаю къ книгамъ гг. Маака, Алябьева и др.

кина, удиһэ, живушіе близъ залива св. Ольги, нѣкогда, не такъ давно, имѣли большой сельскохозяйственный инвентарь и скотъ, но манзы стѣмѣли все прибрать къ своимъ рукамъ.

Вообще дикарю-удиһэ, привыкшему къ бродячему или кочевому образу жизни, трудно сразу подавить сильно укоренившіяся привычки и перейти къ вполне осѣдлой жизни. Можно положительно сказать, что количество годовъ осѣдлой жизни любого изъ удиһэ на побережьи Татарскаго пролива измѣряется семью-восемью годами.

Единственно безпечностью удиһэ и его склонностью къ бездѣйствію можно объяснить то обстоятельство, что посѣяннаго не хватаетъ на годовое потребленіе. Когда я, бесѣдуя съ жителями долины Та-Судухэ, указывалъ на необходимость большей запашки, то получалъ въ отвѣтъ одно: „не хватитъ, у манзы взаимъ возьмемъ“. Столь же ничтожно земледѣліе и у тѣхъ удиһэ, которые обитаютъ по правымъ притокамъ р. Уссури. Г. Надаровъ въ восьмидесятихъ годахъ насчиталъ всего 6 десятинъ пахатной земли. Съ того времени, впрочемъ, судя по результатамъ изслѣдованій охотничьихъ командъ, земледѣліе сдѣлало значительный шагъ впередъ, но въ очень многихъ случаяхъ оно носитъ характеръ огорода и только изрѣдка переходитъ въ пашню. На огородахъ и здѣсь встрѣчаемъ излюбленные китайцами овощи: картофель, кукурузу, бобы, лукъ, чеснокъ, тыкву, огурцы и арбузы; на пашняхъ — чулицу, ячмень, гаюлянъ и табакъ ¹⁾).

Если охота и рыболовство позволяютъ и отчасти заставляютъ удиһэ вести кочевой и бродячій образъ жизни, то земледѣліе неизбѣжно приводитъ ихъ къ осѣдлости, полагая первыя начала культуры и перемѣняя бытовую обстановку. Не сомнѣваюсь, что рано или поздно большая часть территоріи удиһэ должна будетъ отойти подъ пашни; что аборигены ея должны будутъ перейти къ земледѣлію и его поставить краеугольнымъ камнемъ своего благосостоянія. Весьма желательно, чтобы этотъ тяжелый переломъ въ экономической жизни удиһэ, при содѣйствіи русскихъ, совершился скорѣе и возможно легче, потому что на югѣ онъ совершается, при содѣйствіи китайцевъ, слишкомъ тяжело и разорительно.

Трудно сказать, что побуждаетъ удиһэ къ такимъ промысламъ, какъ трепанголовство и капустоловство. Оба эти промысла только что начинаютъ проникать въ жизнь удиһэ, особенно на югѣ, по побережью Великаго океана. Мною встрѣчено здѣсь только три самостоятельныхъ капустолова (въ бухтѣ Находкѣ и на р. Санденбея), но много тазъ занимается ловлею морской капусты въ качествѣ работниковъ у манзъ. Трепанголововъ очень мало: мнѣ извѣстны только два.

¹⁾ Труды Приамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г.

Нѣкоторымъ намекомъ на мотивы, побуждающимъ тазъ приниматься за упомянутые промыслы, можетъ служить слѣдующая бесѣда, которую я велъ съ женщиною уди́нэ на р. Та-Судухэ. Ея мужъ лѣтомъ 1896 г. впервые ушелъ на ловлю трепанговъ, занимаясь дотолѣ хлѣбопашествомъ. На мое замѣчаніе о случайности этой добычи и о большей надежности расширенія пашни, она отвѣтила: „мы пробуемъ, что выгоднѣе—пашню пахать или трепанговъ ловить“. Изъ дальнѣйшей бесѣды выяснилось, что она хотѣла мнѣ сказать: „мы пробуемъ, что легче и прибыльнѣе — землю пахать или трепанговъ ловить“. Долженъ замѣтить, что оба трепанголова, видѣнные мною, равно какъ и капуستоловы относились къ числу „захудалыхъ“ уди́нэ или бездомныхъ бобылей; при этомъ, какъ они сами рассказали мнѣ, трепанголовство и капустоловство соблазнило ихъ надеждою на большіе барыши, о чемъ они узнали изъ разсказовъ манзъ. Въ виду сказаннаго осмѣлюсь выразить боязнъ, что трепанголовство и капустоловство являются въ рукахъ манзъ-культуртрегеровъ лишь средствами окончательно сбить съ выгодной экономической позиціи уди́нэ и привести его къ нищетѣ ¹⁾).

Мое спасеніе находить себѣ маленькое основаніе и въ томъ, что трепанголовство и капустоловство, для одиночнаго веденія ихъ, не требуютъ большихъ средствъ, что ясно при ближайшемъ ознакомленіи съ этими промыслами.

Морская капуста (*laminaria sacchalina* или *iapanica*) представляетъ водоросль съ лапчатымъ или мочковатымъ корнемъ, прикрѣпляющимся къ камнямъ и скаламъ. Въ свѣжемъ видѣ листь капусты имѣетъ зеленобурый цвѣтъ. Эта водоросль встрѣчается по всему побережью Японскаго моря. Наиболѣе цѣнною считается морская капуста, листья которой имѣютъ одинаковую толщину по срединѣ и по краямъ, возможно большую длину и высушены такъ, что сохраняютъ свой зеленый цвѣтъ. У нашихъ береговъ промыселъ начинается въ концѣ марта и продолжается до сентября мѣсяца. При ловлѣ капусты употребляются, во-1-хъ, лодки, въ три сажени длиною съ кормою и носомъ отъ 1½ до 2 аршинъ шириною; онѣ плоскодонны и имѣютъ вышину по борту въ 1 аршинъ. Во-2-хъ, кромѣ лодки, требуется шесть, имѣющихъ въ длину 10 и не болѣе 28 футовъ. На одномъ концѣ его укрѣплена рукоятка, на другомъ врѣзаны четыре желоба, въ которые вкладываются и прикрѣпляются 4 палочки, до 5 четвертей длиною. Эти палочки на половину выдаются впередъ шеста, и, такимъ образомъ, получаются вилы, съ зубьями, расположенными по окружности круга. Иногда эти палочки дѣлаются желѣзные. Капустоловъ въ тихую погоду выѣзжаетъ

¹⁾ По сообщенію г-жи Васильевой, около зал. св. Ольги капустоловство стало главнымъ занятіемъ тазъ (См. Извѣстія И. Р. Г. Об. 1872 г., т. VIII, № 2, 65 стр.).

на лодкѣ не далѣе полуверсты отъ берега и, опуская вилы въ воду и наматывая на нихъ листья морской капусты, вытягиваетъ растеніе въ лодку. Наловленную капусту просушиваютъ, сортируютъ и связываютъ въ пучки ¹⁾ (до 1 пуда 33 ф.). Въ наиболѣе удачный для ловли капусты годъ одинъ капустоловъ можетъ получить рублей 30—40 чистаго заработка, проживъ на морскомъ берегу съ марта до сентября или половины октября мѣсяца. Такимъ образомъ, при одиночномъ добываніи, промыселъ этотъ нельзя считать особенно прибыльнымъ, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторые годы, какъ напримѣръ въ 1896 г., на моихъ глазахъ разсвирѣпѣвшій подъ вліяніемъ тайфуна океанъ обратно взялъ отданное въ теченіе пяти мѣсяцевъ капустное богатство, какъ бы за проценты изломавъ снасти и разбивъ лодки. Многіе манзы, а съ ними и одинъ удинъ остались тогда безъ хлѣба, чулицы и табаку.

Что касается трепанголовства, то и оно не сулитъ богатыхъ барышей удинѣ.

Трепангъ представляетъ одинъ изъ видовъ голотурій (*holothuria edulis*) и похожъ на червя. Покровы его тѣла кожистаго характера; щупальцы во кругъ рта пластинчатые, способныя втягиваться внутрь тѣла. Брюшная сторона трепанга снабжена многочисленными амбулякральными ножками, разбѣянными весьма неправильно, а на спинѣ и по бокамъ замѣчается пять рядовъ кожистыхъ отростковъ, расположенныхъ по оси тѣла.

Удинѣ ловятъ трепанговъ двумя способами, заимствованными у манзъ, — козютъ и неводятъ. При первомъ способѣ орудіями ловли являются лодка и особый снарядъ, состоящій изъ длиннаго (отъ 2 до 3¹/₂ саж.) тщательно выстроганнаго шеста, толщиною отъ 2¹/₂ до 3 сантиметровъ. Нижняя часть шеста, всегда приставная, оканчивается деревяннымъ цилиндромъ, до 5 сантим. въ діаметръ и до 12 сантим. длиною. Въ этомъ цилиндрѣ, съ внѣшней стороны, продолблены четыре желобка. Въ эти желобки вставлены металлическія иглы, выходящія до 7 сантим. наружу и имѣющія на концахъ крючки, на подобіе остроги. Орудіе это примитивное и дешевое, такъ какъ стоимость его не превышаетъ 1 р. 50 к. Ловлю посредствомъ такого орудія производятъ одинъ человѣкъ, лежа въ лодкѣ ²⁾ и бросая шестъ въ намѣченныхъ трепанговъ. Само собою разумѣется, что ловить трепанговъ шестомъ возможно лишь при тихой погодѣ, когда хорошо видно морское дно, и при незначительной глубинѣ (не болѣе 2¹/₂ саж.). Обыкновенно ловля шестомъ происходитъ въ концѣ марта, въ апрѣлѣ и въ концѣ сентября.

¹⁾ Подробности см. въ ст. Семенова «Промыселъ морской капусты въ Японскомъ морѣ», Владивостокъ, 1885 г., и въ Запискахъ Общ. Изв. Амур. края т. VI. вып. I, стр. 62 и слѣд.

²⁾ Въ бухтѣ Находкѣ я видѣлъ нѣсколько лодокъ-трепанголовокъ: онѣ — небольшихъ размѣровъ, и борты ихъ выдаются надъ поверхностью моря не болѣе какъ на полъ-аршина.

При второмъ способѣ добычи трепанговъ орудіемъ служить китайская драга, состоящая изъ желѣзной рамы, толщиною въ 1 сантим., снабженной сѣткою. На одной изъ длинныхъ сторонъ рамы, вмѣсто желѣзной связи, протягивается ремень, на которомъ помѣщаются чугунныя подрѣзала. Эти подрѣзала имѣютъ форму сплошной подковы, снабженной ушками, сквозь которыя проходитъ связывающій раму ремень. Стоимость драги не превышаетъ 6 руб., а ловля ею требуетъ двухъ человѣкъ: одинъ управляетъ лодкою, другой волочить заброшенную драгу по дну моря съ помощью веревки до 10 саж. длиною. Такимъ способомъ ловятъ съ конца марта по іюнь и со второй половины сентября до первыхъ чиселъ октября ¹⁾. Трепанговый промыселъ точно такъ же нельзя считать особенно прибыльной статьей въ хозяйствѣ уди́на, особенно при одиночной ловлѣ. Если одинъловецъ въ теченіе 7 мѣсяцевъ поймаетъ 100 фунтовъ трепанговъ ²⁾ (хорошій уловъ), то, считая за фунтъ 55 коп., получимъ доходъ въ 55 руб., половину каковой суммы онъ успѣетъ проѣсть за время ловли. Но вѣдь часто цѣна приготовленнымъ трепангамъ падаетъ на рынкѣ до 35 коп. за фунтъ, тогда ничтожность заработка для всякаго очевидна. Въ виду сказаннаго легко понять, почему уди́на занимаются трепанголовствомъ, такъ сказать, между дѣломъ.

С. Н. Браиловскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Подробности см. въ ст. г. Маслѣнникова въ IV томѣ Зап. Зап. Общ. Изуч. Амур. Края, а также въ VI т. тѣхъ же записокъ.

²⁾ Считаю приготовленныхъ.

ОТДѢЛЪ II.

Финскія сказки. *)

Четыре волоса изъ бороды черта.

Тавастгусская губ., Калвола; рукописный сборникъ Нормальной гимназін **) IX, № 4.

Жилъ-былъ однажды очень богатый мельникъ, по имени Петруха, и у него была прехорошенькая дочь. Въ мельничномъ пруду появилось морское чудовище, требовавшее ежедневно по свинѣ. Петруха обѣщалъ руку своей дочери тому, кто убьетъ чудовище. Вызвался одинъ пастушокъ убить его.

Онъ привелъ ему свинью и крикнулъ: «Гдѣ ты тамъ, морской драконъ». Тотъ появился, и пастушокъ продолжалъ: «если ты не съѣшь этой свиньи, я тебѣ приведу завтра двухъ». Чудовище не тронуло свиньи, и пастушокъ отвелъ ее обратно домой. Петруха очень удивился, что драконъ не съѣлъ свиньи, но пастушокъ ни слова не промолвилъ. На другой день онъ пришелъ къ пруду съ двумя свиньями и обѣщалъ дракону на слѣдующій день трехъ, если онъ не съѣстъ этихъ двухъ. Чудовище нырнуло въ воду, а пастушокъ возвратился домой съ двумя свиньями.

На третій день онъ пришелъ съ тремя свиньями; Петръ тайно слѣдилъ за нимъ. «Если сегодня не тронешь свиней», крикнулъ пастушокъ, «завтра получишь ихъ четыре». Мельникъ же со своей стороны закричалъ: «съѣшь, съѣшь ихъ», и голодное чудовище появилось и яростно бросилось на пастушка. Пастушокъ пронзилъ его саблею.

Мельникъ однако не далъ пастушку своей дочери, а потребовалъ, чтобы онъ принесъ четыре волоса изъ бороды черта. Онъ обѣщалъ и отправился въ путь.

Онъ пришелъ въ одно королевство. Въ королевскомъ саду росла яблоня съ золотыми яблоками, и вдругъ она перестала приносить плоды. Пообѣщавъ привести ее въ прежнее состояніе, онъ продолжалъ свой путь. Придя въ другое королевство, гдѣ исчезли двѣ королевны, и пообѣщавъ отыскать ихъ, онъ продолжалъ свой путь. Придя въ третье королевство, гдѣ пропала тоже королевна, онъ также обѣщалъ отыскать ее.—Три королевича перевозили людей на паромѣ черезъ рѣку. Увидавъ пастуха, они обратились къ нему съ просьбой поучить ихъ, какъ бы имъ избавиться отъ этой обязанности. Онъ обѣщалъ имъ на обратномъ пути указать средство, какъ отъ этого избавиться, и они перевезли его. Въ логовищѣ черта никого не было, кромѣ его жены, королевны, исчезнувшей изъ третьяго королевства. Пастушокъ, передавъ ей о всѣхъ своихъ приключеніяхъ, просилъ ее выдернуть у черта изъ бороды четыре волоса. Она обѣщала и сиротала его за печь. Спусти нѣсколько времени вернулся чертъ домой и легъ спать. Скоро послышалось громкое храпѣніе. Королевна выдернула у него одинъ волосъ, и чертъ вскочилъ, говоря: «Что такое?» «Мнѣ приснился сонъ», отвѣтила королевна. «Что

*) См. «Жив. Старина» Вып. I. 1901.

**) Въ архивѣ Финскаго Литературнаго Общества.

тебѣ приснилось»? спросилъ чертъ. «Я видѣла во снѣ, что въ саду одного короля яблоня, приносящая золотыя яблоки, вдругъ перестала приносить ихъ». «Подъ ея корнями погребѣнъ солдатъ; если вырастутъ его кости, яблоня снова будетъ приносить золотыя яблоки», объяснилъ чертъ и снова заснулъ. Пастушокъ запечатлѣлъ эти слова въ своей памяти.

Спустя нѣсколько времени она выдернула другой волосъ отъ черта, и онъ, вскочивъ, сердито крикнулъ: «Что такое, зачѣмъ ты тревожишь меня». Миѣ приснился сонъ, «отвѣтила она», что въ одномъ королевствѣ внезапно исчезли двѣ королевны». «Надо ударить моею палкою три раза по правому столбу воротъ, и королевны найдутся», сказалъ чертъ и тотчасъ снова заснулъ.

Тоже самое повторилось и въ третій разъ. Она выдернула отъ черта третій волосъ и узнала, что исчезнувшую королевну найдутъ, если ударить три раза чертовымъ палкою по лѣвому столбу воротъ.

Не хватало еще четвертаго волоса, а королевна очень боялась болѣе тревожить черта. Однако, какъ только послышалось храпѣніе, она выдернула отъ черта четвертый волосъ. Чертъ прямо бросился къ своей саблѣ и хотѣлъ убить королевну. Она умоляла его пощадить ее, говоря, что не могла сдержатъ себя, такъ какъ ей снилось, что трое королевичей перевезтъ на паромѣ людей черезъ какую-то рѣку и не могутъ избавиться отъ этой обязанности. Пусть, достигнувъ противоположнаго берега, перевернутъ паромъ со словами: «теперь перевози ты столько времени, сколько мы перевозили», сказалъ чертъ и снова заснулъ.

Пастушокъ взялъ чертову палку, ударилъ три раза по правому столбу чертовыхъ воротъ и появились вдругъ двѣ королевны. Затѣмъ онъ ударилъ три раза по лѣвому столбу и появилась королевна, жена черта. Онъ отправился вмѣстѣ съ тремя королевнами и достигъ рѣки, черезъ которую королевичи перевозили народъ. Онъ общался имъ объявить на противоположномъ берегу, какъ избавиться отъ ихъ обязанности. Поблагодаривъ его, королевичи остались ждать свою жертву.

Придя къ королю, дочь котораго нашлась, пастушокъ получилъ въ награду двухъ золотыхъ быковъ и золотую колесницу. Король, обрѣтшій двухъ дочерей, подарилъ ему колесницу, на половину наполненную золотомъ. Хозяину яблони съ золотыми яблоками пастушокъ велѣлъ вырыть тѣло солдата, лежавшее подъ корнями яблони. Король наградилъ его полною колесницею серебра.

Придя домой, вручилъ пастушокъ мельнику четыре волоса изъ чертовой бороды и потребовалъ дочь его себѣ въ жены. Но мельникъ отказалъ ему, но пожелалъ узнать, отъ кого онъ получилъ свои богатства. «Отъ черта», сказалъ пастушокъ, и мельникъ, надѣясь также разбогатѣть, отправился тѣмъ же путемъ въ чертово логовище. Дойдя до берега рѣки, черезъ которую королевичи перевозили людей, онъ приказалъ имъ перевезти его. Какъ только Петруха вступилъ на паромъ, королевичи перевернули его со словами: «теперь перевози ты столько времени, сколько мы перевозили». Королевичи ушли, оставивъ Петруху перевозить. Онъ и донынѣ перевозить, не зная способа, какимъ образомъ избавиться отъ этой обязанности.

Пастушокъ, прождавъ напрасно Петруху домой, женился на его дочери и получилъ съ нею мельницу, на которой онъ еще и теперь мелетъ.

Человѣкъ и чертъ.

Улеаборская губ., Типпола; рукописный сб. Керянена, № 101.

Человѣкъ обдиравъ ивы на берегу озера. Пришелъ къ нему чертъ, жившій рыбою этого озера. «Для чего обдираешь ты эти деревья»? спросилъ его чертъ. Чтобы изъ коры сдѣлать ремни, обвязать ими озеро и перенести его на спинѣ въ другое мѣсто, отвѣтилъ человѣкъ. «Не тронь моей воды», умолялъ чертъ, «я вознагражу тебя, чѣмъ пожелаешь». «Миѣ ничего не нужно», отвѣтилъ человѣкъ, «но только въ

томъ случаѣ я соглашусь отказаться отъ моего намѣренія, если ты одержишь верхъ въ борьбѣ съ моимъ братомъ, живущимъ въ лѣсу по ту сторону озера. Чертъ согласился и отправился въ назначенное мѣсто. «Онъ добронравный», закричалъ человѣкъ ему въ слѣдъ, «онъ не вступитъ первый въ борьбу, кинь въ него палкою». По ту сторону озера чертъ повстрѣчалъ медвѣдя, ѣвшаго верхушки дягиля. Онъ кинулъ въ него палкою, медвѣдь, взбѣшенный, поднялся на заднія лапы и прямо пошелъ на черта, и между ними завязалась борьба. Но чертъ скоро замѣтилъ, что онъ не въ силахъ съ нимъ сладить и былъ счастливъ, когда ему удалось освободиться изъ лапъ медвѣдя. Опеченный, онъ отправился жаловаться человѣку, что медвѣдь чуть не убилъ его. «Ты, какъ я вижу, не пара ему», сказалъ человѣкъ. «Попробуй-ка бѣжать на перегонку съ моимъ младшимъ братомъ, онъ тамъ на полѣ деретъ рѣпу. Только онъ плохо слышитъ, и вамъ слѣдуетъ первоначально потрясти изгородь». Чертъ согласился и ушелъ.

На полѣ сидѣлъ заяцъ. Когда чертъ потрясъ изгородь, заяцъ такъ перепугался, что пустился бѣжать со всѣхъ ногъ. Чертъ только мелькомъ видѣлъ его и вернулся опечаленный жаловаться человѣку, что соперникъ его бѣжитъ болѣе чѣмъ вдвое шибче его, не смотря на то, что онъ хромой. «Ну, такъ я унесу озеро», угрожалъ человѣкъ. Чертъ почувствовалъ себя еще въ худшемъ положеніи. «Оставь мнѣ только мое озеро», умолялъ чертъ, «проси, чего хочешь, я все дамъ тебѣ». «Хорошо, дай мнѣ мѣшокъ серебра, и я оставляю тебя въ покоѣ», отвѣтилъ человѣкъ. Чертъ обѣщалъ исполнить его желаніе и пошелъ за серебромъ.

Въ его отсутствіе человѣкъ вырылъ глубокую яму подъ сгнившимъ пустымъ пнемъ и по возвращеніи его указалъ ему пень, говоря: «вотъ, мой мѣшокъ». Чертъ высыпалъ свой мѣшокъ въ пень, но даже дно мѣшка человѣка не блестѣло. Два дня чертъ неутомимо таскалъ серебро. «Какой у тебя громадный мѣшокъ», сказалъ наконецъ чертъ, «вотъ уже два дня, какъ я таскаю серебро, а онъ и на половину не наполнился. Не довольно ли тебѣ того, что я тебѣ насыпалъ». Человѣкъ удовольствовался тѣмъ количествомъ серебра, какое уже было принесено и далъ общаніе не трогать озера. Чертъ былъ очень доволенъ исходомъ дѣла, а человѣкъ сталъ богатымъ, пребогатымъ.

Чертова глазная мазь.

Санктъ-Михельская губ., Юва; рукописный сборникъ Лампинена, № 36.

Литейщикъ лилъ олово на овинѣ. Подошелъ къ нему чертъ съ вопросомъ: «что ты тутъ дѣлаешь»? Видя глазъ черта обвязаннымъ тряпичною, человѣкъ, который прежде хорошо зналъ черта, подумалъ про себя: «Постой-ка я проведу тебя». «Варю глазную мазь», отвѣтилъ человѣкъ, мѣшая горячее олово. «Какъ тебя зовутъ», спросилъ снова чертъ. «Я—самъ», отвѣтилъ человѣкъ. Чертъ попросилъ его помазать ему больной глазъ. «Съ удовольствіемъ», отвѣтилъ литейщикъ, «по прежде тебя надо привязать къ полу, чтобъ мазь лучше текла въ глазъ. Человѣкъ привязалъ черта и влилъ ему въ глазъ горячее олово. Чертъ, взвизгнувъ пронзительно, стремглавъ бросился бѣжать домой. «Кто это тебя такъ изуродовалъ»? спросили другіе черти. «Я—самъ, я—самъ», кричалъ чертъ въ страшныхъ страданіяхъ. «Въ такомъ случаѣ молчи и вини самаго себя», сказали черти, «зачѣмъ былъ такъ глупъ».

Охота королевича на медвѣдя.

Тавастгусская губ., Хаусярви; рукописный сб. Рапола, № 9.

Однажды одинъ мужикъ пахалъ поле и, разсердясь на лошадей, закричалъ: «медвѣдь съѣсть тебя». Медвѣдь, случайно услышавъ эти слова, сказалъ: «хорошо, отдай мнѣ твою лошадь, я съѣмъ ее!» Человѣкъ огорчился и умолялъ его подождать, пока онъ окончитъ свою работу. Медвѣдь согласился ждать, и человѣкъ нечально продолжалъ пахать.

Лиса случайно подошла къ мужику. «Что ты такъ печаленъ?» спросила она его. «По несчастію», отвѣтилъ мужикъ, «я необдуманно обѣщалъ отдать мою лошадь на съѣденіе медвѣдю, и онъ теперь требуетъ ея». Лиса готова была помочь мужику и отдать ему самого медвѣдя, если онъ обѣщаетъ наградить ее. Мужикъ обѣщалъ ей въ награду нѣсколько цыплятъ. «Я привяжу себя на шею колокольчикъ», сказала лиса, «и буду скакать по лѣсу съ камня на камень; когда медвѣдь подойдетъ къ тебѣ и спроситъ: «что это тамъ за шумъ», то скажи: это королевичъ охотится на медвѣдя».

Лиса пошла въ лѣсъ, навязала себя на шею колокольчикъ и скакала съ камня на камень, поднимая большой шумъ. Медвѣдь подошелъ къ мужику съ вопросомъ: «что это тамъ за шумъ?» «Это королевичъ охотится на медвѣдя», отвѣтилъ мужикъ. «Не выдавай меня, братецъ, умоляю медвѣдь, и я не съѣмъ твоей лошади». Человѣкъ пообѣщалъ не выдавать его. Лиса вышла на опушку лѣса и громко крикнула: «что тамъ черѣбется около тебя?» «Скажи», подсказалъ медвѣдь, «что это пень». «Это пень», отвѣтилъ мужикъ.

«Экій ты дуракъ», крикнула лиса, «если это пень, то отчего ты не срубишь его». «Свали меня», сказалъ медвѣдь, и мужикъ такъ и сдѣлалъ.

«Экій ты дуракъ», крикнула опять лиса, «если это пень, что-же ты не положишь его на сани». «Положи меня будто пень на сани», просилъ медвѣдь, и мужикъ взвалилъ его на сани.

«Экій ты дуракъ», крикнула третій разъ лиса, «что-же ты его не привяжешь, вѣдь такъ онъ свалится». «Сдѣлай видъ, что ты меня привязываешь», просилъ медвѣдь, «но не привязывай крѣпко». Мужикъ привязалъ его крѣпко-на-крѣпко. «Ты никогда не поумиѣешь», крикнула еще разъ лиса, «что не говори; кладя пень на сани, всегда всаживаютъ въ него топоръ». Медвѣдь просилъ, чтобъ онъ на самомъ дѣлѣ не всадилъ въ него топора, но мужикъ ударилъ топоромъ по головѣ медвѣдя, и медвѣдь издохъ.

Тутъ подошла лиса къ мужику, и они вмѣстѣ отправились къ дому послѣдняго. Не дойдя до него, мужикъ обратился къ лисѣ со словами: «подожди здѣсь, я сюда принесу тебѣ цыплятъ, у меня въ домѣ есть дѣти, и они испугаются тебя». Мужикъ ушелъ и вернулся спустя нѣсколько времени съ пустымъ мѣшкомъ. «Полѣзай сюда», сказалъ онъ лисѣ, «чтобы забрать цыплятъ; если я ихъ выпущу, они убѣгутъ.» Лиса влѣзла въ мѣшокъ, а мужикъ завязалъ его и ударилъ имъ объ-земь.

«Вотъ какова награда за добродѣтель», воскликнула лиса.

Сообщ. *Антти Аарнэ*, ректоръ.

Литвины-Бѣлорусы Черниговской губерніи, ихъ бытъ и пѣсни.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прежде чѣмъ привести собранныя мною пѣсни, я считаю нужнымъ нѣсколько подробнѣе объяснить гдѣ, когда и при какихъ условіяхъ, кѣмъ поется и сохраняется эта устная народная поэзія.

Предлагаемыя мною пѣсни записаны лично въ Черниговской губерніи, которая хотя и причисляется къ Малороссіи, но гдѣ въ настоящее время во всѣхъ ея сѣверныхъ уѣздахъ живутъ такъ называемые Литвины и говорятъ по-бѣлорусски, съ нѣкоторыми впрочемъ измѣненіями.

Что касается малорусскаго языка и народныхъ пѣсней, то онѣ довольно давно пріобрѣли себѣ имя и завоевали симпатію литературнаго міра и образованнаго общества. На долю же Литвина-Бѣлорусса выпалъ, если не презрѣніе, то по крайней мѣрѣ полный индифферентизмъ, какъ будто онъ не такое же Божье созданіе, не народъ,—и его пѣсни—не пѣсни, однимъ словомъ—это пасынки губерніи. Ихъ называютъ «кацапьемъ» и прочими недружелюбными названіями.

Положимъ, легко допустить, что малорусская рѣчь благозвучнѣе бѣлорусской. Предположимъ напр. какой нибудь отрывокъ, написанный по-бѣлорусски, станетъ читать лицо, совершенно незнакомое съ народнымъ говоромъ, произнося *и* и *дз* твердо безъ смягченія, то подобное чтеніе будетъ рѣзать ухо. Между тѣмъ какъ народъ произноситъ эти звуки съ іотировкой, отчего ихъ устная рѣчь выходитъ гораздо мягче. Заставьте бѣлорусскую женщину разсказать что нибудь; вслушайтесь въ эту рѣчь, и вы найдете въ ней своеобразную мягкость и легкость звуковыхъ сочетаній.

Для того, чтобы при чтеніи возможно было соблюдать правильность произношенія, я записывала пѣсни съ фонографическою точностью.

Исполнить это мнѣ было не трудно потому, что я росла въ деревнѣ или, вѣрнѣе сказать, въ хуторѣ дѣдушки Г. М. Силевича, усадьба котораго лежала вблизи села Росухи *). За неимѣніемъ гувернантокъ, боннъ и даже сверстницъ, я въ дѣтствѣ весь свой досугъ дѣлила съ дворовыми людьми, такъ какъ старшіе больше были заняты хозяйствомъ, чѣмъ моимъ воспитаніемъ.

Итакъ я начала изучать пѣсни (сперва безъ всякой задуманной цѣли) съ 1860 годовъ. Особенно памятенъ былъ для меня 1861 годъ, когда мать уѣзжала на все лѣто по дѣламъ въ Петербургъ, и мнѣ была предоставлена полная свобода. Я тогда съ крестьянками отправлялась съ ранней зари до поздней ночи въ поле, на сѣнокосы, гдѣ изъ подражанія принимала участіе во всѣхъ работахъ, хотя старшіе смотрѣли на мои трудовыя забавы, какъ на неумѣстную шалость. За это лѣто я такъ успѣла привязаться къ дворовымъ, что плакала отъ души, когда узнала, что по манифесту всѣ уйдутъ отъ насъ.

*) За послѣднія 10—15 лѣтъ грамотные умники слово «Россуху» начали писать «Разсуха».

Даже и теперь приятно вспомнить, какъ послѣ знойнаго дня, но заходѣ солнца, всѣ мы толпой, при дружномъ хоровомъ пѣніи, возвращались домой.

Ни пятилѣтнее пребываніе въ Институтѣ, ни прожитыя съ тѣхъ поръ 30 лѣтъ жизни не изгладили въ памяти тѣхъ мотивовъ и пѣсенъ, которыя я распѣвала, возвращаясь со жнива, будучи десятилѣтней дѣвочкой.

Послѣ такой привольной жизни въ Росухѣ среди природы, я не могла свыкнуться съ тѣсными стѣнами Института (куда меня вскорѣ отвезли) и въ концѣ концовъ заболѣла, какъ находили доктора, тоской по родинѣ. По выходѣ изъ Института, къ величайшему моему сожалѣнію, я не нашла уже ни одной своей прежней подруги, всѣ онѣ къ этому времени отошли отъ насъ; кто отправился «на Донъ у заработки», кто умеръ, кто замужъ вышла.

Затѣмъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, бывши уже замужемъ, я по временамъ тоже иногда вспоминала старину и составляла хоровое пѣніе въ праздничныя сумерки. Тогда я тоже не имѣла опредѣленной цѣли, не знала, что эти пѣсни кому нибудь нужны, а потому и не записывала ихъ, а только заучивала наизусть.

Въ 1897 году я рѣшила припомнить и записать все, что имѣлось въ памяти и затѣмъ уже приступила къ систематическому собранію мѣстныхъ пѣсенъ по деревнямъ и сѣламъ.

Если мнѣ удастся, то я постараюсь положить на музыку литвинно-бѣлорусскіе мотивы съ аккомпаниментомъ фортепіано.

Судить о томъ, насколько эти мотивы покажутся мелодичными, я не берусь потому что могу быть въ этомъ случаѣ пристрастнымъ судьей, но все-таки питаю надежду, что и въ нихъ найдутъ своеобразную мелодію и выраженіе простого, безыскусственного чувства.

Географическое положеніе мѣстности.

Самое высокое мѣсто во всей Черниговской губерніи, въ видѣ плоской возвышенности, поднимается у села Рахманова, Стародубскаго уѣзда; выше уровня моря на 109 сажень (764 фут.) *).

Возвышеніе это незамѣтно для простого глаза, но продолженіе этой возвышенности, идущей къ сѣверу черезъ Мглинскій уѣздъ, представляетъ совершенно иную поверхность: тамъ почти непрерывно тянутся рвы и холмы, затрудняющіе пути сообщенія и попадающіеся настолько часто, что на семяверстномъ разстояніи напр. отъ села Колодезекъ до села Росухи, по проселочной дорогѣ, встрѣчается шесть подъемовъ и пять спусковъ, довольно крутыхъ и небезопасныхъ.

Отъ границы Стародубскаго уѣзда ко Мглину начинается, такъ называемое «Полѣсье», которое идетъ къ востоку до рѣчки Дубны и къ западу къ рѣчкѣ Унечи, гдѣ станція нолѣской желѣзной дороги того же названія. Къ сѣверу лѣсъ тянется ко Мглину и Суражу.

Полѣсье не состоитъ изъ сплошной лѣсной площади: на всѣмъ этомъ пространствѣ, между лѣсами, на полянкахъ и передѣскахъ разбросаны сѣла и деревни. Одно изъ этихъ селъ лежитъ къ югу отъ станціи желѣзной дороги на полѣсской лѣсной окраинѣ главнаго водораздѣльнаго кряжа въ губерніи и выдѣляется своеобразной красотою окрестностей. Это есть село Росуха, на истокѣ рѣчки Росухи, притокѣ Вабли и Судости.

Здѣсь нѣтъ шири и глади степной, негдѣ разгуляться взору, но зато на каждомъ шагу разнообразіе: лѣса, горки, лужки, неожиданные обрывы—все это чередуется между собою, и каждое мѣстечко манитъ къ себѣ на отдыхъ.

*) Описаніе Черниговской губерніи составлено членомъ Императ. Географ. общ. А. А. Русовымъ.

Рѣчка Росуха протекаетъ луговой долиной, по обѣимъ сторонамъ которой тянутся горы или шипы, покрытые лиственнымъ лѣсомъ, преимущественно дубнякомъ.

Во время весенняго таянія снѣговъ потоки воды, стремящіяся съ хребтовъ къ рѣчкѣ, промыли съ годами около 7—8 непроходимыхъ овраговъ, поросшихъ гнѣмъ лѣсомъ.

Кромѣ того, съ теченіемъ времени появляются новые овраги вслѣдствіе неосторожнаго постребленія лѣсовъ, за что иногда сами истребители—владѣльцы терпятъ наказаніе въ видѣ образующагося у самыхъ воротъ усадьбы рва, грозящаго сдѣлать ее неприступною ¹⁾.

На дни овраговъ и въ лѣтніе мѣсяцы пробирается постоянно вода едва замѣтными струйками.

Эти ручейки, родники и кринички, просачивающіяся въ низкихъ луговыхъ долинахъ, снабжаютъ мѣстность довольно обильнымъ орошеніемъ и представляютъ изъ себя резервуаръ, наполняющій рѣчку Росуху ключевою водою.

Какъ лѣсъ, такъ и глинистая подпочва, задерживая влагу, обусловливаютъ сырость воздуха и частые туманы, а весенніе утренники нерѣдко истребляютъ цвѣтъ яблонь и всходы овощей даже въ среднихъ числахъ Мая.

Снѣгъ таетъ здѣсь нѣсколько поздне, замерзшая земля нагрѣвается медленно и ставитъ земледѣльца въ необходимость производить всѣ посѣвы недѣли на двѣ, на три поздне, чѣмъ въ сосѣднихъ уѣздахъ.

Все это вмѣстѣ взятое и есть одна изъ причинъ недородовъ и неурожаевъ мѣстности. Но не смотря на скудость сѣросуглинистой почвы,—здѣсь ютятся посѣлокъ за посѣлкомъ. Напр. на протяженіи 6-ти верстъ, по берегу Росухи и ея маленькихъ притоковъ, расположено 6-ть водяныхъ мельницъ и до 10-ти селъ: Водника, Ресуха, Амелкино Хуторъ, Лупеки, Труханово, Бородинка, Бороздино, Гарцевъ, Колодезки и др. Шесть мельницъ или прудовъ, устроенныхъ самымъ примитивнымъ способомъ, перемалываютъ только скудный мѣстный урожай и никакого торговаго значенія не имѣютъ, такъ какъ удаленность отъ городовъ (30—35 в.) и первобытные пути сообщенія далеко не способствуютъ, а скорѣе задерживаютъ духъ предприимчивости этого непочатаго угла.

Впрочемъ, и съ открытіемъ желѣзной дороги край не обогатился; народъ пріобрѣлъ лишь возможность заработка на поденной работѣ. За то евреи лѣсопромышленники сумѣли увеличить свои капиталы скупомъ лѣсѣ на срубъ у крестьянъ и крупныхъ владѣльцевъ по дешевымъ цѣнамъ.

Въ общемъ здѣсь природа скупа на матеріальное продовольствіе, даже рыбы въ рѣчкѣ мало: слишкомъ холодна и быстра для нея ключевая вода. Въ озерахъ при мельницахъ она, пожалуй, и водилась бы, но сильный напоръ воды весной почти ежедневно размываетъ плотины и уноситъ теченіемъ внизъ не только рыбу, но и мосты съ мельницами.

Обыватели къ этому привыкли и черезъ мѣсяцъ, другой устраиваютъ новые пруды, благо лѣсъ на корѣ, а топоръ и заступъ въ рукахъ.

Чѣмъ же снабжалъ ихъ лѣсъ, кромѣ лыкъ для лаптей и дровъ?

Правду сказать, въ немъ было больше волковъ, чѣмъ дичи, которую, впрочемъ, никто не стрѣлялъ по той причинѣ, что «пороху нема», «ружжа нема, ди и некали», говорятъ подѣвскъ, «пѣйдзись за дичьчу балавацца, близъ хлѣба будзить зимаваць, а дичьчу ни нажисся», да къ тому же «сласная гѣба—двару нагѣба», а стрѣлять для продажи—некому сбывать.

Однѣ бабы блуждаютъ по лѣсу съ лукошками на плечахъ, да и тутъ невелика пожива: бѣлый грибъ—боровикъ, который одинъ идетъ въ продажу, попадаетъ рѣдко; только орѣховъ да жолудей вволю.

¹⁾ Примѣчаніе. Въ селѣ Трухановѣ цѣлый лугъ превратился въ глубокій ровъ, гдѣ въ 70-хъ годахъ изъ-подъ пласта земли было вымыто водою часть бивня и зуба какого-то громаднаго животнаго. Бивень былъ подаренъ мѣстному земскому врачу Обозненко, а зубъ сохраняется и понынѣ у землевладѣльцы с. Росухи.

Что же привлекло и прикрепило убогий людъ къ сѣренькой землицѣ, питающей его вироголодь?

Просто по нраву приплась ему лѣсная глушь; въ ней онъ видитъ приволье и любить свое полѣсье, какъ всякая божья тварь—свою стихію, какъ мошка свой листокъ, свою вѣтку.

Народное преданіе въ с. Росухѣ.

Въ южной сторонѣ села Росухи, на правомъ берегу рѣчки, существуетъ искусственный окопъ, извѣстный подъ названіемъ «городокъ».

На вопросъ о его происхожденіи, каждый крестьянинъ отвѣтитъ вамъ: «йста шведъ ийшау, тутъ ваявали».

Городокъ съ сѣверо-западной и сѣверо-восточной сторонъ имѣетъ кругомъ природное укрѣпленіе въ видѣ отвѣснаго обрыва надъ рѣчкой, а съ южной стороны устроена искусственная круглая насыпь. Все это было покрыто густымъ сплошнымъ лѣсомъ, но, къ сожалѣнію, недавно, уже въ 80-хъ годахъ, одинъ изъ наслѣдниковъ помѣщика Силевича продалъ это мѣсто крестьянамъ на срубъ.

По мѣстному преданію, сохранившемуся и по сей день, въ этой мѣстности зарыто «прѣпастъ» кладовъ, такъ что однажды, говорятъ, изъ обрыва городка выкатилась бочка золота прямо въ воду.

Подобное преданіе не могло не создать желающихъ разбогатѣть кладомъ, а потому нѣкоторые изъ мужичковъ нерѣдко имѣли стальные остроконечныя палки — «шины», какъ они называются и время отъ времени отправлялись, по святымъ днямъ въ гулящее время», зондировать почву съ надеждой на обогащеніе. Покойный владѣлецъ «городка» помѣщикъ Герасимъ Матвѣевичъ Силевичъ не препятствовалъ этой, по его мнѣнію, безполезной забавѣ, и, занятый больше хозяйствомъ, никогда ничего не предпринималъ по части раскопки, не смотря на то, что самъ рассказывалъ о фактѣ, случившемся на его глазахъ въ началѣ XIX столѣтія: бѣднѣйшій псаломщикъ, котораго постоянно встрѣчали на городкѣ съ шиномъ въ рукахъ, однажды въ поныхахъ прибѣжалъ въ рабочую пору на поле къ пахарямъ, держа въ рукахъ старинную золотую монету и спрашивалъ приказчика, что это за грѣши и примутъ ли ихъ гдѣ нибудь. По рассказу приказчика, это были «грѣши ни насѣкія, а чужеземныя». И затѣмъ названнаго псаломщика ужъ больше никто не видалъ; онъ со всей своей семьей выѣхалъ куда то безвозвратно,—какъ въ воду канулъ.

Въ Росухѣ также есть преданіе, что кладъ не всякому дается, что онъ кладется непремѣнно на чью нибудь голову и что избраннику прежде всего долженъ присниться сонъ, указывающій мѣсто зарытаго сокровища. Если же кладъ выроетъ тотъ, кому онъ не предназначенъ, то на его голову обрушатся всѣ несчастія въ жизни. Народъ глубоко вѣритъ этому, и вотъ, на основаніи того, что по вѣрѣ вашей дается вамъ, у насъ въ Росухѣ въ 50-хъ годахъ произошелъ такой случай:

Дворовая крестьянка Марья Чернякова однажды прибѣжала во дворъ съ страшнымъ воемъ и плачемъ. На вопросы о причинахъ слѣзъ, она отвѣтила новыми рыданіями, и ничего въ ту минуту отъ нея нельзя было добиться. Затѣмъ черезъ нѣкоторое время она открыла по секрету, что ей три раза снился сонъ, будто возлѣ городка, у поляны подъ дубомъ зарытъ казанокъ червонцевъ. И вотъ она пошла къ ворожкѣ погадать, на ея ли голову положенъ этотъ кладъ. Распросивъ подъ какимъ дубомъ и гдѣ, ворожея сказала: «положенъ онъ на тебя, только спусти три зары и тогда ступай откапывать». Когда же Марья пошла туда на четвертую зорю, то съ ужасомъ увидала, что дубъ подрѣзанъ, а между корнями осталось круглое углубленіе, какъ бы отъ вынутой посуды. Все это такъ ее потрясло, что она заболѣла черезъ нѣсколько дней, и затѣмъ, призвавъ одну изъ дочерей пана Герасима Матвѣевича Силевича, открыла, что ей опять снился два раза одинъ и тотъ же сонъ, будто бы возлѣ церкви, по правую

руку подъ березою еще лежить кладъ и что, если ее Богъ подниметь со страдной постели, то эту берёзу она укажетъ господамъ.

Однако ни встать съ постели, ни указать березы ей не пришлось, она вскорѣ умерла.

Что кладъ подъ дубомъ не былъ грёзами Марьи Черняковой,—это доказало скорѣйшее превращеніе ворожен и ея племянника изъ бѣднѣйшихъ людей — въ зажиточныхъ.

Спустя нѣкоторое время слухъ о томъ, что племянникъ ворожен Логвинъ Кобановъ мѣнялъ въ м. Почепѣ старые червонцы, распространился по селу. Кто-то подѣлился этой новостью съ начальствомъ, которое и пріѣзжало и о чемъ то Логвина спрашивало, но получило одинъ отвѣтъ: «знать ничего не знаю и не вѣдаю». Тѣмъ все и кончилось. Вскорѣ ворожея заболѣла: у нея провалился носъ. «Такъ йой и треба, говорили сосѣди, ни пашли у прокъ чужбинка, ня прѣудай вѣкъ праживѣштъ, да назадъ ня вернисья».

Однако это не помѣшало ворожеѣ выйти замужъ и жить богато нѣсколько лѣтъ. Передъ смертію же она отдала свои капиталы мужу, а 300 рублей пожертвовала на колоколь въ селѣ Трухановѣ, Стародубскаго Уѣзда.

На полянкѣ, близъ означеннаго дуба, вскорѣ послѣ находки описываемаго клада, однажды пахало десять сохъ. Вдругъ первая лошадь, какъ бы встрѣтивъ препятствіе, остановилась, но всемогущій кнутъ русскаго человѣка заставилъ ее, напрягши всѣ силы, дернуть впередъ, и въ это время раздался глухой подземный звукъ, въ родѣ того, какъ будто лопнула натянутая проволока. Пока приказчикъ добѣжалъ до этого мѣста, чтобы осмотрѣть, чтò случилось, остальные десять сохъ успѣли пройти свои гони и мѣсто, гдѣ слышенъ былъ звукъ, уже трудно было отыскать. Попробовали разрывать, пахать руками, но ничего не нашли, кромѣ какого-то стального обломка.

Эта самая полянка и лѣсъ, гдѣ стоялъ историческій дубъ, еще красуются и теперь; но увы! дубъ—виновникъ драмы между Марьей и ворожеей—больше не существуетъ: лѣтъ десять тому назадъ его разбило громомъ.

Село Росуха извѣстно по лѣтописи съ 1160 года. «Ко Изъяславу пріидоша половцы мнози и иде съ нимъ къ Воробейнѣ и къ Росухѣ и тутъ повоевавъ иде къ Вщижу» ¹⁾, слѣдовательно и этотъ клочекъ Руси время отъ времени заswался человѣческими костями и поливался человѣческой кровью. Вдали отъ большихъ рѣкъ и проѣзжихъ дорогъ, эта сторона была также въ тѣ времена прекраснымъ убѣжищемъ для безоружнаго: лѣса густы, рвы глубоки, было гдѣ укрыться славянину и отъ Печенѣговъ и отъ обряда крещенія и отъ татарина.

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій этими самыми лѣсами и полянами, политыми кровью предковъ, владѣетъ уже войсковою обозный Стародубскаго полка (въ 1690 году ²⁾ Прокофій Силенко—Силевичъ, которому универсаломъ 1710 года Гетманъ Скоропадскій изволилъ: «въ росускомъ лѣсѣ на мѣстцу стараніемъ и працею его же расчищенномъ, ведле хутора его найдуючомся, слободку осадити и тамъ же на вершинѣ рѣчки Росухи гребено уфондовати и млинь на ней построить».

Народное преданіе о кладахъ на «городкѣ» и о томъ, что здѣсь «Шведъ ишшоу» совпадаетъ именно съ военною дѣятельностью Силенки, такъ какъ въ универсалѣ (1709 г.) на пожалованье ему Скоропадскимъ али Бѣлаго колодезя, было сказано: «за услуги подъ часть нашествія непріятели шведа въ Стародубъ».

И дѣйствительно Силенко Силевичъ, какъ писалъ его внукъ, въ 1713 году «служилъ черезъ осемдесятъ лѣтъ и больше, и будучи на многихъ службахъ, многократно раненъ, стрѣлянъ, колотъ и цорубанъ и при разлитіи крови своей крайне былъ скалеченъ».

Къ прошлому с. Росухи можно еще добавить, что въ 1770-хъ годахъ здѣсь произошла послѣдняя кровопролитная драка и подобно древне-княжескимъ распрямъ за удѣлы, повторились тѣ же семейные раздоры пзъ «за грунтовъ» и деревень, добы-

¹⁾ Опис. архіеп. Филарета 1873 г. Епарх. извѣстія.

²⁾ Описаніе Старой Малороссіи А. Л. Лазаревскаго.

тѣхъ старымъ Прокофіемъ Силенко Силевичъ «респектомъ колыкинадцатилѣтнихъ пелѣпыхъ войсковыхъ службъ».

По этому поводу сохранился такого рода устныйъ разсказъ.

Пока внукъ Прокофія,—Матвѣй Силевичъ младшій, сынъ Григорія Прокофьевича былъ несовершеннолѣтній, старшіе братья успѣли промотать всѣ отцовскія деревни ¹⁾, затѣмъ продали и послѣднюю Росуху нѣкому Журавкѣ. Провѣдавши, что братья рѣшили сдать его въ солдаты и записать въ ревизскую книжку крѣпостныхъ, Матвѣй Григорьевичъ ушелъ въ село Дахновичи, подѣ Стародубъ, къ одному изъ братьевъ графа П. В. Завадовскаго и просилъ защиты отъ произвола братьевъ. Юноша очевидно произвелъ впечатлѣніе: Завадовскій тотчасъ послалъ вооруженныхъ людей отвоевывать Росуху. Между людьми Завадовскаго и Журавки произошла кровопролитная драка, кончившаяся тѣмъ, что посланные Завадовскаго побили Журавкиныхъ людей, а оставшихся въ живыхъ повязали, сложили въ сани и выпроводили въ чистое поле.

Вслѣдъ затѣмъ, убѣдившись, что Силевичъ не глухой, дѣльный малый, Завадовскій отдалъ за него въ супружество свою родственницу Марину Андреевну Мирай и, давъ ей въ приданое Жигню, поселилъ молодую пару въ Росухѣ.

Все это происходило въ царствованіе Екатерины Великой, когда уже существовали законы объ опека надъ несовершеннолѣтними. Но до матушки царицы было далѣко, а до Бога высоко, а потому Завадовскій предпочелъ насилие. Насколько въ тѣ времена было трудно добиваться наслѣдственныхъ правъ путемъ закона, показываетъ слѣдующій мѣстный разсказъ: въ Новозыбковскомъ уѣздѣ сосѣдъ отнялъ у сосѣда цѣлую деревню. Обиженный рѣшилъ отстаивать свою вотчину до послѣднихъ силъ и добрался до Питера съ челобитной предъ лице самой матушки Царицы. Загорѣлось дѣло. Изъ столицы были посланы на слѣдствіе чиновники, но пока послѣдніе доѣхали до мѣста преступленія, спорная деревня исчезла съ лица земли. Обидчикъ сжегъ ее, мѣсто, гдѣ была деревня, распахалъ и засеялъ рожью. Разслѣдованіе конечно было учинено не безъ лицепріязни, ибо слѣдователи донесли кому о семъ вѣдать подлежатъ, что деревни вовсе не оказалось въ натурѣ и что истецъ затѣялъ тяжбу о несуществующемъ имѣніи по причинѣ своего малоумія.

Литвины и ихъ одежда.

Всѣ сѣверные уѣзды Черниговской губерніи, именно: Суражскій, Мглинскій, Стародубскій, Новозыбковскій и часть Городнянскаго, по типу населенія составляютъ какъ бы переходъ отъ Малороссіи къ Россіи и населены народомъ, который по характеру, по наружному виду и одеждѣ отличается какъ отъ Малоросса, такъ и отъ Великоросса. По нарѣчію же этотъ край, начинающійся съ Могилевской губерніи, есть продолженіе Бѣлороссіи.

Литвинъ, какъ называютъ его сосѣди, съ виду неворотливъ, движенія его медлительны, ходитъ «якъ пень тирязъ калоду», не предприимчивъ, безпеченъ, но при нуждѣ трудится много для своего пропитанія. А какъ только минуетъ крайняя нужда, всегда предпочтетъ гулять, чѣмъ искать заработка. Заказанныя работы исполняетъ недобросовѣстно, «абы якъ, цяпъ-ляпъ». На поденщинѣ невозможенъ безъ строгаго присмотра «рѣбе и паглядаетъ, якъ волъ изъ-подъ ярма; цюкне разоу ²⁾ паудзисятка, да барджей (скорѣй) люльку у зубы».

Будучи невѣжественъ и не культуренъ, онъ мало уважаетъ чужую собственность и подчасъ любитъ «падцибриць (стащить) идзе што плохо ляжиць».

Одежду свою, какъ и всѣ крестьяне, дѣлаютъ изъ овечьей шерсти. Прежде всего,

¹⁾ Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи. Пайтоповичи утверждены за Силенкомъ Мазепою въ 1696 г., Кривошен и Пльбовъ въ 1704 г.

²⁾ Разоу, гдѣ встрѣтится съ удареніемъ на *у* признается какъ краткое *в*.

всегда и вездѣ носить онъ свой излюбленный кожухъ, затѣмъ суконный чекмень (свитка), сшитый свободно не въ талию, на манеръ древняго феризя и «падиризуеца» (описывается) поисомъ изъ овечьей же шерсти, окрашенной сандаломъ. Болѣе легкій костюмъ шьется изъ того же толстаго сукна, только покорооче чекмени, въ талию, съ двумя, тремя фалдами сзади. Эта кофта именуется юбкой.

Сапогъ попадаетъ въ этомъ краю очень рѣдко, его замѣняетъ лапоть. Самодѣльный поирковая шляпа, безъ полей, называется «матерка», а съ полями «бриль» и употребляется во все время года. Женщины носятъ также шубы, непокрытыя матеріей. Удивительно, что иногда въ жаркій лѣтній день вы можете замѣтить въ церкви нѣкоторыхъ женщинъ, одѣтыхъ въ свои новыя, какъ свѣтъ, бѣловыдѣланныя овчинки, сшитыя съ перехватомъ въ талию и украшенныя на спинныхъ швахъ у пояса двумя ярко красными шерстяными латками, вершка въ два въ формѣ червонаго туза. Болѣе же пожилыя шьютъ себѣ кожухи не въ талию и съ «ковниерями» (ворогинкомъ). Паневы, т. е. плахты—по-малорусски почти перестаютъ носить; теперь ихъ только донашиваютъ старухи.

Сверхъ бѣлой рубахи съ широкими рукавами надѣвается сарафанъ, по мѣстному «сайнъ» или «сподниця». Шерсть на сайны женщины сами прядутъ, ткутъ, весной валятъ на валяшихъ при мельницѣ и затѣмъ отдаютъ «миплънику» сврею, который поселяется специально съ этою цѣлю въ одной изъ окружающихъ деревень и за самую скромную цѣну дѣлаетъ сѣрые сайны синими, а фартухи и пояса красными. Для праздничныхъ же нарядовъ юбки окрашиваются иногда въ зеленый цвѣтъ; тогда нашиваются по всей матеріи въ беспорядкѣ клочки красной шерсти, въ вершокъ длины. Это и есть «мушкованая сподниця».

Сверхъ сайна и фартуха все обязательно «подиризывающа» шерстянымъ поисомъ или, вѣрнѣе, шарфомъ, не смотря ни на какую жару. Кромѣ того надѣваютъ еще поверхъ рубахи преимущественно чернаго цвѣта корсетъ или юбку (тотъ же корсетъ, только съ рукавами).

Женщины быть съ непокрытой головой въ присутствіи мужчинъ, а въ особенности «при куму» крѣпко «соромно» (т. е. очень стыдно¹⁾). А потому голову она тщательно одѣваетъ въ повойникъ или ченикъ изъ ситцу или шерстяной матеріи и сверху повязываетъ платкомъ на подобіе чалмы. Въ нѣкоторыхъ селахъ полѣсья существуетъ мода повязывать голову «съ хлиномъ», т. е. на затылкѣ оставляется висячимъ уголь платка. Болѣе молодыя повязываются «съ рожками», т. е. дѣлаютъ изъ платка на теменн узелъ съ стоячими кончиками въ видѣ рожковъ.

Незамужнія женщины хотя и заплетаютъ косу съ лентой на выпускъ, но голову также повязываютъ платкомъ, только безъ повойника, сверхъ повязки «обиннающа» еще другими небольшими платочками, а въ праздничные дни «затыкающъ краски» (цвѣты) на голову за узелъ платка противъ лба. Шею и грудь украшаютъ краями, бусами.

За послѣднее 10-ти лѣтіе (1890 г.) замѣчается такая перемѣна: лѣтомъ вмѣсто прежнихъ шерстяныхъ тканей деревня застрѣла всевозможными ситцами, бумазейками, кретопами, хотя фасонъ и покрой сохранились неизмѣнно прежніе. Въ замѣстъ прежнихъ мушкованныхъ сподницъ рѣдко надѣваютъ уже сайнъ изъ кретоны «бурдянаго цвѣту» (т. е. цвѣтъ бордо).

Въ мужской одеждѣ, наоборотъ, овечье сукно осталось, какъ и было, но вмѣсто прежней юбки появился настоящаго фасона пиджакъ. Люди пожилые о немъ такого мнѣнія: «прауда пиджакъ аккуратный и меньше сукна идзе на його», но за то «старую юбку якъ даносишь,—на аучи парवेशъ, а съ пиджака аучи вузки будучъ».

Къ этому можно добавить, что шаповалы (шерстобиты) теперь поневоѣ должны сократить свое производство: прежній «бриль» начинаетъ сторониться, уступая дорогу картузу.

¹⁾ Остатокъ татарщины.

Въ прежніе годы.

Какъ ни бѣденъ въ данное время народъ нашей окранны, но въ прежніе годы ему жилось несравненно хуже въ экономическомъ отношеніи, чѣмъ теперь.

Подъ словомъ прежніе годы мы подразумеваемъ начало нынѣшняго и конецъ прошлаго столѣтія, именно: въ 60-хъ годахъ рассказывали старики, которымъ тогда было уже за 80 лѣтъ, что въ ихъ годы народъ «крѣпка галадавау». Доходило до того, что весной люди ѣли липовую мезгу, т. е. сдирали кожу съ молодыхъ отростковъ липъ, скоблили эти отростки ножомъ и въ получившееся вещество прибавляли ничтожное количество муки лишь только для того, чтобы имѣть возможность скрѣпить и замѣсить тѣсто; изъ этой массы пекли хлѣбъ, ѣли и «зъ гѣладу ни памирали».

Чтобы судить, насколько въ тѣ времена народъ дорожилъ кускомъ хлѣба, перенесемся въ село Росуху, на усадьбу Герасима Матвѣевича Силевича, который ежегодно 8-го мая, на Пвана Богослова, по обѣту, завѣщанному прадѣдомъ, кормилъ нищихъ и всѣхъ, кто являлся въ этотъ день на незатѣйливый обѣдъ: 8-го мая съ ранняго утра на травѣ большого папскаго двора, на крыльцахъ жилыхъ и нежилыхъ построекъ,—всюду лежали и сидѣли люди разныхъ половъ и возрастовъ, съ своими ложками за пазухой. Тутъ не одни Росухцы, но и Водвинцы, и Лунечане и Трухановцы и жители прочихъ окружныхъ деревень,—всѣ собрались пораньше и ждутъ обѣда. Между тѣмъ, «на рѣцѣ Росухи, въ томъ самомъ мѣстѣ, который гетманъ Скоропадскій позволилъ «збудувати» старому Прокопу Силенко—Силевичу въ настоящее время, варили въ зазанѣ, при сукновальнѣ, гречневую жидкую кашу, направленную въ постылый день элеемъ, а въ скоромный—саломъ.

Среди же двора, во всю длину, были разставлены въ нѣсколько рядовъ новыя, чистыя корытца. Въ этомъ и состояла вся сервировка для гостей. Какъ только каша была готова, сами гости, вѣдрами, на коромыслахъ носили ее съ мельницы во дворъ и разливали въ корытца.

Передъ этимъ одна изъ дочерей Силевича лично отправлялась въ амбаръ для раздачи хлѣба, котораго напекали нѣсколько зѣсковъ. Вотъ была наглядная картина борьбы за существованіе. Каждый старался протиснуться впередъ, сбивая съ ногъ и топча падающихъ на пути. Надо было видѣть эту толпу съ протянутыми руками за кускомъ черстватаго хлѣба!

Приказчикъ и нѣсколько дворовыхъ крѣпостныхъ исполняли роль полицейскихъ, отстраняя нѣкоторыхъ назадъ и обличая тѣхъ, которые подходили за хлѣбомъ по нѣсколько разъ, увѣряя, что они еще ни крошки не получили.

Иногда въ неурожайные годы въ этотъ хлѣбъ подмѣшивали простой гречневой муки, отъ чего онъ выходилъ черныи и жесткій. Жидкая каша имѣла мало вкуса, но гости ничѣмъ не брезгали и черезъ полчаса корытца были пусты. Обѣды эти были какъ нельзя болѣе кстатъ, такъ какъ происходили весной, въ самую безхлѣбну. Продолжались они до смерти Герасима Матвѣевича Силевича, т. е. до 1863 года.

Въ тѣ времена чистый хлѣбъ считался роскошью и признакомъ богатства; большинство же подмѣшивало въ хлѣбъ макуху (выжимку изъ конопляныхъ зеренъ) или гречневую муку, которую умѣли такъ готовить, что она годилась лишь на обмѣшну скоту; такъ какъ ее мололи подсушенную въ овинѣ, то оболочка зерна перемалывалась въ порошокъ и дѣлала муку жесткой и черной.

Подобнаго хлѣба очень не жалуютъ, но ѣдятъ въ крайней нуждѣ. На вопросъ, отчего народъ нашей мѣстности не терпитъ въ настоящее время такого голода, какъ въ былые годы, вамъ отвѣтятъ: «зъ тыхъ поръ мы нярестали галадаць якъ начали болій занимацца сѣубой бульбы ¹⁾, при йой и хлѣба меній сходзя и сытъ чалавѣкъ».

Въ самомъ дѣлѣ, какъ трудно принималась у насъ культура! Въ то время, какъ въ Европѣ американскій плодъ былъ давно въ большомъ употребленіи, на Руси даже

¹⁾ Картофель.

въ половинѣ XIX столѣтія существовали глухіе уголки, гдѣ народъ только искоса поглядывалъ на застѣнную сосѣднимъ паномъ полосу картошки. Попробовали: «якава и яна на укусъ; ничаво, йета страва смашная. «Не прочь были бы кое-когда и стащить ся у пана мѣшокъ—другой, наконецъ испытывали по трохи и сами сѣяць», но все-таки не могли сами додуматься до того, чтобы расширить свое картофельное хозяйство.

Только въ концѣ 70-хъ годовъ нѣкоторые помѣщики начали выписывать разные сорта скороспѣлой и кормовой картофели, тогда только и крестьяне принялись за ся посѣвы.

Но, конечно, не одно отсутствіе картофеля было причиной бѣдности, причинъ этихъ не перечесть... Однако и достатокъ хлѣба въ прежніе годы теперь объясняютъ тѣмъ, что помѣщики бывало весь чистый хлѣбъ перегоняли на водку. Оттого въ тѣ времена легче было быть пьяному, чѣмъ сытому. Къ тому же «зарабиць было нѣкалн, у каго». Да правду сказать и народъ нашъ былъ не «прамышленъ», лежалъ на боку, голодалъ и все думалъ, что горю пособить ничѣмъ нельзя, вѣрилъ въ то, что какъ было прежде, такъ и всегда будетъ и что на то уже воля Господня.

О томъ, какъ недогадливы были люди въ давнія времена, имѣется такой рассказъ:

Йшоу сабѣ праходжый. Тольки приходзе йонѣ у сяло и бача, што мужыкъ зъ жѣнкой усѣ бѣгаюць зъ хаты, да у погребѣ, зъ погреба да у хату.

— Дабрыдзень вамъ.

— Здарвеньки.

— Богъ у помачъ.

— Спасиба чалавѣча.

— Якая йета у васъ у погреби работа, што усѣ туды бѣганце?

— А йета мы кисель ядзимъ, миласци просимъ у хату.

Сѣу проходжый на лауцы и бача, што кисель станць на сталѣ, а малако у погребѣ, а яны зачерепаюць киселя, наложуць у ротъ, да самы зъ ложкой и бягуць у погребѣ запиваць кисель малакомъ.

— Слухайцы, людзи добрые, за вашу ласку я ужѣ накажу вамъ, якъ людзи кисель зъ малакомъ ядзюць,—кажа проходжый.

А нѣ, мы и сами умѣимъ кисель їсць, на што насъ вучиць!

Насилу жонка согласилась послушать прохожаго, который наконецъ объяснилъ имъ.

— Вы жѣ такъ дзѣляйца: прынсяцце зъ пѣгреба малака у хату, налиця у миску и кисялю туды наложця, да такъ и їжця.

Падумали, надумали мужыкъ вѣзъ жѣнкой, да-й—кажуць:

А ужѣ жѣ и прауда, што такъ луччѣй будзе.

Тады ужѣ, якъ паѣли кисель, дыкъ снасибкали, спасибкали проходжаму чалавѣку... и начаваць его пакинули. Во, на другій дзень устау праходжый ранинька, паглядзѣу у вакно, а мужыкъ зъ жонкой зноу штось пачали рабиць ни людное: жонка на дварѣ штаны дзержа, а мужыкъ узлѣзя на навіць, да аттуль и скача у штаны. Ни папау у калоши, да мима, тады изноу узлѣзъ на крышу,—скакнуу, адна нога папала у калошу, а другая мима калошы припалась.

— Што-й йета вы рѣбницѣ, пытае чужый чалавѣкъ.

— А ци тыжъ ни бачышь, што штаны надзѣнаемъ.

— Ни такъ жа йихъ надзѣваюць, давайце, я вамъ пакажѣ.

— Во-о-о-о! Закричала жонка, ци мы ужѣ дуриѣй попа, што и штаноу надзѣць няумѣемъ. Нехай Богъ крыя, яще и йетаму дзѣду треба выучицца.

Рассказъ оканчивается тѣмъ, что прохожий открываетъ имъ секретъ надѣванья нанталонъ и въ концѣ концовъ получаетъ великое спасибо.

Такъ полѣсцы проживали долгое время въ простотѣ и невѣдѣніи, не трогаясь съ мѣста; ни фабрикъ, ни заводовъ къ благу не было, а вдаль на заработки не пускались. «Да йимъ и ня чутна былѣ, идзѣ тамъ у якой старанѣ зарабляюць грѣшны».—Кто же могъ имъ объ этомъ рассказать и посоветовать?

По глухимъ деревнямъ и лѣснымъ хуторамъ въ родѣ, какъ Лиски, Поддѣновка, Казенка (Мглинскаго уѣзда), тамъ и дажа и паноу рѣдка у вѣчы бачыли,— только и наѣжджали што валасныя за падацямі, во п усѣ!

Это не то, что теперь: заберутъ молодца въ рекруты; черезъ пять лѣтъ онъ придетъ назадъ и расскажетъ все, что на бѣломъ свѣтѣ дѣется. А вѣдь въ прежніе годы, какъ возмуть бывало челоуѣка въ солдаты на 25 лѣтъ, такъ по немъ только плачуть, а рассказовъ отъ него не скоро дождутся.

Рѣже всего въ Полѣсьѣ попадались деньги; оборотнаго капитала почти не было, да откуда же его было и взять? На дубахъ онъ не растетъ. Въ городъ полѣсюкъ ѣздитъ рѣдко, потому что изъ хозяйственныхъ продуктовъ ему нечего возить на базаръ: и радъ бы онъ съ осени продать «мѣхъ жита, ци гречки—самому голодъ награзну у томъ гаду, а то весной хоць кладзи зубы на палицу».

Посудивши и порядивши такимъ маперомъ, поневолѣ обходится онъ и безъ городскихъ покупокъ. Одежда съ ногъ до головы вся домашняя: отъ овцы, иѣсконней и льну, спряденныхъ и сотканыхъ бабамі, лапотъ свой, лучина для освѣщенія тоже.

Бабы также сидѣли по деревнямъ, даже и на богомолье долгое время не рисковали выходить, пока «ни распытались, куды и якъ йега людзи ходзюць». Иная и состарится и вѣкъ свой проживетъ, не видя города. Только молодежь не обходилась безъ предметовъ роскоши, но все-таки находила возможнымъ украшать себя, не имѣя никогда гроша въ рукахъ. Для этого по деревнямъ иѣсколько разъ въ годъ ѣздитъ на лошади «карявашникъ» и кричить:

Дѣвки, бабки, несите тряпки, корявки.

Вотъ и началась лѣновая торговля: ему тащатъ все: и старыя онучи и кости и яйце, щетину, вощину и льняное сѣмя, а взаменъ получаютъ сережки, перстни, коралы, ленточки, иголки, красную заболоть для вышиванья и т. и.

Кажется всего можно добыть, и все подъ рукою у полѣсца, но иѣтъ, его донимаетъ одно горе: кромѣ хлѣба еще крайне нужна и соль, которой безъ денегъ рѣшительно достать негдѣ. А еще къ несчастью въ тѣ времена она была такая дорогая, по рублю пудъ, не то что теперь по 32 коп.

И такъ, значить въ городъ ѣздили только за солью и за дѣттемъ, котораго къ стыду свсему сами не умѣли приготовить, а для этой цѣли ежегодно являлись въ Полѣсье дегтары изъ Орловской губерніи гнать деготь изъ древесныхъ корней и березовой коры и продавали его по 50 коп. за пудъ.

Легко сказать—рубль на соль, да гдѣже собственно взять этотъ рубль?

Преданіе говоритъ, что въ прежніе годы полѣсскій народъ имѣлъ страхъ и Бога въ сердцѣ; нерѣдко бывало онъ ѣсть хлѣбъ пополамъ съ мякиной, но красть не пойдетъ».

Затѣмъ дальше, да дальше, сталъ призадумываться, откуда достать на соль и на дѣготъ. Глянетъ направо, стоитъ густой строевой лѣсъ нана Сялевича, рядомъ идетъ Гудовщина графа Гудовича,—слѣва облегли лѣса Ширая, Долинскаго и т. д.—и т. д.

Лѣсничихъ въ старые годы не было, вотъ и стали мужички промышлять: нарубить возъ дровъ, повезетъ за 35 верстъ въ городъ и есть копейкъ 15, а то пожалуй и 20 на соль.

Разсмотрѣлся дальше, да дальше и узнать, что въ городѣ все можно сбыть и началъ мало-по-малу изъ чужихъ лѣсовъ таскать лыки, лозу, берѣсту и прочій сырой матеріалъ. Затѣмъ по глухимъ деревнямъ, какъ въ Водвинкѣ, Коробоничахъ, Яблонкѣ, стали заниматься деревянными издѣліями: почти въ каждомъ дворѣ гнули ободья, дѣлали колеса и возами отправляли на ярмарки въ Стародубъ и Мглинъ.

Но прежде чѣмъ заняться подобной фабрикаціей, надо сначала ночью отправиться въ чужой лѣсъ и, попросту сказать, накрасть лѣсного матеріала.

Оттого про полѣсцевъ пошла молва, будто тамъ «злѣдій ¹⁾ на злѣдзи сядзиць и злѣдзіемъ паганая».

Правда, онъ виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія: сравнимъ полѣсца съ его

¹⁾ Воръ.

сосѣдомъ волкомъ,—последній всегда красть овецъ и будетъ красть; воровство же полѣсца имѣть свое историческое начало: было время когда «онъ имѣлъ Бога въ сердцѣ и не красть», а все, что имѣть начало можетъ имѣть и конецъ ¹⁾).

О нарѣчїи и пѣніи.

Въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи слышится въ разговорной рѣчи двойное произношеніе:

1) На границахъ Стародубскаго и Мглинскаго уѣзд. и во всемъ полѣсѣ, тянущемся къ Суражу, говорятъ на бѣлорусскомъ нарѣчїи, съ его главными, выдающимися чертами, т. е. съ смягченіемъ *д* въ *дзь* и *т* въ *ць*. Напр. «хазиннѣ кладзѣе пичаць, а злѣдзїй глядзїць, аткуль пачаць».

2) Чѣмъ дальше отъ полѣся и чѣмъ ближе къ городамъ, а также въ самыхъ городахъ: Стародубѣ, Погарѣ, Мглинѣ, Почепѣ и Новозыбковѣ, нарѣчіе остается тоже самое, только съ тою разницею, что *д* и *т* не смягчаются. Напр. «хазиннѣ кладе пичать, а злѣдїй глядїть, аткуль пачать». Поэтому и пѣсни записаны и помѣщены здѣсь по двойному говору: полѣсскїя съ смягченіемъ *д* и *т* и подгородныя безъ смягченія *д* и *т*.

Каково бы ни было экономическое положеніе народа и какъ ни трудно достается ему хлѣбъ насущный, онъ всегда найдетъ время для пѣсенъ и поетъ, когда ему поется.

У насъ по деревнямъ мужички поютъ только въ юношескомъ возрастѣ, до женитьбы, и во время рекрутскаго набора передъ отбываніемъ воинской повинности. Хоръ мужскихъ голосовъ вы услышите рѣдко, и то лишь въ праздничные дни, позднимъ вечеромъ. На полевыхъ работахъ они никогда не поютъ; пѣсенъ не раздѣляютъ по временамъ года и затягиваютъ большею частью какую кому и когда «заугодна». Только рекрутскїя пѣсни идутъ въ ходъ непременно въ октябрѣ и ноябрѣ во время набора.

Въ среднія лѣта и въ пожиломъ возрастѣ они признаютъ пѣсни лишь при изрядной выпивкѣ. Попросите его спѣть, онъ отвѣтитъ: «ци я пїянь, што пачнѣ пѣсни пѣць, якъ бы хто наднѣсь чертку, другую, можа бѣ табы и запѣу, да я изъ мѣладу на йета ня вотъ то ци крахала ворона у гѣру лятучїй, а назадъ ужо и ни начинаць. Йета усѣ нусяць, намъ нѣкали гаянца за пѣснямы»

Женщины же поютъ во всѣхъ возрастахъ и относятся къ своей устной поэзіи съ большою симпатїей. «У пѣсняхъ уся прауда», говорятъ онѣ.

Въ откровенныхъ бесѣдахъ пожилыя женщины лѣтъ 40—60, на вопросъ, поютъ ли онѣ когда нибудь, отвѣчали:

Якъ остануся я сама сабѣ у дварѣ, да якъ ушибѣ мянѣ ахота, дыкъ я уси пѣсни наперепѣю, такъ яны адна за другой и лѣзучѣ у галавѣ, а дали, якъ узойдзѣе на вумъ уся маяя горькая жыстачка, да бездолья, дыкъ я усѣ пїю и плаччу..., да ахоты такі напалачуся.

На мои просьбы спѣть хоть одну пѣсню, вызывающую слезы, мнѣ отвѣчали молчаніемъ или говорили:

Цяперъ ни придумаю, уси пѣсни павышли зъ галавѣ.

Такъ что изъ всего репертуара удалось записать одну только:

Што—й—надъ гаямъ зляняенькимъ.	Скажы мнѣ гаёчыкъ,
Брала удоука лень бяленькій	Хто у насъ у силѣ
Яна брала—выбирала,	Ранїй уснїхъ устае?
У гая пытала:	Пазареншы устае

¹⁾ Можно бы прибавить, что сначала своихъ лѣсовъ у пановъ Силевичей, Гудовичей, Ширасвѣ и пр. не было да и самихъ ихъ не было, и тогда полѣсцы преспокойно пользовались окружившими ихъ лѣсами и издревле конечно занимались выдѣлкою ободьевъ, саней и пр.

Да горькая удойка,
Ни мужъ яе пабуджае,
Ни люта свякруха,

Пабуджаюць удоуку
Дробныя дзѣтки
Да—й жѣ нѣдастатки.

(д. Водвника, Мглин. Уѣзд. со словъ 65-лѣтн. женщ.)

За дѣвками признается право распѣвать вездѣ и всегда собираться среди села для составленія хоровъ и гулянья. Поэтому она не стѣсняется и если зацѣла, то запѣла громко, во все горло.

У замужнихъ же женщинъ хотя и есть потребность излить горе въ пѣсни, но она чувствуетъ за собою нѣкую нелегальность въ пѣніи, считаетъ это занятіе для себя непозволительнымъ, бонгси, что ее осудятъ и скажутъ: «во уздумала баба дзявочный вечаръ, дзѣла ня робя, а пѣсни дзяре».

Оттого она и остерегается пѣть громко, а если и поетъ, то «сама пра сябѣ». При собираніи матеріала, довольно трудно расположить крестьянъ пропѣть или проговорить какую-нибудь пѣсню.

Прежде чѣмъ обратиться къ нимъ съ такою странною, съ ихъ точки зрѣнія, просьбою, приходилось пускаться въ ходъ нѣкоторые подготовительные разговоры, объяснять каждому причину.

«Нашто вамъ наши пѣсни, панамъ» и т. п. Иная пѣвунья заявляетъ, что она «звая богата пѣсянь», но на самомъ дѣлѣ не скажетъ вамъ ни одной строчки, хоть ее пеки. Снои весеннюю. «Цяперъ йихъ ни пиюць». Ну какую хочешь. «Ни придумаю, позабывала, дауно пѣла» и т. п.

Я попробовала пустить въ ходъ вознагражденіе въ видѣ лентъ, крадь, фартуковъ и проч. нарядовъ,—сейчасъ же память прояснялась, языкъ развязывался и начинали диктовать пѣсню за пѣсней. Съ тѣхъ поръ, попадая въ подходящую компанію, я заявляла коротко и ясно: Господа, кто хочетъ заработать за пѣсни? И эта мѣра имѣла всегда большой успѣхъ.

Къ прискорбію, замѣтна большая разница между пѣніемъ 60-хъ и 70-хъ годовъ и нынѣшнимъ временемъ, а именно: теперь не поютъ, а кричатъ пѣсни. Какъ въ хорахъ, такъ и въ одиночку каждая силится орать во всю мочь, отчего искажается даже мотивъ, и выходитъ одно сплошное выкрикиваніе.

С в а т ь б а.

Январь.

Прежде чѣмъ говорить о пѣсняхъ, мы должны поименовать праздники этого мѣсяца въ связи съ существующими обычаями.

7-го января—праздникъ «Ивана хрясцицеля», 30-го празднуютъ трехъ святителей: Василя Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста. Но обычаевъ и обрядовъ въ эти дни никакихъ не имѣется. Мужчины дозволяютъ себѣ кое-что и работать «калѣ дварѣ». Только бабы соблюдаютъ эти праздники строго и съ талмудическою требовательностью утверждаютъ:

— Заўтра нильзя жлукциць, нильзя праць билля (бѣлья) нильзя прясць».

Мы начали не съ 1-го, а съ 7 января потому, что начало новаго года съ крещеніемъ включительно относится къ рождественскимъ праздникамъ, а объ нихъ будемъ говорить позднѣе. Теперь же займемся пѣснями, которыя сопровождаютъ свадебные обряды. Кстати, начиная съ 7-го января церковь разрѣшаетъ вѣнчаніе и съ этого времени до «маслянки» совершается наибольшее число браковъ, чѣмъ въ прочіе мѣсяцы. Въ крестьянскомъ быту трудно встрѣтить стараго холостяка и пожилую незамужнюю женщину, потому что женщина не служитъ обузой мужу, а представляетъ изъ себя рабочую силу. Оттого родители спѣшатъ женить сына и отдалить насколько

возможно дѣло сватовства дочери, чтобы невѣста успѣла отработать «матцы и батцы» за то, «што яѣ узрасцыли и выгадавали».

Впрочемъ сердобольныя матки, помимо матеріальныхъ причинъ, неподдѣльно горюють при выдачѣ дочерей и, вытирая скатившуюся слезу, говорятъ:

«Што жъ дѣлаць, дачка ни бацькова карысець, яжъ яѣ гадала и кукѣбила (делѣбила), а прышло уремѣи и треба отдаць у чужія людзи, хоць бы жъ яна яце гадѣчыкъ покрасавалась у дѣвѣкахъ». Крестьяне относятъ сватѣбу къ числу разорительныхъ случаевъ въ хозяйствѣ и съ прискорбіемъ сѣтуютъ что «сягдѣлта яму крѣпка мѣтарно (жотарно, трудно) пришлось: гречачка памѣрзла, тамъ пашли сухмени,—канпелька ни узыйшла, а тутъ яще падасѣбла и жаницьба сына, усѣ адно ка'днему пашло на вубытки, давялось трохи и на каунеръ прихвациць у купца».

Не удивительно, что въ этомъ случаѣ «на каунеръ» попадаетъ. Вѣдь на сватѣбѣ выпивается не менѣе трехъ ведеръ горѣлки. А въ прежніе годы при дешевой водкѣ вольнаго откупа расходовали до семи ведеръ. Кромѣ того, къ этому дню уже приписывается на зарѣзъ какойнибудь подсвинокъ или бычекъ «сегодѣтокъ».

«Выселяля каштавата, говорятъ они. А ждѣжъ и безъ йетаго нильзя абайицица; што треба, то треба, свацьба сарочку знайдзе. А тутъ яще пакуль папа уяднаимъ, дыкъ чубъ мѣкаръ будзе».

Трудность эта еще болѣе увеличивается, если за родителями брачащихся числится «ракаущина». Это ничто иное, какъ сыпка хлѣба въ пользу священника съ каждаго двора по нѣсколько фунтовъ. Раковщина опредѣляется на сельскомъ сходѣ, но большая часть прихожанъ не вносятъ и затягиваетъ ее лѣтъ на десять, а когда приходится дѣло до женитьбы и вопроса о цѣнѣ за вѣнчаніе, то священникъ объявляетъ: «прежде всего привези раковщину». Когда приходятъ «ядлаць папа», «батюшка привѣтствуетъ ихъ, какъ гостей, садитъ на почетное мѣсто, подноситъ «по царцы гарѣлки», затѣмъ начинаются безконечныя толки, сначала очень миролюбиваго характера, а подъ конецъ разговоры становятся крупнѣй, затѣвается ссора и пререканія. Не сойдутся въ первый разъ—черезъ день, два опять являются.

«Нуця, дыкъ якъ вы, бацюшка? ци ня можна за три съ палцинай пирявинчаць? А ракаущины ужо бацюшка ня пытайця цяперъ, абъ калядахъ раждѣйственскихъ усю заразъ атдадзпмъ.»

Интересы крестьянъ и священника вѣчно сталкиваются, а потому между прихожанами и настыремъ всегда обостренныя отношенія. Онъ и кланяется и улыбається батюшкѣ и камень за пазухой держитъ. Оттого являются подобныя пословицы: «зъ вяликимъ брюхомъ — на папоу дворъ», папоўскіе карманы, завидюшія папоўскія «вочы» и т. п. Но въ этомъ случаѣ и священника нельзя безусловно обвинять: вѣдь онъ получаетъ всего 120 руб. годоваго оклада (у насъ въ Мглинскомъ уѣздѣ). Какой чиновникъ въ состояніи прожить съ семьей на эту сумму? Священника многіе клеймятъ корыстолюбцемъ, но и его доля не завидна: вѣдь приходъ ему дается на такихъ же условіяхъ, какъ въ старину давались города въ кормленіе.

С в а т а н ь ѣ.

Сваты являются въ домъ невѣсты всегда съ хлѣбомъ или пятикопѣечной французской булкой, съ поклонами и привѣтствіями. «Дабры дзень вамъ, штобъ здарѣвиньки былй, съ ауторкомъ (вторникомъ) васъ поздравляемъ. «Благодаримъ пакорна, праходзяца далій, просимъ пакорна сядицца».

Если въ числѣ сватовъ находится какойнибудь балагуръ, то непременно начнетъ такъ: «Хадзили мы, брадзили па вашаму лѣсу, напали на слѣдъ пушнаго звѣря, гнались, гнались за кунцай», у сяло увагнали и слѣдъ пацярэли. Стали шукаць, ажъ слѣдъ пашоу къ вашой хацѣ. Распыталсь у людзей, ажъ то быу ни пушныи звѣрь, то ни кунца, а красная дзявица».

Если жъ у сватовъ нѣтъ умѣнья и охоты къ длиннымъ разговорамъ, то говорятъ просто: «во вамъ хлѣбъ соль, у васъ товаръ, у насъ купецъ, будзимъ сваты. Нашъ парень змирный, у яго и дворъ свой, и гародчыку зъ поўдзисячыны йосць» и т. д. Но родители описанію сватовъ не всегда вѣрятъ, а потому хлѣбъ оставляютъ пока у себя и отвѣчаютъ: «Мы раснытаимся, падумаимъ». Затѣмъ ѣдутъ въ выглядѣ въ дворъ молодого и если не понравится обстановка жениха, то вмѣсто отказа отсылаютъ хлѣбъ обратно. Согласія невѣсты обязательно спрашиваютъ, но ни одна дѣвка не дастъ утвердительнаго отвѣта, а говоритъ: «Якъ хѣчицы». Это и значитъ, что она согласна выйти замужъ. Тогда оставляютъ принесенный хлѣбъ, посылаютъ за водкой, угощаютъ сватовъ и сообща назначаютъ день, когда «играць заручаны».

З а р у ч а н ы.

Подъ вечеръ назначеннаго дня пріѣзжаетъ женихъ съ дружкой и молодыми парнями; привозятъ они съ собою музыку и горѣлку. Вотъ всѣ пріѣзжіе и званіе гости усѣлись за столъ. «Маладѣя съ таваришкамы» въ отсутствіи. Затѣмъ отворяется дверь, входитъ одна изъ подругъ невѣсты и низко всѣмъ кланяется. «Нѣ, нѣ, харошъ таваръ, да ни нашъ». Входитъ такимъ образомъ другая, третья съ поклономъ... наконецъ и молодая въ сопровожденіи подругъ. Послѣ ея поклона раздается крикъ: «Йета наша, наша, миласцін просимъ». Невѣста подходитъ къ жениху и завизываетъ ему свой подарокъ—ленту въ воротъ рубашки.

Затѣмъ она подноситъ дѣвкамъ горѣлку, и тѣ начинаютъ пѣть, обращаясь къ сватамъ и пріѣзжимъ:

Мы думали—яны смііліся,
Ажъ яны змаудліся
Мы думали—ваду нліі
Ажъ яны—гарэлачку.

Мы думали—зъ вядзерачакъ,
Ахъ яны—зъ бутылачакъ.
Мы думали—карцѣмъ нліі
Ажъ яны—стаканчыкамъ.

(с. Росуха, Мглин. у. со словъ 18 л. дѣвцы)

Ци я у цябѣ, мой татухна ни гарюю,
Што ты мяне выдаешъ маладую
Прадай, прадай, татусичка
Зіляненькій садъ,
Да-й-справъ жа ты мой роднинькій
Увесь панарядъ:
Саяны зілянны—мушкаваны

Чырвяцѣвы ¹⁾ паясѣчки и—зъ махрамы,
Казловыя чырвячкі зъ гапикамы ²⁾
Лукирачка, дзінцъ дарагѣя
Панадзѣца табѣ жыццѣ—нілюбѣя,—
Саяны зілянныя пѣламъ прынадзѣць,
У чырвяцовыхъ паясахъ махры атпадуць.

(д. Водвинка, Мглинск. у. с. с. 40-лѣт. женщ.).

Касацинъкій сіязенечка,
Ци быу жа ты да на Дунайѣчку,
Ци бачиу ты свайю вутачку?
Кали-жъ и мнѣ было яѣ бачыць,
Тольки-жъ я—да на Дунайѣчыкъ,
А вутачка дагадалася,
У густый чэретъ захавалася,
Травинкою да ни шамнула,
Крылушками да ни стріпанула.

Маладый ты Иванчикъ,
Ци быу жа ты у свайой цѣсцухны, (тѣщи)
Да ци бачиу свайю дзѣвачку?
Кали-жъ и мнѣ было яѣ бачыць?
Тольки-жъ я да капѣмъ на дворъ,
А дзѣвочка дагадалася,
У высокъ царѣмъ захавалася
Дзвярамы да ня стукнула,
Чабатѣмы да ня рипнула.

(с. Семешково, Стародубскаго у. с. с. 35-л. женщ.).

(См. Шейня т. I. ч. 1, стр. 252 № 276, т. I. ч. 2 стр. 408 № 10).

¹⁾ красный—(чирвоный).

²⁾ съ крючками.

На гарѣ хвѣлячки зацвѣтали
Усю гару високою усцилили;
Праснлася дзѣвачка—
Пусци мяне, татухна,
На тую гару,
Я сабѣ за бѣла цинна

(с. Бородинка, Мглинск. у. с. с. 78-лѣт. женщины).

Хадзила Вѣрарка па-садѣчку,
А за йой Іваннчка на слядѣчку.
Ни ступай ты, Іваннчка,
Да на мой сайнѣ.
Я у Бога сирѣтчка
А ты—сабѣ панѣ.

(с. Росуха Мглинскаго у. с. с. 40-лѣт. женщ.).
См. Шейнѣ т. I, ч. II, стр. 322 № 10.

Вянѣчыкъ сауѣ,
Сѣ хрѣщѣтаго барвиначка
Хрѣщыкъ (крестикъ) наряджу,
Да-й-я свайму Амдрѣнчку
У падѣракѣ пашлю.

Шукай сабѣ паняначки,
Якій ты и самѣ.
Выѣздзиу я, Вѣрарка,
Усѣ дарѣги и царѣскіи гарадѣ,
Ни знайшоу паняначки
Такія — якѣ ты.

Варьянтъ той же пѣсни,—записанъ со словъ 78-лѣт. женщины въ с. Бородинкѣ,
Мглинск. у.

Хадзила дзѣвачка па садѣчку,
За йой Иваннчка па слядѣчку.
Йди, пажди, Вѣрарка,
Ужо-жѣ ты мая!
Яна ему отказала
Ни прауда твая,
Богава—судѣрева
Бацькова слуга,
Я у свѣци сирѣтчка.
А ты сабѣ панѣ,
Шукай сабѣ паняначки
Такія якѣ самѣ,
Выѣздзиу Украину
Увесѣ бѣлый свѣтъ,
Ни знайшоу такія,
Якѣ ты макоу цвѣтъ.
Красная дзѣвачка
Сѣнѣчки мяла,
Якѣ галѣбачка гулѣ
Вѣннчкамѣ махне,

(с. Горяны, Мглинскаго уѣзда, со словъ 20-лѣт. дѣвицы).

Ци жаленька уздыхне.
Зачуу, пачуу
Яйе татухна,
У сабѣдѣ ступае,
У яйе пытая:
Чаго, дзѣвачка, плачышь,
Ци жалѣ табѣ минѣ старѣга,
Ци надвѣрѣяйка майго?
Ни жалѣ жа мнѣ стаѣсци твайе
Ни надвѣрѣяйка твайго,
Жалѣ жи мнѣ рѣсыя касы.
Да дзявоцкія красы
Дзѣвачки пдуць, вяночки уюць,
Я свой—разывиваю
Па крѣсацы, (по цвѣточку) па василѣчку
Я свой раскидаю.
Дзѣвачки идуць — пѣсянки пѣюць,
Мянѣ ни прымаюць
Мнѣ праўды ни скажуць.

У гарѣдзи ни дубѣ, ни бярэза
Чырвоная рожа (роза).
Падѣ рожаю дзѣука сядзѣла,
Зѣ рожай гаманила (разговаривала),
Рожа, мая рожа,
Схарани мяне Бѣжа!

(с. Гаряны, Мглинскаго у., со сл. 20-лѣт. дѣвицы).

Падѣ сакалійная крыльца,
Падѣ навѣнная
Будзи мянѣ татухна шукаци,
Вяликаго пирайма даваци,
Пирайма ни бярыца
И мянѣ ни кажыца.

Да йдзѣ ты, мой татухна,
У гарадѣчыкъ,
Купи ты мнѣ, татухна,
Салавейку.

Прыкуй яго, татухна,
Кѣ каравѣацы
И онѣ будзи рѣниныка
Щабитацци

Будзя мяне, маладую,
Пабуджаці.
У мяне, мой татухна,
Ня свой бацька,
И онъ мяне ранилька
Ни пабудзя.
Посць у мяне нявѣстачка
Маладая

Яна у мянѣ ранилька
Ни уставала.
Ня слухайця, сусѣдачки,
Свѣкра майяго.
Да я мятѹ хату, сѣни
Съ свѣчкамы,
Да я бегу па вадзѣцу
Зъ зараніцай.

(д. Бородинка, со сл. 78-лѣтн. жепц.).

Наканунѣ вѣнца.

а) *Въ домѣ жениха.*

Наканунѣ вѣнца вечеромъ въ домѣ жениха собираются приглашенные «сусѣди», свашки и дружкѹ — «каравай чапаци» (вѣшать) Въ сумерки зажигается передъ образомъ лампадка и восковая свѣча, накрывается бѣлой скатертью столъ и на немъ ставится верчѣ и каравай. Это пшеничные хлѣбы, окрашенные красной краской и утыканные обвитыми цвѣтной бумагой — палочками, на верху которыхъ насажены тоже изъ тѣста разные пѣтушки, орлы и проч. Верчѣ стоитъ уже убранный, готовый, а для каравая всѣ эти палки съ фантастическими птицами покупаются отдѣльно, и въ этотъ вечеръ эти принадлежности вѣшаютъ и прикрѣпляютъ на каравай, сопровождая все это выпивкой и пѣснями. Предъ началомъ всѣ присутствующіе молятся предъ образами, бьютъ земные поклоны и затѣмъ садятся за столъ. Дружкѹ, какъ главный церемонимейстеръ, привстаеъ и возглашаеъ:

Баслави ацецъ, — маці

Свайму дзѣнцѣ

Каравай чапаци.

«Нехай Богъ баславляя», получается отвѣтъ и свашки (молодыя замужнія женщины) начинаютъ пѣть:

Караваю мой муливаный (разрисованный) Ци малыя баженяточки?
Да хто-жѣ цябѣ муливау, Муливали мянѣ зѣрачки
Ци баги цябѣ муливали, Да Расуськія дзѣвачки.

(Заучено много еще въ 60-хъ годахъ въ с. Росухѣ на свадьбахъ).

Матачка Данилку (ня жениха) радзила, У цябѣ конничакъ ня свой,
Мѣсяцамъ обгардзила, Ночачка цѣмная,
Звяздою подириязала, Дарожка ня торная,
Дарожку указала. Дружина ня вѣрная.

Ѣдзь, мой сыночекъ, ня стой,

(Заучено много въ 60-хъ годахъ въ с. Разсукѣ на свадьбахъ).

Што—й у садзи, да на вишаньни
Извнуса рабчыкъ
У залѣтнй клубочыкъ,
Извнуса у садзи, да на вишаньни,
Хѣча палаяцѣци
Изъ бора у дубрау
Выбрау сабѣ сѣснѹ
Тонкую да высокую,
Кудрявую, кучарявую.

Сабрауса Данилка
Съ свайою раднѣю,
Зѣ бѣдлаю сястрою,
На коня хоча сѣсци
Да паѣхаци къ цѣсцю
Абабрау сабѣ дзѣку
Красную, да харошаю,
Харошаю, да пригожаю
Маладую да Адарачку (ня невесты Дары).

(д. Лупеки, Мглинского уѣзда, со словъ 40-лѣтн. женщины).

Ходзя маці да па вулицы
Сусѣдачакъ прося—
Сусѣдачки майѐ,
Хадзиця вы ка мнѣ,
Кѣ майму дзицяци
Караваю чапаци,
У майго сыночка
Самъ Богъ каравай мѣся,
Прячистая свѣця,
Ангели да ваду нѣсяць,

(с. Росухи, Мглинского уѣзда, 66-лѣтней женщины).

Миколая прѣсюць —
Миколай чудотвѣриць,
Хадзи кѣ намъ на пѣмачъ.
Да нихто-жъ таго ни знаѣ,
Што ў нашамъ караван
Съ сями кароў масла
Да яйцець паўтораства,
Да съ трѣхъ крыницъ вадѣ,
Да съ сями лавакъ мука.

Наканунѣ вѣнца.

б) Въ домъ невѣсты.

Дзявѣчки (дѣвчички—дѣвичники).

Въ этотъ самый вечеръ, когда у жениха «чапаюць каравай» — у невѣсты «гуляюць дзявчички». Предъ сумерками невѣста съ подневѣстницею (подружка) ходитъ со двора во дворъ и сколько бы въ избѣ ни было народу, каждому отвѣшиваетъ низкіе поклоны. Подросткамъ и молодежи кланяется въ поясъ, тихо и скромно приговаривая: прошу миласци ка мнѣ на дзявчички. «И получивъ отвѣтъ: «нехай Гасподзь памагаѣ», она повторяетъ еще два раза свой поклонъ въ видѣ благодарности за пожеланія. Старшимъ себя — дѣлаетъ три земныхъ поклона. «Богу святому кланяйся дзицятка, «отвѣчаюць ей ласково», дай жа Божа табѣ спасця—й—долю и усяго, чаго ты сабѣ ать Бога просишъ». Однако, несмотря на обиліе поклоновъ, которыхъ приходится въ этотъ день отвѣчать не менѣе полутораства, на дѣвчички приходятъ только дѣвки, родичи и кое кто изъ завѣдомо приглашенныхъ родителями гостей.

На «дзявчичкахъ» старшіе «залязаюць за столъ на бастѣду», нхъ «частуюць гарѣлкой», подають закуску. Дѣвочки съ невѣстой отводятъ въ другую хату, а если нѣтъ таковой, то кѣ собѣду. Туда имъ посылаются закуски и немного водки. «Дзѣўки ня пьюць па багату гарѣлки, яны саромяюцца и тольки пригубюць хоць йншай гарѣлка працїуна, якъ старцу гриуна.

На дѣвчичкахъ не полагается ни музыки, ни танцевъ. Подруги, какъ бы прощаясь, проводятъ послѣдній вечеръ съ невѣстой и время отъ времени ноють пѣсни «на жалостный голосъ» (минорный тонъ).

Куковала язюличка у садочку,
Прыхилиўшы галовачку кы листочку;
За лисцяйкамъ галѣвачки ни видѣци
За иташкамы галасѣчка ни слыхацї;
Заплакала Адарачка у святлицы
Прыхилиўшы галовочку кы скамъбыцы,
Яна плакаўшы гаварыла—
Якъ мнѣ у чужїя людзи иниця?

Якъ мнѣ свекру наравиць?
Зайшоу, пришоу Данилачка.
Ня журися, дзявучоначка,
Йосць у мяне тры чалядачки:
На крѣку тры нагѣячки,
Адна будзя рана набуджацї,
А другая дзѣло работѣцї,
А трѣця—свекру наравицї.

(с. Човпня, Стародубскаго уѣзда, со словъ 50-лѣтн. женщины).

А чѣя-жъ йета рута-мята падъ гарѣю
Зарасла, забуяла либядою?
Да чаго ты, Мархвачка, такъ, сядзишъ,
Да чаго ты рутацки ня пѣлишъ?

Цяперъ мнѣ, дзѣвчички, ни да руты,
Баре мяне дзявчичка у сваѣе руки
У чужую стараў на вѣки.

(с. Росухи, Мглинского уѣзда, со сл. 47-лѣтн. женщины).

Татухна мой рѣдинный,
Выйдзи за вароты,
Приляжъ на дарѣзи,
Ци шумиць лѣсъ-дубова,
Ци стогня дарога,
Ци свищуць нагайки,
Ци ѣдзюць баярки,

Ци пуюць свашки пѣсни,
Да ци йосць прамижъ йныхъ,
Мой разлушничакъ,
Разлучну майю касу,
Разабрау па валасу,
Пусцнѹ на шауковамъ паясу.

(с. Бородинка, Стародубскаго уѣзда, со словъ 78-лѣтн. женщины).

Ци я цябѣ, мой бацюшка,
Ни вѣрница была,
Ци ня вѣрна служила.
Изъ цѣрему да—й—ни выходила,
Тольки-жъ была вышла
Изъ цѣрема да на ганачки (на крылечко)
Да—й глянула я на красачки,
Ажъ майѣ краски—йграюць,
А мойѣ животѣчки вянуць.

Хоць играйця краски, ни играйця,
Мнѣ у бацьки ня жыццi
И виночкоу ня вѣни.
Адзинѣ была звилѣ
И таго ни знасила,
Павѣсила, да—й у цѣеримъ,
У цѣеримъ да за дзвѣрими
На залатѣмъ гваздѣчку
На шауковомъ шнуручку.

(Въ с. Семешковѣ, Стародубскаго уѣзда, со словъ 35-лѣтн. женщины).
Въ Росухѣ къ этой пѣснѣ прибавляюць еще три строчки.

Куды татухна идзе
Галоўкаю чырькайница, (касаться)
Слѣзками абливалца.
(Варьянтъ у Шейна стр. 455, т. 1, ч. II).

Какими только ласковыми названіями ни обзываютъ собравшіяся здѣсь сверстницы въ пѣсняхъ свою зарученную подругу дѣтства: она у нихъ на прощаньи и «вишанька» и «сѣрая язюличка» и «бѣлая бѣляначка» и «красная суравѣжачка».

Сѣрая мая язюличка,
Вѣраць ляцишь,
Чаму ни кукуйишь?
Красная мая дзяучѣночка,
Вѣчаръ—сядзйишь

Чаму пѣснѣ ни пѣешь?
Сѣла ты, да навѣшай усихъ
Галѣвачку сыхилила
Да нанѣжы усихъ.

(Записано въ хуг. Александровкѣ, Мглинскаго уѣзда, на дѣвичкахъ).

Бѣлая ты бѣляначка,
Красная суравѣжачка
Ци байсься ты марозу?
Я марозу ни баюся,
Ать марозу схаранюся,
Гольяйкомъ абгараджуся,

Лісцяйкамъ напрынѣся (накроюсь)
Красная да ты дзѣвачка,
Ци байсься ты свѣкра?
А я свѣкра ни баюся
Я—яму пакарюся.

(Записано тамъ же на дѣвичкахъ).

Зяленая наша вишанька
Туды сюды нахилилася
Тиры-ль тынѣ, да на вулачку.

Ни сама-жъ я нахилилася,
Нахилили мяне буйныя вѣтры
Да дробныя дажджы.

(Тамъ же записано на дѣвичкахъ).

Кленъ—липа ци ня дзеряуце,
Смародыня ци ни ягада,

Кулиначка ци ня дзѣвачка
Яѣе каса ци ня косачка?

(Тамъ же записано на дѣвичкахъ).

А казала калина: цвѣць ня буду,
Зяленаго лисцяйка ни пуцу,
Краснай ягадки ни ураджу.
Якъ прышла пара — зацѣвила,
Зялёныя лисцяйки пуспіла

Ни праўдзівая Тацяпачка
Казала: замужъ ни пайду,
Маладога Миколки ни люблю.
Якъ прышла пара — замужъ пашла,
Маладога дзяцінку спалюбила.

(д. Жуково, Мглинского уѣзда, 18-лѣтн. дѣвицы).

Татачка мой радуѣсинькій,
Бачыла я сонъ дзинуѣсинькій:
Што—й надъ нашымъ надъ дварочкамъ
Наляцѣла стада галубочкоу,

А мижъ галубочкоу адзинъ сакалѣчыкъ.
Дзѣвачка мая, я твой сонъ разгадаю:
Галубочки—йета байрачки,
Ясныя сакалѣчыкъ—маладыя дзяцінка.

(с. Новоселки, Стародубского уѣзда, 26-лѣтн. женщины).

Ишла Проничка, кругъ стала,
Сыпала руту—мяту зъ рукава.
Рута мая дробна, зяляная,
Съ кимъ мнѣ цябе надбираць?
Праси, дзѣвачка, татухну,

Зимляныя рутачки сабираць.
Ня буду я, татухна прахали,
Ня умѣу йонъ мянѣ кахаць,
Ни у свайомъ дварѣ дзиржаць.

(д. Водвинка, Мглинского уѣзда, со сл. 30-лѣтн. женщины, въ 1892 г.).
См. Шейнъ т. I, ч. II, 347, № 24.

Маладая да Мархвѣтатка,
Пирядзѣи сѣни
Да падай татухнѣ вадзѣцы,

Твая вадзѣца салѣдка,
Саладжефѣй мѣду и вина,
Што—й заручѣнная падала.

(с. Росуха, со словъ 17-ти лѣтн. дѣв. въ 1860 году).

Дзѣвачки, голубачки, попытайца у майой донички,
Чаго яна такъ плача, да чаго жъ йой жалъ,

Ци свойой рўсай кѣсачки ци дзѣвоччыя крѣсочки (красоты)?
Ни жалъ жа мнѣ ни дзѣвоччыя красы, ни рўсай касы,
Минулася бацькава раскѣша-сама бачу,
Ни разъ, ни два па раскѣшы той заплачу.

(с. Хоробичи, Городнянского уѣзда, со словъ 27-ми лѣтней женщины, въ 1896 г.).

Если родителей невѣсты нѣтъ въ живыхъ, то поють еще и слѣдующія пѣсни:

Сѣвнички моеи ни мяцѣныя,
Падружки маеи зазваныя
Да ни частаваныя,

Устань, мая мамачка,
Пачастуй падружачакъ.

(с. Гарцево, Стародубского уѣзда, со словъ 27-ми лѣтн. женщины, въ 1897 г.).

Адаркина мамачка пирядъ Богамъ стала,
Паухрѣсть руки склала
Да сѣлннѣйка (сильно) Бога прѣся:
Пусци Божа зъ неба да дѣму
Паглядзѣщи да на свайю дзѣцяцю,
Ци харашо яна уряджана,
На пѣкуци ци пасажана,
Уряджана якъ лябѣдачка
Насажана якъ сирѣтачка.
Устань, устань, мой татачка,

Дай мнѣ парѣдачку (совѣтъ)
Якъ у свѣтѣ жыць.
Радъ бы я устацы
Парадачку даць,
Сырая зямелька дзвери зямля,
Ваконки засыпала
Дубовыя дошки (доски)
Стиснули ножки,
Ни магу—й устацы
Я къ свайму дзѣцяци.

Утромъ передъ вѣнчаньемъ женихъ съ дружкой, боярами и своими гостями ѣдетъ повозомъ въ домъ невесты. При выѣздѣ изъ отцовскаго дома, во дворѣ поютъ слѣдующія пѣсни:

На неби здричка свитѣе,
Иванька коника сѣдлае,
У яго мамухна пытае:—
На што коника сѣдланшъ,

Куда ты, сыночекъ паѣдзишъ?
Паѣду, мамухна, паѣду
У тую дорогу часную
Па тую Лукирку красную.

(Въ д. Водвинкѣ, Мглинскаго уѣзд., отъ 40-лѣтн. женщины).

А у нядзѣлю рано
Понѣ къ абѣдни звѣня,
Иваничка па двару ходзе,
Съ татухнамъ гавдори:
Татухна мой да ты родненькій,
Парадзъ и мнѣ ты парадачку

Ни малую, ни вяликую.
Ци къ абядни мнѣ йиццѣ,
Ци баярѣ сабирацѣ?
Зъ Вѣгамъ, сынку, зъ Вѣгамъ
Намалиў бы ся Богу,
Зъ баярамы у дарѣгу.

(отъ той же).

Саколку да на ко́лику,
Иваничка да на канику,
Саколку, да ня выляци,
Дзяциначка, да ня выѣдзи,

Памажи-жъ яму, Божа.
У нуцый у дарѣзи,
У вяликамъ абози.

(Заучено въ 1859 году на свадьбахъ мною).

Въ дорогѣ продолжаютъ пѣть:

Иаркая соньинька (солнце).
Калясѣмъ надъ лясѣмъ,
Ня куй, дзяцинка,
Сталянѣга нажѣ,
Падкуй, Иванечка,

Варанѣго кони.
Сталянѣй нѣжычакъ
На сталѣ ляжыцѣ.
Варанѣй кѣничакъ
У дарѣзи бяжыцѣ.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со словъ 40-лѣт. женщ.).

Паѣдзишъ бѣрамъ баримы,
Боръ будзы шумѣцѣ,
Падкѣуки звинѣцѣ,
Зацуюцъ людзи,
Дзивица будуцѣ.
Зачуя цѣшухна
Гатавацца будзе.
Пачуя Ганначка,

Прибирацца будзе.
Иванъ ѣдзе—
Поле стѣгне!
Ѣдзе хлопчычакъ
На свой даръ.
А яго жъ то даръ
Дарагій товаръ,
Куплёный, злюблёный.

(См. Шейнъ т. I, ч. II, с. 501, № 24, стр. 12.)

Подѣзжая къ двору невесты, поютъ:

Ой ѣхали барамы,
Цѣмными лясамы,
Шли ваду съ криничаньки,
Стой-пастѣй, мой канйчанька.
Ни мая дружинька,
Ни мая вирненькая,
Прыѣхаў Андрэйка къ варѣтамъ.
Яго коничакъ падъ злѣтамъ.
Павѣное пярэ на коню лягло

Па ягѣ галовачки,
На ряменнай збручачки,
Вышла цѣшухна витѣци—
Йонъ назадъ канѣмъ ступаци:
Стой, пастѣй, мой канйчанька!
Стой, пастѣй, мой вардненькій.
Ни мая дружинька,
Ни мая вирненькая.

Затѣмъ повторяется пѣсня сначала съ измѣненіемъ «вышелъ свѣкарка витати», затѣмъ вышелъ брахнейка. Когда наконецъ дѣло доходитъ до невѣсты, то оканчивается такъ:

Вышла Адарка витати,
Йопъ уперѣдъ канемъ ступащи:
Стой, пастой, мой канйчанька!
(Стой, пастой, мой вароненькій,

Во жъ мая дружныначка!
Вотъ мая вярненькая,
Во мая радзыначка,
Во мая радненькая.

Въ день свадьбы утромъ невѣста снова съ подневѣстницей обходитъ все село и кланяется троекратно каждому, промовляя: «Прашу миласци на высельля». Затѣмъ вскорѣ въ село въѣзжаютъ женихъ съ друзьями, сванками и своими гостями, которые всѣ вмѣстѣ называются побѣзжанами. Чѣмъ богаче свадьба, тѣмъ больше побѣздъ. Когда уже всѣ собрались въ хатѣ, туда вводитъ торжественно «молодую» при слѣдующей пѣснѣ:

Ступила Дунычка на парогъ
Сустрѣу яіе Гасподзь—Богъ.
Доля яіе щасливая,
Добрая гадзыначка,
Богъ яіе сустрыкае

Прячистая святая,
Доля яіе щасливая,
Добрая гадзыначка
Су сёю радзыначкай

Передъ тѣмъ какъ отправиться къ вѣнцу, дружкѣ ставятъ всѣхъ въ хатѣ въ рядъ: молодую съ молодымъ, затѣмъ разныхъ братенниковъ (двоюродныя братья), золовокъ, свояченицъ и проч., приказываетъ всѣмъ взяться за руки, самъ протягиваетъ руку невѣстѣ, заводитъ ихъ въ этомъ порядкѣ за столъ и садитъ такъ, чтобы невѣста попала въ конецъ стола. Тутъ повторяется остатокъ древняго обычая купли невѣсты. Мизеный братъ продаетъ косу сестры повѣренному жениху—дружкѣ, который подноситъ брату чарку горѣлки на деревянной тарелочкѣ и нѣсколько копѣекъ денегъ. Братъ не беретъ, отказывается, говоритъ, что коса сестры «дараджѣй стоиць»; его уговариваютъ и послѣ торговъ набавляютъ еще нѣсколько копѣекъ, но вся сумма ограничивается по большей части пятакомъ или гривенникомъ. Когда коса продана, невѣсту окружаютъ подружки. Подневѣстница расилетаетъ косу, прочія «жаѣласна паюць». Молодая, разставаясь съ своей «дзявицкай жысцю», тихо роняетъ слезу за слезой, опустивъ голову.

Ни братъ касу трѣпля,
Ни братъ расплитая,
Чужа—чужаница,
Красная дзявица
Па валасу разбирая,
Па слезцы раняя,
Русаю косачку братъ прадау,
Идзѣ-жъ ты уплѣткі падзѣвау?
На стаѣ паклау,
Мѣншай сястрицы падавау,
На жъ табѣ, сястрица.
Сястрины уплѣткі.
Судзи, Божа, табѣ то,

Хоць ни сѣлята,
Дыкъ на толѣта (въ этотъ годъ)
Абъ такой парѣ якъ йета.
Йета табѣ, Просичка за тоіе,
Што пляла косачки у тройе.
Плесць было косы,
У чатыре ряды,
Жыць было съ татухнай
Да чатыри гады.
Запляла ты косачки рядамы,
Прыѣхау Іванъ да зъ дружкамы (bis)
Расплѣу косачки съ шнуркамы.

Въѣзжая въ церковь дружки просятъ у «радзыцялѣвъ» невѣсты подорожную и вручаютъ имъ флишку съ горѣлкой и чарку. Обычай таковъ: всякій, кто встрѣтится съ веселымъ побѣздомъ, имѣетъ право требовать «падарджай» т. е. по чарцы гарѣлки». Отказа въ этомъ случаѣ не полагается. По пути къ церкви поютъ:

Ой попя, попя Гардзёу,
Звинчай дзѣтачакъ у надзелѣ.

Ой попя, попя,
Бацька нашъ,

Звинчай дзѣтачакъ
У добрый часть.
А кали ня будзишъ винчацц,
Будуць твайи кудзяркы трышцацц,
Якъ лѣтый марозъ на дварѣ,

Такъ твайе кудзяркы на галавѣ.
А мы ѣдимъ къ пану,
Вязёмъ грѣшій капу,
А кали зъ яго маля,
Штобъ яго разарвала.

Ўдучи назадъ изъ церкви поють:

Съ падъ вянца Ганначку, съ падвянца
Зламанла зъ бярэзы верхауца ¹⁾,
Стой, мая бярэза, бизъ вирха,
Бизъ шырокаго лисцейка,
Живи, мая мамухна, бизъ мянѣ,
Бизъ мае русыя косачки

Бизъ дзявоцкія крѣсочки.
Ой радъ радзінёкъ Хвѣдарька
Што—й—у божаемъ дамку пабываў,
На бѣламъ рушничку пастаяу,
Зъ правыя ручачки персцины здѣў
Да на свайю Дунячку поглядзѣў.

(с. Росуха, заучено мною на свадьбахъ въ 1859 году).

Подѣзжая ко двору поють:

Запалі, матка, свѣчку,
Выйдзи на сустрѣчку,
Ци пазнаешъ, мацц,

Ты свайго дзцяццу,
Да ужо-жъ твайо дзця
Звѣнчана ѣдзя.

(с. Росуха, заучено на свадьбахъ въ 1859 году).

А мы были, у Бога
У Духа Святога
Да мы бачыли (bis)
Два вянцы на сталцы,

Трепцій на галоваццы,
На русай косачки,
На шауковай сцезачки.

(с. Яблонка, Мглинского уѣзда, со словъ 60-лѣтн. женщины).

При появленіи на порогѣ молодой, ее встрѣчаютъ пѣніемъ:

Ой тучка, наша (тучка) Дунячка
Па небу ишла тучамы,
Изъ неба сыйшла дажджамы,

Па ряцѣ плыла вѣтачкай,
У сѣни выйшла паваяу,
За сталдмъ сѣла паннау.

(с. Лупеки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 40-лѣтн. женщ.).

По пріѣздѣ изъ церкви жениха,—невѣсту и побѣзжанъ садятъ за столъ. Затѣмъ мать вноситъ на «вечкѣ» ²⁾ подарки—рукодѣлія невесты: маленькіе платочки изъ льнянаго холста, кусочки для рукавовъ, рушники.

При этомъ поють приличные случаю пѣсни:

Што—й у вардичкахъ рѣчачка,
Кала тыя рѣчачки—сцезачка,
Ой тамъ Дунячка хадзіла,
Тонкія надарачки бялила,
Годзы ³⁾ табѣ, дзѣвачка,
Падаркау бялици,

Ужо твайе падарки бялѣньки,
А ужо твайе баяры близенька,
Ужо твайе баяры у пѣли,
А хоць у нѣли, ни у поли,
Да нехай будуць здоровы,
Ще—й мае подарки ни гатовы.

(с. Манюки, Новозыбковского уѣзда, отъ 16-лѣтн. женщ.).

¹⁾ верхушка. ²⁾ крышка отъ дежки. ³⁾ Полно.

При появленіи матери съ подарками начинаютъ пѣть:

Паузе, паузе да мурашачка
Нясе, нясе да падарачки,
Падарки бяленьки
Ать слѣзакъ макренки,
А казали—Гавначка ни пряха,
А казали—Гавначка ни ткаха,
Яна-жъ рана уставала,
Яна тѣленька пряла,
Часценька ўсе ткала.

Бѣленько бялила,
Уснѣмъ свайнѣмъ баярамъ дзяліла,
Жоднаму ¹⁾ дзевирю па рушничку,
Жоднай залоўці па нямеццы ²⁾,
Была скрыня ³⁾ поўна,
Цяперъ палавина,
Мацеръ атабрала,
Баяръ даравала.

(с. Лунеки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 40-лѣтн. женщ.).

Въ это время подносятъ гостямъ по старшинству, съ поклономъ, чарку горѣлки и подарокъ, окрестной матери непременно чоботы или башмаки съ слѣдующими словами:
«Штобъ ни шагѣўны были да заудзяшні ⁴⁾ прийнялі.

Гулѣ, гулі пчолы
Къ вудлю принадаючи,
Плакала Марычка,
Къ кублу ⁵⁾ прилягаючи,
Ой кўбле, мой кўбле

Да што—й у цябѣ бубня?
Зиму пряла, вясну ткала,
Лѣцячка бѣлила,
За адзінъ часъ раздзялила.

Кромѣ знанныхъ гостей, дивница виселья пдѣть все село, старый и малый, подъ окнами, во дворѣ, въ сѣняхъ, въ хатѣ, на полатахъ и даже на лѣчи забираются посторонніе зрители (которымъ впрочемъ не полагается никакого угощенія).

Дружкѣ и хозяева то и дѣло снуютъ по хатѣ съ угощеніемъ: въ правой рукѣ бутылка съ водкой, въ лѣвой прикрытая холстомъ деревянная тарелочка съ полной чарочкой, которую безпрестанно подносятъ къ гостямъ, «часіуюць усихъ».

Поютъ, шумятъ, говорятъ,—кто во что горѣздъ; настоящая ярмарка. Молодець подъ музыку танцуетъ гдѣ-нибудь на вольномъ воздухѣ подъ повѣтью ⁶⁾, не смотря на зимнее время, а подчасъ и морозы.

Затѣмъ слѣдуетъ обѣдъ, сопровождающійся тоже большою выпивкою. Послѣ обѣда женихъ и преимущественно молодежь запрягаютъ своихъ коней и переѣзжаютъ на заранее приготовленную для нихъ квартиру въ одномъ изъ сосѣднихъ дворовъ.

Туда забираютъ музыку, привезенную женихомъ водку, сало, колбасы и пр. Это и называется: «свашки гуляюць».

Што—й цѣща зяця
На вячѣрю звала,
Да сахѣрный кусокъ
На блюда клада.
Приляцѣ сакодъ
Разсыпау сахѣръ

Крыльцамы, нѣрцамы ¹⁾
Па століку разнасиу,
Якъ пріѣхау зяць,
Нечымъ частаваць,
Маладую Лукирку
Да—й треба атдаць.

(д. Лунеки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 34-лѣтн. женщ. въ 1894 году).

Когда свашки нагуляются, передъ концомъ пира начинаютъ напоминать молодому, что пора ѣхать во дворъ къ тестю за невѣстою, которая уже соскучилась «по свайомъ дзяццнкі».

¹⁾ Каждому. ²⁾ Головное бѣлое покрывало. ³⁾ Сундукъ. ⁴⁾ Съ благодарностью. ⁵⁾ Дежка съ ушками и крышкой для бѣлья. ⁶⁾ Четыре столба и сверху крыша.

На руцѣ ¹⁾ мяцѣ жоутый цвѣтъ,
 Чаго цябѣ Андрѣичка досюль нѣтъ,
 Цябѣ Ховрачка даўно ждзецъ,
 Изъ застолийка вонъ найдзецъ,
 Писала бѣ письмо—ни ўмѣю,
 Паслала-бѣ пасла—ни смѣю.
 Сама бѣ я пашла—баюся,
 Шѣ чыстаго поля вярнуся,
 У чыстамъ поли старѣжа,
 Тая старѣжа спаймая,
 На русай касѣ угадай,
 Йета кдсачка расплячѣная,
 Йета дзѣвачка обвѣнчаная.—

У панядзѣлакъ рана
 Да сinya моря йграла
 Сосьняйка купалася,
 Адарачка умывалася,
 Бялила забыла,
 На камени палажила,
 Каму ўхаць па бялила?
 Дружковъ конь ня кованъ,
 Яго вазокъ ни мўлѣванъ,
 Каму ўхаць па бялила?
 Данилкинъ конь да подкованъ
 Й вазокъ яго памўлѣванъ,
 Яму ўхаць па бялила,
 Яму ўхаць па бялилычка.

Между тѣмъ, въ домѣ невѣсты подъ вечеръ начинаютъ дарить молодую. Всѣ сидятъ чинно за столомъ.

Поднимается дружокъ и выкрикиваетъ по очереди имена родичей и гостей: Йосць тутъ, йосць Домна Посулавна хресная маці? Чимъ вы нашаго маладога князя и маладую княгиню надаруице? Ци валомъ, ци канѣмъ, ци битымъ чирвонцамъ?

Люди болѣ близкіе дарятъ живностию на новое хозяйство, какъ напр. овечку, телушку—другимъ годкомъ, поросеночка-годовичка.

Прочіе, въ особенности дѣвки, дарятъ кусочки льнянаго холста, рушники, а большинство на ту же тарелку, на которой подносятъ горѣлку, кладетъ какую-нибудь мелкую монету и выпиваетъ подносимую чарочку.

А иной шутникъ закричитъ:

Дарю маладога князя и маладую княгиню подаркамъ: тымъ канѣмъ, нѣмъ пп дагонимъ усимъ сяломъ, и при этомъ выпускаетъ изъ рукъ воробья.

Тутъ же «дзѣўки дражнюць» маладога въ припѣвахъ:

У нашаго маладога
 Да усѣ ни людное,
 Шубка сабача,
 Шапка цялячча,
 Чабицѣки парасяччы:

Шапка риуне,
 Шубка брѣхне,
 Чабицѣки писнуць,
 Дружкѣ черці стиснуць.

(Заучено мною на свадьбахъ въ с. Росухѣ въ 1859 году).

Да куда ты, Дарьячка, глядзѣла,
 Да каго ты сабѣ выгледзѣла?
 Йонъ гарбать, грыбать, ни пригожь

Савинныя вочачки, чаплинъ носъ,
 Кулы цябѣ, дзівачка, чортъ панесъ.

(Заучено мною въ с. Росухѣ на свадьбахъ въ 1859 г.).

Дружокъ сначала гуляетъ съ свашками, а затѣмъ приходитъ въ хату, гдѣ дарятъ молодую.

Дѣвки въ припѣвахъ «дражнюць дружка».

А казали сваты багаты,
 Ажъ яны убоги,
 Йихъ кони бизноги,

Сами пашкомъ ишли,
 Жаниха у мяшку нясли (bis)

(д. Яблонка, Мглинскаго ўѣзда, со словъ 60-лѣтн. женщины, въ 1890 г.)

¹⁾ На рутѣ.

Дружкѣ каравай дѣля,	Да ўси съ кашалямы,
За йимъ да жана хѣдзя,	Што—й у ротъ, што—й у кишеню,
Семиро дѣтакъ за сабою вѣдзя,	Штобъ былѣ на вячѣрю.

(с. Пилипча, Городнянскаго уѣзда, со словъ 27-лѣтн. женщ., въ 1897 году).

Идзы, дружкѣ, у хату	Галѣдзинь, дядзя, галѣдзинь
Пага на парѣзи,	Зъ галѣднаго краю!
Рука на палицы,	Па цѣламу сухарю кусас,
Шукал палинницы.	Па цѣлай скѣбцы глытае.

(Отъ той же 60-л. женщ. въ д. Яблонкѣ).

Дѣвуки дружка били,	Хто идзе, тѣй пытая,
Хахолъ абарвали,	Чѣй хахолъ лятае?

(с. Росуха, Мглин. у., со сл. 30-лѣтн. женщ.).

«Дражнюць» также поднявѣстницу и поджанишника:

Надпивѣсница псица,	И гарэлачки ня пѣе,
Сядзиць якъ лисица,	И пѣсянь ня пѣе.

(Заучено мною въ 1854 г. на свадьбѣ въ Разсукѣ).

Поджанишничавъ маладѣй	За хвостъ падвядзье,
Пагнаў кацягъ да вады,	Каторая пабяжыць,
Каторая ня йдзе,	Ионъ тую прыдзяжыць.

Остальное время молодая проводить среди своихъ «таварышакъ». Ихъ всѣхъ сажають за отдѣльный столъ или отводятъ въ другую хату. Молодой и дружкѣ эти часы остаются «у сватакъ на хватори.

У молодой поются прощальныя пѣсни предъ разлукою съ подругами:

Кацилиси игрушки зъ вярхушки,	Якъ намъ съ тобою растрица ¹⁾ ,
Пакидають Марьячку падружки —	Да якъ мѣсячку зъ зарёю,
Дружачка наша, Марьячка	Такъ намъ, Марьячка, съ тобою.

(Заучено мною въ с. Росукѣ въ 1858 году).

Щабитала чачочатка падъ кусцикамъ сидзючы—
 Божа мой миластны, идзѣ жъ майо лѣта дѣлася?
 Идзѣ жъ майо цѣнлаа?
 Ни на кусцику расйцы,
 Ни падъ кусцикамъ травицы,
 Божа мой миласны,
 Идзѣ жъ майо лѣта дѣлася?
 Идзѣ жъ майо цѣнлаа?
 Плакала Гарпиначка,
 За столикамъ сидзючы,
 Божа мой миласны,
 Идзѣ-жъ мая краса дѣлася,
 Идзѣ-жъ мая дзявоцкая,
 Ни на галавѣ вяночка,
 Ни на ручацы пирецянёчка,
 Идзѣ-жъ мая краса дѣлася,
 Идзѣ-жъ мая дзявоцкая?

(с. Лунеки, Стародубскаго уѣзда, отъ 38-лѣтн. жем., въ 1896 году).

¹⁾ Разстаться.

Вячерай, Дар'ячка, вячерай
У свайго роднаго бацюшки.
У лютаго свекра сядзуць вечераць,
А цябѣ маладѣ
Пашлюць на ваду,
Тамъ вѣды глыбокія, горы высокія.
Вадзіцы прынёсешъ

Кѣжнаму наднясешъ,
И старѣму и малѣму,
И Иванцы маладѣму,
Збярешъ ложкачкі,
Сатрэшъ крошачкі,
Вѣзьмуць цябѣ слёзачкі.

(с. Човпня, Стародубскаго у., отъ 50-лѣтн. женщины).

Уси вѣтачки зъ вѣзара пływуць,
Ой рана, рана пływуць.
Адна вѣтачка заставалася,
Ой рана, рана заставалася.
На каго яна спадзівалася?
Ой рана, рана спадзівалася
На таго сылязеньку, на касѣтаго,
Ой рана, рана, на касѣтаго,—
Сылязеничка, ни пакинъ мянѣ.
Уси дзѣвачкі зъ застольляйка ндуць,

Ой рана, рана зъ застольляйка ндуць,
Адна дзѣвачка засталася,
Ой рана, рана, засталася.
На каго яна спадзівалася?
Ой рана рана спадзівалася
На таго дзяцінку, на маладѣга—
Ой рана, рана на маладѣга,—
Ты, дзяціначка, ни пакинъ мянѣ,
Ой рана, рана ни пакинъ мянѣ.

(д. Лупеки, Стародуб. у., отъ 38-лѣт. жен., въ 1895 г.).

Палягла яра пшавица на пяску,
Павиуся хмѣль по ляску.
Признайся, дзѣвачка, хто табѣ миль будзѣ,
Хто у цябѣ мялюсенькій?
Миль жа мнѣ, дзѣвчичкі,
Мой родный бацюшка.
Ни праўда, дзѣвачка,
Ни праўда, душачка,
Ни праўдачку кажышъ
На вѣрная слѣуцо.
Миль жа мнѣ, дзѣвачкі,

Да мой родный брахнейка,
Ни праўда, дзѣвачка,
Ни праўда душачка
Ни праўду кажышъ.
Миль жа мнѣ, дзѣвачкі,
Маладый Андрэячка.
— Праўду, дзѣвачка,
Праўду, душачка,
Праўдачку кажышъ,
Вѣрная слѣва.

(с. Новоселки, Стародубскаго у., со сл. 20-лѣт. дѣвки, въ 1897 г.).

Якъ табѣ, мѣсячку,
И зъ зарѣй разайціца?
— А я найду на забѣлаччу,
Съ туманамъ абнимуся,
Дождыкамъ абальюся,
И за гарою разыйдуся.

Якъ табѣ, дзѣвачка,
Якъ табѣ, красная,
Съ падружкамы разайціца?
А я пайду на застольляйку
Слѣзкамъ абальюся,
Зъ дзѣвачкамы разыйдуся.

(с. Новоселки, отъ той же).

Но вотъ солнце уже закатилось, огни давно зажжены. Последніе часы подъ батьковымъ кровомъ пдуть для молодой быстро. Прощальный вечеръ съ подругами близится къ концу.

Слышится издали топотъ коней, скрипъ саней или колесъ: ѣдутъ потѣзжане забирать молодую. Развеселія, подпившія свашки поютъ пѣсни:

Атдаіца намъ дзѣуку,
Атдаіца й пасцельку,

Навалѣчки у кружки,
Дзярѣгѣ ¹⁾ у ряды.

¹⁾ покрывало, замѣняющее одѣяло.

А мы Маръяццы рады,
Атдайца намъ рѣдно,
Яна у мамачки адна,
Штобъ ноги ни тарчали

Сабаки ни гирчали,
Людзи ни варчали,
Трысца маццы у пятки,
Што-й некому падмесць хатки.

(д. Яблонка, Мглин. уѣзда, отъ 65-лѣт. женщ., въ 1890 году).

Ня дзивицьесь, прыданки,
Што каротки падарки,

Ляны ни урадзили,
Падарки укарацѣли.

(Заучено мною въ 1859 г. на свадьбахъ въ с. Росухѣ).

Заслышавши скрипъ вѣрогъ и пѣсни, дѣвки за столомъ въ свою очередь поютъ:

Прыѣхала Лытва,
Будзи у насъ битва,

Будзимъ ваеваци,
Ховрачку ни атаваци.

(д. Луцки, Стародуб. у., со сл. 35-лѣт. жен., въ 1891 г.).

Если Лытва, въ лицѣ свашекъ мѣрнаго характера, то она вѣжливынко приглашаетъ дѣвокъ удалиться:

Дзѣвачки панянки,
Уважыця намъ лаўки.

Дѣвки отпѣчаютъ:

А вы, свашки гаспадѣ,
Пожалуйця вы сюдѣ.

Если жъ свашки съ задоромъ, то поютъ:

Дзѣвочки зъ застолья,
Якъ сѹчки съ паднолья.

На это дѣвки, не вставая изъ-за стола, отвѣчаютъ:

Торна сѣежка, торна
Атѣ стала да прынячку

Свашки утантали
Памыйи хлибали ¹⁾).

(д. Луцки, Старод. у., отъ той же).

Между тѣмъ, по обѣ стороны молодбѣи сидятъ ея родичи, и потому дружка покупаетъ мѣсто возлѣ нея для молодого. Съ него запрашиваютъ 100 рублей и вскорѣ переходятъ на копѣйки съ придачей чарочки на традиціонной тарелочкѣ. Тогда дѣвки встаютъ изъ-за стола, и дружкѣ въ нагрудъ за уступку молодой, раздаетъ имъ каждой по ленточкѣ, между тѣмъ, какъ они поютъ:

Ци я у цябѣ, мамачка, ня дзницятка,
Што ты мянѣ у йегу ночь
Атсылаишъ прочь,
Свѣчачки у руки ни дайдешъ

И правадничка у слѣдѣ ня плешъ.
Вотъ табѣ свѣчачка—мѣсячка,
Вотъ табѣ правадникъ Хведарка.

(Отъ той же д. Луцки).

¹⁾ Хлебали.

Дѣвки уходятъ изъ хаты, а сванки поютъ:

Ужо кони запряжаны,
Ужо вазы завернуты,

Населька наслана,
За мной маладой прислана.

(Отъ той же д. Луеки).

Шаўковая нитачка къ сцѣни льве,
Просичка татухни чадомъ бѣе.
Добрѣ ночь, татачка, добрѣ ночь,
Нашто атдаў дочку ни на ночь,

Ни на адну почку—на увесь вѣкъ?
Ни адну цибѣ маладу,
А уснхъ дзѣвачакъ, што у раду.

(Отъ той же д. Луеки).

Выгрябай, матка, жаръ, жаръ,
Кали табѣ дачкѣ жаль, жаль,

Закидай матка дровы,
Аставайцесь здаровы.

(Заучено на свадьбахъ мною въ 1858 году).

Маладую уже одѣваютъ въ путь, дружно «падпирываю яѣе поясамъ».
Родители берутъ образа, при пѣніи:

Ни стой, татачка, у парози,
Ужо твая госцейка у дорози,
Пристунись къ століку близинька,

Накланюся я табѣ нйзвинька,
Коскамы зямельку усялю,
Слѣзками пожачки абалью.

Слѣдуетъ благословеніе и неминуемый плачь. Молодые уходятъ съ образами въ рукахъ, за ними побѣжжане съ пѣснями.

Азирнися, маці,
Ци уся симія у хаці,

Вяліка царбина,
Нема симъяннина.

Въ это время на возъ кладутъ перину, подушки, садятъ на нихъ молодыхъ, даютъ имъ въ руки хлѣбъ-соль, образа, а на голову набрасываютъ бѣлую скатерть.

Поѣздъ двинется съ пѣснями, музыка и «подорожная» здѣсь же въ запасѣ, на случай кто встрѣтится и потребуетъ свадебнаго угощенія.

Но въ этомъ поѣздѣ такой обычай не всегда выполняется; встрѣчающійся прежде всего смотритъ, въ какомъ состояніи дружки. «Кали дружки пьяны, лучшей ни чапай (не трогай) ихъ, ни дадучъ канальи гарэлки, усю самы параспивали у дарози, и аттаго што пьянаму законъ ни писанъ, а то яще якой у хмелю, чаго добраго выла-пца, вѣдама, что у твирѣзаго на вумѣ—у пьянаго на языкѣ.

Въ поѣздѣ поютъ:

Та-ра-рай, калески, та-ра-рай,
Павязли Таянку съ пекла ў рай:

Тамъ живуць людзи чужыя.
Тамъ ядучъ хлѣбы пушныя ¹⁾

(Заучено на свадьбахъ въ 1866 году).

Въ этомъ припѣвѣ слышна насмѣшка: хороше молъ рай, гдѣ вѣдятъ хлѣбъ по-добнаго качества.

Вообще при этомъ поѣздѣ всѣ припѣвы шуточные, такъ какъ побѣжжане «на-веселѣ». Иногда поддразниваютъ молодую такимъ образомъ:

Стукнули, грюкнули на дварѣ,
Подзивись, мамухна, ци ни памянѣ.
Гатуй, мамухна, кўбло мнѣ.

Бдзь, мая дачунька, безъ кўбла.
Чаму ты мычачки ни скубла.

(Заучено мною въ 1858 г. на свадьб. въ с. Росухѣ).

¹⁾ Съ примѣсью макины, макухи и проч.

Пастойця, кони,
У чистамъ полі,
Пастойця!
Забыла маці
Пярыну даці

Пастойця!
Ня такъ забыла,
Якъ ні зрабіла,
Пастойця!

(Заучено мною на свадьбахъ въ 1859 году въ с. Росухѣ).

У полі, у полі лашника,
Нема у Лукірки пасцілки,
У полі, у ноли калюжки,

Нема у дзѣвачки дзярюжки,
Йосць идзѣ навярнуца,
Да нечымъ напярнуца.

(д. Яблонка, Мглинскаго уѣзда, со сл. 60-лѣтн. стар. въ 1891 году).

Ні ляжаць было на печкі,
Ні дрыгаць было нагамы,
А шавалиць мычку рукамы ¹⁾,

Я была адну надзѣла,
Рыбиты ірышлі хвалилі
Да тую мычку спалілі.

(Отъ той же, въ д. Яблонкѣ въ 1891 году).

А мы ѣдимъ бѣрамъ,
Жоўтымі лискамы,
Цёмнымі лискамы,
Мѣсяць дарожку асвяду,
Брацець сястрицу правадну—

Їдзѣ, мая сястрица, здарова,
Вяліка твая дарѣга,
Твая дарожка шырока
Атъ бацькі—маткі далеко.

(Отъ той же, въ 1896 году).

Подъѣзжін ко двору свекра ноюць:

Атчыні, мамачка, бацькоу дворъ,
Прыѣхау къ табѣ сынъ на дворъ,
Да ні сь сянною капою,

Да зь маладою жаною,
Сь твайой вѣрнай слугою.

(Заучено мною на свадьб. въ с. Росухѣ въ 1861 г.).

Выйдзі, мамухна, палядзі ²⁾
Да што мы табѣ прывязлі.
Прывязлі мы табѣ
Скрыню—пярину

Ї маладую княгіню.
Вотъ табѣ, мамачка, служачка,
А мнѣ маладцу—дружачка.

(Заучено мною тамъ же въ 1861 году).

Свекоръ и свекруха сь хлѣбомъ выходять встрѣчать новобрачныхъ къ самому возу. Тѣ сь своей стороны также подають имъ хлѣбъ и, слѣзши сь телѣги—«кўлемъ» въ ноги сь поклономъ—сынъ матери, невѣстка свекру.

Затѣмъ имъ подносятъ по рюмкѣ водки, которую пригубивши каждый выпиваетъ черезъ свое плечо и голову назадъ. Дѣлается это для того, чтобы все худое осталось позади.

Мать жениха ведетъ ихъ прямо въ клѣтъ (холодный амбаръ), не смотря ни на какіе морозы. Вотъ почему перины и разныя дерюги считаются самымъ важнымъ и необходимымъ приданымъ.

Боляре же входятъ въ хату, и начинается «гульня», музыка, пѣсни, танцы. У каждаго изъ взрослыхъ членовъ семьи въ рукахъ пляшка сь горѣлкой, и гостей не перестаютъ обносить круговой чаркой и поють пѣсни.

¹⁾ Прясть ленъ. ²⁾ погляди.

Выхвалилися калина
Свайимъ лугамъ широкимъ:
Нихто мяне ня выламаю
У кусцику зялёнамъ.
Абабраўся марозъ—
Ня выхвалися калина,
Я цябѣ выламаю,
Изъ луга широкаго,
Изъ кусцика зялёнаго.

Выхвалалася Марынка—
Нихто мяне не высватая
У бацюшки у багатаго.
Абабраўся Иванпчка—
Ня хвалися Марынка,
Я цябѣ высватаю
У бацюшки, у багатаго,
Изъ рода вяликаго.

Если молодая до замужества не потеряла своей невинности, то свашки торжественно садыт ее на хлѣбную дежку, заплетаютъ косы, надѣваютъ новоникъ, поводятъ голову платкомъ и вводятъ въ хату съ припѣвомъ.

А спасиба, сваццяйка, за дачкѣ,
Што вадзіу дачку у хвартучкѣ

За шаўковымы шнуркамы,
За залатымы замкамы.

Этотъ безцеремонный варварскій обычай существуетъ и понынѣ. Кромѣ того свашки неминуемо срамятъ молодую, не сохранившую своего дѣвства, разными припѣвами; наприкладъ:

Падъ ёлкай спала,
Ня дзѣўкай устала,
Зъ гары скаццлася,
На сукъ прабилася.
Ня жджы, свекарка, калины
Гатуй кабана на ксцины ¹⁾.
Ня цвила казина абъ Пятрѣ,
Зацвила калина абъ Раждвѣ ²⁾.
Падъ той калинай
Варачка сядзѣла,
Ножкамы калинку задзѣла,

Ручкамы ягадки щипала;
У галоўки клала бѣлы цвѣтъ,
А у ножки клала чырвоны.
А на яіе калинка калнула,
На Варачку ўся радзинка глынула,
А учора была, якъ рожа цвила,
А сяньни ⁴⁾ стала якъ рыба зъвяла,
Якаво табѣ, Варачка, цяперя,
Што чужая радзина абѣла,
Зъ лѣваго боку байры,
Съ праваго боку Андрэйка.

(См. Шейнъ т. I, ч. II, ст. 29, № 33, съ 10 строчки).

Припѣвовъ на эту тему масса, но всѣ они настолько не цензурны, что трезвый не рѣшается даже ихъ повторить и отъывается о нихъ такъ:

А свашки варзюць што пачало.

Затѣмъ къ полуночи или предъ разсвѣтомъ (смотря по разстоянію пути) пріѣзжаютъ «придани» т. е. присланные гости изъ дома невесты. Они привозятъ съ собою «скрыню», т. е. сундукъ съ приданымъ. Въ дорогѣ придани поютъ:

Свѣля мѣсяцъ надъ зарёю
Раннымъ рано, ранюсинька,
Брацець ѣдзю за сястрою
Раннымъ рана, ранюсинька,
Пастой, систра,
Ключи зъвязла

Раннымъ рано, ранюсинька.
А я у цябѣ, брахнійка ³⁾
Ня ключница,
Йосць у цябѣ
Жана у дварѣ
Варнѣй мянѣ.

Передъ воротами поютъ:

Мы свата ни знали,
Намъ люди сказали,

У воротахъ ялина ⁴⁾,
Сяредъ двара чырвона калина,

¹⁾ крестбины, крестины. ²⁾ Рождество. ³⁾ братецъ. ⁴⁾ ёлка.

Падъ той, падъ калиначкай,
Маладая княгиня,
Пусци сваццяйка у хатѹ

Хоць за печкаю пасядзѣць
Да на нашу Варечку
Паглядзѣць.

Выйдзи, Дарычка, кь намъ у дворъ
Сабрауся сюды увесь твой родъ,
Вынаси калиначку,
Висяли радзінначку.
Вынаси чырванѣйшую
Висяли раднѣйшую.
Чыя жь йета да баарыня,

Па двару хадзила?
Андрѣйкава Дарычка
Па двару хадзила,
Сукнамы чырвонымы
Увесь дворъ урядзила.
Выйдзи, выйдзи, Дарычка
Княгиня!..

Тогда уже роль свашекъ оканчивается, всѣ гости молодого расходятся по домамъ и начинаютъ «гуляць придани». Гульня и выпивка продолжаются всю ночь до разсвѣта.

Если плохое угощеніе, то придани поють:

У нашаго свата
Вярбовая хата,

Усе зь вярбы, зь бярэзы,
Прыдани цвярэзы.

Если много водки и мало закуски, поють:

Сватъ добрый—свацця скупая,
Гарэлки багата, закуски нимаешъ ¹⁾
или:

Усяго багата,
Куряцины, гусяцины
Жареныя парасяцины.

У нашаго свата

(с. Гарцево, Стародубскаго уѣзда, со сл. 23-лѣтн. женщ.).

На ряцѣ вѹтка крѣча
Марынкина мацн плача,
Кахала, лилѣйила
Да некаго пабуджаци (будить)
Некаго насылацн.

На ряцѣ вѹтка сакоча,
Андрѣйкина мацн хахѹча,
Ни кахала, ни кукѹбила
Йосць кагѹ насылацн,
Йосць кагѹ пабуджаци.

(д. Лупеки, Стародуб. у.., отъ 35-лѣтн. женщ. въ 1899 г.).

Марычка у бацѹшки
Нѣжная была,
Ня ѣла хлѣба, а усѣ пирэги
Ня пила вадѣ, а усѣ мялы.

У лютаго свекра
Зь лёдамы вадѣ напѣцна,
Пушинога хлѣба наѣсца,
Да на вѣничку высницца.

(д. Яблонка, Мглинскаго уѣзда, отъ 58-лѣтн. женщ., въ 1897 г.).

Передъ выѣздомъ домой прыдани поють:

Прыданычки да дамѹ фдупъ,
Тацяночку тутъ пакидаюць,
Грышачны да приказуюць:
Ня би яіе да дубоцѹмъ,

Пакараіѣ дѹбрымъ слаѹцѹмъ
Да ня би яіе дубинаю,
Штобъ была гаспадыняю.

(Отъ той же въ д. Яблонкѣ въ 1899 г.).

На другой день молодая развѣшиваетъ свои рушники на иконы, подносить свекрови, кланяясь въ ноги, подарокъ и мететь хату, какъ бы въ знакъ того, что она уже съ этого дня становится соучастницей и помощницей въ хозяйствѣ.

«Веселья» продолжается и на другой день. Какъ же иначе! Пивши сутки «треба пахмѣлицца, а то на живацѣ ня здѹрава».

Поэтому, чтобы была заѣвка для выпивки, придумали еще нѣсколько обрядовъ; такъ гоняють молодыхъ къ водѣ, дѣлать коровай. Они сами сознають, что всѣ эти «бабскія прихмети» ¹⁾ выдуманы для приклики ²⁾, чтобъ гарэлку пиць». Но тѣмъ не менѣе утромъ сзываютъ опять всѣхъ бояръ, т.-е. свободныхъ званныхъ гостей.

Вотъ къ колодцу двинется цѣлая процессія съ пѣніемъ: впереди молодня съ ведрами на плечахъ, за ними дружкѣ съ высокими шестомъ, обмотаннымъ краснымъ поясомъ (вмѣсто флага) поютъ:

Што—й у виинамъ ³⁾ у калодязю
Лукирачка да вадѹ брала,
У свой край заглядала:
Ци ня идзе да мой татухна.

Ци ни вязе мнѣ падарачка
Салодкаго да наприничка?
Ни рада жъ я да пада́рачку,
А рада жъ я свайму татачу.

(Заучено мною въ 1861 г., на свадьбахъ въ с. Росухѣ).

Въ колодцѣ дружкѣ набираетъ ведра воды, молодые наклоняются передъ нимъ, а онъ выливаетъ воду черезъ ихъ головы.

Кромѣ того: къ количеству выпитой на свадьбѣ водки прибавляется еще угощеніе на банкетахъ: на слѣдующій день идутъ съ «верчамъ къ хрѣстнаму бацьцы и мацьцы», на 3-й день зазываетъ къ себѣ дружкѣ и затѣмъ по очереди всѣ свашки. Здѣсь уже свести итоги выпитому трудно. Наконецъ уже и сами начинаютъ сознавать, что пора кончить. Это видно изъ припѣва:

А да до́му сваццѣ да дому,
Да паѣли кони салому,

Саломки жменька—капѣйка,
Лусиный снанокъ—питачокъ.

(Заучено въ 1861 г. мною на свадьбахъ въ с. Росухѣ).

Послѣдніе годы эти обряды и банкеты начинаютъ сокращаться, и крестьянинъ съ сожалѣніемъ говоритъ: минаница уже прежнее, цѣперь у иншихъ и да вады ни ганяюць маладыхъ и уся гульня «абыдзень» ⁴⁾ канчанца, а усе йттого што вышли йета винаполья и гарэлка уздаражала.

К с ц и н ы.

(Крестины).

Въ намѣ еще недавнее время, когда въ деревенской глуши о медицинскомъ поsobіи и помину не было, среди крестьянъ большимъ почетомъ пользовалась «бабуля», т.-е. повивальная бабка.

Это не та баба шепотуха отъ Св. Духа, которая «съ тыхъ поръ варажыць стала, якъ хлѣба ни стала», нѣтъ это человѣкъ всѣмъ уважаемый, единственный, на все село, живущій «съ дастаткамъ у свайомъ дабрѣ», своимъ хозяйствомъ и готовый помогать болящимъ безкорыстно, чѣмъ можетъ.

Разбудите ее ночью, въ проливной дождь, вьюгу, мятель—отказать въ этомъ случаѣ она считаетъ для себя тяжкимъ грѣхомъ.

Платы ей за это «ни йкай ня треба» потому что браць грошы за по́мачъ чаловѣку—грѣхъ». Просятъ ее и не для однихъ спеціально родовъ, но «завѣе усякій, каму приключицца якды лиха».

Нельзя утверждать, чтобы подобныя бабки были безусловно чужды суевѣрію и нѣкоторыхъ предрасудковъ, но тѣмъ не менѣе онѣ служили да и теперь еще служить безпомощному крестьянину большимъ утѣшеніемъ и приносятъ въ иныхъ случаяхъ пользу уже потому, что это нѣкотораго рода массажистки, исполняющія свою

¹⁾ предрасудки. ²⁾ предлоги. ³⁾ винный—возлѣ винокурни. ⁴⁾ въ одинъ день. Срв. «о бы денка»—церковъ, построенная въ одинъ день.

обязанность съ глубокою вѣрою въ успѣхъ. Начинаетъ она свое врачеваніе болѣею частью «наша ¹⁾ сердца», положивши прежде всего три земныхъ поклона. «Богъ съ подмаччу и бабка зъ руки» говорятъ онѣ сами про себя, растирая въ банѣ горячимъ вѣшникомъ болѣную спину, напр., снизу вверхъ, приговаривая: «во якъ штобъ худая кроу расходилась и надымалась зъ долу у гору».

Правда, она въ это время хотя и шепчетъ что-то про себя, но это ничего болѣе, какъ молитвы: Помощь моя отъ Господа, сотворшаго небо и землю, Отче нашъ, Царю небесный и т. п.

Посмотрите на ея добродушное лицо, когда она, послѣ сеанса, съ веселой улыбкой, какъ гипнотизируя, заключаетъ, «ну скажи здорово, зъ гуся вода, съ Таньки худоба, да ни кряктацъ ²⁾ у мянѣ болшъ, а то часамъ и поддамъ, я баба сардитая». Какъ ни возмутителенъ обычный способъ вылизыванья языкомъ соринки изъ глаза» но обстановка и нужда въ нестложной помощи нѣсколько смирчаютъ вину невѣжественнаго оператора.

Заведутся ли жаркой порой у скотины черни,—есть у бабки въ лѣсу травка, изъ которой она выжимаетъ сокъ, мажетъ болѣное мѣсто. и скотина выздоравливаетъ.

Относительно вспомошествованія при неправильныхъ родахъ можно судить по рассказамъ самой повитухи. «Охъ! настрадалася Кулина Артюшиха за первымъ хлопчикомъ, йонъ у яйе ручкай ишоу, ну кажинный разъ ужъ и направляешъ ручачку, къ адной старонцы, пакуль дзиця на мѣсци стапя. Крѣпка трудзилась бѣдинникая, а усѣ-жъ слава Богу къ вечеру Господь ослабнну, Царица нябесная...

Отношеніе между бабкою и ея пациентами самыя пріязненныя, дружескія на всю жизнь. «Перябабиушы сабѣ унука або унучку»—бабка не покидаетъ родильницу и время отъ времени приноситъ ей на «поправку» какія нибудь вкусныя кушанья.

Въ день крестинъ приноситъ 3—4 лепешки хлѣба, булку и горшокъ каши.

Когда кумовья привезли уже отъ креста ребенка, и званые гости собрались въ хату, «парадиха» подноситъ бабкѣ подарокъ и, кланаясь въ ноги, говоритъ:

«Прасциця мянѣ, бабусичка, ня гнѣвайцяся на мянѣ, спасиба вамъ за вашу працу, што ни пагребавали ³⁾ мною. «Бабка въ это время набираетъ въ ротъ водки и брызгаетъ на нее. «штобъ суроцы ня брали» (т. е. отъ дурного глаза и языка).

Изъ пѣсенъ, которыя поютъ на «ксцинахъ», видно, что бабка пользуется болѣшимъ почетомъ и вниманіемъ, чѣмъ кумовья.

То—й ня стукъ стучиць,
То—й—ня грюкъ грючыць
По сѣнячкамъ, да па новинькимъ,
То Кирилка идзець да бабусячки.
А бабусичка дагадалася
Паскарѣсиньку убиралася
У адномъ чдбаци,
Да—й бизъ пояса,
У рукахъ нясець да нялѣначки.
Идучи, яна Богу молицца:
Аирастай, Божа, да двухъ душачакъ
Первую—вараждзѣную,

А другую—хрящѣную,
А Кирилячка да бабусю прося—
Дамъ табѣ мая Иванауна.
Чвертояку проса,
Дзяржы маго хрысциначку
За бѣлыя ручачкы.
Ни задавай йой, бабусичка,
Виликія мучачки,
Дамъ табѣ я чвертачку грэчки,
Падзяржы Хрысциначку
Падъ бѣлыя плечки.

(д. Водвинка, Мглинского уѣзда, со словъ 65-лѣтн. женщины, въ 1897 году).

Слѣдующую пѣсню можно считать за милую шутку, что для такой дорогой гостини принасенъ одинъ воробей на угощеніе.

Якъ пайдѣ я на гумѣнца ⁴⁾
Улаулю я вирыбейку;
Я згатаю ⁵⁾ яго

Для бабусички свайой.
Раскладу я вирыбейку,
На двѣнадцать страу ⁶⁾.

¹⁾ но тощахъ. ²⁾ кряхтели. ³⁾ пренебрегли. ⁴⁾ гумно или сарай, гдѣ складываютъ не молотую рожь. ⁵⁾ приготавливаю. ⁶⁾ строва—кушанье, блюдо.

Ѕжъ, мая бабуся, ни заласуйси
И у дворъ ни заласуйси

И у рукау ни кладзи
И дзницямъ ни няси.

(Въ 1897 г. отъ той же).

Литау вирябей,
Да па макаукамъ,
Увесь макъ пазыбау ¹⁾
Увесь чырвонный пазыбау,
Пасадзиу Гринячка
Бабусичку на куцѣ,

Увесь парядачакъ дау,
Пи, мая Иванауна,
Вино зилиндя
Сягдлѣта у мянѣ,
А на лѣта у цябѣ.

(Въ 1897 г. отъ той же).

Запряжыця, запряжыця
Да двананцацъ валду,
Атвязиця, атвязиця
Да бабусичку дамду.
Пѣшки прышла, да ня пѣшки найду.
Валы няйдучъ—упинаюцца,
Нехай же наша бабуса нагуляйицца.
Запряжыця, запряжыця
Каня варандга
Атвязиця, атвязиця

Кѣма маладѣга.
Конь ня-йдзе, конь прже,—упинайицца,
Нехай нашъ кумочекъ нагуляйицца.
Запряжыця, запряжыця
Кабылу гнядую,
Атвязиця, атвязиця
Куму маладую,
Кабыла ня-йдзець, усе брикайицца
Нехай наша кумачка нагуляйицца.

(с. Росуха, Мглинского уѣзда, отъ 60 лѣтн. женщины, въ 1899 году).
(См. Шейнъ бѣл. пѣс. т. I, ч. I, стр. 27, № 18).

Ѕхау кумъ сы кумю
Сы куминого двара,
Залатая карета

Сиребрная дуга.
А ты кумъ ни ляжѣ,
Падвяжы кумѣ гужы ¹⁾.

(Въ 1859 г. заучено со словъ 18-лѣтн. дѣвочки)!

Ни насжѣю у бабусячки папытаци,
Ци тутъ будзя начавацц,
Ци да дему паѣдзи?
Кали будзишъ начавацц,

Вядю пасцылячку слаци,
Вялѣ бѣленькаю,
Вялѣ таненькаю.

(д. Водвинка, Мглинского уѣзда, отъ 65-лѣтн. женщ., въ 1897 г.).

Ой дымна, дымна у сѣдзи,
Ой дымна, дымна у зялёнамъ,
У нашего Иванички
Да трѣя варѣтъ на дворѣ:
У первыя варѣццачки
Да сакѣль вылятау.
Ой дымна, дымна у сѣдзи,
Ой дымна, дымна у зялёнамъ.
У другія варѣццачки
Иваничка выѣжджау.
Ой дымна, дымна...
А у трѣцця варѣццачки
Да чалѣдачка бяжыць.
Ой дымна, дымна..
Вярнись, вярнись, дзйцйначка,
Ты назадъ.

Ой дымна, дымна...
Твайя жана табѣ сына радзила.
Ой дымна, дымна...
— Я длі сына у дворъ ни вярнуся
Сынъ у мянѣ—хазйинъ у дварѣ.
Ой дымна, дымна...
Вярнись, вярнись,
Дзйцйначка, ты назадъ
Ой дымна, дымна...
Твайя жана табѣ дачкѣ радзила.
Ой дымна, дымна...
Я длі дачкѣ у дворъ вярнуся
Дачка у мянѣ—госцейка у дварѣ.
Ой дымна, дымна у сѣдзи,
Ой дымна, дымна у зялёнамъ.

(д. Бородинка, Мглинского уѣзда, со словъ 78-лѣтн. стар., въ 1897 году).

¹⁾ sic, н ц вм. д с.

Што—й у нашего Мишачки
Да рублёная ¹⁾ клѣцъ
Пазавѣшана каурамы
Да да самыя зямли,
Што—й у той-жа да клѣцячки
Цясовая караватачка
Пазавѣшана каурамы
Да да самыя зямли.
Што—й на той жа караватаццы
Пуhavая да пасцѣлечка
Пазавѣшана каурамы,
Да да самыя зямли.
Што—й на той жа пасцѣлѣяццы

Тамъ ляжиць парадзільница
Пазавѣшана каурамы
Да да самыя зямли.
Што—й для ²⁾ тыя парадзільницы
Да сядзѣла да бабусинька
Пазавѣшана каурамы
Да да самыя зямли.
Ни пуская йена Мишачку
Да свайой Пятрдувы.
Якъ выйдзі йой три нядзѣли,
Сама сядзі надъ кудзелю ³⁾,
А кали йой шесць нядзѣль выдзі,
Тады йяна и сама прыдзі.

(Отъ той же, въ 1897 году).

Што—й у нашего Иванички
Винаградъ зяленый на дварѣ,
У нашего у Микалаёвича
Да вино на сталѣ,
Зіляндя на сталѣ,
Сабрау йонъ пиръ бясѣду
Да ня людзямъ, сабѣ,

Пасадзіу бабусичку на куцѣ,
Старенькую на куцѣ—
Гуляй, гуляй, бабусинька,
Ты сегодня у менѣ,—
Будзімъ ниць,
Будзімъ гуляць у мянѣ,
А на лѣта бабусичка у цябѣ.

Н а м а с л я н ц ы .

Въ концѣ Рождественскаго мясаѣда на всеядной недѣлѣ, кто не вышелъ замужъ, того «дражнюць» пѣсней:

Кала тыну хмѣль навивайицца,
Пванъ свайой дачкѣй набивайицца—
Вазьми, Ярохъ, майю дачку Марыначку,
Дамъ табѣ вѣна
Дзвѣ капы сѣна,

Лёльку—й—чубѣкъ
И пйцера сабакъ,
Рѣшата бѣбу зъ дачкѣю
И Богъ съ табою.

(с. Росуха, Мглинскаго у. со словъ 30 лѣтн. дѣвицы, записано въ 1896 г.).
См. Шейнъ бѣл. пѣс. т. I, ч. 1, стр. 549, № 688.

Врязнули ложки у века ⁴⁾
Пашли наши дзѣўки у лѣта,
Маслинка, бѣла вутка ⁵⁾,
Казала вясна: «буду да ня хѣтка,

Маслинка, пализѣха,
Працягнися ⁶⁾, маслинка,
Хаць да Духа.

(Отъ той же въ 1896 г.).

На маслянку поднившія бабы ходять привязывать колодки тѣмъ, кто не успѣлъ, въ этотъ мясаѣдъ выйти замужъ или жениться. Виновный долженъ откупаться или горѣлкой или деньгами.

¹⁾ Во многихъ пѣсняхъ упоминается рубленая хата, рубленая клѣтъ. Можетъ быть пѣсни эти относятся къ тѣмъ временамъ, когда большею частью жили въ шалашахъ и плотничное искусство только начиналось. ²⁾ Возлѣ. ³⁾ Сидеть прѣсть. ⁴⁾ Крышка отъ дождя. ⁵⁾ Утка. ⁶⁾ Продлился, протянися.

Здѣсь масляницу проводятъ болѣе скромно, чѣмъ въ сѣверной Россіи: зимой крестьянскія клячи по случаю плохихъ кормовъ бывають подѣль такъ занужены, что катанье никому и на умъ не идетъ.

Одни только зятя съ жонками обязательно на этой недѣлѣ ѣдутъ въ гости «икъ сцю» (т. е. тестю).

На видѣ отношенія между маткой и дочкой кажутся равнодушными, но на дѣлѣ онѣ питають другъ къ другу самыя нѣжныя чувства. Особенно если дочь выдана замужъ, тогда ея привязанность къ родителямъ удваивается: она положительно мечтаетъ о свиданіи съ родителями и ждетъ не дождется «маслянки».

Вотъ потянулись «съ панядзѣлка» по просѣлкамъ саночки одноконныя съ привязанной сзади спинкой, въ видѣ рѣшоточки. Это ѣдутъ съ своими мужьями «наши дачушачки» у своей родной дворъ, до свайго роднаго татухны.

Дауно я, дауно у татухны была	А я-жъ тыя дарожачки пратанчѣ,
И сцѣжачки и дарожачки	Чырвону калину паламаю,
Мўрамъ зарасли	Я й у свайго татўсячки пабываю.
Калиною чырвдоною,	

(д. Жигалки, Стародуб. уѣзд., отъ 17 лѣтн. дѣвушки въ 1898 г.).

Дачка матку прасила—
Матачка майя, я нѣга твая
Ни—ддавай ты мянѣ
Далѣка ать сябѣ,
Адай мянѣ у свайомъ сялѣ,
Близка для сябѣ.
Тиразѣ тры двары шырокія,
Тиразѣ тры сады зилыны.
Будуць мянѣ биць—ты пачўйишъ,
Ты, майя мамачка,
Мянѣ парятўйишъ,
Адала ты мянѣ
Далѣка ать сябѣ
Тиразѣ тры лясы—усѣ цѣмныя,

Тиразѣ тры гары—усѣ крутыя,
Тиразѣ тры рякі—усѣ глыбокія.
Будуць мянѣ биць—ни пачўйишъ
И ты, майя мамачка, ни парятўйишъ,
А я къ табѣ, мамачка, ни прыду,
Тиразѣ лѣсь буду йцыць, заблужуся,
Па рязѣ буду ильсьць—затаплюся,
На гару буду йцыць—ни узыду,
Я къ табѣ, майя матусичка, ни прыду.
Дзицїтка майо! тиразѣ лѣсь будзишъ ицыць,
Правяднячка вазыми,
Ты, майя дачушачка, ка мнѣ прыдзи,
На гарѣ будзишъ ицыць—
Цопочыкъ вазыми,
Ты, майя дачушачка, ка мнѣ прыдзи.

(Отъ той же, въ 1898 г.).

Хотя маслянка и названа «пализухой», но на самомъ дѣлѣ въ эти дни у крестьянъ большое сухоѣденіе: бабы жалуются, что нечѣмъ «стравы заправляць», саломъ—грѣхъ, молока и масла не имѣется, потому что захудалыя коровѣнки еще не отелились. Одно только и берегутъ они къ маслянкѣ—это собранный лѣтомъ сухой соленый творогъ, который, разбалтывая,—кладутъ въ борщъ, въ жидкую кашу, въ бульбу и во всѣ прочія кушанья. У кого нѣтъ этого творога, тѣ заправляютъ алѣмемъ, т. е. коноплянымъ масломъ. Но у большинства нѣтъ уже къ масляной ни того, ни другого, а потому варятъ «нищиминцу», которая на взглядъ нашего крестьянина вовсе не недостатокъ. Онъ ѣстъ ее приговаривая, «и за то спасибо Богу, абы хлѣбъ быу, а якъ хлѣбушка нема, во идзѣ горя».

Изъ боязни остаться къ веснѣ безъ хлѣба, они съ осени продають, какъ излишнюю роскошь, продукты, могущіе служить приправой къ кушанью, и взаменъ ихъ покупають себѣ желаннаго хлѣбца. Везъ него только ему жизнь страшна.

Выбѣтъ ли конопляное масло,—на домашній расходъ оставляетъ весьма ничтожное количество; соберетъ ли баба грибовъ, фунтика три масла коровьяго,—«якая жъ зъ яго наѣдка; скарфій треба прадаць, да хлѣбушка куниць, йонъ зъ восени дзяшеушы». Зимѣ и осень нашъ полѣсюкъ питается еще сравнительно сносно, но весной и лѣтомъ очень скудно, оттого итвыходить: «якая ѣда, такая и работа».

Посмотриши на него, идетъ онъ, какъ «пень черезъ колоду». Найдется ли на

подѣйщину—«паглядая якъ волю изъ надъ дуги», да и «у свайомъ дварѣ робя спа-
валя¹⁾», дзѣла ни вѣдукъ, у лѣсъ ня уцяке»; а между тѣмъ «туды никъ, сюды никъ и
дзень ни вяликъ».

М а р т ъ.

«Якъ нѣбудзь скартали зимѹ—вясна на дварѣ, стала на трохи и соннаяка
пригрываць».

Вотъ и великій постъ. Еженедѣльно народъ валитъ въ церковь, чтобы на пер-
выхъ недѣляхъ поста «аттавица, пакуль ни распустила».

Въ перемежку съ оттепелью, въ Мартѣ мѣсяцѣ бываютъ еще морозы, которые
такъ сильно скрѣпляютъ снѣгъ, что по поверхности высокнхъ сугробовъ можно не только
ходить безъ лыжъ, но и ѣздить на лошадахъ. Это называется «серѣнь». По серѣну снѣ-
шатъ перевозить изъ лѣсу бревна и проч. матеріалъ, на прямикъ, безъ всякихъ до-
рогъ. Во время серѣновъ течетъ кленовикъ, т. е. сладкій сокъ изъ кленовыхъ деревь-
евъ, а немного поздѣе «берѣзовикъ». Въ это время селяне подъ березами и кленами
разставляютъ чистенькія корытца, а березы и клены просверливаютъ, вставляютъ туда
пучекъ соломы, по которой и сбѣгаетъ сокъ въ корытцо капля за каплей. Затѣмъ, когда
корытца наполняются, березовикъ носятъ ведрами въ погребъ, выливаютъ въ припа-
сенную заранее бочку,—заправляютъ, и чрезъ нѣсколько времени получается квась—
великое подспорье весной, когда уже капуста и прочее варено съѣдено.

1 Марта—Евдокинъ; празднуютъ, не придуть.

9-го Марта.—«Сѣраки» т. е. сорокъ мучениковъ. Прилетаютъ жаворонки съ
теплыхъ странъ. Крестьяне некутъ сорокъ галушекъ изъ разнаго тѣста, сами ѣдятъ и
скоту даютъ: «такъ гадница²⁾», говорятъ они; 17-го празднуютъ Алексѣя человека Божія—
«Щука ледъ разбивая».

25-го Марта «благавѣщанья, балшый и радасный празникъ, щица гнязда ня уйѣ».

Весь постъ грѣхъ нѣтъ. Только 25-го Марта священникъ разрѣшаетъ водить
хороводы и пѣть.

Въ селлахъ и на поляхъ еще кое-гдѣ бѣлѣтся снѣгъ, а въ Росухѣ на Ласой
Горѣ, въ березничку уже сухо. Тамъ между побликшей прошлогодней травкой, кое гдѣ
выглядываютъ молодые зеленые листочки и тутъ же подъ кустомъ орѣшника, начи-
наетъ пробиваться подснежникъ.

Рада молодежь, что почувствовала подъ ногами пригрѣтую солнцемъ земельку
выѣсто «абрыдлага снѣгу».

Баслави, Божя,
Пѣсни зачынаци,
Вясну—красну гукаци.
Вясна красна,

Што ты намъ вынясла
Вынясла карабѣнь яйецъ
Дробнымъ дзѣтачкамъ на забаву
и рыбятчкамъ на пацѣху.

(с. Гарцово, Стародубскаго уѣзда, со словъ 26 лѣт. женщины въ 1895 г.).

Само собою разумѣется, что выбравшись изъ душной хаты на зеленѣющую горку,
молодежь хочется рѣзвиться и двигаться, а потому всѣ весеннія пѣсни сопровождаются
хороводами, танцами и играми.

— «Ну-ця, тайячки¹⁾, у луку гуляць», крѣпчѣтъ которая нибудь изъ нихъ.
И номѣстивъ въ кругъ двухъ, трехъ подростковъ, начинаютъ водить хороводъ и пѣть.

Лука майя, лука майя,
Лука зилиная,

Траука шаўкавая,
Што й на той жа на луцѣ

¹⁾ Не торопясь. ²⁾ Слѣдуетъ. ³⁾ Отъ слова та т а я.

Казакъ коней пася,
Па кладяцы, па вярбѣвай
Дзѣўка вадѣ нясе.
Лука, майя лука,
Лука зыльная,
Кладячка вярбавая.
Гнись, ни уламись,
Дзѣўка, дзявница,
Дай Паню вады напница.
Лука майя, лука,

Лука зыльная.
Ня буду пайницъ,
У мянѣ маці не радная
Будзе мянѣ биць
Колкаю шуншынаю ²⁾,
Стрыкучаю да крапиваю,
Вялицъ поуны ведры браць,
Ни вялицъ атливаць
Лука майя, лука,
Лука зыльная.

(Со словъ 26 лѣт. женщ. въ с. Веркивки въ 1895 г.).

Послѣ каждаго припѣва «Лука майя, лука», нѣкоторые здоровыя дѣвки берутъ на руки стоящихъ въ кругу подростковъ, и поднимаютъ ихъ выше головы: «штобъ довигъ лёнъ радзйу».

«Вясняныя пѣсни» здѣшной мѣстности, какъ и всѣ прочія, очень живучи: изъ года въ годъ поетъ молодежь на Благовѣщеніе все одно и тоже и, какъ видно, поютъ это не одно столѣтіе, потому что въ одной ихъ хороводныхъ пѣсень упоминается языческій богъ Лада, переименованный въ Ляда.

При этой пѣснѣ играющія раздѣляются на двѣ партіи и каждая поетъ отдѣльно, взявшись за руки, стоя другъ противъ друга;

- 1-я партія: А мы ляда притали, притали,
Зялёная наша йелачка, жоутый цвѣтъ.
2-я партія: А мы проса сѣяли, сѣяли
Зялёная наша йелачка, жоутый цвѣтъ.
1-я партія: Мы кѣнйі успусимъ, успусимъ,
Зялёная наша йелачка, жоутый цвѣтъ.
2-я партія: А мы кѣнйі забярѣмъ, забярѣмъ,
Зялёная наша йелачка, жоутый цвѣтъ.
1-я партія: А мы кѣнйі выкупимъ, выкупимъ
Зялёная наша йелочка, жоутый цвѣтъ.
2-я партія: А што дасьцы выкупу, выкупу,
Зялёная наша йелачка, жоутый цвѣтъ.
1-я партія: А сто рублей выкупу, выкупу
Зялёная наша йелочка...
2-я партія: Мы сто рублей ня вѣзьмимъ, ня вѣзьмимъ
Зялёная наша йелачка...
1-я партія: Мы дзѣвачку прыдадзимъ, прыдадзимъ
Зялёная наша йелачка...
2-я партія: Мы паняначку прададзимъ, прададзимъ,
Зялёная наша йелачка, жоутый цвѣтъ.

Въ это время 1-я партія старается пробѣжать между рукъ 2-й партіи и не быть пойманной, пойманныя остаются, какъ выкупъ и т. д.

(с. Росухи, Мглин. уѣзда со словъ 17 лѣт. дѣв. въ 1898 г.).

Одинъ изъ парней ходятъ въ срединѣ хоровода, всѣ поютъ:

Йета поля жоутая—на што мнѣ,
Я паѣду да милья да свайе,
Йета поля зеляная—йета майо.

¹⁾ Шиповникъ.

Затѣмъ парень беретъ за руку дѣвку, которую «аблюбуя» выводитъ въ средину хоровода съ пѣсней:

Майя милѣнька, харашѣнька,
Бѣла, красна и румяна,
Яйе личанька муливана,

Я буду зъ милю
Медъ—вино пиць
И поля дзялиць.

Такъ продолжается, пока каждый не подберетъ себѣ пары по симпатіи.

(с. Росуха, въ 1898 г. отъ той-же).

А у пиряпѣлочки да старѣнькій мужъ,
Ты-жъ майя, ты жъ майя пиряпелачка,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивяличкая,
Што—й у пиряпелки да галоука балиць.
Ты-жъ майя, ты-жъ майя пиряпелачка,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивяличкая.
Што—й у пиряпелки да дзѣтки маленьки,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя пиряпелачка,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивяличкая,
А у пиряпѣлочки да ручки балиць
Ты-жъ майя, ты-жъ майя пиряпелачка,

Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивяличкая,
А у пиряпѣлочки да грудка балиць,
Ты жъ майя, ты-жъ майя пиряпѣлачка,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивяличкая,
А у пиряпелачки да хлѣбца нема.
Ты-жъ майя, ты-жъ майя пиряпѣлачка,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивяличкая,
А у пиряпѣлочки, да падошауки балиць,
Ты жъ майя, ты-жъ майя пиряпѣлачка,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивяличкая.

(с. Гарцово, Стародубскаго уѣзд. со словъ 25 лѣт. женщины въ 1897 г.).

Я па гѣрачки хаджу,
Я калѣначку ламлю,
Ой люлі, люлешачки,
Я калѣначку ламлю,
Калѣначки наламлю,
Да—й вяночыкъ саўйѣ,
Свайму мѣламу пашлю.
Ой люлі, люлешачки,
Свайму мѣламу пашлю.
Угадай, мой мѣлинькій,
Кольки у вянкѣ вѣтачакъ,
Стольки у мянѣ думачакъ.
Ой люлі, люлешачки,

Стольки у мянѣ думачакъ.
Ни журыся, майя мила,
Цябѣ ни забуду.
Ой люлі, люлешачки,
Цябѣ ни забуду.
Бѣлы сняжки разойдуцца,
Быстры рѣчки разальлюцца,
Ой люлі, люлешачки,
Быстры рѣчки разальлюцца,
Самъ къ табѣ прибуду,
Па вяликаму распуту
Ой люлі, люлешачки,
Па великаму распуту.

(с. Гирцево, Стародубскаго уѣзда, со словъ 26 лѣт. женщины въ 1898 г.).

Подростки большею частью тутъ же на бугрѣ «играють у вѣшта небудзь», какъ напр., «у хрѣна». Это дѣлается такъ: всѣ садятся на землю другъ другу «въ пастанья» ¹⁾ или «на ўлонья» ²⁾, образуя такимъ образомъ длинный рядъ; одинъ изъ играющихъ ходитъ вдоль и кладетъ каждому на голову руку, припѣвая:

Ой, хрѣнъ мой, хрѣнъ,
Охъ и хто цябѣ расциу
И хто цябѣ паливаду?

Хрѣнъ поетъ хоромъ:

Садзю мянѣ Селиванъ,
Паливау мянѣ Иванъ,
Селиванава жана
При гарѣдзи была,
Пирисаджавада, пиряважавала.

¹⁾ Пригаль. ²⁾ На колѣни.

1-й играющій: Ты расци, расци мой хрѣнь
Жѣ жардзѣну у дѣужки ³⁾
Съ калоду у тоушки ⁴⁾

2-й играющій: Стукн—грюкн...

Хрѣнь: Хто тамъ.

1-й играющій: Самъ панъ дварянинъ.

Хрѣнь: За чымъ?

2-й играющій: Пани лижала,
Хрѣну бажала

Хрѣнь: Ирви, да корня ни прырви.

И панъ тянетъ за руки перваго сидящаго, затѣмъ второго и т. д.

(д. Бородинки, Мглинского уѣзда со словъ 16 лѣт. хлопца въ 1896 г.).

Игра «у гусей».

Всѣ бѣгаютъ между кустами, затѣмъ одинъ изъ играющихъ сзываетъ:

Гуси лебядзи дамду.

Зачымъ?

Воукъ за гардѣй,

За якой?

За камяндѣй.

Всѣ садятся подъ одинъ кустъ, мать тоже садится въ сторонѣ и засыпаетъ.
Волкъ подкрадывается и крадетъ одного. Проснувшись, мать плачетъ:

Дзѣтки майе,

Галубѣтки майе,

На штожъ я васъ кармила,

На, штожъ я васъ пайила,

Вдрукъ пришѣу,

Дзиця укрѣу,

А я малада ня чула,

На припячку заснула.

(с. Росуха, Мглинского уѣзда, со словъ 14 лѣт. хлопца, въ 1895 г.).

М. Косичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Примѣч. Обращаемъ вниманіе читателей на этотъ прекрасный трудъ, какъ наилучшую и наиболее полную монографію о Бѣлорусахъ, Черниговской губ. *Ред.*

³⁾ Въ длину. ⁴⁾ Въ толщину.

Колядки и щедровки, записанныя въ Волынскомъ Полѣсьи.

Колядки настоящаго собранія записаны мной въ Житомирскомъ, Овручскомъ, Новоградволынскомъ, Луцкомъ и Ровенскомъ уѣздахъ Волынской губерніи. Первоначально я предполагалъ снабдить мое собраніе Колядокъ примѣчаніями, но онѣ настолько расплылись, что пришлось отказаться отъ этой мысли, дабы собраніе не оказалось слишкомъ громоздкимъ для періодическаго изданія, гдѣ я имѣлъ въ виду его напечатать. Поэтому пока ограничиваюсь изданіемъ самыхъ текстовъ.

1. Рожденія Христа. Три царя.

А.

Добрий вѣчуръ, пане хазяіну,
До тѣбѣ!
Богъ тѣбѣ даривъ, будѣ й синъ божий
У тѣбѣ!
Застѣлай столы тѣсовіе
Обрусомъ,—
Будѣ у тѣбѣ панна Марія
Зъ Исусомъ.
Нѣ поспѣла панна Марія
Зъ вѣчера,
Заспѣвали всі янголи
На нѣбе;
Райскіе пташки по пудъ нѣбѣсами
Лѣтали,
Тамъ пастире божого сина
Питали.
На Ердані тихая вода
Стояла,
Тамъ панна Марія своего сина
Купала,
Ой окупавши въ тонкѣ ясѣльцѣ
Вложила,
Двойчи и тройчи
Колихнула:
«Ой, ну люю, мой синочокъ
Одиний!»
На сходъ сонца да зѣхало
Три кроле,

Стали вони судити й гадати
Цімъ ячкомъ даровати.
Единъ дарованъ—миромъ кадиломъ
Охвировавъ,
Другий дарованъ—щастямъ здоровьямъ
Надѣливъ,
Махни, махни цюю квегочку
Надъ нами,
Якъ тие души передъ паномъ Богомъ
Ю въ рае.
Й обѣцявъ намъ панъ хазяінь
Рубля дати
Суди йому, Божѣ, другого року
Дождати.

(Селець, Овручскаго уѣзда).

Б.

А на Йрдані тихая вода
Играла,
А на той воді золота кладка
Лѣжала,
А на туй кладки божая мати
Ходила,
Вона ходячи себе сяночка
Вродила.
А уродивши въ тихамъ Ирдані
Скупала,
Ой искупавши въ тонки обруси
Повила,

Ой уповивши тай у ясолки
Вложила,
Ой а вложивши на заходъ сонця
Хитнула,
Ой тэпэрь собе радочка (?)
Постали,
Собе сіночка той зъ нэбэсэй
Достали.
Ой наехало то три крелёве
На свой двэръ.
Стали судити, стали думати
Й гадати,
Що цёму дзецку за подарунокъ
Давати.
Першій дарунокъ—миромъ кадиламъ
Міровавъ,
Другий дарунокъ—золотимъ крижиномъ
Крижовавъ.
Трэтэй дарунокъ—золоту гвязду
Въ ручки давъ.
А тэе дзецко золотую гвязду
Пустило,
А тая гвязда по всёму світі
Світила,
Сімъ нарождэнемъ миръ хрэтыньскій
Звэсэлила.
(Бѣльская Воля, Луцкаго уѣзда).

В.

Ой на Ордані тиха вода стояла,
Тамъ Божа мати свого сина купала,
Ой искупавши, да въ ясельки вложила,
Ой кэрэдъ свэтомъ приехало три царе,
Ой одинъ царъ своимъ миромъ міровавъ,
Ой другий царъ счастье долю дарувавъ,
А трэтій жэ царъ кветочкою звэлічавъ.
Сэжъ нэ кветочка, сэ святое рожэство.
По всёму свэту вселюсті рознэсло.

(Жубровици, Овр. уѣзда).

2. Рождэніе Христа. Иродъ. Три царя.

А.

Новое лето начинаеца,
Новий царъ царомъ називаеца,
Ибо се царъ народивса,
Багатому засмутивсо
Паночокъ,
Панота місяшная зора

Да панна сина породила,
Породила, осветила.
И волю його учинила.
Муспла сина сповити,
Нэприсномъ кажэ пилновати
Судитэлі своёго
Знали Бога нашого
У вэбі.

Якъ Иродъ Христа вартуе,
Казавъ його шукати
По всёмъ светі питати
Для зради.

Крушэцца всэ наше крушінни,
Смутитса прэвращэне бурьяни,
А ми все съ цёго вэсэлимса,
Рожэству Христу поклонимса,
Ціе сватка сватковати
Прэдвэчному даровати
На веки.

Селець (Овр. уѣзда).

Б.

Прэдвѣчний съ прэдвіку родивса,
Сходящэ землю. просвітивса.
Судитэлі своёго знайтэ
Бога нашого Исуса,
Новэе літо зачинае, царя ўзнавае,
Узнай Бога храмина,
Вэсэлиса дружина христова.
Носитэ бэрить чистую панну,
Сустрэчай бистранну странну,
Бой у сімъ разі погинэмъ
Росію покинемъ на вэки.
Тэмнота місячная біла,
Дэ дівэ сина породила
Щэй слугою путь світила
Иого волю волити мусіла,
А звізда понудила царя
Бигущого вэртэні сказала
Ангэль рэчи казуе.
Що всэ Иродъ готуе

Для Христа

Пэрэстанъ старчэ старчовати,
Привикай Христа колахати
Бо вся Бога народивъ багати.
Я Иродъ съ того засмутивса,
Що зъ дівэ Христосъ народивса,
Казавъ його шукати по всіхъ земляхъ
Шукати для зради.
Настире гь окну приходять,
Рожэство ко Христу доносять

Жаловатся нэможна што ходили нэпуложно
Въ дорогу.

А ми все тому вэсэлімса
Рожэство Христу поклонимся
Шо насъ Господь заховавъ
Своймъ царствомъ даровавъ на віки
Бѣльская Воля (Луцкаго уѣзда).

3. Рожденіе Христа. Иродъ. Три царя.

А.

Шо то за прѣдивна въ свѣті новина,
Шо вродила Ева бэзъ мужа сина.
Вона його ой вродила
Рай у той часъ увидѣла,
Чистая панна!

А Езусъ старѣнкій надъ гробкомъ стоить.
А пана Езуса пилюноки строить,
А Марія сповивала,
Дай до сэрця пригортала
Сусэ синэ муй!

Нэбэские хори въ избі заграли,
Ой тамъ новодворце въ жлобе лежали.
Витай цару свѣтъ Тройньскій
Поздоровъ миру христіянску
Поздоровъ миру насъ,

Ижэ ужэ три кролѣве
Гъ рождѣнному идуть.

Норождѣнни матки плачуть ридаютъ,
Пэрэдъ ихъ очима дѣтки платаютъ,
Ой дитина моя мила
Шо ти злого учинила,
Пэчалэ моя!

М. Владимирецъ (Луцкаго уѣзда).

В.

Шо то за придивна въ свѣті новина
Шо породила дѣва бэзъ мужа сина,
Дѣвка сина породила
Свое дѣвство побридила,

Чистая дева!
Ой, сину жъ муй сину, ти цвѣтъ райскій
Потешъ вэсъ миръ христіянскій
Потіха моя!

Ангельски труби гарно заграли,
Всякие бидла та тамъ покликали,
Ой, якъ собралися йо три царе,
Христу нарождѣнному дарюньки нэсли;
До йіхъ Иродъ выбігаеъ,

Иіхъ рэчэй да питаеъ
«Куда ви йдэтэ?»

— А шо вамъ до того, куда ми йдэмо?
Христу нарождѣнному дарі нэсемо,
«Просю васъ потрудітса,
Шэй од мэнэ поклонітса,
А Господь високи вэсэ тэ зазнае,
Шо на гэтомъ свѣті та Сусъ Христось е.
Казавъ Иродъ діти тити,
Кровь нэвиннихъ проливати
Христа шукати.

Я ніхъ руйдни матки плачуть ридаютъ,
Пэрэдъ йіхъ очима дітки платаютъ:

«Ой дитина моя мила,
Шо ти злого учинила»,
Пэчалэ моя!»

Я господь високи вэсэ тэ зазнававъ
Тимъ малэнькимъ діткамъ винца даровавъ,
Кожде себе свѣтло мало
Навеки аминь.

Я нэчиста Юда смолу варила,
Да свойі очі наготовила,
Вона въ смолі потопала,
Нигдэ свѣтла нэвидала
Іавікя вікомъ!

Бѣльская-Воля (Луцкаго уѣзда).

4. Рожденіе Христа. Три царя.

Щэ вчора, да вчора зъ вэчора
Да стала у насъ да новая новина,
Божая маті Суса Христа роділа,
Ой уродівши дай въ Ордані скупала,
Я скупавши въ шовковие сповила
Ой а сповивши, да въ корабэль вложила,
Да зъ корабля дай на Дунай пустила.
Тимъ дитяткомъ засіло три зоре,
Пэрэдъ белимъ светомъ приехало три царе,
Ой сходъ сонця приехало три царе,—
Одинъ божимъ миромъ мировавъ,
Ой а другій Сусомъ Христомъ називавъ,
Ой а трэтіи царъ кваточкою венчавъ,
То нэ кветочка, то святое рожэство
По вэсму свѣту, по вэсму миру радостно.

Суцаны (Овр. уѣзда).

Рожденіе Христа.

Я съ пэршого нарождѣнія зъ Божого сина
Я щожъ його народила дѣва Марія.
Надолівса Исусъ Христось изъ дѣви изъ панни

Я ангели нэ всі знали христовой тайни.
Якъ узнало два ангели стало въ алтари,
Малэ дитя народжэнэ воздохомъ накрили,
Якъ узнали всі ангели божийі гласэ,
Да понесли малэ дитя ажъ на нэбэса:
«Ой ви нэбэса растваритэса
Всі святіе архангели поклонетеса.
Архангели Гавріили рики розливали,
На Рожэство Христовэе сади зацвітали;
Ой зацвіли усі сади щэй рузніе квэти,
Показало рузніэ дрэво поусёму свэти.

Въльская Воля (Луцкаго уѣзда).

6. Рожденіе и нареченіе Христа.

(Щедровка).

Божа мати сина мала,
И у купэлі укупала, (2)
На престоли положила, (2)
Въ шовковину псеновила,
Усэ свѣтло засвѣтила,
Царски врата отчинила (2),
Всі святійі побуджала,
Уставайтэ янголята,
Мойму сину имъя дайтэ.

Осова (Луцкаго).

7. Рожденіе и нареченіе Христа.

(Щедровка).

Я въ Русалині рано задзвонили,
Щодрий вэчоръ, добрий вэчоръ,
Добриймъ людямъ на здоровья!
Я дева и Марія породила сина,
Стали гадати, що за имъя дати.
Дали йому присвятого Іллі,
А дева Марія дай нэ злюбила.
У рай Божий нэ вступила.

Осова (Луцкаго уѣзда).

8. На дворѣ господаря святые варять
рыбку на родины Божей матери. Она
выбираетъ имя сыну.

Панъ господару дворѣ городжани
У тэбэ
Богъ тэбэ кличэ на порадочокъ
До сэбэ.
Дворѣ горожэний белимъ залезомъ
У тэбэ,

Въ твойму дворе все горать огне,
Радуйса!

Да зрадуєца да все святіе
Рожэствомъ,
Всэ варать рыбку всэ осэтринку,
Радуйса!

Вожой матери да на родивку;
Да зрадуєца все святіе
Рожэствомъ.

Божая мати сина вродила,
Послала послы по всёму свѣту,
Радуйса!

Радуйса зэмлэ, синь жэ то божий
Вродивса.

Шобъ збиралися попи—ладики
Радуйса,

Шобъ збиралися. стали гадати,
Стали гадати—якэ мня дати.

Радуйса!

Ой дали имъя святого Іллі,
Радуйса, зэмлэ, синь жэ то божий
Вродивси;

Божая мати нэ возлюбила,
Радуйси!

Радуйса, зэмлэ, синь жэ то Божий
Вродивса!

Ой дали имъя святого Пэтра,
Радуйса!

Божая мати нэ возлюбила,
Радуйса, зэмлэ, синь же то божий
Вродивса!

Зъ білое ложэ нэ виступила
Радуйса, зэмлэ, синь жэ то божий
Вродивса!

Попамъ—ладикамъ нэ заплатила,
Радуйса!

Радуйса, зэмлэ, синь жэ то Божий
Вродивса!

Дали имъя Исуса Христа
Радуйса!

Божая мати дай возлюбила,
Зъ білое ложэ дай виступила
Попамъ—ладикамъ дай заплатила
Радуйса, зэмлэ, синь жэ то божий
Вродивса!

Олевскъ (Овр. уѣзда).

9. У господини на дворѣ три кухарки
варять рыбку на родины Божьей матери.

Я въ господині на йійі дворі,
На йіе дворэ горать три огне,
Коля того й огню три кухарочки,

Три кухарочки—всі три панночки,
 Все три панночки рибку варили,
 Рибку варили до присвятиї дівн,
 До присвятиї дівн дай на родини.
 Присвята дівна сина родила,
 И збирайтєся усі святїїї:
 Будємь гадати якь имѣя дати,
 Дали йому ми свитого Павла,
 Прєсвита дівна такъ нє злюбила,
 «Я такъ нє люблю, я такъ нє хочу,
 Шобъ мого сина святимъ Павломъ звали».
 Избирайтєся усі сватїї
 Будємь гадати, якъ имѣя дати,
 Дали йому ми свитого Пєтра,
 Прєсвита дівна такъ нє злюбила;
 «Я такъ нє люблю, я такъ нє хочу,
 Шобъ мого сина святимъ Пєтромъ звали!»
 Избирайтєся усі святїїї,
 Будємь гадати якъ имѣя дати,
 Дали йому мѣя Исуса Христа,
 Прєсвита дівна такъ излюбила:
 «Ой я такъ хочу, ой я такъ люблю,
 Шобъ мого сина Сусомъ Христомъ звали».
 Ой а жидова Христа мучила
 Всякє дєрєво за нїхтї гнала,
 Чирвива ива за нїхтї пошла.
 Дє кривця канє, тамъ морє станє.
 По тому морі купався самъ Господь,
 Ой нє самъ Господь съ Пєтромъ и съ Павломъ,
 Ой купалися синирчалися,
 Ой самъ Господь кажє, що зємля бильша,
 А Пєтро кажє, що нєбо бильшє
 «Ой Пєтрє—Павлє супєрєчнику,
 Ти спєрєчаєшъ ти самъ нє знаєшъ,
 Ой зємля бильша—гори й долини,
 Гори й долини—усяки могили».

Костополь (Ров. уѣзда).

10. Жиды Христа мучили

А.

Ой якъ жє било изъ прєжда вїєку,
 Жиды Христа мучили:
 Повєли Христа по пужарниці:
 Дє кровка канє—тамъ цєрква станє,
 А вь той цєрковцє чогирє попи,
 Чотирє попи,—чотирє дяки,
 Читають книги да усє псалтирє.

Бѣлка (Жит. уѣзда).

Б.

Ой нє гневайса, пань—господару,
 Ой дєнь добрий!
 Що я до тєбє дай нє вь пору йду:
 Идуть до тєбє всє колядники,
 Всє колядники дай у рокъ гости,
 Да будуть тобє колядовати,
 Заколядуємъ славному пану,
 Славному пану—пань господару:
 «Ой рада рада—людєй громада
 Ой радили вони ись нрєждє вєку,
 Шо та жидова Христа мучила,
 Тє ярнє дрєво у нѣютї вбивала,
 Чорнє чєрнило тай заливала.
 Ой дє кровъ канє, тамъ рєчка станє,
 А вь туй рєчєницє святцє купались,
 Святцє купались дай справовались.
 Ой Пєтро кажє, шо зємля буйльшє,
 А Павло кажє, шо нєбо буйльшє.
 Чомъ зємля буйльша—гори й долини»
 А вь сєму слови будьмо здорови,
 Будьмо здорови—ти славний панє,
 Ти славний панє, пань господару.

Выры (Ров. уѣзда).

11. На дворѣ господаря упала звѣзда Изъ нея криница; вь криницѣ Божья мать Христа купаєть.

Пані господару, на твойму дворе,
 На твойму дворе зорница впала,
 Зорница впала, крєница стала,
 Тамъ Божє мати Хрєста купала,
 Прийшло до єє три жидовина;
 «Божє мати дє Хрєста дєла?»
 — «Вкинула Хрєста вь густєє лєса».
 Пошла жидова лєсу рубати,
 Лєсу рубати, Хрєста шукати,
 Лєсь изрубала, Хрєста нє найшла,
 Хрєста нє найшла, до дому прийшла.
 «Божє мати, дє Хрєста дєла?»
 — «Кинула Христа вь жовтєє нєски».
 Пашла жидова пєску зєспати,
 Пєску зєспати, Хрєста шукати,
 Пєсокъ зєспала, Хрєста нє найшла,
 Хрєста нє найшла, до дому прийшла.
 «Божє мати дє Хрєста дєла?»
 — «Кинула Хрєста во синєє морє»
 Пошла жидова морє зливати,
 Морє зливати, Хрєста шукати,
 Морє излила, Хрєста нє найшла,
 Хрєста нє найшла, до дому прийшла.

«Вожая мати дэ Хрэста дела?»
— «Кинула Христа дай пудь нэбэса»
Йому нэбэса раствори́лиса,
Усе сватне уклони́лиса.

Жубровичи (Овр. у́зда).

А трэ́ты служба—дай на свя́тий дэнь,
Дай на свя́тий дэнь, дай на вэ́ликдэнь.
А за сі́мь сло́вомъ будь жэ здоро́ва,
Будь жэ здоро́ва, кгрэ́шная панна,
Кгрэ́шная панна, нанна NN»

Н́мовичи (Ров. у́зда).

12. Христось купается въ Дунаѣ, раз-
лившемся изъ серебра, напаяющаго съ
чудеснаго дерева.

А въ полі, въ полі древо стояло,
Вэйса, розвэйса древо стояло!
А съ того дрэва голле до зэмлэ,
А съ того голли срэбло капало,
А съ того срэбла Дунай розливса,
А въ томъ Дунаю Господь купавса,
Господь купавса съ Пэтромъ змовлявса,
Ой то нэ Пэтро, то самъ Господь Богъ,
Пойшовъ Господь дай пудь нэбэса,
Тне нэбэса раствори́лиса,
Ой вси свя́тіе уклони́лиса.

Олевскъ (Овр. у́зда).

13. Божья мати ищеть сына.

Ишла Божа мати сына шука́ти,
Свя́тій вэ́чоръ!
Зустречае вона да три сві́тнички:
«Три святнички, синки мое,
Чи нэ бачили ви сына мойого;
Сина мойого, бога вашого?»

Осова (Луцкаго у́зда).

14. Святы́е ищутъ крестъ.

За свѣтлі́цами, за кашлі́цами,
Ой тамъ святне воду святи́ли,
Воду святи́ли, хрэста впусти́ли,
Ой, пошли-жъ вони, да шука́ючи,
Да шука́ючи, да пита́ючи,
Зустрелі́ вони кгречну́ю панну,
Кгречну́ю панну, на мия NN:
«Кгречная панна, на мия NN,
Чи нэ знайшла ти хрэста свя́того?
Будэмъ за тэбэ Бога прохати,
Бога прохати—три служб́и мати:
Ой одна служба—на свѣ́тэ роздво,
А друга служба—дай на Васи́ля,

15. Золотой крестъ «вырынаеть».

Щедровка.

У крини́цэ, въ ка́мэни́цэ,
Щодри́й вэ́чоръ, добри́й вэ́чоръ,
Добрымъ лю́дямъ на вэ́сь вэ́чоръ!
Золотий Хрэ́стъ ви́ринае,
Нихто́жъ його нэ зри́дае,
Изри́дала красна панна,
Взяла його пудь ручэ́ньки,
Да повэ́ла до цѣ́рковки.
Въ туй цѣ́ковци по́ши дя́ки,
Да все звони зазвони́лі,
Да все свечи запали́ли,
Да все по́пи зачитали,
Да все дя́чки зачитали,

Сушаны (Овр. у́зда).

16. Гостро́е́ніе церкви.

А.

Ой тамъ на море, дай на ка́мэні,
Ой гра́й морэ!
Ой гра́й морэ, раду́йся зэмлэ!
Ой тамъ му́ляри цѣ́ркву му́ровали,
Цѣ́ркву му́лѣвали съ тро́ма вѣ́рхами,
Съ тро́ма вѣ́рхамі—съ тро́ма окнами;
Однэ окэ́нцэ—яснэе со́нцэ,
Другэ окэ́нцэ—ясэ́нь ми́сяцу,
Трэ́те окэ́нцэ—Су́сь Христось лэ́тевь,
Су́сь Христось лэ́тевь, на прѣ́сто́лу се́вь,
На прѣ́сто́лу се́вь—слѣ́заньку розли́вь,
Я съ то́е слѣ́зи розли́вса Дуна́й,
Я въ томъ Дунаю самъ Господь купавса,
Самъ Господь купавса изъ Су́сомъ Христомъ,
Изъ Су́сомъ Христомъ—святимъ ро́жэ́ствомъ.
Господь ка́же, шо нэ́бо ма́ленькэ,
Су́сь Христось ка́же, шо зе́мля бо́льша:
Тимъ нэ́бо ма́ленькэ, шо скро́зь ви́днэнькэ,
Тимъ, зе́мля бо́льша, шо го́ри й до́лини.
Ию́кльчмо И́ллю, зми́раймо зе́млю,
Ой при́шовъ И́лля—зме́ряна зе́мля.

Межень (Овр. у́зда).

Б.

Ой въ леску, въ леску волохи гудуть
Святый вѣчоръ!
Волохи гудуть, церкву будуют.
Вудовали цѣркву съ трома вѣрхами,
Съ трома вѣрхами, штирма окнами:
Въ однѣ оконцѣ блѣснуло сонцѣ,
Въ другѣ оконцѣ соловѣйко влѣтѣвъ,
Соловѣйко влѣтѣвъ, на престоле сѣвъ,
Пустивъ слѣзочку дай по риночку,
Съ тое слѣзочки побегъ ровчачокъ,
Съ того ровчачка стала рнечочка,
Я у той рнечочкѣ човничокъ пливѣ,
Я въ томъ човничку NN сѣдѣть,
NN сѣдѣть, стружѣчки стружѣ,
Пустивъ стрижѣчку дай на риночку,
Да вбѣвъ качочку чорнобривочку.

Татарновичи (Овр. уѣзда).

В.

Я въ лесі, въ лесі голуби гудуть,
Голуби гудуть, цѣрков будують,
Избудовали съ трома вѣрхами,
Съ трома вѣрхами, съ чотирма окнами,
Въ одномъ окѣнцѣе дубѣнъ дощичокъ,
Въ другому окѣнцѣ сонѣйка сѣе,
Въ третѣмъ окѣнцѣ вилѣтѣвъ соколъ,
Вилѣтѣвъ соколъ, на скамле принавѣ,
На скаме принавѣ, слѣзки понускавъ,
Ой съ тихъ слѣзочокъ стала рѣченъка,
Я во той рѣченцѣ корабѣль пливѣ,
А въ томъ корабле красній панъ сѣѣть,
Красній панъ сѣѣть, стружѣнъки стружѣ,
Стружѣнъки стружѣ да усѣ малое,
Да усѣ мамое, до коруля шлѣ,
«Ой коруле, коруле, скуй жѣ мнѣ мача
«Скуй жѣ мнѣ мача съ правого плѣча
«Конѣмъ побѣжу, мѣчомъ носѣчу»...

Собичинъ (Овр. уѣзда).

Г.

Ой лесомъ, лесомъ людѣ гомонять,
Людѣ гомонять, цѣркву будують,
Цѣрковъ будують да на три вѣрхи,
Да на три вѣрхи, да на три окне!
Въ однѣ оконцѣ—яснѣе сонцѣ,
А въ другѣ оконцѣ ясный мѣсяцъ,
А въ третѣ оконцѣ ясный соколъ влѣтѣвъ,

Ясный соколъ влѣтѣвъ, на скамницѣ сѣвъ,
На скамницѣ сѣвъ, крилѣчка поспускавъ,
Съ тихъ крилочокъ рнечка тѣѣ,
На той рѣчоцѣ човничокъ пливѣ,
А въ томъ човничку красній паничкѣ,
Стружѣчки стружѣ да всѣ мовляе,
А котори правпе, то сѣбе бѣрѣ,
А котори кривне, то слугамъ дае.

Суцаны (Овр. уѣзда).

17. Построеніе церкви.

А въ бору, бору волоки повѣю,
Волоки повѣю, цѣркву збудую,
Цѣркву збудую съ трома окнами,
Съ трома окнами, съ трома вѣрхами,
А в туй цѣрковцѣ чотирѣ пони,
Чотирѣ нони навчони дяки,
Правлять службоньку за того молодця,
За того молодця пана NN.

Владимирецъ (Луцкаго уѣзда).

18. Построеніе церкви.

А.

Чѣрѣзъ полѣ, чѣрѣзъ широкѣе,
Ой чѣрѣзъ морѣ, чѣрѣзъ глибокѣе,
Ой тамъ походила присвятаи Марія,
Зустрінае ее дай три жидовина:
«Ой чи ви жидѣве, ой чи ви панове?»
«Чи ви сами ти, шо Хрѣста мучили?»
— «Ой ми нѣ жидѣве, ой ми нѣ панове
«Ой ми сами тийі, шо Хрѣста мучили».
Тамъ на горѣ стояло дѣрѣво,
Я съ дого дѣрѣва крижа виробляли,
Присвятий Марийі цѣркву становили,
Исъ трома гробами, исъ трома двѣрами:
У першому гробѣ то самъ Господь лѣжить,
У другому гробѣ Сусъ Христосъ лѣжить
Я у третѣму гробѣ—Присвята Марія,
Присвята Марія цѣркву становила.
Надъ Господомъ Богомъ то свѣчи палають,
Я надъ Сусомъ Христомъ то книги читають,
А надъ Марнею рожа зацѣтае,
Я съ пудъ тѣйі рожи пташки вилѣтають.
Лѣтѣтѣ пташѣчки по пудъ нѣбѣсамъ,
Ой а ви нѣбѣса ростворитѣса,
А ви всі святійі уклонитѣса.
Стыдошь (Ров. уѣзда).

В.

Ой вийшла вдова съ пудъ монастира.
Ой виділа вона дрэву дрэвнюю,
Я съ того дрэва цэркву будуяць,
Я въ той цэрковци престоли стоять,
Надъ престолами три гроби лэжыць.
Въ одномъ гробові Сусъ Христось лэжыць,
Въ другомъ гробові дѣва Марія,
Въ трэтімъ гробові Іванъ Хрэститэль.
Надъ Сусомъ Христомъ кнігі чытаюць,
Надъ Хрэстителёмъ свічы палаюць,
Надъ Маріею рожа зацвіла,
Я съ тойі рожы вялэтивъ пташокъ.
Палэтивъ жэ онъ ажъ подъ нэбэса,
Йому нэбэса ростворилиса,
Свиту Рожэству поклонилиса.

Деражня (Ров. уѣзда).

В.

Вишла Марія на високу гору,
На високу гору.
Да зобачила зеленэ дрэво,
Зеленэ дрэво!
Я съ таво дрэва крижи робляю,
Я съ туйхъ крижикувъ цэрковку становляю,
Цэрковку становляю,
Я въ той цэрковци три порубоньки
Три порубоньки,
Во одной парубі Сусъ Христось ляжыць,
Въ другой парубі Марія ляжыць,
Въ трэтей парубе Василе ляжыць,
Василе ляжыць.
Надъ Сусомъ Христомъ кнігі чытаюць,
Кнігі чытаюць,
Надъ Василеємъ свечи палаюць,
Свечи палаюць,
Надъ Маріею рожа зацвіла,
Рожа зацвіла!
Я съ тоейі рожы вялэтивъ пташокъ,
Вялэтивъ пташокъ.
Да палэтивъ по підъ нэбэса.
Ви нэбэса ростворітэса,
Ростворітэса,
Сусу Христу поклонетэса
Поклонетэса.

Любиковичи (Ров. уѣзда).

19. Построеніе церкви.

Щедровка.

Сива раба зозулэйко,
Щодрий вэчиръ, добрий вэчиръ,
Добрымъ людямъ на здоровля!
Усі дуги облэтала
Я въ одному нэ бувала,
Я въ тэмъ лузі тэшлі тэшуть,
Тэшлі тэшуть, цэркву ставлять,
Ись трома окнами, ись трома двэрами.
А въ тэмъ окні ясни місяць,
Ясэнъ місяць—самъ господарь,
Въ другэмъ окне ясна сонцэ,
Ясна сонцэ, його жона,
Въ трэтэмъ окні ясни зэркэ,
Ясни зэркэ—його детки.
Костополь (Ров. уѣзда).

20. Хата на морѣ (середь села).

А.

(Щедровка.)

Ой на морі на спнёму,
Стоіть хата на східъ сонца
А въ туй хатце три оконце
Едно оконце—ясна сонцэ,
Другэ оконце—ясній місяць
Трэте оконце—ясни зорки
Ясна сонцэ господиня
Ясний місяць—панъ господарь
Ясни зорки—то ніхъ детки.
Добра тая господиня,
Що ранэнько затопила (2),
Варэнчківъ наварила (2),
Що друшэчківъ покормила.
Свойіхъ дэтокъ покормила (2),
Конэць стола посадила,
Годомичи (Луцкаго уѣзда).

Б.

(Щедруха.)

Сэрэдъ села стоіть хатка,
А въ той хатци три оконца,
Щодрий вэчоръ и т. д.
Една оконце—ясна сонцэ,
Другэ оконце—ясенъ місяць,
Трэте оконце—ясни зорки,
Ясна сонцэ—господиня,
Ясний місяць—панъ господарь,

Ясни зорки то дэтойки.
Да була господина,
Що ранэйко затопила,
Ваіэнийкув наварила,
Шодрушэчкув подарила,
Я ний місяць—пань господарь,
Сидить себе конэць стола,
На йомъ шапка суболёва,
Я поясекъ позлочаний,
На пояску калиточка,
Въ калиточки сто чэрвінцювъ,
Сіму тому по чэрвінцю,
А намъ дайтэ по палінці,
Сіму тому по шэляжку,
А намъ дайтэ по пирожку,
Або дайтэ хліба лусту,
Шобъ вамъ були воли тлусті,
Я ни воли то корови,
Шоби були всі здорови.

Беровичи (Луцкаго ўфзда).

21. Господарь въ хатѣ.

А.

(Шодруха).

Шодрий вэчорь, добрый вэчорь
Добримъ людямъ на весь вэчорь!
Ластивонька прилетала
У оконця шэбэтала
А я знаю, а я віда,
Що господарь есть у дома (2),
Сэдить жэ вунь конэць стола (2),
Ність кутіцу пшэничную,
Ніе водицу крэничную,
Ність кутіцу пойідае,
Снтицэю поливає (2),
Густимъ мэдомъ покидае.

Бѣльская Воля (Луцкаго ўфзда).

В.

(Коляда).

Вдома, вдома пань господару?
Ой я знаю, що вниъ вдома,
Ой йість кутю пшэничную,
Сэдить собіе въ конэць стола,
Ой йість кутю пшэничную,
Густимъ мэдомъ поливає,
Господа Бога споминае,
На йімъ шуба соболёва,

На туй шубі чинкотора,
На чинкоторий калиточка,
Въ калиточуи сто чирвонихъ,
Сёму дому по чирвоному,
Ой, намъ деокамъ по шияжэчку,
По шияжэчку, по пирожэчку.

Деражня (Ров. ўфзда).

В.

(Щедровка).

Шодрий вэчорь, добрый вэчорь,
Добримъ людямъ на весь вэчорь;
«Чи вдома вдома пань-господарь?»
«Дэжъ вунь сэнтъ?»—«Конці стола».
«На йому шуба—шуба лёганька,
«А въ туй шубоньцэ сімъ сіяжэчковъ,
«А намъ дядюсю по пирожэчку,
«Якъ нэ дастэ пирога,
«Озьму вола за рога.
«Да вивэду на морюогъ (мурава).
«Скрутю йому правний рюогъ».

Любиковичи (Ров. ўфзда).

Г.

(Щедровка).

Шодри вэчурь, добри вэчурь.
Добримъ людямъ на здоровья!
Вдома вдома пань господарь?
А я знаю, що вунь робить,
Сэдить жэ вунь конэць стола,
А на йому шуба любя.
А въ той шубе калиточка,
А въ той калиточці сімъ сіражэчкувъ
А намъ дядьку по пирожэчку.

Селець (Овр. ўфзда).

Д.

(Щедровка).

Шодрий вэчорь, добрый вэчорь,
А я знаю, що пань вдома,
Сэдить собіе конэць стола,
А на йому шуба любя.
На той шубэ циндокора,
Въ циндокори сімъ шэляжэчковъ,
Сёму тому по шэляжэчку,
А намъ дядько по пирожэчку.
Эмільчикъ (Нов. В. ўфзда).

Е.

(Коляда).

Сядить господарь конці стола,
На йимъ шапка соболѣва,
А поясокъ позлоцявий,
Йість кустяцю пшаничнюю,
Сѣткомъ малкомъ поливає.

Годомичи (Луцкаго уѣзда).

**22. На листѣ три письма—солнце, мѣ-
сяць и звѣзды.**

Ой у лесі на сітнічку
Щодрий вѣчоръ, добрий вѣчоръ!
Добримъ людямъ на здоровье,
Ой тамъ порось пуховъ листокъ,
На тунимъ листу три письмочка,
Одне письмо—ясенъ місяць,
Друге письмо—ясенъ сонцѣ,
Трѣте письмо—дробни зорки,—
Яс нѣ місяць—панъ господарь,
Ясенъ сонцѣ—його жона,
Дробни зорки—його дѣтки.

Любиковичи (Ров. уѣзда).

23. Солнце, мѣсяць и дождь выхваляются.

У Ильвові въ пѣршому домі,
Славѣнъ есі

Господи Божѣ дай на нѣбѣсі!
Шіло да ело тамъ трохъ братіковъ,
Шіло да ело, вихвалялися,
Сонѣйко кажѣ: «нѣма надъ мѣнѣ,
«Вохъ якъ я зойду, то я освечу
«Цѣркви, косцѣли, въ цѣрквахъ престоли».
А мѣсяць кажѣ: «нѣма надъ мѣнѣ,
«Охъ, якъ я зойду тѣмное ночи
«Вохъ якъ я зойду, то я освечу,
«То я освечу гори й долини,
«Возрадуєца гость у дорозѣ
«Гость у дорозѣ, зверъ у дубровѣ».
Я дощикъ кажѣ: «нѣма надъ мѣнѣ,
«Вохъ якъ я пройду три рази въ маю,
«Возрадуєца жито и пшѣница
«Жито й пшѣница, всяка пашница».

Норинскъ (Овручскаго уѣзда).

**24. Мѣсяць, солнце и дождь въ гостяхъ
у господаря.**

А.

Ой добрий вѣчоръ, панъ господарю,
Я спийшъ та лѣжишъ, господь съ тобою
Ставай зъ постѣлі, очиний двѣри,
Очиний двѣри всѣ дубовийі,
Застѣлай столи всѣ тѣсовийі,
Наливай кубки всѣ золотийі,
Клади колачи зъ ярой пшѣниці,
Придѣ до тѣбѣ у рікъ три гості,
Йідная гостя—ясенъ місяцу,
Другая гостя—ясенъ сонѣйко,
Трѣтая гостя—дрібѣнъ дощикъ,
«Ясенъ місяцу, чимъ ти похвалися?»
— «Я тимъ похваляюсь: якъ я изойду
Якъ я изойду тѣмнойі ночи,
То зрадуєца вѣсь зверъ у лесі,
Вѣсь зверъ у лесі, гість при дорозі.»
«Ясенъ сонѣйко, чимъ ти похвалися?»
— «Я тимъ похваляюсь, якъ я изийду,
Якъ я изийду у наделю рано,
Возрадуєца в-сь миръ хрѣщенній
Вѣсь миръ хрѣщенній дѣтки мал нѣки»,
«Дрібѣнъ дощикъ чимъ похвалился?»
— «Я тимъ похваляюсь: якъ я изийду,
Якъ я изийду три рази въ майі,
То зрадниці жито и пшѣница,
Жито и пшѣница, - всяка пашница».

Костополь (Ров. уѣзда).

Б.

Ой п дѣнь добрий панъ—господарѣ,
Святій вѣчоръ!
Ставай съ постѣли, застилай столи,
Застилай столи всі яворови,
А настульнички да усѣ шовкови,
Клади пироги всѣ пшѣничниѣ,
Бо прийдуть до васъ у рунокъ гости
Дай у рунокъ гости—самъ Господь зъ нѣба
Ой нѣ самъ Господь съ трома сватими,
Одинъ сватѣць—правѣднѣ сонцѣ,
А другій сватѣць—ясенъ місяць,
А третій сватѣць—дробѣнъ дощикъ.
Ой шой замовивъ да пѣрший сватѣць,
Дай пѣрший сватѣць—ясенъ місяцу:
«Тѣе я мовлю, коли я зийду,
Охъ и я зийду тѣмное ночи,
Тѣмное ночи дай у пувночп,
То я зосвѣтлю гори й долини,
Гори й долини, хазайськи ниви».

Ой шэй замовивъ я другий сватѣцъ,
Я другий сватѣцъ—яснѣе сонцѣ.
«Тѣе я мовлю, коли я зойду,
Охъ я зойду у нѣделю рано,
Въ нѣделю рано, хочъ о повранку,
То зрадуѣа князе да пани,
Князе да пани, вѣсь миръ крѣстьяне,
До цѣркви йдучи, Бога просячи,
А съ цѣркви йдучи, Бога хвалячи»,
Ой шой замовивъ да трѣтій сватѣцъ,
Дай трѣтій сватѣцъ—дробѣнь дощичокъ;
«Тѣе я мовлю, коли я пойду,
Охъ и я пойду въ Маѣ месяци,
Ой то замае жито пшѣниця,
Жито пшѣниця—всяка пашниця».
А за сѣмъ словомъ будъ жѣ здорови,
Будъ жѣ здорови панъ—господарѣ.

Нѣмовичи (Ров. уѣзда).

25. Господарь прославился встрѣчей съ мѣсяцемъ, солнцемъ и дождемъ.

Ой славѣнь, славѣнь, панъ—господару!
Святій вѣчоръ!

Ой, чимъ жѣ винъ да прославивсе?
Я прославивсе рано въ нѣделю,
Рано въ нѣделю до цѣркви йдучи,
До цѣркви йдучи, свѣчи нѣсучи,
Свѣчи нѣсучи, бога просячи.
Изостривъ жѣ вонъ да три янголі:
Ой одинъ янголь—ясѣнь мѣсяцъ,
А другий янголь—яснѣе сонцѣ,
А трѣтій янголь—дробѣнь дощичу.
«Чимъ похваливса, ясний мѣсяцъ?
Чимъ похваливса, яснѣе сонцѣ?
Чимъ похваливса, дробѣнь дощичу?»
— А якъ я зайду рано въ нѣделю,
То зрадуѣа вѣсь миръ христьяньскій,
До цѣркви йдучи, Бога просячи.
«Чимъ похваливса, ясѣнь мѣсяцъ?»—
— Ой якъ я зойду тѣмное ночѣ
Тѣмное ночѣ, хочъ о повночи
Чимъ похваливса, дробний дощичу?
— А, якъ я зойду трѣйко у Маю,
То зрадуѣа жито пшѣниця,
Жито пшѣниця—всяка пашниця,
А взрадованихъ да вгору пойдѣ
Пуйдѣ у гору квітоватисе,
У гору стѣбло, а въ колось ядро,
Придѣ господарь радоватисе.
А за сѣмъ словомъ будъ жѣ живъ здоровъ,
Нѣ самъ зъ собою, съ своєю жоною,

Из деточками, зъ сусѣдоньками
Зъ сусѣдоньками, зъ добрыми людьми.

Жубровичи (Овручскаго уѣзда).

26. Мѣсяцъ, солнце и дождь изъ криницы.

Я въ господара яворъ на дворе,
На тому яворѣ свѣча палае,
Я съ тѣй свѣчи искорка впала,
Съ тѣй искорці криниця стала,
Съ тѣй криницы три особи вийшло.
Идна особа—яснѣйкѣй мѣсяцъ,
Друга особа—яснѣйкѣ сонцѣ,
Трѣтя особа—дрѣбнѣйкѣй дощичъ.
«Ой ти, мѣсяцю, на що жъ ти здобѣнь?»
— «Ой якъ я зийду тѣмное ночѣ
То я звѣсѣлю гостя въ дорозе».
«Ой ти, сонѣйко, на що жъ ти здобно?»
— «Ой якъ я зийду въ нѣделю рано,
То я звѣсѣлю всі христяне.»
«Ой, ти, дощичу, на що жъ ти здобѣнь!»
— «Ой якъ я зийду три разѣ въ Майі
То я звѣсѣлю гори й долини.
Гори й долини, жито й пшаницю,
Жито й пшаницю—усяку пашницю,
Будѣмо жати жито й пшаницю
Ставлять копочки я въ три радочки,
Ой дай жѣ намъ, Божѣ, цѣй хлѣбъ спожити
Цѣй хлѣбъ спожити—сини жѣннѣти,
Сини жѣннѣти, дѣчки оддати.
Наженѣмъ товару повну обару,
Товаръ илѣдиси, пчолѣ садиси,
Солодки мѣди той до кануну,
Ярий воскѣ Богу на хвалу.

Годомичи (Луцкаго уѣзда).

27. У господара въ гостяхъ Богъ и святые, но нѣтъ Ильи.

А.

Панъ господару, вставай съ постелі
Ой дай Божѣ!
Вставай съ постеле, очиняй двѣр,
Очиняй двѣрѣ застѣлай столи,
Застѣлай столи, кладѣ пироги,
Бо йдѣ до тѣбѣ зо трѣе гостей,
Зо трѣе гостѣй: самъ Богъ изъ нѣба,
Самъ Богъ изъ нѣба зъ усіма сятими,
Зъ усіма сятими и приятѣлыми.
Посажай сятѣ по за столѣйко,

По за столэйко и ослонэйко,
А самъ севъ господъ ва вкрижъ покутя:
«Одлічимося, обрахуймося,
Чи ситие всі, чи всі нашіе?»
«Ой только нэма сятото Илля,
«Ой пошлэмъ посла сятото Пэтра».
— Ой только Пэтро за воротэчка,
Ажъ идэ Илля съ чистого поля
Заросівшисо, замочившисо
«Ой дэ ти була сятая Илья?»
— «По полю ходівъ—житэчко родивъ,
По остривахъ ходівъ—пчолонники садівъ,
По хлэвамъ ходівъ—товару плодівъ
По хатамъ ходівъ—сэмью здоровивъ».

Сущаны (Овр. уѣзда).

Б.

Панъ господару ой очинисе,
Ой очинисе, нэ боронисе,
Бо йдутъ до тэба любие гости,
Любие гости—самъ Богъ изъ нэба,
Самъ Богъ изъ нэба зо всіма сватими.
Ой и сівъ Господъ у конэць стола,
люго сватие по за столечкумъ,
По за столечкумъ, по ослонечкумъ,
Ахъ и пье Господъ съ кубочка вино,
Його сватие мэдокъ солодокъ,
Ой анголята горку горілку.
«Обрадимося й обрахуймося,
Ой, чи все наши, чи все сватне?»
— «Нэмае сватца, сватого Илле»
«Пошлэмо посла сватого Пэтра?»
«Кого послати Илли шукати»
Ой виїшовъ Пэтро за ворутэчка,
Ажъ идэ Илля, шэй съ того поля
Заросившися, замочившися.
«Ой сватий Илля дэ въ Бога була?»
— «По полю ходивъ, житэчко родивъ,
По бору ходивъ,—пчолонки садивъ
По хлэву ходивъ—худобу плодивъ,
Но хатахъ ходивъ—сэмью здоровивъ».
А за симъ словомъ и т. д.

Жубровичи (Овр. уѣзда).

28. На дворѣ престоль, за нимъ святыя; нѣтъ Ильи.

На його дворі то яворъ стоїть, радуїса
Радуїса, зэмлэ, сипъ жэ то божий народивса!
Я пудъ яворомъ той камэнь лэжить,

Я на камэни то пристоль стоїть,
За тимъ пристоломъ, то усэ сватийі.
Усе сватие всэ апостоли,
Ой личилиса, раховалиса,
Нэдоличились сватого Илле.
Кого послати Илле шукати?
Пэтра послали Илле шукати,
Сонцэ исходить, Илля приходить.
«Ай дэжъ ти бувавъ тай свитий Илля?»
— «Ой бувавъ жэ я въ вашого пана
Я въ його полю житэчво родивъ».

Бѣльская—Воля (Луцкаго уѣзда).

29. На дворѣ огни, у огней святыя, но нѣтъ Петра.

Ой дэнь добрый пань-господару
Ой дэнь добрый!
На твойму дворе всё горать огне,
Каля тпхъ огнювъ та все сватие,
Ой но нэмае сватого Пэтра.
«Ай пошлю пошлю сватого Иллю».
Ой виїшовъ Илля за ворутэчка,
Яжъ идэ Пэтро съ чистого поля,
Дай заросиний, заколосиний
«Ай Пэтро Пэтро дэжъ ти пробувавъ?»
— «По полю ходивъ—житэчко родивъ,
Пань-господара щастемъ надэливъ,
По остривахъ ходивъ пчолонки садивъ,
Пань-господара щастемъ надэливъ».

Выры (Ров. уѣзда).

30. Мѣсяць зоветъ звѣзды искать Бога.

Хоїть похоїть місяць по нэбу
Клічэ, поклічэ зорокъ зъ собою.
«Ой хоеть зорки, хоеть зо мною,
«Хоеть зо мною Бога шукати
«Бога шукати дай у сѣй хаті,
«Да найдимъ Бога дай у сѣй хаті,
«Дай у сѣй хаті дай на покуті,
«За столомъ сѣть три кубки дэржить,
«Въ одному кубку солодокъ мэдокъ,
«Солодокъ мэдокъ для його дэтокъ,
«Въ другому кубку зелэнэ вино,
«Зелэнэ вино для жонн його,
«Въ другому кубку кудравэ шило,
«Кудравэ шило, лядъ господара,
«Лядъ господара,—ой якъ то було,
«Ой якъ то було за спровэдэне,
«Ой жидовэ Христа мучилі,

«Христа мучилъ въ осови спички,
 «Въ осови спички забивши ручки,
 «А шибишною нудпэрэзалі,
 «Пэрловий вэнюкъ на головку склалі;
 «Я съ того вэнка канула кравка,
 «Дэ кравка канэ, озеро станэ,
 «А у томъ озэрі Христось купавса,
 «Христось купавса, вой то нэ Христось,
 «То нэ Христось то божая маті
 «То божая маті по бэрэжку хоить,
 «По бэрэжку хоить бэрий рушникъ носить,
 «Бэрий рушникъ носить, Господа просятъ,
 «Ой винось Божэ да мого сина,
 «Да мого сина зо съ того краю,
 «Зо съ того краю да зза Дунаю,
 «Да за сімъ словомъ да бувай здоровъ,
 «А сіе сятка да сяткуй здоровъ».
 Собичинъ (Овр. уѣзда).

31. Богъ зоветъ господаря и даеъ дары.

Панъ господарэ Бугъ тэбэ зовэ,
 Бугъ тэбэ зовэ, даръ тобе дае,—
 Въ твое станонце парують коне,
 Парують кони на три борони,
 Я воронне той на чотирэ;
 Панъ господарэ, Бугъ тэбэ зовэ,
 Бугъ тэбэ зовэ, даръ тэбэ дае,—
 Въ твоей обори парують воли,
 Парують воли йой на три плуги,
 А молоде той на чотирэ;
 Панъ-господарэ Бугъ тэбэ зовэ,
 Бугъ тэбэ зовэ, даръ тэбэ дае:—
 Въ твоіхъ клунёнкахъ тай кладуть стожки,
 Тай кладуть стожки, тай на три рожки,
 А пшэничине тай на чотирэ;
 Панъ-господарэ, Бугъ тэбэ зовэ,
 Бугъ тэбэ зовэ даръ тобе дае:
 Ой у нашего панъ-господаря
 Той у пасеци пчолки загули,
 Пчолки загули, заговорили,
 Заговорили, пана просили:
 Пусти насъ, нанэ, въ тэминне леса,
 Въ тэминне леса дай на вэрэса,
 Ці пшэсэмъ тобе тай лазбэнь мэду».
 Выры (Ров. уѣзда).

32. Богъ ходитъ въ клунѣ господаря.

(Щедруха).

Зажжу свічу восковую,
 Щодрий вечоръ и т. д.

Пойду въ клуню у новую,
 Я въ той клуні пожиточокъ,
 А въ обори приблюдочокъ,
 Я въ туй клуни самъ Буэгъ ходитъ,
 Самъ Буэгъ ходитъ—жито родитъ,
 Щобъ тэлухни тэлилися,
 Щобъ козухни козилися (2),
 Щобъ авэчки котилися.

Бѣльская-Воля (Луцкаго уѣзда).

33. Богъ оретъ плугомъ, Прэчистая обѣдъ носить.

А.

Въ чистимъ полі самъ Бунгъ ходитъ,
 Прэчистая маті обѣдъ носить,
 Обѣдъ носить, Бога просятъ:
 «Зароді, Божэ, жито пшэніцу,
 «Жито пшэніцу—всяку, пашніцу,
 «Колосістую, ядриністую:
 «Съ колосочка житэчка бочка,
 «Съ колосніци бочка пшэніци».

Любковичи (Ров. уѣздъ).

Б.

Ой самъ Господь плужкомъ орэ,
 А причиста обѣдъ нэсэ,
 Ой идучи споткнулася,
 А тамъ далэй схилилася:
 «Оритэ, синки, край долинки,
 Край долини жито родитъ,
 А тймъ доломъ лучэй плодитъ,
 Ой, на колосъ колоснэстэ,
 А на ядро ядрэппстэ».

Владимирецъ (Луцкаго уѣзда)

В.

(Щодруха).

Щодрий вэчоръ, добрий вэчоръ!
 Въ полі, въ полі, плужокъ ходитъ,
 За тймъ плужкомъ самъ Богъ ходитъ,
 А прэчистая йісти носить,
 Бога просятъ, орай синку,
 Въ край долинки
 Съ колосэню, бочка ячмэню,
 Съ п(к)олосніци бочка пшніниці».
 (Пізъ церк. лѣт. с. Столпина, Ров. уѣздъ).

34. NN орець плугомъ, приходить ZZ.

А.

Ой въ лесе въ лесе плывъ лѣбѣдѣнько,
Ой дай Божэ!

Ой тамъ орэ NN нівку,
Прийшовъ до його батѣнько його;
«Ой ори, синку, усюю нівку,
Будомъ сеяті жито—пшаницу
Будомъ найматі жѣнце молоди,
Будомъ нажинать густіе снопки,
Будомъ накладать частіе копки»
Ходіть NN по мѣжъ конками,
Якъ ясѣнь місяць по мѣжъ зорками,
Дѣ волувъ ступа, тамъ жита копа,
Дѣ волувъ рожокъ, тамъ жита стожокъ.

Суцаны (Овр. уѣздъ).

Б.

По пудъ лесомъ, лесомъ широкиѣмъ,
Ой, тамъ Пѣтрухно пѣрѣлінку орэ,
Прийшовъ до його батѣнько його:
«Ой ори, синку, всю пѣрѣлінку,
«Будомъ сеяті жито пшаницу,
«Будомъ нажинать частіе снопки,
«Частіе снопки—густіе копки,
«Ясѣнь місяць по мѣжъ зорками,
«То такъ Пѣтрухно по мѣжъ конками».

Собичинъ (Овр. уѣздъ).

В.

За лісомъ, лісомъ широкѣ поле,
А на томъ полі староста орэ,
Прийшовъ до його батѣнько його:
«Ой ори, синку, дай усю нівку,
«Насеемо два лани жита,
«Два лани жита, трѣтій ишѣнице
«Трѣтій ишѣнице, якъ чаровниче,
«Будѣмо жати жѣнце, наймати,
«Будѣмо возити на сине морѣ,
«Класти стожки на штирѣ рожки,
«Я сивимъ соколомъ завершимо,
«А соколъ сѣдить да въ морѣ глѣдитъ,
«Що сине морѣ розливаеца,
«Щука рибонька викидаеца,
«Кобъ ся рибонька на тарелочку
«Вожий матери на вѣчѣрочку;
«Вожая мати сина вродила,

«Сина вродила нѣй охристила,
«Нѣй охристила, нѣ надарила.
«Послали послы по всѣму свѣту
Шобъ збиралісе и попи дѣяки
И попи-дѣяки проевнищенники,
Стали питати стали гадати,
Якъ сѣмъ дигяти за ймѣно дати,
Дали йму ймя святого Илли,
Вожая мати нѣ возлюбила,
Нѣ возлюбила не надарила
Зъ бѣлое ложѣ нѣ виступала,
Послали и т. д.
Дали йму ймя святого Пѣтра,
Вожая мати нѣ возлюбила и т. д.
Дали йму ймя Исуса Христа,
Вожая мати сѣе злюбила,
Зъ бѣлое ложѣ дай виступила,
Дай виступила дай надарила.

Жубровицѣ (Овр. уѣздъ).

35. Соколъ на вершинѣ стога жита.

Ой Божэ, Божэ, насеймо жита,
Жита пшаници, всякое пшаници,
Назбираемъ жѣнцѣвъ, семсотъ молодцѣвъ,
Наставляемъ копокъ, якъ на нѣбі зорокъ,
Поставимъ стожка, дай надъ рѣкою,
Дай надъ рѣкою, надъ глубокою,
Чимъ його завершити? сивимъ соколомъ,—
«Соколе, соколе, ти сѣдишь високо
«Ти сѣдишь, високо, ти бачишь далѣко».

Петраши (Овр. уѣздъ).

36. Василева мати щедруетъ.

(Щодруха).

А

Василева мати пошла щодрувовати,
На повѣе літо роди Божэ жито,
Жито й пшаницю—всяку пшаницю
Зъ колѣсочка—жита мірочка,
А зъ снопочка—жита бочка,
Въ діжѣцѣ східъ—а на столику спиртъ
А намъ винѣси пирігъ.

Боровицѣ (Луцкаго уѣзда).

(Щедровка).

Б.

Василёва мати пошла щодровати,
Пісти носить—Бога просить:
«Роди, Божэ, жито й пшэницю,
«На новэе лето роди, Божэ, жито».
Бѣлка (Жит. уѣзда).

«Дэсь у стаенци коні сэдлають»,
Ходемо, братце, пудвэселемо
Чи нэ дасть намъ хочь по одному,
Хочь по одному по вороному».

Суцаны (Овр. уѣзда).

39. На дворѣ радость.

А.

(Щедруха).

37. Хозяинъ на току пшеницу вѣсть. „З възселімъ!“.

Щедровка.

Ой ситничку на рокітничку
Щодрий вэчоръ, дай добрий вэчоръ!
Ті дома дома панъ господарь?
— Нэма вдома, дэсь у току пшаниченки вее,
Ті дома, дома да його дони?
— Нэма вдома дэсь у светлонци хусти качае
Ті дома, дома да його жона?
«Нэма дома, дэсь у светлонци пирождэчки нэчэ.
Ой ходімъ до його, звэселімъ ми його
Ті нэ дасть вонъ памъ до гарцу пшаници?
Ой ходімъ до ее, звэселімъ ми ее,
Ті нэ дасть вона намъ дай по хусточци?
Ой ходімъ до ее, звэселімъ ми ее,
Ті нэ дасть вона намъ по пирождэчку.

Славечна (Овр. уѣздъ).

Пойди, господару, на гумно
Чи вжэ козки покозилися?
Щодрий вэчоръ, святый вэчоръ
Добрымъ людамъ на вэсь вэчоръ!
Чи вжэ козки покозилися?
Овэчата покотилися?
Щодрий вэчоръ и т. д.
Ой щэ козки нэ возилися
Овэчата не котилися
Щодрий вэчоръ и т. д.

Боровичи (Луцкаго уѣзда).

Б.

(Щедровка).

38. Господарь подъ грушей, господиня въ коморѣ червонцы считаетъ.

Ой, въ полі въ полі груша стояла
Даемо!
Дай жэ вамъ Божэ счастье здоровье
Вашому дому!
Пудъ тэю грушой бѣлая жожа,
А на той ложі лэжить панъ гожий.
«Ой, пане, пане, дэжъ ваша пані?»
— «Дэсь у коморци лічыть чэвронци».
«Ходемо, братце, пудвэселемо
То жъ йому.

Дай жэ вамъ Божэ счастье здоровье
Вашому дому!
«Чи нэ дасть намъ хочь по одному,
Хочь по одному по чирвоному.»
«Ой, панэ, панэ, дэ ваши дочки?»
— «Дэсь у светлонци хусти качають»
«Ходемо, братце, пудвэселемо,
Чи нэ дасть намъ, хочь по еднэньки,
Хочь по еднэньки по шовковэньки».
Чи вдома дома панови сини?

Иди дядьку на обору,
Тамъ корови потэлились (2),
А всэ бички породились,
Нэ такъ бички якъ корови,
Шобъ ви були всі здорови.

Годомичи (Луцкаго уѣзда).

40. Пчолы.

А.

За лесомъ лесомъ оболоче,
Святый вэчоръ, оболоче!
Ой тамъ лэгають яри пчолайте
Святый вэчоръ, яри пчолайте,
Питають вони пчульное мати и д.
«Пчульная матка, куда намъ іті»
Чи въ щэрэ борэ, чи въ густі лісэ»,
— «Нэ йдітэ витэ въ ширіе бори,
Но йдітэ витэ въ густіе лісэ,
Носітэ витэ солотти мэдэ».
Городокъ (Луцкаго уѣзда).

Б.

Ой шумить гудэ, дубровою йдэ,
Яра пчолонька дитоньки вэдэ,
«Сядзайтэ дэткі по новичэнькахъ,
А я старэнька на стари коньце,
Носітэ, дэткі, солодки мэдкі,
А я, старэнька, шэй найсолудчи,
Тай насолудчи, воскомъ жовтэйши,
Ой да будэмо сити ситити,
Сити ситити сини жэніти,
Свэчки саукати, дочки 'давати».

Выри (Ров. уѣзда).

В.

Ой шумить гудэ, дубровою йдэ,—
Пчоляна матка дитоньки вэдэ;
«Ой сядьмо, дітки, дай поради́мось,
«У чий ми островъ дай потягнэ́мсь,
«Потягнэ́мсь у NN островъ,
«NN островъ тонки високи,
«Тонки високи,—въ бурти глибоки,
«Вудэ́мь сэдіти, мэдн робити,
«Мэдн густне, воски жовтне,
«Богу на хвалу, лю́дямъ на славу».

Андреевичи (Нов. Вол. уѣздъ).

42. Красной паннѣ три подарка изъ ко- ры оббитой райскими пташками.

А.

Красная панна по саду ходила
Гэй, рожэство!
По саду ходила, садъ садила,
Садъ садила, садъ поливала
«Роди Божэ вишні чэрэшні
Вишні чэрэшні, гэй рожіство».
Я туй бэрэзі кору золотую,
Якъ нэ злітілі райскіе пташкі,
Тую кору обдзюгали,
И дэ взялася красная панна,
Тую кору скоро позбірала,
Позбірала въ хвартушокъ узяла,
Ой занісла да до злотнічка,
Излий міні три чотирн пэрэсні,
Купивъ батько дорогую шубу,
Ой я, мати, сукию дорогую,
Дорогую шубу зъ милимъ статъ на шлюбѹ,
Я, братічокъ, коня вороного,
Я, сэстріцн, шовковы платочокъ
Шовковий платочокъ руки изъязати,
Руки изъязати, правдоньки казати.

Костополь (Ров. уѣзда).

41. Красной паннѣ перстень изъ золотой коры березы.

Б.

Ой надъ рэкою, надъ глибокою,
Ой тамъ стояла тонка бэрэза,
Тонка бэрэза зъ вэрху кудрава,
На той бэрэзе золота кора,
Золота кора друбная роса,
Пойди NN, позбирай росу,
Позбирай росу у золоту мису,
Ой, да повэси до ковальчика,
До ковальчика, до коханчика.
«Муй ковальчику, муй коханчику:
«Ой изкуй минѣ золотий пэрстэнь,
«Приехало до мэнэ трое сватонки,
«Едние стали за воротами,
«Другие стали пудъ сеньми зъ кэньми,
«Трэтіе сели въ хаті за столомъ,
«За воротами павэнь вэночникъ,
«Пудъ сеньми съ куньми золотий пэрстэнь,
«Въ хати за столомъ сама молода,
«Сама молода, такъ якъ ягода».

Жубровичи (Овр. уѣзда).

Красная панна по саду ходила,
Радуйса!
Радуйса, зэмлэ, синѣ божий народивса!
По саду ходила, садъ садовила,
Садъ садовила шей вишні чэрэшні,
Ой наленулі морскіе птахи,
Взялі кору дай пооббивали,
Ой понэслі дай до золотара;
«Вой ти, золотарчикъ, вой ти славий пан-
чикъ,
Вой скуй жэ да три подарунки:
Едэнь подарунокъ то золотий кубокъ,
Другій подарунокъ то шовкувъ рушничокъ,
Третій подарунокъ то золотий пэрстэнь;
Золотий пэрстинь—зъ милимъ мэнэяся,
Да шовкувъ рушничокъ на шлюбі стояти,
А золотий кубокъ гостэй частовати».

Городецъ (Луцкаго уѣзда).

В.

Красная панна по саду ходила,

Радуйся!

Радуйся, зэмлэ, синь божий народився!

Садь садила—вишні и чэрэшні,
А на туй бэрэзі золота кора,
Ой дэ узяліся райскіе пташкі,
Золотую кору дай ошкотали,
Дай ошкотали, дай оцэбэтали,
Ой дэ узялася красная панна,
Золотую кору вь хвартухь позбирала,
Да понэсла до пана злотнічка,
Ой, пані злотнічку, позлоть мні пэрэчко.

Стыдынь (Ров. уѣздъ).

Г.

Гэй рожэство!

Красная панна садь садила,

Гэй рожэство!

Садь садила, да й Бога просила:
«Зароди Божэ вишні чэрэшні»:
Якь заснула красная панна,
Налетелі да райскіе пташкі,
Кору побивалі, голле поламалі,
«Кори нэ вбивайтэ, голлі нэ ламайтэ.
Прокинулася красная панна,
Кору позбирала вь хусті новязала,
Да понэсла до трехь злотничковъ,
Искуйте мне пэрвой вэнокъ,
Пэрвой вэнокъ срібний пэрстэнь.

Осова (Луцкаго).

Зроби мні золотъ пэрстінъ,
Золотъ пэрстінъ на ручэчку,
Поясочокъ на нэдільку,
А вэночокъ на таночокъ».

Владимирецъ (Луцкаго уѣзда).

44. Три подарка изъ золота, оббитого пташками съ золотыхъ воротъ.

Я вь поли, вь поли дунмъ при дорозе,

Радуйся,

Да радуйся, зэмлэ, вэсэліся нэбэса,
Синь Божий народився!

Я вь тому дому, та нови ворота,
Нови ворота изъ самого злота,
На тихъ воротяхъ пташки ночовали,
Пташки ночовали, злото по'ббивали,
Злото по'ббивали, золотару дали:
«Ой ти, золотару, та нань господару,
Купи жь мніи да три гостинчики,
Одинъ гостинчикъ, охъ то павэнь вэнчикъ,
Другий гостинчикъ крамна суконька,
Трэтій гостинчикъ золотий нэрстэнь,
Крамна суконька следъ замэтае,
Золотий нэрстэнь—ручэнька сяе,
Павэнь вэнчикъ головку клонить,
Я вь сёму слови будьтэ здорови,
А сіе святка святкуйтэ здорови,
Ми твого двору нэ минаемъ,
Святимъ рожэствомъ звэлічаемъ,
Ми сь твого двору, а пастя на двуръ,
Я пастя на двуръ, зь двора на твуй дунмъ».

Вьри (Ров. уѣзда).

45. На вербѣ золотая кора. Изъ нея подары красной паннѣ.

А.

(Щедруха).

43. Красной паннѣ перстень и поясъ изъ „Святой руски“ конопельки.

Щедровка.

Я вь городи канопэлька,
Шодрий вэчоръ добрий вэчоръ
Добримъ людямъ на здоровье!
На туй конопэльці свята руска,
Дэ взяліся райскіе пташкі,
Тую руску роstrэпали,
Якь взялася красная панна,
Тую руску позбирала,
Тай вь хвартушокъ позбирала,
Да повэсла, до злотничка:
«Ой злотничку злотничэньку,

Сэрэдъ сэла стоить вэвба,
На туй вэрбі золота кора,
На туй корі друбна роса,
Тая роса тай опала,
Прийшла панна, позбирала,
Прийшла панна, позбирала,
У рушничокъ завязала,
У рушничокъ завязала,
До злотничка одослала,
«Ой злотничку рэмэсничку,
Позлоть мэні золотъ пэрстінъ,

Золотъ пэрстинь до шлюбику,
Я поясокъ до шлюбику».

Боровичи (Луцкаго уѣзда).

В.

(Коляда).

Въ мого батька пэрэдъ ворітьми,
Стѣйтъ вѣрба й у золоті,
Тамъ дівчѣна ходила,
Да росицу тѣрусела,
Да въ фартушокъ позбирала,
Да злотничкамъ одослала,
«Ой злотнички, рѣмиснички,
Скуйтѣ міні прѣстінъ золотъ,
Ноясочокъ на станочокъ,
А пірѣчко на віночокъ».

Городокъ (Луцкаго уѣзда).

46. Подъ золотой вербой хлопцы радят- ся идти по дѣву.

Ой пудъ вѣрбою, пудъ золотою,
Хлопцы стояли раду радили.
«Ой ходѣмо мѣ до пана NN,
А въ пана NN хороша дівка,
Хороша дівка, молода NN.»

Городокъ (Луцкаго уѣзда).

47. Чудесное дерево.

Ой въ поле въ поле крутая гора,
Аледуй, аледуй крутая гора!

А по той горе шовкова трава,
Аледуй, аледуй шовкова трава.

А въ той травѣ дрѣво стояло,
Я съ того дрѣва голля до зѣмле,
Я съ того дрѣва срібло капнуло,
Я съ того дрѣва крижа робили,
Понѣсѣмъ Христа по пудъ нѣбѣса,
Тое нѣбѣса роствориліса,
Все хригѣніѣ звѣсалиса.

Суцаны (Овр. уѣзд).

48. На дворѣ дубъ, на дубѣ три користи.

На твойму дворѣ дубъ гилѣнистий,
А въ тому дубі той три користи,

Иидная користъ у корѣнь дуба,
Другая користъ посѣрѣдъ дуба,
Трѣтая користъ у вѣрсе дуба,
У корѣнь дуба сивне бобри,
Посѣрѣдъ дуба ярне пчоли,
У вѣрсе дуба ясни соколи,
Хто бобри побѣе, то шуба будѣ,
Пчоли поглядитъ, той мѣду будѣ.
Соколи побѣе,—славѣнь панъ будѣ.

Ой, той славѣнь панъ дай ославивса,
Бѣлмъ залезомъ дай огородивса,
Я кѣля його той вуйска много,
Тай вуйска много просяця його,
«Пусти насъ цанѣ у чужу зѣмлю,
У чужу зѣмлю у Турѣщину,
Ми жъ того Турка извоюемо,
Дай стрелоньками зрѣвѣруемо.
Да насѣемо два лани жита,
Два лани жита—трѣтій ишѣниці,
Накладѣмъ копокъ—на нѣбі зорокъ,
Покладѣмъ стоги въ чотирѣ роги,
Яснимъ соколомъ дай завѣршимо.

Ой сокуилъ сѣдитъ, на морѣ глѣдитъ,
Виглѣдѣвъ собе бѣлу рибоньку:

«Съ тѣбѣ рибоньки лусконьку зняти,
Зъ мѣнѣ сокола перѣчко драгн,
Да поваратъ насъ въ медннихъ горшкухъ,
Да покладуть насъ да по полумискахъ,
Да понѣсуть насъ по свѣтличенькахъ,
Да будѣ естѣ тай той славѣнь панъ,
Дай той славѣнь панъ, панъ NN»

Я въ сѣму слови будѣмо здорови и т. д.

Выры (Ров. уѣзда).

49. Соколь и рыба. I.

А.

Ой надъ водою надъ глибокою,
Яворъ стоявъ тонки, високи,
Тонки, високи, изъ вѣрху кудравн,
На тимъ яворѣ сивъ соколь сѣдитъ,
Сивъ соколь сѣдитъ, дай въ воду глѣдитъ,
Дай въ воду глѣдитъ, зъ рибкой говорить:
«Ой, рибко, рибко, як ти високо,
«Якъ ти високо, а я глибоко,
«Съ твойихъ косточокъ зробимъ лучѣчокъ,
«Зъ мого перѣчка зробимъ стрѣлочку,
«Дай попустимо вишѣ Дунаю,
«Вишѣ Дунаю славному пану.
«А тѣй намъ панъ слично заплатитъ,
«Слично заплатитъ, сто рублювъ втратитъ».

Искорость (Овр. уѣзда).

Б.

Ой надъ водою, надъ глубокою,
Ой дай-Боже!

Яворъ стоявъ тонки, високи,
Тонки, високи, звэрху кудравн,
На томъ яворе сивъ орэлъ сэдить,
Сивъ орэлъ сэдить дай у воду глэдить,
Дай у воду глэдить, зъ рибкою говорить,
«Ой рибко, рибко посватаймось,
«Посватаймось, нобратаймось,
«Съ твойхъ косточокъ зробимъ стрилочокъ,
«Ой да пустимо по надъ Дунаёмъ,
«Ой да пустимо красному пану».

Ушомирь (Жит. уѣзда).

50. Соколъ и рыба II.

Ой, надъ водою, надъ глубокою,
Тамъ стоявъ яворъ тонко, високо,
Тонко, високо, зъ вэрху кудраво,
Я въ тихъ кудрахъ сівоколя сѣть,
Сівоколя сѣть да въ воду глѣть,
Да въ воду глѣть да рибу бачить:
«Ой рибо, рибо, як ти глубоко,
«Ой якъ ти глубоко, а я високо,
«Ой рибо, рибо, будьмо' дного пана,
«Одного пана заслужимъ коня,
«Заслужимъ коня воронѣнького,
«Воронѣнького, молодѣнького».
Я погнавъ коня, тай догнавъ цара,
Привъязавъ цара вище стрѣтяна,
Ой а царъ кажэ «отпусти мѣнэ»
—«Нѣдпустю тѣбэ, хочъ затну тѣбэ»...

Собичинъ (Овр. уѣзда).

51. Соколы сваты.

По надъ морѣмъ, по надъ глубокимъ,
Грай, коню!
Грай, коничѣнько, нудъ паничѣнькомъ NN!
Да стоить яворъ тонки, високи,
На томъ яворі два соколоники,
Ой, вийшовъ NN на ставъ стрѣляти,
Вийшовъ до його батѣнько його:
Нѣ стрѣляй, синку, цю яворнику,
Я будѣшь молодъ по деву ехатъ,
Помосивъ мости съ друбное трости,
Погатимо гатки зъ руты та зъ мятки,
Поставишь слупи всѣ золотіе,
Повѣшаешъ сукне всѣ дорогіе,

Якъ будѣшь, молодъ, зъ дівкою ехатъ,
Засяють слупи всѣ золотіе,
Засяють сукні всѣ дорогіе,
Запахнуть гатки зъ руты та мятки»

Селець (Овр. уѣзда).

52. Змѣй сватъ.

Черезъ Суцаны бити гостинѣць,
На томъ гостинѣ білі камѣнь лѣжить,
На томъ камѣне югий змѣй сѣдить,
Кѣле того змѣя красний паничокъ,
На того змѣя дай помѣрае,
А змѣй до його дай промовляе:
«Ой нѣ стрѣшь, нѣ стрѣль, красний паничу,
А тобѣ буду вѣлікой пригоде,
Ой якъ ти будѣть да жѣнитисо,
Помостю мости зъ друбное трости,
Погатю гати зъ зелѣное мяти,
Поставлю снопи всѣ золотіе,
Повѣшаю кудра всѣ шовковіе,
Ой якъ ти будѣшь дивиньку вѣзѣ,
Забраччати мости зъ друбное трости,
Запахнуть гати зъ зелѣное мяти,
Засяють слупи всѣ золотіе,
Замаяють кудра всѣ шовковіе».

Суцаны (Овр. уѣзда).

53. Вепрь сватъ.

А.

Ой, рано, рано кури занієли
Святій вѣчоръ!
Ой ищѣ раней панъ жѣніхно вставъ,
Панъ жѣніхно, вставъ служки побужаавъ:
«Ой вставайтѣ, слуги верніе,
Да запрагайтѣ коні вороніе,
Да поедѣмо въ чистое поле,
Въ чистое полѣ на ноліване,
Да забѣжо дикого вѣпра,
Дикого вѣпра—лютого звѣра».
Молодъ жѣніхно лукъ натягае,
Лукъ натягае, вѣпра стрѣляе:
«Нѣ страдай мѣнэ муй славний панѣ,
Ой, якъ ти будѣшь молодъ жѣніца,
Ой, то я буду вѣлікой пригоді:
Помостю мости всѣ каліною,
Поволоку леса всѣ волокою,
Простолю поля всѣ кужѣлями,
Шобъ ехавъ мостомъ дай нѣ струсівса,

Шобъ ехавъ лесомъ дай нэ вросіва,
Шобъ ехавъ полемъ дай нэ впиливса,
А за сімъ словомъ и т. д.

Смородскъ (Пинскаго уѣзда, Минской губ.).

А матюнка скажэ: «то мой синь едэ»,
«То мой синь едэ, собі жону вэзэ,
«Ой собе за жону, а собе за слугу».

Стыднй (Ров. уѣзда).

Б.

Ой, рано, рано кури нопьели,
Ой, ищэ раней нань жэнихъ уставъ,
Пань жэнихъ уставъ, звонкомъ зазвонивъ,
Звонкомъ зазвонивъ, брати побудивъ:
«Вставайтэ, братя, нэ досипайцэ,
«Да поедемо въ чистэе поле,
«Въ чистэе поле на полёване,
«На дикого вэпра, на лютого звэра».
— «Славний жэнишокъ, нэ стрэлай мэнэ,
«Вуду я тобіэ у вэлікуй пригоде,
«Ой, як ти будэшъ молодъ жэнится,
«Пороблю мости съ жовтое кости,
«Поставлю брами всэ малёвани,
«Обвэду леси паволокою,
«Ой якъ ти будэшъ до девки ехатъ,
«Забразчатъ мости съ жовтое кости,
«Засяють брами всэ малёвани,
«Зашумлять леси паволоцкне»...

Нѣмовичи (Ров. уѣзда).

55. Утка—сватаетъ.

Зажурилося кругая гора,
Святый вэчоръ!
Шо нэ зродила шоукова трава,
Дай изродило зелэнэ впно,
Я налэтели руськне пташки,
Дай подзюбали зелэнэ вино,
Красний паничикъ дай на ихъ злобитъ,
Дай хочэжъ вонь ихъ дай усехъ забити
Пэрэдъ имъ ютка пэрэлетае,
Пэрэлетае, пэрэпадае:
«Нэ стрэлай мэнэ, красний паничу,
«Я тобе стану у три пригоде,
«Якъ ехатимэшъ зза гунрь по девку,
«Помостю мости съ тонкой трости,
«Поставлю пале всэ золотне,
«Повешаю корогви всэ шовковне,
«Якъ ехатимэшъ зза гунрь зъ девкою,
«Забразчатъ мости съ тонкой трости,
Засяють пале всэ золотне,
Замають корогви всэ шовковне».

Жубровичи (Овр. уѣзда)

54. Туръ сватъ.

Лэтять ластовоньки пудлэтують.

Радуйса!

Радуйса, землэ, синь Божий народивсэ!
Красного панича прэбуджають.
«Во вжэ твое слуги давно повставали,
«Давно повставали, коне поседлали,
«Коне поседлали, хорти поличали (2)
«Хорти поличали дай дэсь поэхали,
«У чистэе полэ дай на полюваня,
«Дай на полюване, дай на погуляне».
Ой ставъ паничъ лучокъ набивати,
Ставъ до його туръ промовляти:
«Нэ стрэлай мэнэ, красэнъ паничу,
То я тобэ стану въ вэлікой вигоде,
Въ вэлікой вигоде за чотири годи,
Ой застэлю полэ чэпчугами
Да покладу мости да всі золотийі,
Чэрэзъ тийі мости будэшъ панну вэзтэ,
Чэпчуръ будэ полэ чэрвонети,
Золотийі мости да будутъ дзвэнети,
А почують людэ, скажуть: «князь едэ»,

56. Муза громада. Утка сватаетъ.

А.

Ой, на юлиці на широкой,
Ой, стояла мужа громада,
Мужа громада, хлонцовъ другая,
Радили раду дай нэ до ладу,
«А йідэнь прийшовъ, всю раду найшовъ,
«Ай скуймо, братце, золотий човэнъ,
«Золотий човэнъ срибнэ вэсэлцэ,
«Срибнэ вэсэлцэ, якъ яснэ сонцэ,
«Да, всадемы туди красного пана,
«Да цустемъ його на тихий Дунай,
«На тихий Дунай стрэлочокъ рэзатъ,
«Стрэлочокъ рэзатъ, въ пучокъ ввязать,
«Да въ пучокъ ввязать, на Дунай пускатъ,
«Котора права, то въ човэнъ класти,
«Котора крива, на Дунай пускатъ»,
Пэрэдъ йімъ ютка пэрэлітае,
Пэрэлітае, пэрэпадае,
«Нэ стрэлай на мэнэ, красний паничу,

«Красний паничу, пане NN,
«Я тобе стану въ великой пригоди,
«Якъ будэшъ ехати въ свати до девки,
«Помошу мости съ тонкой трости,
«Постэлю дороги все папэрови,
«Да побью палі все золотие,
«Повешу кудра все шовковие,
«Посвечу свэчи все восковие,
«Якъ будэшъ ехати зъ своей жоною,
«Забразчатъ мости зъ тонкой трости,
«Засяють палі все золотие,
«Зашумлять дороги все папэрови,
«Замають кудра все шовковие,
«Загорать свэчи все восковие,
«То люди скажутъ, чий то синь едэ,
«Чий то синь, едэ царувни вэзэ,
«Я батько скажэ: то муй синь едэ,
«То мой синь едэ, царувну вэзэ,
«То жъ нэ царувна, нэ королёвна,
«Батькова дочка такъ якъ панночка».

Эмилъчинъ (Нов. Вол. уѣзда).

Б.

Ой на улиці, на Широчині,
Ой да стояла мужа громада,
Мужа громада, молодцовъ друга,
Радили раду, нэ найшли ладу,
Я хлопэць прийшовъ да всей ладъ знайшовъ:
«Искуймо, браттэ, золотий човэнь,
«Золотий човэнь, срібнэ вэсэлцэ,
«Срібнэ вэсэлцэ, якъ яснэ соньцэ,
«Да пустемъ його на тихий Дунай,
«Стрэлэць рэзати, въ Дунай пускати,
«Котора права, то въ човэнь класти,
«Котора крива на Дунай пускати».
Пэрэдъ йімъ ютка пэрэлетае,
Пэрэлетае пэрэпадае:
—«Нэ літай, утко, застрэлю хўтко».
«Нэ стрэлай мэнэ, мой милий панэ,
«Я тобе стану въ великой пригодэ,
«Ой якъ ти будэшъ молодъ жэница
«Помошу мости съ тонкое трости,
«Постэлю дороги все папэрови,
«Я побью палі все золотие,
«Повешу кудра все шовковие,
«А будэшъ эхати съ красною панной,
«Забразчатъ мости съ тонкой трости,
«Зашумлять дороги все папэрови,
«Засяють палі все золотие,
«Замають кудра все шовковие».
Сербъ (Новогрвал. уѣзда).

В.

Ой на юлоньці Дунай широкий
Стояла рада мужня громада,
Радили раду нэвэличкую:
«Ой скуймо, брати, золотий човэнь,
«Золотий човэнь, срібнэ вэсэлцэ,
«Да всадимъ туда красного пана,
«Да пустимъ його на тихий Дунай,
«На тихий Дунай стрэлэць рэзати,
«Стрилоць рэзати шэй вибирати,
«Котора права—то въ човэнь класти,
«Котора крива на Дунай пускати,—
Пэрэдъ йімъ ютка пэрэлітае,
Пэрэлітае, пэрэпадае,
«Красэнь паничу, нэ стрэлай мэнэ,
«Я тобэ станэ въ великий пригоде,
«Якъ будэшъ йіхати до дівки въ годі,
«Помошу мости съ тонкой трости н т. д.

Андреевичъ (Нов.-Вол. уѣзда).

57. Молодецъ въ челнокѣ.

Ой рано, на дворе хмарно,
Съ тэй хмаройки дрібэнь дощъ идэ,
Съ того дощикъ річэйка тэчэ,
По тий річэйці човничокъ иливэ,
На тпмъ човнику молодчикъ сидить,
Стружэ стрілойки, шлэ до дівойки,
Котора правая до дівойти шлэ,
Котора кривая, на Дунай мічэ.

Городекъ (Луцкаго уѣзда).

58. Павинъ вѣнокъ I.

А.

Ой, подъ вэрбою, подъ зелэною,
Тамъ пана ходить, перъечко родить,
А за павою красная панна,
Красная панна да панна NN,
Перъечко бэрэ, въ рукавэць кладэ,
Зъ рукавця бэрэ да вэночокъ влэ,
Звила вэночокъ да пошла въ таночокъ,
Ой дэ взялися буйние віетри,
Як повенунули, венка звенули,
Ой, пошла вона лужкомъ бэрэжкомъ,
Зострэла вона три риболовце,
Три риболовце, три козачэньки,
Хай вони всі молодне:
«Чи нэ знайшли, ви, павэнь вэночокъ,

«Ой, якъ изнайшли, то признайтэся,
«За то вамъ будэ вэлика плата,
«Вэлика плата—горэлкп кварта,
«Едному будэ золотий пэрстэнь,
«Другому будэ шовкова хустка.
«Трэтёму буду сама молода,
«Сама молода такъ якъ ягода»...

Эмилычннъ (Нов. В. уѣзда).

В.

Ой, въ саду стэжэчка лэжить,
По той стэжэщцн навонька ходитъ,
Павонька ходитъ пэрэйко родитъ,
За его ходитъ, кречная панна,
Кречная панна, панна NN,
Пэрэчкэ бэрэ, въ рукавэць кладэ,
Зо рукавця бэрэ, на скамью кладэ,
Съ скамье бэрэ да въ вэночокъ вье.
Звила вэночокъ, пошла въ таночокъ,
Ой пошла вопа лужкомъ—бэрэжкомъ,
Лужкомъ—бэрэжкомъ—жовтимъ бэрэжкомъ,
Зострила вона три рибачэньки:
«Три рибачэньки—три козачэньки,
Милне мое три рибачэньки,
Закиньтэ мине зъ шоуку неводокъ,
Витягнеть мине сэй павэнь вэночкъ,
Ой то прэедэ мой братко зъ войска,
Привзээ мине три гостинчики,
Три гостинчики—три користоньки,
Едному будэ боброва шуба,
Другому будэ золотий пэрстэнь,
Третёму будэ сама молода,
Сама молода такъ якъ ягода,
А за снмъ словомъ и т. д.

Олевскъ (Овр. уѣзда).

В.

Хонла пава кэле Дуная,
А за павою кгрэчная панна,
Вона ходила, шрѣя збирала,
Шрѣя збирала, на скамью клала,
А съ скамьи брала, вэночокъ плила,
Звивши виночокъ, пошла въ таночокъ,
Зустрила вона три рибачэнька,
Три рибачэнька, три козачэнька:
«Ой·ви рибакп, ой ви козаки,
Ой, закинтьэ ви свуй шовковъ нэводъ,
Да нэ ловнтьэ да щуку лна,

Да споймаетэ мне павэнь вэночкъ,
Я жъ вамъ молода дарма нэ схочу,
Дарма нэ схочу, дорого заплачу:
Одному будэ павэнь вэночокъ,
Другому будэ срибляний пэрстэнь,
Трэтёму буду сама молода,
Сама молода отъ якъ ягода».

Нѣмовичи (Ров. уѣзда).

Г.

Ходіла нава коло поплава,
Ой дай Божэ!
А за павою красная панна,
Пэрѣ збирала, на скамью клала,
Я зъ скамье брала, вэночокъ віла,
Звивши вэночкы, пошла въ таночокъ,
Ой пошла вона крутимъ бэрэжкомъ,
Да стрела вона три риболовце,
«Три риболовце, мое милэнькэ,
Закинеть ви шовковий нэводъ,
Да спойметъ ви павенъ вэночокъ,
Самому старшому павэнь вэночокъ,
Сэрэдупьшому золотъ персничокъ,
Самому мэньшему сама молода,
Сама молода отъ якъ ягода».

Суцаны (Овр. уѣзда).

Д.

Ой въ ліску, въ ліску, на жовтимъ нэску,
Павою ходитъ, шрѣчкэ родитъ,
Шрѣчкэ бэрэ, въ хвартушокъ кладэ,
Съ хвартушка бэрэ віночка вивье,
Звила віночокъ, пошла въ таночокъ.
Ой дэ взелэся буйний вітри,
Дай повинули той павэнь віночъ.
Якъ пушла вона граемъ Дунаёмъ,
Стрітла вона два рибачэйка:
«Два рибачэйки, два молодчэйки,
Ой ви ти мойі два молодчэйки,
Чи нэ бачили туй навэнь вэночкъ?»
Ой, одэнь кажэ, що я нэ бачивъ,
А другий кажэ, що я зобачивъ:
По полю ходитъ, тай жнто родитъ»

Городокъ (Луцкаго уѣзда).

59. Павинъ вѣнокъ II.

(Щадруха).

Ой у ліску, у ліску на жоутимъ пѣску,
Тамъ пава ходить, шіръечко губить,
За ею ходить панъ N. N,
Шіръечко дэрэ, у рукавѣць кладэ,
Зъ рукаuca бэрэ, у вѣночокъ вѣе.
Пришла до ее мамонька ее.
«Иди, донѣньку, у часъ до домоньку!»
—Пожди мамонька—вѣночка довью,
Вѣночка довью, до дому пойду.»
Пришла до ее сестронька ее

.
Пришовъ до ее братичокъ ее....

.

Деражня (Ров. уѣзда).

60. Дѣвка тановъ водить.

А у Сущанахъ дай на риночку,
Играло!
Игралі елі тамъ пороженьки
Звенелі!
Тамъ красна панна та нэ завѣла
Игралювъ!
Игралі елі, по золотому платілі!
Пришовъ до ее батѣнько ее;
«Ходімъ, донѣнько, да вѣчераті»
«Трѣба, батѣнько, танцю довести».
Танцю довѣла, вѣчерать нѣйшла,
Ай у Сущанахъ дай на риночку
Тамъ красна нэ завѣла

Игралювъ!
Пришла до ее матюка ее:
«Покинь, донѣнько, танцю, водити
Ходімъ, дѣню, дай вѣчераті.
Пожді мамко—танца доведү,
Танца довѣла, вѣчерать нѣйшла,
Пришовъ до ее млѣнький ее:
«Покинь млѣнька танца водити
«Пожди млѣнький танца доведу».
Танца довѣла вѣчерать нѣйшла».

Сущаны (Овр. уѣзда).

61. Панна вино ссерегла.

А.

Ой, чэрэзъ полэ стѣжка лѣжала,
Кто ее втоптавъ?—Красная панна,
Красная панна вино стѣргла.

Вино стѣргла, хусточку шила.
Хусточку шила тай задрѣнула,
Ой дэ взялись райскіе пташки,
Якъ селі-впали, вино сключали,
Якъ прокинулася красная панна.
«Ви райскіе пташки ви нэ линитэ,
«Ви нэ линетэ, вина нэ пьетэ,
«Намъ цого вина багацко трѣба,
«Ищэ два брати тай нэ жонати,
«А старша сестра щэ замужъ нэ йшла,
«Я молодѣнька вжэ готовѣнька».

Сербы (Новогр.-Вол. уѣздъ).

Б.

Зажурилася крутая гора,
Святій вѣчоръ!
Шо нэ зродила шовкова трава,
Ой но зродила зѣлѣнэ вино,
Хто надъ тимъ виномъ сторожѣмъ будэ?
Хто тѣе вино стѣрегти будэ?
Яжъ визвалася славная панна,
Славная панна, панна NN:
«Я того вина стѣрегти буду».
Стѣргла вона и хустинку шила,
Хустину шила, дай задрѣнула.
Якъ наглѣнули райскіе пташки,
Кубки побили, вина пошили:
«И шуги шуги кубки нэ битэ,
Кубки нэ битэ, вино нэ питэ,
Тѣперъ мнѣ вина багацко трѣба,
Тѣперъ муй батюко зъ Луцька прийдэ,
Привѣзэ вунгъ мнѣ три гостинчики,
Три гостинчики три парадоньки,
И одѣнь гостинчикъ той павѣнь вѣнчикъ,
Другій гостинчикъ—золотій пѣрстѣнь,
Трѣтій гостинчикъ—красна суконька,
Золотій пѣрстѣнь на руке сие,
Крамна суконька слѣдъ замѣтае.»

Выры (Ровенскаго уѣзда).

62. Панна стережѣтъ золотую кору.

Стоить бэрэза тонка висока,
Радуйса, зѣмлэ, Богъ тѣбѣ врдіотъ!..
Тонка висока звѣрху кудрава,
А на той бэрэзі ой золота кора,
До тое бэрэзи втоптана стѣжэчка,
Хтожъ тѣе втоптавъ?—Красная панна,
Красная панна кори стѣргла,
Кори стѣргла дай задрѣмала.

Приехало до еє трое сватовъ,
Одне сталі по пудъ садами,
Другие сталі пуодъ воротами,
Трѣтіе стали пудъ стѣньми зъ коньми,
Що по пудъ садами платочокъ дала,
Пудъ воротами пѣрсинка дала,
Пудъ стѣньми зъ коньми сама молода,
Сама молода отъ якъ ягода.

Сущаны (Овр. уѣзда).

63. Панна пшеницу жала.

А.

Ой, чэрэзъ полэ стэжка лэжала,
Тамъ красна панна пшэницю жала,
Пшэницю жала, шовкомъ вѣязала,
Прийшовъ до еє батэнько еє,
«Ой кидай, доню, пшаниці жати,
«Иди до дому гостэй приймати,
«Вхали до тэбэ любіе госте,
«Едине стали въ хаті за столомъ,
«Другие стали въ сіняхъ за двэрми,
«Трѣтіе стали съ куньми пудъ сеньми,
«Въ хаті за столомъ хусточки дали,
«Въ сеняхъ за двэрми почастовали,
«Съ коньми пудъ сеньми подзэньковали».

Сербы (Нов. Вол. уѣзда).

Б.

Красная панна пшаницю жала,
Святій вѣчоръ, пшаницю жала!
Пшаницю жала, три рѣди клала,
Прийшовъ до ейі татойко ейі:
«Годі, донэйко, пшаниці жати,
Ходи до дому гостэй шаповати,
А ті намъ гости три рибачэйки,
Три рибачэйка всэ молодіе:
«Красная панна що ти намъ мінішъ?»
—«Одному міню хустку шовкову,
Другому міню прѣстіпъ золотій,
Трѣтёму міню сама молода,
Сама молода ой такъ якъ ягода,
А мое личко ой такъ якъ яблэчко».

Городокъ (Луцкаго уѣзда).

64. Панна пшеницу жала. П.

А.

Ой за горами пшэниця яра,
Пшэниця яра повидлягала,
Тамъ красна панна пшэниці жала,
Ой жала жала, крѣпко заснула,
Пришло до еє сімсоть паничэвъ,
Сімсоть паничэвъ, усі гарни хлонци,
«Красная панна мѣжъ тэбэ возымѣтъ»,
—«Нэ бэрить мэнэ у чистому полі,
Да бэрить мэнэ въ мого батэнька:
Въ мого батэйка три сторіжэйка,
Підна сторожа—батёко у стола,
Друга сторожа—батёко въ порозі».
Трѣтя сторожа—сѣстра въ порозі».

Костополь (Ров. уѣзда).

Б.

Ой, во лузе во лузе при дорозэ,
Ой дай Боже!
Тамъ красна панна пшаничку жала,
Пшаничку жала, во три радки клала,
Пришло до еє сімсоть молодцёвъ,
Сімсоть малодцёвъ усехъ Сущанцёвъ.
«Красная панна, ми возымѣтъ тэбэ».
—«Нэ бэреть мэнэ въ чистому поле,
Да возымѣтъ мэнэ въ батёка за столомъ,
Въ мого батэнька да три вартонька:
Одна вартонька батёко за столомъ,
Друга вартонька маті въ порозе,
Трѣтя вартонька братічокъ на дворе,
Батёко за столомъ кубки сповиле,
Маті въ порога хустоньки крае,
Братічокъ на дворэ коніка сэдлае».

Сущаны (Овр. уѣзда).

65. Панна траву жала.

(Щедровка).

Жала NN шовкову травицю
По зарі!
Гой по зарі дай місяцъ нэ виднэнько!
Травицю жала нѣрстінъ заубила,
Ой шла жи вона до домоньку,
Зостріла вона три косарикэ:
«Ви косарикэ ви маладэнькэ
Викосьтэ мэні шовкову траву,
Травицю скосітэ нѣрстінъ найдітэ,

Едному будэ шовкова трава,
Другому будэ золоти пәрстінъ,
Трэтѣму буду сама молода,
Сама молода такъ якъ ягода».

Владимирецъ (Луцкаго уѣзда).

66. Красная панна перевозъ держитъ.

А.

Ай, вода, вода, вѣлика вода
Святий вѣчоръ!
Вѣлика вода бәрэги рвала,
Красная панна пәрэвузъ мала,
Красная панна, панна NN,
Пришло до ея сімсотъ козакувъ,
Сімсотъ козаконъ, двісти молодцювъ,
«Красная панна, пәрэвэзи насъ»
— «Не пәрэвэзу, нѣ маю часу,
А муй батѣнько зъ вуйська приїхавъ,
Да привїізъ мияі золотий гостинѣцъ,
Золотий гостинѣцъ пәрловий вѣнѣцъ:
Пәрловий вѣнѣцъ—на головку клонѣцъ,
Золотий пәрстінъ той на ручѣньку,
А поясочокъ на нѣділѣньку».

Владимирецъ (Луцкаго уѣзда).

Б.

Ой, у Києві на пәрэвозі,
Тамъ красна панна пәрэвозъ дәржала,
Пришло до ея семсотъ молодцювъ,
Красная панна пәрэвэзи насъ,
Нѣ пәрэвэзу—нѣмаю часу,
Нѣ часиночки, нѣ годиночки,
Тѣпѣрь мѣой братко зъ вуйська прѣехавъ,
Привюзъ онъ мѣне три гостинчика,
Пәршвий гостинѣцъ кунная шуба,
Други гостинчикъ пәрлови вѣночкъ,
Трѣтій гостинчикъ золоти пәрстникъ,
Я вѣ тѣе вбралась и вѣ цѣрку пошла,
Кунная шуба слѣдъ замѣтае,
Золотий пәрсникъ бѣзъ сонця сѣе,
Пәрловий вѣнчикъ головку клонить.
А за цимъ словомъ бувай здорова,
Бувай здорова, красная панна.

Искорость (Овр. уѣздъ).

В.

Ой у Києві на пәрэвозі,
Ой дай, Божѣ!
Ой тамъ NN пәрэвозъ дәржала,
Пәрэвузъ дәржала—пәрэвозпла,
Пришли до ея три колядинчики:
«Красная панна пәрэвэзи насъ».
— «Нѣмаю часу до пәрэвозу,
«Во вжѣжъ мѣой батѣько зъ войны приехавъ,
Да привїізъ мѣне три гостинчики:
Одинъ гостинчикъ павѣнъ вѣночокъ,
Другий гостинчикъ—золотий пәрсникъ,
Трѣтій гостинчикъ—дорога сукѣнька,
Павѣнъ вѣночокъ—головку клонить,
Золотий пәрсничокъ на ручѣе сѣе,
Дорога сукѣнька слѣзами тае».

Суцаны (Овр. уѣзда).

67. Панна пошла по воду, встрѣтила короля.

Я вѣ нѣділю рано поранѣнько,

Радуйся,

Радуйся, зѣмлѣ, синѣ Божий

Народивса!

То красная панна вбирала головку,
Вбирала головку дай шла по водоньку,
Схилила головку чѣрпачъ водоньку,
А вѣночокъ испавъ дай на Дунай поплавъ,
Ходить красна панна по надѣ бәрѣжѣчкомъ,
Зострѣчае ея король молодѣнький:

«Чого красна панна да такъ сильно пла-

чѣшь,

Шо вѣночокъ испавъ да на Дунай поплавъ,
Нѣ плачъ красна панна нѣ плачъ, нѣ жу-

риса,

Я того вѣночка шаблѣю приплавлю,
А красную панну тай за сѣбѣ возьму».

Владимирецъ (Луцкаго уѣзда).

68. Панна пошла по воду, встрѣтила огуля.

Я у нѣдімо рано, рано поранѣнько

Радуйся,

Радуйся, зѣмлѣ, синѣ жѣ то Божий

Вродився!

Ранѣсѣнько встала головоньку вбрала,
Вбрала головоньку, пошла по водоньку,

Зобачила вона на морі йогуля:
«Пливи,—огуленько, гь сёму бэрэжэньку,
То я тэбэ вбэру, якъ самая знаю,
Принэсла пір'ечко зъ далэкого краю,
Я твойі крилэчка пэрлами обтину,
Я твойі нижэчки шовкомъ обов'ю,
Я твою головку злотомъ обов'ю,
Будэшъ хвалиця пірэдъ панамі,
Пірэдъ панамі, пірэдъ королямі:
«Такъ мэнэ вбрала красная панна,
У мойі крилэчка пэрлами втикала,
Она мойі нэжэньки шовкомъ обвила,
Она мою головку злотомъ обвила.

Костополь (Ров. уѣзда).

69. Панна пошла по воду: встрѣтила ангела.

Ой, сэлэ, сэлэ, чомъ нэ вэсэлэ?
— «Ой якъ жэ мине вэсэлэмоу быць?
Шо все девочки замужъ пошли,
Тилько я одна да засталася,
Хнба молода сэлэ звэсэлэ?»
Вэдэрнэ, взяла по воду пошла,
Збачила янголя сь того бэрэга:
«Пливи, янголю, молодъ за мною,
«Я тэбэ, янголю, гарнэнько вбэру,
«На твою голивку жэмчижну складу,
«Твое крилэчка злотомъ оболлю,
«Тэбэ, янголю, назадъ одошлю,
«Пішнись, янголю, царомъ-королёмъ,
«Царомъ-королёмъ отецкимъ сиюмъ».

Андреевичи (Нов. Вол. уѣзда).

70. Соколъ на соснѣ видитъ, какъ красная панна въ челнокѣ хусти шьеть.

Ой, сосна, сосна, високо зросла,
Святій вэчоръ!
Ой на тий сосні сивъ сокілъ сэдить,
Сивъ сокілъ сэдить, далэко глэдить:
На синімъ морі човничокъ плаве,
А въ тымъ човничку красная панна.
Красная панна, панна NN,
Вишила вона да три хустоньки,
Една хустонька зъ самого шовку,
Друга хустонька зъ самое белі,
Трэтя хустонька той зъ запологн,
Ой що пзъ шовка, то то батэньку,
Ой що изъ белі, то то матарі,
Ой що зъ запологн то то милому,

Нэма кому дати—та милому знати,
Послала батька—батько старэнький,
Послала матку—матка старэнька,
— Чи соромъ чи два—понэсу сама».

Осова (Луцкаго уѣзда).

71. Дѣвушка шьеть три рубашки.

Ой на горонце въ новой светлонце
Дэвушко!
Ой дэвушко пані, говори зъ нами,
Сэрдэнько!
Ой шила девушка три кошуленьки,
Ой одну шила тай дле батэнька,
Ой, другую шила та дле матонки,
А трэту шила сама для сэбэ,
Ой, що для батэнька,—то чорнимъ шовкомъ,
Ой що для матонки,—то чирвонимъ шовкомъ,
А сама для сэбэ—то срібломъ и злотомъ.

Селець (Овр. уѣзда).

72. «Я до тэбэ сама прибуду». I.

Коляда.

Ой, нудъ вэрбамі, ой нудъ вэрбамі
Святій вэчоръ!
Ой тамъ ходила статэчна жона,
Статэчна жона, NN мати,
Зостріла жъ вона три риболовці:
Три риболовці всі три молоді,
«Чи нэ бачили снна моёго?»
Ой пдэнь кажэ, шо я нэ бачивъ,
А другій кажэ, шо я нэ видивъ,
А третій кажэ, шо я зобачивъ:
«При крулю служить, на ковѣ йїздить,
Листоньки нишэ, до паненки шлэ,
А вона йому даф одписуе:
«Ой нэ шлн, нэ знебувайся,
«Бо я до тэбэ самая буду,
«Ой чэрэзъ лісь той лисонькою,
«А чэрэзъ полэ той кунэнькою,
«А чэрэзъ воду той утньюкою,
«Я чэрэзъ сэлэ той хмаронькою,
«Ой на твуй жэ двуръ дрібнимъ дощикомъ,
Въ твоє оконцэ яснэнькоэ сонцэ,
Ой за твуй жэ стилъ той нэ вэсницэю,
Сяду коля тэбэ молодэнькою.

Годомичи (Луцкаго уѣзда).

73. «Я до тэбэ сама прыбуду». II.

(Щедровка).

Ой, мнжъ дубьемъ мнжъ бэрэземъ,
Ой, тамъ ходить стадо куней,
Межъ тими куньми ходить молодъ NN,
Коня мае оседлае,
До дівчини поседжае,
А дівчина наказуе,
Білі листи напісуе:
«Нэ йідь, нэ пробивайса,
Я до тэбэ сама буду,
Чэрэзъ полэ кунюнькою,
Чэрэзъ лэси пчолонькою,
А на твуй двуръ яснымъ сонцэмъ,
А до хати госнодинькою,
До обори заводинькою,
А до ключи зъ мэтёлкою,
До комори—зъ кдочікамі».

Владимирецъ (Луцкаго уѣзда).

«Куну въ дэрэвіе, нанну въ тэрэме,
«Ой тобі, братэ, к/на въ дэрэві,
«А міні, братэ, нанна въ тэрэмі».

Норнискъ (Овр. уѣзда).

B.

Ой рано, рано кури запъели,
А щэ ранее NN устави,
NN устави, по дворе похидивъ,
По дворе похидивъ, лучкомъ подзвонивъ,
Лучкомъ подзвонивъ, брате побудивъ:
«Вставаймо, братки, едьмо на лови,
«Едьмо на лови въ зэлэни дуброви,
«Тамъ ми застрэлимъ куну въ дэрэві,
«То вамъ будэ кунъ на дэрэві,
«А міне будэ панна въ тэрэмі».

Эмільчинъ (Нов. Вол. уѣзда).

74. Молодецъ їдетъ «на залеты».

B.

Пудъ сінцами пундъ повэми,
Стоять коні воронийі:
«А чийіжъ то коничэйки?»
— Молодчика молодого.
«А кудэ жъ вінъ дай пойдэ?»
— До дівчані на залёти,
Тамъ дівчина листи пишэ:
— «Прийдь, прийдь, мій жэнешэ,
Прийдь прийдь—сама буду,
Скину хвартухъ—нанну буду,
А въ поеска зроблю двэри,
Сама сяду на напэри».

Городокъ (Луцкаго уѣзда).

Ой, рано, рано кури запъели,
А щэ ранэшэ NN устави,
NN устави, на пэрила ставъ,
На пэрила ставъ въ звонокъ зазвонивъ,
Въ звонокъ зазвонивъ, братя побудивъ,
«Братя, вставайтэ, коні сідлайтэ,
Да поедэмо въ чистэе полэ,
Въ чистэе полэ на полюваня,
Да застрэлемі кунку въ дэрэві,
Кунку въ дэрэві—панну въ тэрэмі,
Ой тобе, братокъ, кунка на шубу,
А міні, братокъ, нанна до шлюбу».

Владимирецъ (Луцкаго уѣзда).

75. Куна въ деревѣ, панна въ теремѣ.

76. «Звоюемъ жовту пташечку».

A.

Ой рано, рано кури запіели,
А пищэ ранэй NN устави!
И по сэнихъ похидивъ, звонкомъ позвонивъ,
Звонкомъ позвонивъ, братовъ побудивъ:
«Вставайтэ, браття, коні сэдлайтэ,
«Да поедэмо на полёване,
«На полёване, на погуляне,
«Йідэмо полэ, йідэмо другэ,
«Да зобачили куна въ дэрэві,

Ой рано півні запіли,
Ой щэй раній молодчикъ устави,
Звонкомъ подзвонивъ, браттэ побудивъ.
«Ставайтэ братте, йідэмъ на войну,
— Да звоюемо жовту пташэчку,
Жовту пташэчку, міні дівочку».

Городокъ (Луцкаго уѣзда).

77. Загадки.

А.

Ой, середь села стояла яблонь
Чэрвона!
Чэрвона яблонь чэрвонихъ яблокъ
Зроділа! *)

Тудою бэжыць красная панна,
За ёю бэжыць красныя нанчыкы:
«Загадаю тобе три загадочкі,
«Як адгадаешъ—мой будэшъ,
«А што горыць бэзъ поламтэ?..
А што бэжыць бэзъ прогжондныку
«А што твіте бэзъ сінёго цвёту?
— «Камэнь горыць бэзъ поломэня,
«А вода бэжыць бэзъ прогоньку,
«Папоротъ твіте бэзъ сінёго твёту».

Петрашы (Овр. уѣзда).

Б.

Чэрэзъ морэ, чэрэзъ сннее
Чырвона!
Чырвона яблонь чырвонихъ яблокъ
Зроділа!

Загадаю три загадочкі,
Як адгадаешъ, то мой будэшъ,
Пожди, нэйди, красная панна,
«Паноротъ цвітэ бэзъ сінёго цвіту,
Маковка звинить бэзъ буйнога віэтру,
Камэнь горыць бэзъ поломэйка.»
Обозвався сляшны панчэ,
Як адгадаю, я тэбэ маю.
А за цімъ словамъ бувай ти здоровъ.

Норынскъ (Овр. уѣзда).

78. Красная панна розу щипала.

А.

Ой, у городі на частоколі,
Каліна!
Каліна мой ти чырвоная

Ягдо!

Тамъ зацвётала чырвона рожа,
Вышла вибэгла красная пане,
Красная пані, пані девонька,
Взяла той цвётокъ тай изорвала,

Свойму личэньку дай прировняла:
Ой дай Богъ вжэ мне такэ личэнько,
Тобъ я нэ пошла за селяніна
Ой тобъ я пошла за двораніна:
У двораніна всэ жито жнэца,
Всэ жито жнэца, вь копн кладэца,
А вунь конікомъ дай поезджае,
Стремьяномъ ножокъ дай нэ спускае.

Смородскъ (Пинскаго уѣзда, Минской губерніи).

Б.

Ой, на городі, дай пудъ клеткою
Каліна!

Каліна мой ти чырвоная
Ягдо!

Да якъ вярвала изъ рожы кветку,
Да прировняла свойму личэньку:
«Колібъ мое такэ личэнько,
«Колібъ я нэ шла за двораніна,
«Дворанінь съ коня да нэ зіізае,
«Шапки чэрвонкі да нэ скидае,
«Шабэлькі зьбоку да нэ виймае,
«Бувай здорова, красная панна».

Собичинъ (Овр. уѣзда).

В.

Ой у садочку й у вишнёвому
Зэлёно!
Зэлёно вино нано вь неделю
Сажэно!

Тамъ красная панна рожу щипала,
Рожу щипала къ личэньку ровняла,
«Колібъ я така якъ цяе рожа,
Тоби я пошла за крулявчыча,
За крулявчычэмъ тамъ добрэ житі,
Тамъ добрэ житі, вь ложу сэдети,
Вь ложу сэдети, мэдъ вино пیتی,
Мэдъ вино пیتی, грони лічгиті».

Суцаны (Овр. уѣзда).

79. Дѣвица «якъ зоря».

А.

А во лузіе, во лузіе красная калина,
Святый вечоръ!

*) Црпѣвъ повторается послѣ каждаго стиха. А щэ надкращей у батька дочка,

На кросліе сэдить, хустинку шне,
Хустину шне шовкомъ гаптуе,
Іі ошывши хустину, пошла до церкви,
Пошла до церкви ясною зорою,
Прийшла до церкви красною панною,
Пошла у сене—сене засяли,
Сене засяли—пани вставали,
Пани вставали, шапки знимали,
Шапки знимали пудъ пашки клали,
Пудъ пашки клали, йіе лitalи,
«Чи ти царувна, чи королювна?»
—«Я нэ царувна, нэ королювна».

Татарновичи (Овр. уѣзда).

Б.

(Щедруха).

Ой, рано, рано кури запіли
Святий вѣчоръ кури запіли!
Ой щэ ранішэй NN встала,
NN встала, три свічи ссукала,
При йіднуй свічи косу чисала,
При другуй свічи суконьку брала,
При трэтьей свічи до цэрковци йшла,
Прийшла у цэрковцу дай укликнула,
Озирнулися всі нопи—дяки,
Чи то попувна, чи королівна,
Я нн попівна нн королівна,
Царова дочка отъ якъ панночка.

Боровичи (Луцкаго уѣзда).

80. Молодца любяць три дѣвушки.

А.

Ой, за горою, ой за крутою,
Ой дай Боже!
Ой, тамъ Іванъ коника пасэ,
Коника пасэ, въ скрипочку грае,
Въ скрипочку грае, песні спевае,
Прийшовъ до його батэнько його,
Нитаеця його батэнько його:
«Кто тэбіе, синку, коника купивъ?
«Скрипочку купивъ, пэсенікъ навчивъ?
—«Любило мэнэ три девчиноньки,
«Една любила—коня кунила,
«Друга любила—скрипку купила,
«Трэти любила—пэсэнъ навчила»,
А за сімъ словомъ н т. д.

Эмільчинъ (Нов. В. уѣзда).

Б.

Ой, лесомъ сонэнько грае,
Тамъ славний жэнихъ коня сэдлае,
Коня сэдлае, въ скрипочку грае,
Прийшовъ до його батэнько його:
«Синку NN, хто тэбэ навчивъ?»
—«Мэнэ любило да три дэвоньки:
«Одна любила—коня укупила,
«Друга любила—сэдло купила,
«Трэтя любила—за мэнэ пошла»,
А за сімъ словомъ будь жэ ти здоровъ.

Нѣмовичи (Ров. уѣзда).

81. Малодецъ хвалится чудеснымъ конемъ.

Ой рано півні запіли,
А щэй найравній молодчикъ уставъ,
Молодчикъ уставъ, три свічи ссукавъ,
При едни свічи той умивався,
При другуй свічи той утирався,
При трэтьей свічи той коня вбиравъ,
Хвалівся конэмъ пэрэдъ королэмъ;
«Такого й коня нэма въ королі,
А въ мого коня золота грэва,
Золота грэва пэреті покрила».

Городокъ (Луцкаго уѣзда).

82. Никто коня не поймаеть, І.

А.

По мэзъ горами, по мэзъ городами,
Радуйса, зэмлэ, Синъ жэ то Божий
Народивси!
Тамъ стояло стадо воронэе,
Съ тимъ стадочкомъ конікъ воронэнький,
Нихто того коня нэспоймае,
Нэспоймае а нэоседлае,
Обоззавса красний шапчикъ,
Испоймаю тай осідлаю,
Дай ноэду до царувни въ госте,
Тамъ царувна листоньки читае,
Листоньки нншэ дитяну колишэ.

Мжанъ (Овр. уѣзда).

Б.

Пудъ Кіевомъ подѣ городочкомъ,
Щодрий вѣчоръ, тай добрий вѣчоръ!
Черѣзъ полѣ тамъ ходило воронѣе стадо,
А за тимъ стадомъ вороній коникъ,
Я на тимъ конику молоди паничу,
Нѣхтожъ його наспоймае, наседлае,
Дѣй узавса молоди паничу,
Споймавъ його й оседлавъ його,
Черѣзъ полѣ полянкою,
Черѣзъ полѣ муравкою,
Я за цімъ словомъ бувай здоровъ.

Норинскъ (Овр. уѣзда).

83. Никто коня не поймаеъ, II.

(Щедруха.)

Ой, на морі на муравці,
Стоить коникъ нѣ сидлани
Свитии вѣчоръ, добрий вѣчоръ!
Добрийъ людямъ на весь вѣчоръ!

Ой хто його осідлае,

Ой хто його онуздае,

Св. в. и т. д.

Осідлае NN,

Онуздае NN,

Св. т. и т. д.

Куди йдѣшь, мой синѣйку,
Во славѣнъ городъ по дівойку,
Ой привѣзу подоянку,
Татойкові постіль слаги,
Татойкові постіланку,
Я матухні хустопранку,
Я матюхні хустопранку,
Я братику ошиванку,
Я братику ошиванку,
Я сѣстриці заплітанку,
Я сѣстриці заплітанку,
Я самъ себе закоханку.

Боровичи (Луцкаго уѣзда).

84. У панича конь и хортъ.

Ой, у городі, и въ частоколі

Зелѣно!

Зелѣно вино въ нѣдію рапо

Сажэно!

Ой тамъ стояла ложа заслана,
На туй жѣ ложи красний панпчикъ,
Паничикъ лѣжить—коника дѣржить,

Дѣржить коника въ правои ручѣнці,
Дѣржить хортника на ланцузочку,
Пустивъ коника во чистѣе поле,
Пустивъ хортника въ тѣмніе лѣси,
Конѣчокъ бѣжить, стадѣчко жѣнѣ,
Хортничекъ бѣжить, утюнку нѣсѣ,
Минѣ стадѣчко дай на вихвалу,
Минѣ утюнка дай на снѣданѣ.

Мжень (Овр. уѣзда)

85. Н съ конемъ говорить.

А.

Ой пишня, горда по місту ходить,
По місту ходить и коня водить,
И коня водить, зъ конѣмъ говорить:
«Ой, коню, коню, запродамъ тѣбѣ,
Запродамъ тѣбѣ за снуипъ пшѣнице,
За снуипъ пшѣнице, за два ярице».
—«Ой, панѣ, панѣ, нѣ продай мѣнѣ,
Нѣ продай мѣнѣ, нѣ мѣний мѣнѣ,
Спомѣни себе, якъ було тобѣ,
Якъ ми бували мижъ татарами,
Якъ ми втѣкали, насѣ доганяли,
То були такі, шой повгѣкали,
А були й такі, шой погинули,
А я якъ скочивъ-тай нѣрѣскочивъ,
Ни пана своего дай нѣ замочивъ,
Ни пана своего, ни жупанъ його,
Нѣ сѣдѣлѣчка зелѣнѣнького,
Нѣ стрѣлокъ пучокъ, ни билихъ ручокъ»..

Выри (Ров. уѣзда).

Б.

Ой, славѣнъ жѣнихъ по мѣстѣ ходивъ,
По мѣстѣ ходивъ, со конѣмъ говоривъ:
«Ой, коню, коню, запродамъ тѣбѣ
Запродамъ тѣбѣ за бочку мѣду,
За бочку мѣду, за другу вина,
За другу вина, за третю пива».
—«Славий жѣнишѣ, нѣ продай мѣнѣ,
Нѣ продай мѣнѣ, спомѣни тѣе,
Якъ ми втѣкали—насѣ наганяли,
Насѣ наганяли турки—татары,
Ой, а я скочивъ—Горни нѣрѣскочивъ,
Горни нѣрѣскочивъ, сѣдла нѣ вмочивъ,
Ни сѣдѣлѣчка, ни стрѣмѣнѣчка.
Хвалѣвса конѣмъ нѣрѣдъ королѣмъ.
Що нѣма коня дай у короля.

Ой якъ у мѣнѣ, славного жѣниха,
Хвалѣвса мѣчѣмъ пѣрѣдъ паничѣмъ,
Шо нѣма мѣча дай у нанича,
Ой якъ у мѣнѣ славного жѣниха,
А за сѣмъ словѣмъ будь жѣ ти здоровъ,
Будь жѣ ти здоровъ, славни жѣнишѣ.

Нѣмовичи (Ров. уѣзда).

86. Поединокъ съ турецкимъ царемъ.

Ой, горди паничѣнъ, красний наничу
Ой дай, Божѣ!
Ой зибравъ войсько, ажъ зѣмле тяжко,
Да ставъ обозѣмъ въ чистѣмъ полі,
Раскинувъ намѣтъ да вѣсь шовковий,
Огородився бѣлимъ залезѣмъ,
Да пишѣ листи къ Турецкомъ цару,
«Ой, цару, цару, цару Турецкій,
«Або зо мною бийсь, або дочъ оддай».
Ой той йому царъ зъ орди одписавъ
—«Вится нѣ пойду п дочки нѣ дамъ».
Якъ пустивъ стрѣлу къ Турецкомъ цару,
Вибивъ ворота цару зъ города,
Да взявъ царувну нѣ сватану,
А той йому царъ три гостинци давъ,
Давъ йому леса нѣсходимаго,
Давъ йому поли нѣзмераного,
Давъ йому гроша нѣзлічаного,
А за цѣмъ словѣмъ бувай же здоровъ,
Ой, бувай здоровъ, красѣнъ паничу,
А цѣ сватка сваткуй жѣ зборовъ,
Другихъ у Бога дожидай жѣ здоровъ,
Нѣ самъ зъ собою—зъ отцѣмъ, зъ маткою,
Изъ милимъ родѣмъ, изъ сватимъ Богомъ,
Красѣнъ паничу, ти насъ нѣ бари,
Ти насъ не бари, ти насъ нѣ дари,
И довшѣ забаришъ, большѣ задаришъ
Викинь шостачокъ Богу на значокъ,
Намъ твое дари нѣ въ скарбі класти,
Обѣцалися на цѣркви дати,
На свату цѣрєву на фундоване,
На новой майстажѣ на мулѣване,
Викинь копѣйку намъ на горелку,
Жартуй, нѣ жартуй, но горѣлку мандруй,
Жарти нѣ жарты, хочай повкварты,
Нашѣй бѣрѣзі гурка заплата,
Гурка заплата горѣлки кварта,
А мухонѣши, хочъ штири гроши.

Искорость (Овр. уѣзда).

87. Молодецъ на войнѣ не слушаетъ
совѣтовъ отца. Царь выдаетъ за него
дочъ.

А.

Ой, рано, рано, всѣмъ загадано,
Всѣмъ загадано да на войночку,
Ой обозавса NN батько,
«Ой иди, синку, дай на войночку,
Напѣрѣдъ вѣйска нѣ вривайся,
А назадъ вѣйска нѣ зоставайся:
Напѣрѣдъ вѣйска—то кулі въ очи,
А назадъ вѣйска то палки въ плѣчи»,
Ой, а синъ батька да нѣ послухавъ,
Напѣрѣдъ вѣйска конѣмъ виїхавъ,
Напѣрѣдъ вѣйска коникѣмъ грае,
Коникѣмъ грае. турки рубѣе.
Ой обозавса да турецкій царъ,
Ой, щожъ то за панъ, що турки рубѣе,
Дарую йому коня вороного».
А вѣнъ на сѣе да нѣ поглинѣ,
Да нѣ поглинѣ бо свое мае,
Винѣсли йому цувнису грошѣй,
А вѣнъ на сѣе дай нѣ погляне,
Вивѣли йому красную панну
Винъ панну взявъ таї подзѣньковавъ.

Костополь (Ров. уѣзда).

Б.

Я въ нѣдплѣнѣнку поранѣсенъко,
Да загадано дай на войнонѣнку,
Ой бувъ въ батѣнѣка одинъ синочокъ,
Одинъ синочокъ, одинъ NN
Охъ вунъ його дай виражае,
Дай виражае дай навчае,
Ой будь синонѣнку, дай розумѣнѣнкий,
Попѣрѣдъ вуйська нѣ вирикайса,
А назадъ вуйська нѣ зоставайса,
Попѣрѣдъ вуйська огонь у вочи,
А назадъ вуйська куля у плѣчи,
Ой синъ батѣнѣка дай нѣ послухавъ,
Попѣрѣдъ вуйська съ ковѣмъ нѣхавъ,
Съ конѣмъ играе, вуйсько рубѣе,
Да прирубавса Цару-городу,
А той йому царъ да добрѣ сприявъ,
Давъ йому сребра вѣ важаного,
Давъ йому злота нѣзлічаного.
А за сѣмъ словѣмъ будь ти здорови,
Будь ти здорови, славѣнъ жѣнишѣ,
Славѣнъ жѣнишѣ на имя NN.

Нѣмовичи (Ров. уѣзда).

В.

Я въ нѣдѣлѣнѣнѣ, поранѣсѣнѣнѣ,
Святѣй вечорѣ!
Я загадують на громадонѣнѣ:
«Въ кого сини е, випроважайтѣ,
Я въ кого нѣмае, нѣхай наймае»
Въ нашего NN одни синочокъ,
Одинъ синочокъ дай той NN,
Ой едь синонѣнѣ дай на войнонѣнѣ,
Напѣрѣдъ вуйсѣка нѣ вимпѣкайсѣ,
А назадъ вуйсѣка нѣ zostавайсѣ»,
Пѣрѣдъ королѣмъ нѣиграе конѣмъ,
Пѣрѣдъ паничѣмъ махае мачѣмъ,
Король питае чѣй цѣ синѣ грае,
«Ой колибъ я знавѣ, чѣй цѣ синѣ игравѣ,
Тобѣ я йѣму давѣ пувѣ королѣвствѣ,
Королѣвнѣнѣнѣ, щѣй свою дочку».
Винѣсли йѣму миску чѣрвонцовѣ,
А вонѣ на тѣе нѣ подивнѣвсѣ,
Нѣ подивнѣвсѣ, нѣ уклонѣвсѣ,
Вивѣли йѣму вороного конѣ,
А вуонѣ на тѣе нѣ подивнѣвсѣ,
Нѣ подивнѣвсѣ, нѣ уклонѣвсѣ,
Вивѣли йѣму краснѣю паниу,
А вонѣ на тѣе дай подивнѣвсѣ,
Дай подивнѣвсѣ, дай уклонѣвсѣ,
Шапѣчку изѣиу дай подѣковавѣ.
Нашѣй бѣрѣзѣ гурѣкаѣ доѣ,
Гурѣкаѣ доѣ—квартѣ горѣлки,
А коѣлѣдничѣкамъ хочѣ ковѣбѣсѣ миску,
Дайтѣ до бѣга понѣсѣу,
Якѣ богѣ нѣ прѣймѣ назадъ принѣсѣу.

Олевскѣ (Овр. уѣзда).

«Иди, синонѣнѣ, дай въ дорожѣнѣнѣ,
Попѣрѣдъ вуйсѣка нѣ вимпѣкайсѣ,
А назадъ вуйсѣка нѣ zostавайсѣ».
Я вонѣ матѣри да нѣ послухавѣ,
Пѣрѣдъ королѣмъ да грае конѣмъ,
Король нѣштае, «чѣй сѣ синѣ грае?»
«Ой кобѣ я знавѣ, чѣй цѣ синѣ гравѣ».
Подаровавѣ бѣ пувѣ королѣвствѣ,
Пувѣ королѣвствѣ, повтори вуйсѣка,
И свою дочку королѣвнѣнѣнѣ...
Королѣвнѣнѣнѣнѣ отъ якѣ панинѣнѣнѣ.

Жубѣровичѣ (Овр. уѣзда).

В.

Ой у нѣдѣлѣу шѣй ранѣсѣйѣко
Святѣй вечорѣ!
Задумали всемѣ аа войнѣнѣнѣ,
Въ нашѣй мамунѣ едѣнѣ синочокъ
Едѣнѣ синочокъ, тай той войнѣнѣнѣ,
Ой матѣ синѣ випроважала,
Випроважала дай научала;
Ой едь, синонѣнѣ, дай на войнѣнѣнѣ
Попѣрѣдъ вуйсѣка нѣ вимпѣкайсѣ,
А назадъ вуйсѣка нѣ zostавайсѣ,
Посѣрѣдъ вуйсѣка то свѣти-брѣтѣя».
А синѣ мамунѣ дай нѣ послухавѣ,
По пѣрѣдъ вуйсѣка конѣнѣкомъ погравѣ,
А царѣ питае, чѣй то синѣ грае:
Кобѣ я йѣго знавѣ тобѣ царѣнѣнѣнѣ давѣ».

89. Молодецъ выбиваетъ ворота Царь-города.

88. Молодецъ на войнѣ не слушаетъ совѣтовъ матери, царѣ выдаѣтъ за него дочѣ.

А.

Ой, за гороу за камѣноу,
Шѣпчѣ говоритѣ мужѣ пѣзѣ жоноу,
Шѣнчѣ говоритѣ у слухѣ нѣ мовитѣ,
Ой тамѣ стояла мужа громада,
Мужѣ громада, добрая рада,
Ой радѣтъ раду нѣвѣзѣнѣнѣнѣ;
Въ кого сини е, до вуйсѣка нѣти,
Въ кого нѣмае, нѣхай наймае,
А у вдовѣнѣнѣнѣ только одѣнѣ синѣ,
Дай тому кажутѣ до вуйсѣка нѣти.
Йѣго матѣсѣ випроважала.
Випроважала. дай научала.

Ой дѣми, дѣми по надѣ лугами,
Да нѣ естѣ дѣми, то всѣ порохи.
Въ нѣдѣлѣку рано, всемѣ загадано,
Всемѣ загадано до вуйсѣка нѣти,
Молодѣму NN всѣй пѣрѣдъ вѣсти,
Йѣго мѣтѣнка випроваждае,
Випроваждае дай научае:
«Попѣрѣдъ вуйсѣка нѣ вѣрѣвайсѣ»
«А назадъ вуйсѣка нѣ zostавайсѣ»
А вуонѣ матѣри да нѣ послухавѣ,
У пѣрѣдъ вуйсѣка всѣ конѣмъ грае,
А назадъ вуйсѣка то всѣ звѣртае,
Хвалѣнѣя лучѣкомъ пѣрѣдъ турѣчѣкомъ,
Хвалѣнѣя конѣмъ пѣрѣдъ королѣмъ,
Вѣбивѣ ворота у Царѣгорода,
Вѣшло до нѣго три царѣвичѣ,
Винѣсли йѣму пуѣлѣмѣски грошѣй,
А вуонѣ грошѣи взявѣ, нѣ подѣковавѣ,

Ю пәрэдъ войска всѣ конѣмъ грае,
А назадъ вуйска да всѣ звѣртае,
Хвалиця лучкомъ пәрэдъ турочкомъ,
Хвалиця конѣмъ пәрэдъ королѣмъ.
Вибивъ ворота изъ Царгорода,
Вийшло до його три царѣвича,
Вивѣли йому коня награді,
А вунъ на тѣе борзо нѣ зглядавъ,
Борзо нѣ зглядавъ шапочки нѣ знявъ,
Шапочки нѣ знивъ, нѣ поклонився,
Нѣ поклонився, нѣ покорився,
А вунъ матюнки да нѣ послухавъ,
У пәрэдъ вуйска всѣ конѣмъ грае,
А назадъ вуйска всѣ заврѣтае,
Вибивъ ворота у Царгорода,
Вийшло до його три царѣвича
Вивѣли йому красную панну,
Вунъ панну взивъ, шапочку изнявъ,
И поклонився и покорився.

Эмилчинъ (Нов. Вол. уѣзда).

90. Молодецъ не слушаетъ совѣтовъ
матери. Турецкій царь «въ пригодѣ».

Я въ нѣдлинѣку, дай поранѣнко,
Позадавали усемъ на войнонѣку,
Хто сини мае, то вираджае,
А хто нѣмае то той наймае,
А у вдовоньки одинъ синочокъ,
Одинъ синочокъ дай одиночокъ,
А вона його дай вираджае,
Да вираджае дай навчае:
«Ой будь синонѣку дай разумнѣнкій,
Дай разумнѣнкій дай спокойнѣнкій,
Напәрэдъ вуйска нѣ вирикайса,
А назадъ вуйска нѣ зоставайса»,
А вунъ матюнки дай нѣ послухавъ,
Напәрэдъ вуйска конѣмъ поѣхавъ,
Напәрэдъ вуйска конѣмъ играе,
А назадъ вуйска вуйска рубае,
Напәрэдъ вуйска огнѣмъ у вочи,
А назадъ вуйска кулѣю въ плѣчи,
Дорубавса вѣинъ Цара-города,
«Пой, цару, цару, ссечу зрубаю,
«Ой, панѣ, панѣ, нѣ рубай мѣнѣ,
Стану я тобѣ въ двѣ вигодоньки,
Покладу мости съ тонкое трости,
Поставлю брами пѣчатовани,
То якъ ти будѣшишь молодѣ ехати,
Забразчатъ мости съ тонкое трости,
И отчинятса брами пѣчатовани».

Выры (Ков. уѣзда).

91. Соколы на золотыхъ воротахъ
видитъ канъ сынъ NN суды судить.

(Коляда).

А.

Я въ лузі, въ лузі двуръ при дорозі,
Двуръ при дорозі—нови ворота,
Нови ворота зъ широго злота,
На тихъ воротахъ золота маковка,
На туй маковці ясѣнъ соколѣцъ,
Випла вибегла NN мати,
NN мати NN шукати.—
«Соколѣ, соколѣ, високо сѣднѣ,
Високо сѣдиши, далѣко глѣднѣ,
Ой, чи нѣ бачишь мого синонька,
Мого синонька сына NN?»
«Ой, я нѣ бачивъ, по самъ тамъ бувъ,
Ой, я твуй синъ при крулю служить,
При крулю служить, судоньки судить,
Судоньки судить, радоньки радить,
За ради бѣрѣ, въ шкатулку кладѣ,
Въ шкатулку виймае, майстрѣ наймае,
Майстрѣ наймае цѣркву будѣе.

Владимирецъ (Луцкаго уѣзда).

Б.

Ой, въ полі, въ полі стоятъ ворота,
Соятъ ворота зъ самого злота,
На тихъ воротахъ синѣ соколъ сѣднѣ,
Синѣ соколъ сѣднѣ да въ воду глѣднѣ,
«Ой, рибо, рибо, якъ ти глибоко»
Пришла до його статѣтна жона,
Статѣтна жона N. N пани
«Чи бачивъ ти мого синочка?»
—«Я вашъ синочокъ при цару служить,
«При цару служить, судоньки судить
«Судоньки судить, гадки гадае,
«Я за судоньки по сто золотихъ,
«Я за гадоньки по сто чирвонихъ,
«Вунъ гроши бѣре въ кишѣню кладѣ,
«Въ кишѣню кладѣ майстрѣ наймае,
«Майстрѣ наймае, цѣркву будѣе,
«Будѣе цѣркву съ трома вѣрхами,
«Съ трома вѣрхами, съ трома окнами,
«Еднѣ окѣнцѣ, то яснѣ сонцѣ,
«Другѣ окѣнцѣ—то яснѣ сонцѣ,
«Трѣте окѣнцѣ—друбѣнъ дощичокъ,
«Ой, шо ти мовиши, яснѣ сонѣчко?»
«Я тѣе мовлю; то якъ изийду,
«То якъ изийду въ нѣдельку рано,
«Возрадуєна вѣсь мнѣръ крестьянъ-кій,

«Весь миръ хрѣстьянскій, до церкви йдучи
«До цѣркви йдучи свѣчи нѣсучи?»
«Ой що ти мовить, яснѣй місяцу?»
«Я тѣе мовью, якъ я изойду
«Що я изойду въ ночи—півночи,
«Возрадуєца весь зверь у лѣсі,
«Весь зверь у лѣсі, гость у дорозі:»
«Ой що ти мовишь, дрибѣнь дощичу.»
«Я тѣе мовью, що я изойду,
«Що я изойду три рази маю,
«Возрадуєца жито й пшѣниця,
«Жито пшѣниця—всяка пшѣниці,
«Возрадуєца и въ гору пойдѣ,
«Квитовати мѣ й наливати мѣ,
«Прийдѣ хазяїнъ радоватся будѣ,
«Прийдѣ лето той зжинать будѣ».

Эмільчинъ (Нов. Вол. уѣзда).

А на дѣсятомъ свѣтѣлюка стоить,
А въ той свѣтѣлюці всѣ столѣ стоятъ,
По-за стулечку всѣ паня сѣдять,
Пѣрѣдъ панями краснѣй паничнѣкъ,
Краснѣй паничнѣкъ вихвалѣєца,
Вихвалѣєца, вивахуєца:
«Ой убивъ жѣ я да дѣвѣтъ лисовъ,
Да дѣвѣтъ лисовъ дѣсяту кунку,
Дѣсяту кунку матѣр на шубку»
Його милая пагнѣваласо,
Пагнѣваласо, росердиласо:
«Ой нѣ гнѣвайсе, ти, моя мила,
Ой, бо ти мѣнѣ, дай нѣ родила,
Мѣнѣ матюнка дай уродила,
Дай уродила, вигодовала,
Тѣмной ночи нѣ досипала
А за сѣмъ и т. д.

Жубровичи (Овр. уѣздъ).

92. Соколы на золотыхъ воротахъ

видитъ что сынъ NN суды судить II.

(Щодруха)

Зийшовъ місяць на небѣси,
Щодрий вѣчоръ, святѣй вѣчоръ!
Светивъ жѣ вунѣтъ нѣбо и зѣмлю,
Нѣбо и зѣмлю, двуръ при дорозі
Двуръ при дорозі, нови воротѣчка,
На тихъ воротѣчкахъ сокиль сѣдѣтъ,
Сокиль сѣдѣтъ гн у з д ѣ ч к о въѣ,
Чорнимъ шовкомъ нѣрѣвиває,
Срѣбломъ—злотомъ нѣрѣкладає,
Ажъ тамъ вийшла пишная жона,
Пишная жона NN мати:
«Чи нѣ бачили мого сина,
Мого сина щѣй NN»
инденъ кажѣ: «я нѣ бачивъ»,
Другѣй кажѣ «а я бачивъ»
Пѣрѣдъ королѣмъ. пѣрѣдъ сисаромъ,
Судѣ судитъ, раду радѣтъ,
Судѣ пѣрѣсудѣтъ чѣляді бѣели,
Чѣляді бѣели журитисѣ,
NN... жонитисѣ.

Деражня (Ров. уѣздъ).

93. На рогу звѣря краснѣй паничнѣкъ
выхвалѣється.

Шуми, нѣ шуми да, Смородино,
Ой, минѣ да нѣ шумѣти?
Шо по мнѣ бѣжить дивнѣе зверре,
чѣ звере по дѣвѣтъ рожекѣвъ,

Дѣй, на юлонци дай на широкуй
Ой дѣнь добрий!
Ой, тамъ стояла да рада мужувъ,
Дай рада мужувъ, гарнихъ малодцувъ,
А по мнѣжъ йми тай куйнѣ воронѣй,
Да нѣхтожъ коня да нѣ споймає,
Да нѣ споймає нѣ осѣдлає,
Яжъ по визавасъ тай той славѣнъ панѣ,
Да той славѣнъ панѣ, панѣ NN:
«Ой и я його дай испоймаю,
«Дай испоймаю, дай осѣдлаю,
«Дай до тѣщиньки въ гости поеду:
Ой тѣща кажѣ, шо сокуилъ лѣтитъ,
Приѣзджає вунѣтъ пудъ ворутѣчка,
Яжъ по виходѣтъ його тѣщѣчка:
«Ой тѣщо, тѣщо, почуимъ познала?»
— «Познала тѣбѣ по купулѣнѣці».
На йомѣ кошуля, якъ дѣнь бѣлѣнька,
Якъ дѣнь бѣлѣнька, якъ листовѣнька,
Я на ковнѣрцѣ сиви голубѣ,
Я на пазушкахъ райскѣе пташки,
Сиви голубѣ полѣтѣтъ хочутъ,
Райскѣе пташки щѣбѣтѣтъ хочутъ.
А въ сѣму словѣ будѣмо здоровѣ,
А сѣе свѣтка, свѣткуй здоровѣ,
Ти славѣй панѣ, панѣ господару».

Выри, (Ровенскаго уѣзда).

95. Нѣтъ брата дѣвушки.

Дэсь ти, рожэнько, една въ городі,
 Ой, рожэ.
 Чэрвоная дай хороша!
 «Я нэ една я нэ самая,
 Колько цветочокъ всэ коло мэнэ,
 Только нэмае кращэ того барвенку»
 Дэсь ти, девчино, една въ матюнки,
 Колько дівочокъ всі коло мэнэ,
 Только нэмае служэйки мого,
 Служэйки мого брата родного.

Селець (Овр. уѣздъ).

96. Орель и воронъ.

(Коляда).

Лэтить воронъ изъ чужихъ сторонъ
 Въ орла питае:
 «Ой, ти орлику родний братику
 Зъ мое сторони
 Ой, чи журиця отэць батэнько
 Тэпэръ по мине?»
 — «Ой, журиця щэй пэчалиця
 Горко ридаеть,
 Ой, дэсь мого сина сокола
 Зъ войська нэмае»,
 Лэтить воронъ изъ чужихъ сторонъ
 Въ орла питае:
 «Ой ти орлику родний братику
 Зъ мое сторони
 — Чи нэ журиця отэць матюнка
 Тэпэръ по мине?»
 — «Ой, журиця щэй пэчалиця,
 Горко ридаеть
 Ой, дэсь мого сина сокола,
 Зъ войська нэмае».
 Лэтить воронъ изъ чужихъ сторонъ
 Орла питае,
 «Ой, ти орлику родний братику
 Зъ мое сторони,
 Чи нэ журиця да мой братэнько
 Тэпэръ по мине?»
 — «Ой, журиця щэй пэчалиця
 Горко ридаеть,
 Дэсь мого брата сокола
 Зъ войська нэмае».
 Лэтить воронъ изъ чужихъ сторонъ
 Орла питае:
 «Ой, ти орлику родний братику
 Зъ мое сторони».
 Ой, чи нэ журиця моя сестриця
 Тэпэръ по мине?»

Ой, журиця и т. д.
 Лэтить воронъ зъ чужихъ сторонъ
 Орла питае,
 «Ой, ти орлику родний братику,
 Зъ мое сторони,
 Чи нэ журиця вся родина
 Тэпэръ по мине?»
 Ой журиця и т. д.
 Эмнльчинъ (Нов. Вол. уѣзда).

97. Молитва Маріи дѣвы.

Коляда.

«Радуйсо Маріе—нэбеська царица,
 Радуйсо бравовэна (?) просветися зорнице (2)
 Алэлуя, алэлуя слава тэбэ Боже.
 Помилуй насъ, владичицэ, Марія госпожэ»,
 — «Помилую, пожалую за вашн молитви
 Пэрэстаньтэ християни по світі гришити»
 «Я ми станомъ пэрэстаномъ нэ будэмъ гре-
 шити,
 Якъ ми станомъ пэрэстаномъ божи пісни
 піти,
 Зонди зойди панно зъ високаго даху,
 Нэ задавай християнамъ вэлику застраху
 Зойди зонди, панэ, панэ, осіянськи (?)
 Нэ дай нэ дай погинути душамъ христі-
 янськимъ».
 Сущаны (Овр. уѣздъ).

98. Коляска бѣжить.

Коляда.

Да бѣжить, да дрижить да колясонька,
 Да ў тий колясоньци, красний панъ сэ-
 дить,
 Хустинкою мае, на мэщанъ махае,
 Дэ нэ взялася красная панна:
 «Ти, NN сэрдэ, свойімъ духомъ дишэшъ,
 «Ти коня сэдлаешъ до другихъ да маешъ».
 Костонопль (Ров. уѣздъ).

99. «Чэдрикъ—бэдрикъ».

(Щедровка)

Чэдрикъ, бэдрикъ,
 Дайтэ варэникъ,
 Грудку кашн,
 Конэпъ ковбасн.
 Селець (Овр. уѣздъ).

100. Укравъ жита корецъ.

А.

Ой видить Богъ, видить Творецъ,
Укравъ шэвчикъ жита корецъ,
На коленица впадае,
Жита корецъ пудимае.
Полезъ шэвчикъ по драбині,
Упавъ шэвчикъ по мижъ свини,
Качаеця, валяеця, за щотину валяеця,
Коли бъ шэвцю да нэ шило,
Було бъ його задушило,
Коли бъ шэвцю нэ трэпачка,
Пропавъ би шэвчикъ якъ собачка.

Искорость (Овр. уѣздъ).

Б.

(Коляда).

Види Божэ, види творецъ,
Да вкравъ мужикъ жита корецъ,
На коленица упалае,
Жита корецъ поднимае,
Прийшовъ чоловекъ до жонки,
Пошэй мѣшки въ штирѣ полки,
Жонка тому вѣсэлица,
Будэ жито п пшэвица.

Олевскъ (Овр. уѣздъ).

101. «Въ печи пироги».

Коляда.

У пѣче пироги седелі,
Туди мое очѣнки глѣделі,
По одному витягавъ,
По другому поєдавъ,

Набилі!

Полезъ я на гору по сало,
Охъ и сала нэ достау,
Изъ драбники дай упавъ,
Забивсе!
Прѣдвечний сиудъ света
Родивсе!
Злезъ на хлевъ, а хлевъ
Уваливсе!
Покпль сохи порубавъ,
А ключища повѣшавъ,
Дай хлевъ ставъ!

Олевскъ (Овр. уѣздъ).

102. Пошли три бабы колядовать.

Коляда.

Пошли три баби колядовати,
Святий вѣчоръ!
Одна просить другая неспить,
Святий вѣчоръ!
Трѣти здоровша собаки дгонить,
Святий вѣчоръ!
Шоби нэ йіли хліба нєь торби,
Святий вѣчоръ!

Олевскъ (Овр. уѣздъ).

103. «Колѣдуй, баранэ».

Коляда.

«Колѣдуй, баранэ»,—нэ вжэю, панэ,
Святий вѣчоръ!
«Утѣкай баранэ»,—кудого, панэ?
Святий вѣчоръ!
«Крузъ окно, баранэ»,—коли роги, панэ,
Святий вѣчоръ!
«Позбивай, баранэ»—«коли роги, панэ»
Святий вѣчоръ!

Олевскъ (Овр. уѣздъ).

Записаль Н. Коробка.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

F. Hirth, Sinologische Beiträge zur Geschichte der Türk - Völker, I Die Ahnentafel Attila's nach Iohannes von Thuróc (Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, т. XIII, № 2, 1900, сентябрь, стр. 221—261).

Въ библіографическомъ обзорѣ гунскаго вопроса «Хунь-ну и Гунны», помѣщенномъ въ III—IV выпускахъ «Живой Старины» за 1900 г., мы уже говорили о статьѣ нѣмецкаго синолога проф. Хирта «Ueber Wolga—Hunnen und Hiung—nu» (см. стр. 560—1 IV-го выпуска и стр. 72—73 отдѣльнаго оттиска). Болѣе подробный разборъ этой статьи сдѣланъ нами-же въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Археологическаго Общества, т. XIII, вып. I, стр. 068—073. Почти одновременно съ отпечатаніемъ этого библіографическаго обзора, въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ появилось новое изслѣдованіе того-же ученаго подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Разысканіе о родословной Аттилы у венгерскаго писателя XV-го вѣка Іоанна Туроцкаго представляетъ, судя по заглавію, первое изъ изслѣдованій на болѣе широкую тему о «дополнительныхъ свѣдѣніяхъ къ исторіи тюркскихъ народностей по китайскимъ источникамъ», которой почтенный синологъ занимался уже раньше и которая несомнѣнно стоитъ въ связи съ однимъ изъ величайшихъ научныхъ открытій конца XIX-го вѣка—съ открытіемъ Орхонскихъ памятниковъ.

Начиная изслѣдованіе объ исторіи тюрковъ съ гунскаго вопроса, проф. Хиртъ признаетъ какъ-бы не нуждающимся въ доказательствѣ тюркское происхожденіе Хунь-ну. На первыхъ-же строкахъ онъ прямо называетъ Хунь-ну предками позднѣйшихъ Ту-гю и Уйгуровъ. Указывая на то, что синологъ Шоттъ (Ueber das Altaische oder Finnisch-Tatarische Sprachengeschlecht), нывавшійся объяснить хунь-ну'скія слова, привелъ ихъ незначительное количество и, къ тому-же, изъ болѣе позднихъ источниковъ, нашъ изслѣдователь устанавливаетъ два необходимыхъ условія при чтеніи китайскихъ транскрипцій: 1) слоги должны произноситься такъ, какъ они произносились, когда записывались (а не такъ, какъ произносятся теперь) и 2) необходимо принимать въ соображеніе всевозможные звуковые переходы при транскрибированіи иностранныхъ словъ на китайскій языкъ. Отчасти основываясь на извѣстіяхъ китайскихъ лѣтописей, проф. Хиртъ изъ всѣхъ позднѣйшихъ тюркскихъ языковъ считаетъ наиболее близкимъ къ хунь-ну'скому—уйгурскій, что впрочемъ было уже высказано имъ ранѣе (см. Ueber Wolga—Hunnen und Hiung-nu, прим. на стр. 269). Въ случаѣ если какое-нибудь хунь-ну'ское слово отсутствуетъ въ уйгурскомъ языкѣ, авторъ предлагаетъ искать его въ одномъ изъ родственныхъ уйгурскому современныхъ тюркскихъ діалектовъ. Основываясь на вышеприведенныхъ условіяхъ, проф. Хиртъ объясняетъ имя основателя хунь-ну'скаго государства Мао-тун (Мао-дунь) изъ тюркскаго Baktur (Бактуръ, Багадуръ), такъ какъ транскрибированіе тюркскаго bak китайскимъ мао доказывается однимъ мѣстомъ въ Орхонскихъ надписяхъ, а tun-tur, такъ какъ конечныя китайскія n, k и t замѣ-

няютъ, опытъ-таки по закону транскрипціи, тюркское *r*). Въ концѣ статьи приложенъ подробный экскурсъ объ этой транскрипціи). Если тожество этихъ двухъ словъ несомнѣнно, то несомнѣнно и достоинство метода.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ родословной Аттилы, находящейся въ *Chronica Hungarorum* Іоанна Туроца и состоящей изъ 37 именъ. Прежде всего возникаетъ вопросъ о достовѣрности источниковъ этого писателя—тутъ же съ первыхъ шаговъ мы и наталкиваемся на существенное препятствіе. Проф. Хиртъ указываетъ на то, что вопросъ объ источникахъ, которыми пользовался Іоаннъ Туроцъ, остается совершенно невыясненнымъ, самъ-же онъ рѣшать его не берется, такъ какъ не считаетъ себя спеціалистомъ по венгерской историографіи. Кромѣ того онъ даже сознается въ сомнѣніяхъ, которая сначала возбуждала въ немъ эта таблица во-первыхъ благодаря тому, что въ числѣ предковъ Аттилы названы Ной и другія библейскія личности, а во-вторыхъ потому, что имена являются сильно искаженными (онъ особенно указываетъ на аллитерацію). Такимъ образомъ несомнѣнна, по нашему мнѣнію, тѣснѣйшая связь между вопросомъ объ источникахъ Іоанна Туроца и вопросомъ о достовѣрности генеалогической таблицы (ср. Записки Восточнаго Огдѣленія Археол. Общ. т. XIII, вып. I, стр. XXI). Проф. Хиртъ сильно подкрѣпилъ-бы свою гипотезу, если бы включилъ въ свою статью, хотя бы посоветовавшись предварительно со спеціалистомъ по венгерской историографіи, нѣсколько соображеній объ этой связи. Родословная Аттилы является въ этомъ сочиненіи предшествующей родословной Алмуса, котораго венгерскій писатель считаетъ потомкомъ Аттилы. Проф. Хиртъ указываетъ на то, что число именъ слишкомъ мало для заполнения хронологическаго промежутка отъ V до X вѣка. Такимъ образомъ, эта часть родословной, не говоря уже о вполне основательныхъ сомнѣніяхъ относительно происхожденія мадьярскихъ князей отъ гунской династіи,—недостовѣрна или, по крайней мѣрѣ, подозрительна.

Изъ 37 именъ родословной Аттилы нужно прежде всего отбросить 6 библейскихъ именъ. Такимъ образомъ остается 31 имя. Основываясь на томъ соображеніи, что Аттила велъ свой родъ отъ хунъ-ну'скихъ правителей (III в. до Р. X.—I в. по Р. X.) проф. Хиртъ думаетъ найти сходныя имена въ таблицахъ правителей Хунъ-ну, приводимыхъ въ китайскихъ лѣтописяхъ. Для этого онъ высчитываетъ приблизительно время жизни каждаго изъ правителей по тому-же приему, который былъ примененъ имъ въ статьѣ «*Ueber Wolga-Hunnen und Hiung-nu*» и равнѣ г. Аристовымъ (см. «Живая Старина», 1896, III—IV, стр. 293). Сравнивая таблицы, нашъ авторъ находитъ, что *Maotun* соответствуетъ *Bezturn*, что можетъ, по его мнѣнію, служить несомнѣннымъ подтвержденіемъ гипотезы, такъ какъ *Bezturn* венгерской хроники есть видоизмѣненное тюркское *Baktur*. Кромѣ того онъ находитъ сходство въ четырехъ другихъ именахъ. *Lau-Schaug*, въ переводѣ съ китайскаго «почтенный», по мнѣнію автора и В. В. Радлова, есть китайскій переводъ уйгурскаго *möngi, mingi*, что вполне отвѣчаетъ соответствующему имени въ венгерской хроникѣ—*Mike*. Отожествленію слѣдующихъ двухъ именъ авторъ предпосылаетъ догадку, что эта родословная заимствована изъ гунской или мадьярской героической пѣсни, а потому и считаетъ начальное *M* введеннымъ для аллитераціи. Это имя *Miske* онъ считаетъ тожественнымъ *I-tschischö* въ таблицахъ хунъ-ну'скихъ правителей. Затѣмъ пропуская нѣсколько несходныхъ именъ, проф. Хиртъ переходитъ къ шестому поколѣнію. *Kulche* венгерской хроники онъ считаетъ видоизмѣненіемъ *Kulku* (смысленіе *ch* и *k* часто встрѣчается въ текстахъ хроники), а китайское *Hu-lu-ku*—транскрипція. Наконецъ относительно имени *Leuente* нашъ авторъ предполагаетъ нѣкоторую погрѣшность у венгерскаго писателя и, послѣ нѣкоторыхъ соображеній, возстановляя первоначальную форму *Eleuente* и *Ülüvente*, сближаетъ ее съ китайскимъ *Hü-lü-k'üan-k'ü*. Впрочемъ, проф. Хиртъ не придаетъ этому сближенію большого значенія и считаетъ вполне достаточнымъ для доказательствъ имена *Bezturn*, *Mike* и *Kulche*. Въ заключеніе авторъ считаетъ возможнымъ установить фактъ, что гунскіе цари происходили отъ хунъ-ну'скихъ шанъ-юевъ.

Таково, въ общихъ чертахъ, новое изслѣдованіе почтеннаго синолога. Касаясь въ статьѣ «Хунъ-ну и Гунны» теоріи турцизма Гунновъ, мы писали: «Ея сторонники исходятъ изъ нѣсколько иныхъ взглядовъ, чѣмъ представители другихъ теорій. Они

основываютъ свои выводы не столько на отдѣльных фактахъ, на толкованіи собственныхъ именъ, сколько на общихъ соображеніяхъ по поводу историческаго хода событій и группировки племенъ. Такая точка зрѣнія имѣетъ многое за себя и, по нашему мнѣнію, характеризуетъ дальнѣйшее движеніе впередъ» (см. стр. 71 отд. стт. и стр. 559 вып. IV 1900 г. «Живой Старины»). Въ настоящей работѣ проф. Хиртъ, выказывая обычную большую эрудицію и знакомство съ литературой, въ *приемахъ* изслѣдованія является представителемъ прежнихъ работъ. Во всякомъ случаѣ его гипотеза представляетъ интересъ и желательно разсмотрѣніе специалистами очень важнаго въ данномъ случаѣ вопроса объ источникахъ Іоанна Туроца.

К. Иностранцевъ.

Македония. Етнография и статистика отъ Васила Кънчовъ. Съ картин. издава българското книжно дружество въ София. София. 1900. VI+241 стр. 8°.

Эта книга принадлежитъ, несомнѣнно, къ числу наиболѣе крупныхъ и видныхъ явленій обширной литературы по «македонскому вопросу» послѣдняго времени. И по повѣркѣ свѣдѣній, собранныхъ долготѣмъ самостоятельнымъ трудомъ, и по подробности ихъ она вполне заслуживаетъ сдѣлаться однимъ изъ главнѣйшихъ пособій слависта вообще, и настольною книгою для всякаго, кто пожелалъ бы получить отчетливое и болѣе или менѣе вѣрное понятіе о разнообразномъ населеніи этой несчастной страны.

Какъ показываетъ заглавіе, трудъ г. Кънчева состоитъ изъ двухъ частей: этнографии и статистики.

Первый отдѣлъ начинается съ «Общихъ замѣчаній о размѣщеніи народовъ по Балканскому полуострову», представляющихъ сжатый и очень умѣло составленный сводъ общепзвѣстныхъ данныхъ по этому вопросу. Затѣмъ слѣдуютъ этнографическія описанія 17 народностей, населяющихъ Македонію въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) болгары, 2) болгары-магометане, 3) турки, 4) турки-христиане, 5) греки, 6) греки-магометане, 7) албанцы, 8) влахы, 9) евреи, 10) цыгане, 11) черкесы, 12) негры, 13) армяне, 14) грузины, 15) русскіе, 16) западно-европейцы и 17) сербы.

Каждое изъ этихъ описаній ведется приблизительно по одному плану: послѣ краткихъ историческихъ справокъ о времени поселенія каждой народности въ предѣлахъ Македоніи и о главныхъ моментахъ ея жизни и передвиженій, авторъ подробно опредѣляетъ этнографическія границы, сообщаетъ различныя племенные названія каждой народности, описываетъ физическій и духовный типъ и, въ заключеніе, выясняетъ политическое и культурное ея значеніе въ современной жизни страны.

И въ томъ и другомъ отношеніи, г. Кончевъ ставитъ на первое мѣсто болгаръ, въ которыхъ онъ видитъ «главный туземный элементъ Македоніи. До половины нынѣшняго столѣтія болгары занимали первое мѣсто только по количеству, какъ это и изображаютъ старые изслѣдователи Балканскаго полуострова. Нынѣ болгары занимаютъ первое мѣсто въ странѣ и по значенію, такъ какъ они уже давно составляютъ сознательную массу съ опредѣленнымъ національнымъ направленіемъ».

Напротивъ, турки, главенствующіе въ Македоніи политически, какъ культурная сила, занимаютъ въ ней послѣднее мѣсто. «Въ будущемъ ихъ политическое значеніе будетъ постоянно уменьшаться, во-первыхъ, потому, что занимаемый ими районъ постоянно суживается, во-вторыхъ, потому, что болгары, несмотря на всѣ неблагоприятныя условія, въ которыя они поставлены, дѣлаютъ культурные успѣхи». Вслѣдствіе этого, въ случаѣ, если-бы Македонія сдѣлалась самостоятельной, турки, не будучи привязаны къ землѣ, которую они населяютъ, выселились бы, вѣроятно, въ Турцію.

Не представляютъ серьезной опасности для болгарскаго движенія въ Македоніи, по мнѣнію автора, и греки, которые живутъ приблизительно въ тѣхъ же мѣстахъ (около Эгейскаго моря), гдѣ они обитали и въ средніе вѣка. Новыя завоеванія греческій элементъ сдѣлалъ только въ Гревеницѣ и Населицѣ. Послѣ послѣдней русско-турецкой войны грецизмъ потерялъ значительную долю своего прежняго вліянія вслѣдствіе энергичной церковно-училищной дѣятельности болгаръ, потери поддержки со сто-

роны власскаго населенія, матеріальнаго об'єднѣнія греческой церкви, экономическаго паденія греческихъ общинъ Сѣра, Солуня и Костура и, наконецъ, греческаго пораженія въ послѣдней греко-турецкой войнѣ. Изъ такого паденія греческаго престижа на Балканскомъ полуостровѣ, авторъ заключаетъ, что и «въ будущемъ греки будутъ имѣть въ Македоніи только второстепенное политическое и культурное значеніе».

Албанцы представляютъ опасность для македонскихъ славянъ только какъ грубая физическая сила, которою турецкая власть пользуется для ослабленія болгарскаго населенія. «Албанцы—бичъ для болгарскихъ земель до Витоля и Скопья. Постоянные разбои и грабежи разрушили благосостояніе во всей области Шара. Однако, какъ политическій факторъ, албанское населеніе не имѣетъ значенія. Безъ національной литературы, безъ національной вѣры, албанцы не представляютъ политической единицы. Если бы какой-нибудь другой народъ получилъ главенство въ странѣ, албанскій элементъ служилъ бы ему также, какъ онъ служилъ цѣлые вѣка римлянамъ, болгарамъ и сербамъ, если только будетъ оставлено въ неприкосновенности его внутреннее самоуправленіе».

Какъ только этнографическій элементъ, имѣютъ значеніе въ Македоніи и влахи. Играть роль социально-политическаго фактора имъ мѣшаетъ разбросанный характеръ ихъ поселеній, ассимиляція съ другими народами и эмиграція въ Румынію, Болгарію, Сербію и Грецію. «Вольшая часть тѣхъ, которые сохранили свой языкъ и которые могутъ его сохранить въ будущемъ, сильно преданы греческой церкви и съ гордостью называютъ себя греками. Национальная партія еще слаба, не смотря на серьезную поддержку, которую она получаетъ отъ Румыніи и отъ мѣстныхъ турецкихъ властей».

Евреи, переселившіеся въ Еврейскую Турцію изъ Испаніи (послѣ 1492 г.), и составляющіе въ настоящее время громадное большинство жителей Солуня, играютъ роль только какъ экономическій факторъ: въ ихъ рукахъ находится почти вся вишняя торговля края. Сравнительно небольшая часть евреевъ живетъ также въ Витолѣ и Сѣрѣ.

Цыгане, черкесы, негры, армяне, грузины и западно-европейцы разныхъ націй живутъ разсѣянно по всей странѣ, не играя почти никакого значенія въ духовной и политической жизни страны.

Русскіе живутъ на Аонѣ, составляя половину всего его монашескаго населенія. Въ недалекомъ будущемъ, по мнѣнію автора, Аонъ обрусѣетъ совсѣмъ, «такъ какъ число греческихъ монаховъ постоянно уменьшается, а русскихъ увеличивается».

На послѣднее мѣсто, какъ это ни страннымъ покажется на первый взглядъ, авторомъ поставлены сербы. Сербскій народъ, по его мнѣнію, «господствовалъ численно только въ коренныхъ сербскихъ областяхъ. Завоеванныя же земли на востокъ отъ Болгарской Моравы и на югъ отъ Шара и Зеты остались населенными болгарами, албанцами и греками». Были, конечно, и сербскіе переселенцы, но отъ нихъ не осталось никакихъ слѣдовъ, если не считать ряда церквей и монастырей, построенныхъ и обновленныхъ сербскими владѣтелями. Вслѣдствіе своей малочисленности, сербскій элементъ, по мнѣнію автора, не можетъ надѣяться ни на какіе успѣхи въ странѣ и въ будущемъ.

Таково политическое и культурное значеніе македонскихъ народностей. До извѣстной степени, этому распредѣленію отвѣчаетъ и статистическое, которое наглядно выражается въ слѣдующей таблицѣ:

	Христіане.	Магометане.	Всѣхъ.
Болгары	1,032,533	148,803	1,181,336
Турки	4,240	494,964	499,204
Греки	—	—	—
Албанцы	214,329	14,373	228,702
Влахи	9,510	119,201	128,711
Евреи	67,840	—	67,840
Цыгане	19,500	35,057	54,537
Русскіе	4,000	—	4,000
Черкесы	—	2,837	2,857
Сербы	400	300	700
Армяне	300	—	300

	Христіане.	Магометане.	Всѣхъ.
Негры	—	200	200
Грузины	60	—	60
Разныя западно- европейцы . .	8,810	200	9,010
Всѣхъ . .	1,370,949	819,235	2,258,224

Таковы только общіе итоги населенія Македоніи. Кромѣ нихъ, авторъ приводитъ въ своей книгѣ и полную статистику этого населенія по 47 казамъ Македоніи и по всѣмъ ей населеннымъ пунктамъ. Къ сожалѣнію, всѣ эти данныя могутъ претендовать только на приблизительную точность, такъ какъ турецкія метрическія книги (т. н. «нофузъ-тефтери»), служащія въ Турціи почти единственными источниками о населеніи, отмѣчаютъ только мужчинъ, и то далеко не всегда, вслѣдствіе множества злоупотребленій, которыя допускаются при ихъ регистраціи, какъ со стороны населенія, такъ и самихъ чиновниковъ. Поэтому, въ основу своего исчисленія автору пришлось помѣстить число домовъ, причемъ для турецкаго дома онъ полагаетъ среднимъ числомъ 5 душъ, для болгарскаго 5—6 душъ въ городахъ и 6—7 въ деревняхъ, для цыганъ—5½—6 и т. д. Нечего и говорить, что при такомъ приемѣ исчисленія таблицы автора могутъ имѣть только крайне условное значеніе.

Что касается до приложенныхъ къ книгѣ 11 картъ, то онѣ составляютъ цѣлый историческій атласъ Македоніи, достойно заключаемый оригинальной картой самого г. Къичева, несомнѣнно лучшей изъ всѣхъ существующихъ.

Г. Ильинскій.

Болгарія и болгары Н. Овсяного, дѣйствительнаго члена Имп. Русс. Геогр. Общ. Съ картою Балканскаго полуострова. Спб. 1900 г. 8° 365 стр.

Сербіи и сербы Н. Овсяного, дѣйствительнаго члена Имп. Русс. Геогр. Общ. Съ картою Сербіи. Спб. 1898 8° 821 стр.

Хорваты. Съ приложеніемъ карты Хорватіи, Славоніи и Далмаціи. Очеркъ А. Л. Липовскаго. Спб. 1900. 8° 158 стр.

Чехія и чехи. Очеркъ съ картою и рисунками. Составилъ В. И. М. М. 1901. 16° 74 стр. (Популярно-научная бібліотека А. Ю. Мамуковой № 1).

Русская литература, необыкновенно богатая научно-популярными сочиненіями о разныхъ дикихъ народахъ въ родѣ папуасовъ и африканскихъ чернокожихъ, поражаетъ своимъ убожествомъ по части всего, что касается исторіи, быта и нравовъ нашихъ зарубѣжныхъ соплеменниковъ: мы не имѣемъ до сихъ поръ не только такой книги, которая бы въ сжатой и общедоступной формѣ сообщала свѣдѣнія о славянахъ, какъ одномъ этнографическомъ цѣломъ,—т. е. всеславянской популярной энциклопедіи, но до послѣдняго времени не знали сколько-нибудь обстоятельныхъ очерковъ жизни отдѣльныхъ славянскихъ народовъ. Мы не будемъ говорить о вредѣ такого положенія дѣла для правильного развитія русскаго національнаго самосознанія: объ этомъ въ послѣднее время писано достаточно *). Мы замѣтимъ только, что и съ точки зрѣнія общеобразовательной игнорированіе популяризаціи славяновѣдѣніе представляетъ явленіе очень прискорбное. Въ самомъ дѣлѣ, если «образовательнымъ» можно назвать все, что такъ или иначе расширяетъ наше теоретическое или философское міросозерцаніе, то славяновѣдѣніе представляетъ для такого міровоззрѣнія богатѣйшій матеріалъ. Нужно-ли дать понятіе читателю о разныхъ поучительныхъ явленіяхъ природы, въ родѣ сталактитовыхъ пещеръ, исчезающихъ рѣкъ или гигантскихъ нороговъ, или перенести читателя въ эпоху патріархальныхъ родовыхъ или территоріальныхъ союзовъ вроде сербской задруги или русскаго міра, или дать ему почувствовать всю красоту истинно національнаго

*) См. истор. К. Я. Грога. Объ изученіи славянства. Спб. 1901 г. и Р-ца «Славяновѣдѣніе и его пропаганда въ русскомъ обществѣ». (Ж. М. Н. Пр., 1901 г., № 3).

эпоса, подобного сербскому, или нарисовать картину героической борьбы цѣлаго народа за свою политическую и духовную эмансипацію отъ иноземныхъ поработителей (какъ гуситское движеніе), или дать образцы истинно гражданской доблести и мужества (вспомнимъ исторію новѣйшаго славянскаго возрожденія),—всего этого славянская географія, этнографія и исторія даетъ великолѣпнѣйшіе иллюстраціи. Въ этомъ отношеніи, они служатъ настоящими золотыми россыпями, въ которыхъ нужно только умѣть выдѣлать золото отъ песка и гравія...

Было бы ошибочно, однако, полагать, что это выдѣленіе есть легкое занятіе. Какъ истинные поэты и ученые—поэты и ученые милостію Божіею, такъ и для того, чтобы быть хорошимъ популяризаторомъ, не достаточно только знать хорошо предметъ, о которомъ говорить, но необходимо имѣть чутье того, что въ данную минуту можетъ быть болѣе всего интересно и полезно для публики, а также умѣнье облекать идеи въ наглядную художественную форму. И для успѣха популяризаціи послѣдніе два дара даже важнѣе глубокой учености.

Если читатель приложитъ теперь эту точку зрѣнія къ указаннымъ въ заглавіи книгамъ, то врядъ-ли онъ придетъ къ иному впечатлѣнію, чѣмъ къ отрицательному.

Обѣ книги ген. Овсянаго написаны по одному плану и представляютъ настоящія маленькія энциклопедіи болгаровѣдѣнія и сербовѣдѣнія. Тутъ читатель найдетъ и географическій обзоръ болгарской и сербской страны, и историческій очеркъ, и обширные отдѣлы «статистики и этнографіи», въ которыхъ авторъ даетъ обстоятельныя свѣдѣнія о царствующемъ домѣ Болгаріи и Сербіи, ихъ государственномъ устройствѣ, территоріи и народонаселеніи, промышленности, торговлѣ, путяхъ сообщенія, финансахъ, церкви, образованности, деньгахъ и мѣрахъ и т. д. Особые отдѣлы, кромѣ того, посвящены «литературѣ, наукѣ и искусству» и «вооруженнымъ силамъ». Наконецъ, въ приложеніяхъ авторъ помѣстилъ краткіе очерки зарубежныхъ, съ точки зрѣнія описываемыхъ имъ государствъ, славянскихъ земель: Македоніи, Черногоріи, Босніи и Герцеговины, австро-венгерской Сербіи.

Но чѣмъ богаче содержаніе обоихъ почтенныхъ трудовъ ген. Овсянаго, тѣмъ печальнѣе сознаніе, что оно останется вѣроятно мертвымъ капиталомъ въ умственной жизни русскаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, какъ труды компилятивныя, книги г. Овсянаго врядъ-ли будутъ полезны специалистамъ-славистамъ, которые, конечно, при изслѣдованіи извѣстнаго вопроса, будутъ искать помощи не у ген. Овсянаго, а у его источниковъ. Но и въ широкой публикѣ можно сказать съ увѣренностью, онѣ не найдутъ себѣ распространенія: этому помѣшаетъ ихъ крайне неудобосуваиваемая форма. Что, напр., обыкновенный читатель можетъ вынести изъ географическаго очерка Волгаріи или Сербіи, представляющаго голый, составленный по Карнчу и Иречку, перечень горъ, рѣкъ и озеръ, иногда настолько незначительныхъ, что о ихъ существованіи могъ бы смѣло не знать даже любой образованный болгаринъ или сербъ? Книга гораздо скорѣе достигла бы свой цѣли, если бы авторъ взамѣнъ этого перечня подробно описалъ ландшафтъ двухъ-трехъ наиболее типичныхъ въ какомъ-нибудь отношеніи мѣстностей, отнеся въ мелкій шрифтъ весь баласть, имѣющей только справочное значеніе. Нѣсколько болѣе благоприятное впечатлѣніе производитъ очеркъ исторіи Болгаріи и Сербіи,—особенно въ новѣйшій періодъ ихъ исторіи: эта часть книги изложена и подробно и даже живо. Нельзя сказать того же про блѣдный и чисто схематичный очеркъ древнѣйшей исторіи обоихъ славянскихъ странъ, въ которомъ даже о такой крупной исторической фигурѣ, какъ Стефанъ Душанъ, посвящена съ небольшимъ 1 страница, а Іоанну Асѣню II всего нѣсколько строкъ! То же слѣдуетъ сказать и объ отдѣлѣ «литературы», представляющемъ почти простой перечень авторовъ, безъ біографій и безъ выдержекъ изъ сочиненій, столь важныхъ и полезныхъ для «реальнаго» ознакомленія читателя съ предметомъ. Наконецъ, что касается до «статистики и этнографіи» и «вооруженныхъ силъ» Болгаріи и Сербіи, то эти отдѣлы для обыкновеннаго читателя, за исключеніемъ немногихъ страницъ, могутъ имѣть только календарное значеніе.

Если, такимъ образомъ, обѣ книги ген. Овсянаго неудовлетворительны, какъ популярныя сочиненія, то это обстоятельство, однако, отнюдь не лишаетъ ихъ значенія какъ справочныхъ пособій. Начинаящій славистъ, желающій получить

общее понятіе объ изучаемыхъ имъ странахъ и народахъ, публицистъ, желающій освѣ-
жить свои свѣдѣнія о политическомъ, культурномъ и экономическомъ состояніи южно-
славянскихъ государствъ, путешественникъ, желающій ориентироваться въ совершенно
незнакомой и чуждой ему странѣ,—все они найдутъ въ книгахъ ген. Овсянаго не
мало поучительныхъ матеріаловъ, и съ этой точки зрѣнія появленіе обонхъ трудовъ
ген. Овсянаго нельзя не приветствовать.

О книгѣ А. Л. Липовскаго «хорваты» мы уже высказали свое мнѣніе въ дру-
гомъ мѣстѣ *).

Что касается до книжки г. В. М. «Чехія и чехи», то о ней мы упоминаемъ
только для полноты. Она предназначена «для юношества и взрослыхъ людей, не полу-
чившихъ среднеобразовательной подготовки». Мы сомнѣваемся, однако, чтобы даже
такой читатель могъ получить сколько нибудь точное понятіе о жизни чешскаго на-
рода изъ книжки, въ которой вѣтъ ни слова о зеркалѣ его духовной жизни—литературѣ,
въ которой Гусу посвящено буквально пять словъ, и въ которой сообщаются «цѣнные»
свѣдѣнія вродѣ слѣд. «мелкой птицы въ Чехіи потребляется огромное количество, по-
тому ее выкармливаютъ тамъ очень много»,—и нѣтъ ни слова о такихъ крупныхъ
факторахъ духовной жизни чеховъ, какъ университетъ и академія наукъ!

Г. Иллѣнскій.

Beiträge zur Ethnographie der hannoverschen Elbslaven. Mitgetheilt von A.
Vieth, mit Einleitung und Zusätzen von H. Zimmer, V. Jagic und A. Leskien. (Archiv
für sl. Ph. B. XXII. 1900 г., S., 107—143).

Одной изъ характерныхъ чертъ современной этнографіи, какъ извѣстно, является
стремленіе къ изученію быта и міровоззрѣнія извѣстнаго народа не только на осно-
ваніи современныхъ источниковъ, но въ особенности по тѣмъ даннымъ, которыя со-
хранились въ болѣе раннихъ по времени этнографическихъ описаніяхъ. Такое стремле-
ніе вполне понятно для каждаго, кто, зная, какимъ быстрымъ метаморфозамъ подвер-
гаются обыкновенно явленія народной матеріальной, общественной и духовной культу-
ры, старается найти исходную точку ихъ эволюціи въ показаніяхъ болѣе или менѣе
старинныхъ ихъ очевидцевъ. Вотъ почему современный этнографъ особенно жадно при-
слушивается къ такимъ свидѣтельствамъ, въ которыхъ нерѣдко и находилъ настоящія
для себя откровенія.

Если такое значеніе имѣютъ старинныя этнографическія свидѣтельства для наро-
довъ живыхъ съ богато развитымъ и разработаннымъ фольклоромъ, то тѣмъ не оцѣнимѣе
они для народовъ вымершихъ, для которыхъ они являюся не только важнѣйшимъ
коррективомъ при изученіи ихъ быта, но и часто почти единственнымъ источникомъ
для этого изученія. Подобнаго рода документъ для исторіи правовъ и быта полабскихъ
славянъ принесъ недавно послѣдній томъ Архива Ягича. Исторія его слѣдующая. Одинъ
изъ учениковъ извѣстнаго нѣмецкаго профессора Г. Циммера, г. А. Фитъ, работая въ

*) Славянской вѣкъ 1900, № 78, стр. 36—37. (См. еще рецензіи Ястребова въ Ж.
М. Пр. 1900 и Рѣшета Арх. Г. Н Phil 1891 IV).

На частыя жалобы на бѣдность Р. литературы по части славяновѣдѣнія можно возра-
зить, что русская литература вообще богатою называться не можетъ, по сравненію съ
древними греческою и римскою или съ новыми Французскою, Нѣмецкою и Англійскою.
Причины этой бѣдности очень понятны, если вспомнить новѣйшіе факты русской государ-
ственной и общественной исторіи (едва прошло сорокъ лѣтъ освобожденію крестьянъ),
русскую цензуру и скудный бюджетъ на народное образованіе, недостатокъ училищъ и
неугомонный зудъ преобразованія системъ и плановъ преподаванія, особенно начиная съ
1849 г. И при всемъ томъ, если-бы была составлена полная библіографія по русскому
славяновѣдѣнію хотя-бы съ нач. XIX в. до настоящаго времени, то мы бы увидѣли, что
эти плачи и сожалѣнія о незаботливости нашей на счетъ западныхъ, свѣ. и южн., Славянъ,
значительно преувеличены: нельзя же ожидать и требовать, чтобы русская литература ни-
чѣмъ инымъ, кромѣ западнаго славянства не занималась. Русская литература и русское
общество наиболѣе усердно конечно изучаетъ Россію, но Россія въ Славянствѣ кажется
занимаетъ не послѣднее мѣсто и немалую его часть.

Копенгагенѣ надѣ исторіей одного померскаго рода, случайно натолкнулся на документъ, представляющій древнѣйшее свидѣтельство объ обычаяхъ, нравахъ и языкѣ полабскихъ славянъ Люнебурга. Рукопись находилась прежде во владѣніи Мих. Рёхей (Riehey), преподавателя исторіи и греческаго языка въ гамбургской гимназіи, жившаго между 1678 и 1761 г.г., и состоитъ изъ трехъ частей: первая представляетъ описаніе народныхъ «суевѣрныхъ» нравовъ и обычаевъ полабскихъ славянъ», включенное въ отчетъ о генеральной визитаціи церковей Данненбургскаго княжества въ авг. 1671 г. («Wendischer Aberglaube augemercket bey der General Kirchen Visitation des Fürstenthums Dannenberg im Monath Aug. Ann. 1671»); вторая—нѣкоторыя дополненія къ предыдущей части («Verzeichniß einiger Posten des Abergläubischen Werens der Land-auch vieler Stadtleute») и третья—систематическій словарь и сборникъ фразъ полабскаго языка. Вторая изъ этихъ частей написана другою рукою и другими чернилами.

Догадываясь о важномъ значеніи, которое можетъ имѣть этотъ памятникъ для этнографіи полабскихъ славянъ, г. Фитъ переслалъ его своему учителю проф. Циммеру, который, въ свою очередь, препроводилъ его ак. Ягичу вмѣстѣ съ письмомъ, въ которомъ не только описалъ ея внѣшній видъ и составъ, но и доказалъ, что не всѣ ея части являются совершенно неизвѣстными наукѣ. Такъ, главы I и II первой части и ч. III были напечатаны въ нѣм. провинціальныхъ изданіяхъ. Hamburgische vermischte Bibliothek и. Neues Vaterländisches Archiv; были извѣстны наукѣ въ маленькихъ отрывкахъ и другія главы, за исключеніемъ главы V (Von Bauerrecht), VI (Von Züchtmeistern), VII (Von Hochzeiten), VIII (Von Schwangern, Bademütern und Kranken) и X (Von der Wendu Leben insgemein). Кое-что новое представляетъ и словарь, такъ какъ нѣкоторыя немногія слова и фразы его были выпущены въ извѣстныхъ изданіяхъ Домейера и Пфеффингера.

Отношеніе обоихъ послѣднихъ изданій къ нашему памятнику особенно наглядно выяснилъ ак. Ягичъ, который, напечатавъ въ своемъ журналѣ текстъ памятника цѣликомъ, присоединилъ къ словарю всѣ варианты Домейера (по перепечаткѣ Пфуля въ *Casopisъ* луж. мат. 1864 г., тетрадь I) и Пфеффингера (напеч. въ книгѣ Эккарда «*Historia studii etymologici*» Hannoverae MDCCXI). Изъ этого сравненія явствуетъ, что въ то время, какъ Домейеръ несомнѣнно заимствовалъ свои матеріалы изъ Копенгагенскаго текста, измѣнивъ его предметный распорядокъ алфавитнымъ, Пфеффингеръ пользовался какою-то третьею, еще не открытою рукописью, которая послужила источникомъ и для Копенгагенскаго словаря. Удачныя конъектуры къ нѣкоторымъ темнымъ словамъ послѣдняго предложилъ въ заключеніе той же статьи А. Лескинъ.

Г. Илгинскій.

Общій имущественный законникъ для княжества Черногорскаго (по второму изданію 1898 г.). Переводъ М. П. Кусакова, подѣ редакціей В. Д. Спасовича. Приложение къ «Вѣстнику Права», стр. 239.

Появленіе черногорскаго гражданскаго законника въ русскомъ переводѣ нельзя не признать своевременнымъ въ настоящее время, когда интересъ къ обычному праву въ русской юридической наукѣ пробудился съ особенной силой. Обширная литература о русскомъ крестьянскомъ обычномъ правѣ доказываетъ, что труды русскихъ ученыхъ не остались совершенно безплодными, и въ настоящее время мы довольно точно знаемъ, въ чемъ, по крайней мѣрѣ, состоитъ его сущность. Тѣмъ поучительнѣе сравнить нормы русскаго обычнаго права съ черногорскимъ, которое удостоилось юридической санкціи въ исключительномъ—широкомъ размѣрѣ. Какъ извѣстно, составленіе черногорскаго гражданскаго законника было поручено еще имп. Александромъ II профессору Одесскаго университета, знаменитому изслѣдователю южнославянскій здруги, К. Вогишичу. Выработанный послѣднимъ проектъ «Законника», послѣ тщательнаго и продолжительнаго обсужденія цѣлымъ рядомъ, нарочно приглашенныхъ, специалистовъ, былъ окончательно утвержденъ кн. Николаемъ въ Петербургѣ 25 марта 1888 г. Черезъ десять лѣтъ, вслѣдствіе накопившихся за это время спорныхъ толкованій разныхъ статей этого уложенія,

«Законникъ» былъ пересмотрѣнъ вновь и въ этомъ исправленномъ и дополненномъ видѣ изданъ вторично 14 января 1898 г. Въ основѣ русскаго перевода, за точность котораго ручается авторитетное имя его редактора, и лежитъ именно это второе изданіе.

Г. Ильинскій.

Historja porównawcza praw słowiańskich. Główne kierunki rozwoju nauki jej istotne zadanie napisał Oswald Balzer. Lwów 1900. 8°. 64 стр. (Studia nad historją prawa polskiego. tom I, zesz. 5).

Настоящая книжка представляетъ не что иное, какъ лекцію, прочитанную въ сокращенномъ видѣ при открытіи третьяго съѣзда польскихъ историковъ въ Краковѣ 4 іюля 1900 г. Кромѣ краткаго абриса историческаго развитія науки славянскаго права, она содержитъ въ себѣ очень живое изложеніе задачъ этой науки, которая, не смотря на свое столѣтнее прошлое, гораздо болѣе богата надеждами, чѣмъ дѣйствительными открытіями. Ровно сто лѣтъ тому назадъ (въ 1800—1801) вышла замѣчательная книга Чацкаго «O litewskich i polskich prawach, ich duchu, źródłach i związku i o rzeczach, zawartych w pierwszym statucie dla Litwy» которая впервые не только въ польской, но и вообще въ славянской литературѣ сознательно высказана мысль о наукѣ права, какъ объ особой научной дисциплинѣ и представляла первую попытку ея практическаго осуществленія. Этотъ трудъ, впрочемъ, не былъ лишень и неизбежныхъ для того времени крупныхъ недостатковъ, какъ-то: комментаторскаго способа изложенія, антикварнаго характера содержанія и, въ особенности, предвзятой тенденціи объясненія польскаго права изъ норманно-скандинавскаго. Реакціей противъ такой теоріи явилась книга Раковецкаго «Prawda Russka» (въ 1820 г.), еще не оцененная, по мнѣнію автора, какъ слѣдуетъ. Полемизируя здѣсь съ аналогичнымъ взглядомъ Шленера на происхожденіе русскаго права, этотъ польскій ученый впервые развилъ здѣсь два главныхъ положенія исторической школы: 1) о самобытномъ органическомъ происхожденіи права и 2) о недостаткахъ прежняго механическаго способа сравненія. Немаловажной заслугой Раковецкаго была попытка систематическаго изложенія основъ древнерусскаго права, чѣмъ польскій ученый на шесть лѣтъ опередилъ Эверса и его знаменитый трудъ «Das älteste Recht der Russen» (1826). Наконецъ, тотъ же Раковецкій впервые привлекъ къ изслѣдованію данныя и другихъ славянскихъ законодательствъ. Духовнымъ ученикомъ Раковецкаго былъ Мацѣевскій, который, въ своей «Исторіи славянскихъ законодательствъ» (1-ое изд. въ 1832—1835 гг., 2-ое 1856—1858), старался доказать любимую идею своего образца—о самобытномъ происхожденіи славянскихъ законодательствъ. Онъ потерпѣлъ, однако, въ этомъ полную неудачу, отчасти, вслѣдствіе преждевременности такой работы вообще, отчасти вслѣдствіе несовершенства метода своего изслѣдованія, въ которомъ онъ позднее смѣшивалъ съ раннимъ и индивидуальное—съ общимъ. Главнымъ же недостаткомъ его монументальнаго труда былъ романтическій, ведущій свое начало еще отъ Гердера взглядъ на славянскую культуру, какъ патриархально-идиллическую. Вслѣдствіе такой тенденціозности, трудъ Мацѣевскаго имѣлъ, въ сущности, только отрицательный результатъ, и это обстоятельство предопредѣлило дальнѣйшій ходъ развитія нашей науки: съ одной стороны, онъ предостерегалъ послѣдующихъ изслѣдователей отъ слишкомъ поспѣшныхъ обобщеній въ области сравнительныхъ изслѣдованій, съ другой стороны, указывалъ на необходимость спеціальнаго изслѣдованія исторіи каждаго славянскаго права въ отдѣльности. Перечисленіемъ главнѣйшихъ представителей этого направленія и оканчивается историческая часть этюда г. Вальцера.

«Какъ ни мало пользы» оказало это новое «спеціальное» направленіе науки славянскаго права, оно, по мнѣнію польскаго ученаго, нуждается въ постоянномъ коррективѣ со стороны науки сравнительной исторіи славянскаго права. Только такая наука могла бы восполнить пробѣлы относительно праславянской эпохи исторіи слав. права, служившей исходной точкой развитія этого права на почвѣ отдѣльной

жизни славянскихъ народовъ; только такая наука можетъ охранить изслѣдователя отъ односторонности въ объясненіи правовыхъ институтовъ извѣстнаго народа, неизбѣжной при искусственномъ отграниченіи его отъ семьи его ближайшихъ современниковъ; наконецъ только такая наука можетъ объяснить множество странныхъ обычаевъ и учреждений, на первый взглядъ не имѣющихъ между собою ничего общаго, но на самомъ дѣлѣ органически связанныхъ другъ съ другомъ.

Г. Ильинскій.

Staroveke zpravy o zeměpisu východní Evropy se zřetelem na země slovanské. Descriptio Europae regionum quae ad orientem Europae regionum spectant veterum scriptorum locis illustrata. Příspěvkem k poznání nejstarších dějin slovanských podává Dr. L. Niederle. V Praze 1899 8°. 125 стр. (Rozpravy České Akad., B. VIII, tř I, č. 1).

Новый трудъ неутомимаго чешскаго ученаго является естественнымъ дополненіемъ къ извѣстному труду того же ученаго «lidstvo v době praehistorické» (V. Praze), недавно сдѣланному извѣстнымъ читателямъ и въ русскомъ переводѣ. Если въ послѣднемъ сочиненіи проф. Нидерле излагаетъ древнѣйшую культурную исторію славянъ на широкомъ фонѣ доисторической археологіи Европы, то въ первомъ онъ идетъ къ той же цѣли посредствомъ анализа тѣхъ скудныхъ извѣстій, которыя сохранили намъ о территории восточной Европы древнегреческіе и римскіе географы и историки. Само собою разумѣется, что при крайней смутности этихъ извѣстій съ одной стороны, и совершенной недостаточности ихъ съ другой *), ни читатели, ни тѣмъ болѣе самъ авторъ, не могутъ ожидать отъ такой книги какихъ-нибудь новыхъ открытій. Зато тѣмъ незамѣннѣе трудъ г. Нидерле какъ сжатый, отчетливый и критически провѣренный по первоисточникамъ сводъ всего того, что сдѣлано въ обширной литературѣ по этому предмету.

Книга раздѣлена на «введеніе» и четыре главы, изъ которыхъ первая трактуетъ о положеніи и характерѣ края вообще, вторая—о его морскихъ берегахъ, рѣкахъ и озерахъ, третья—о горахъ и четвертая—о древнихъ поселеніяхъ и колоніяхъ въ предѣлахъ современной Россіи.

Въ «введеніи» (стр. 5—20) авторъ послѣ опредѣленія границъ славянской прародины, которую вмѣстѣ съ Шафарикомъ видитъ въ территоріи между верховьями Оки, Вислы, Карпатами и Чернымъ моремъ, выясняетъ различныя значенія древнихъ географическихъ названій этой страны: Скиѣи и Сарматіи, перечисляетъ главнѣйшихъ классическихъ географовъ и историковъ, сообщившихъ о ней извѣстія, и въ заключеніе, приводитъ длинный списокъ своихъ изсѣдованій.

Первая глава, какъ мы сказали, посвящена изложенію взглядовъ древнихъ народовъ на мѣстоположеніе и природу края вообще. О первомъ они имѣли самыя смутныя представленія, такъ какъ исходной точкой при его опредѣленіи служило обыкновенно устье Дніпра, черезъ которое Эратосгенъ проводилъ главный меридіанъ, а также одну изъ параллелей. Попытку разграничить территоріи современной Россіи на градусы и минуты сдѣлалъ, какъ извѣстно, впервые Птолемей; но это математическое опредѣленіе мѣстоположенія страны не оказало вліянія на прогрессъ тогдашняго землезнанія, если не считать скудныхъ извѣстій римскихъ картъ и итинераріевъ. Болѣе согласнымъ съ дѣйствительностью, чѣмъ эти представленія древнихъ о внѣшней и внутренней конфигураціи страны, были представленія объ общемъ характерѣ страны, которую Геродотъ раздѣлялъ на двѣ части: южную, степную, прорѣзанную большими рѣками, и сѣверную, лѣсистую и озерную. Довольно точны были его свѣдѣнія о флорѣ и фаунѣ страны.

*) Какъ извѣстно, они касаются только побережья морей т. е., только самыхъ отдаленныхъ окраинъ праславянской территоріи.

Изъ морей, омывающихъ въ настоящее время территорію Россіи, древніе греки и римляне имѣли болѣе или менѣе вѣрные понятія только о двухъ: Балтійскомъ и Черномъ. Существованіе Сѣвернаго Ледовитаго Океана они только подозрѣвали, но не на основаніи какихъ-нибудь положительныхъ данныхъ, но на основаніи болѣе или менѣе фантастическихъ комбинацій. Каспійское морѣ древніе географы смѣшивали съ Дономъ, изображая его въ видѣ пролива, соединявшаго «Сѣверное» морѣ съ Чернымъ. Основаніемъ такого мнѣнія г. Нидерле видитъ въ показаніяхъ тѣхъ купцовъ, которые «плывя вверхъ по Дону и Волгѣ, уже въ то время перетаскивали свои лодки черезъ волоки». Существованіе такого способа переправы доказывается и положительно, напр. свидѣтельствомъ Тимея, по которому изъ рѣки Тананса (Дона) можно было перейти въ какую-то другую рѣку, вливавшуюся въ «Сѣверное» морѣ.

Въ частности, классическіе народы имѣли болѣе подробныя свѣдѣнія о Черномъ морѣ, чѣмъ о Балтійскомъ. Но и о первомъ, не смотря на многочисленныя колоніи на его сѣверномъ берегу, древніе греки имѣли довольно превратное понятіе, какъ это видно изъ того, что Азовское морѣ многіе изъ нихъ считали озеромъ, соединеннымъ съ Чернымъ моремъ Дономъ... Что касается Балтійскаго моря, то г. Нидерле, вопреки мнѣнію Мюлленгофа, не сомнѣвается, что оно было названо Птолемеємъ и Маркіаномъ Гераклеотскимъ венецкимъ потому, что въ большей или меньшей его близости жили славяне (венеды). Впрочемъ, г. Нидерле не отрицаетъ возможности и толкованія «венецкаго моря», какъ литво-славянскаго!! Точно также расходится съ Мюлленгофомъ г. Нидерле и по вопросу о локализациі «загадочныхъ» острововъ Абала, Балтіи и побережья Ментопомона и Бауноніи: въ то время, какъ первый старался приурочить ихъ къ берегамъ Сѣвернаго моря, послѣдній рѣшительно помѣщаетъ ихъ въ морѣ Балтійскомъ; Абаль и Балтію чешскій ученый склоненъ считать не одной и той же мѣстностью, но двумя разными, причемъ въ Абаль онъ готовъ видѣть полуостровъ Самбію, и въ Балгѣ—можетъ быть—Скандинавскій полуостровъ. Ментопомонъ, по мнѣнію г. Нидерле, есть испорченное «Veneton» или «Venton cognomine» и тождественно съ Птолемеевымъ οὐενεδιχὸς κόλπος. Только географическое значеніе названія Вапноніи авторъ отказывается объяснить, считая неудовлетворительнымъ Шафариковское объясненіе, какъ Ваппона.

Переходя къ обзорѣнню рѣчной сѣти восточной Европы, поскольку она была извѣсна древнему міру, авторъ обращаетъ вниманіе на то любопытное обстоятельство, что греческіе и римскіе географы никогда не упоминаютъ о Днѣпровскихъ порогахъ. Причина этого страннаго обстоятельства заключается, по его мнѣнію, или въ томъ, что пороги не составляли особенно крупныхъ препятствій для плаванія при тогданнемъ половодіи Днѣпра, или въ томъ, что греческимъ купцамъ въ ихъ пути къ янтароноснымъ берегамъ Балтики не было нужды подыматься вверхъ по Днѣпру, такъ какъ въ ихъ распоряженіи была болѣе близкая дорога черезъ Вугъ или Днѣстръ къ Сану.

Анализъ извѣстій классическихъ народовъ о рѣкахъ Восточной Европы г. Нидерле начинаетъ Дунаемъ, который лишь въ своемъ верхнемъ теченіи носилъ названіе Danuvius, низовье же его удерживало продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ классическое названіе «Истра». Для славянскихъ древностей особенно важное значеніе имѣетъ рѣка Тирасъ (теперешній Днѣстръ), который, по мнѣнію г. Нидерле, служилъ главной торговой дорогой, соединявшей Понтъ съ Балтійскимъ моремъ. Геродотъ имѣлъ объ этой рѣкѣ довольно смутное представленіе, какъ это видно изъ того, что ея источникомъ онъ считаетъ какое-то большое озеро (Полѣвскія болота?) на границѣ скифской и персской земли. Напротивъ, весьма точно онъ описываетъ Гипанисъ, теперешнее названіе котораго—Вугъ—появляется впервые лишь въ VI ст. Есть много данныхъ полагать, что и современный Днѣпръ былъ извѣстенъ древнимъ грекамъ только въ своемъ нижнемъ и среднемъ теченіи, верхнюю же его часть они видѣли въ Березинѣ или Припяти. Г. Нидерле не считаетъ невозможнымъ объяснить древнегреческое названіе этой рѣки Βορυσθένης изъ славянск. Березина или Вѣрестина, нѣкоторымъ подтвержденіемъ чего, по его мнѣнію, можетъ служить названіе лежащаго въ устьѣ Днѣпра острова

Березань, который можно отождествить съ островомъ Борисоеномъ у Птолемея и въ христоматіи Страбона. Еще неопредѣленнѣ были представленія древнихъ о верховьяхъ Днѣпра, которые одни помѣщали на Кавказѣ, другіе—въ Рифейскихъ горахъ, третьи на сѣверо-западѣ къ Дунаю. Впервые болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія о теченіи этой рѣки были сообщены Птолемеемъ. Наконецъ, что касается Волги, то г. Нидерле, вмѣстѣ съ Мюлленгофомъ, отождествляетъ геродотовское ея названіе *Ῥαῖος* съ *Ῥᾶ* Птолемея.—Изъ рѣкъ Балтійской системы наиболѣе была извѣстна древнимъ Висла, которая считалась въ древности западной границей Сарматіи и Германіи и которая, какъ центръ (въ своемъ устьѣ) янтарныхъ находокъ, служила постояннымъ магнитомъ для финикійскихъ, греческихъ и римскихъ торговцевъ. Можетъ быть, благодаря этому обстоятельству послѣднимъ остались совершенно незнакомыми и верховья этой рѣки, и всѣ ея притоки. Совершенно фантастическими даже въ сравненіи съ этими туманными представленіями являются свѣдѣнія древнихъ о рѣкѣ Эриданѣ, вопросъ о локализациі которой г. Нидерле считаетъ пока неразрѣшимымъ, склоняясь, впрочемъ, къ отождествленію ея съ Вислой.

Хотя древніе и знали о равнинномъ характерѣ Сарматіи, тѣмъ не менѣе они оставили цѣлый рядъ извѣстій о ея горахъ. Для славянскихъ древностей особенно важное значеніе имѣютъ извѣстія о Карнатахъ, о которыхъ упоминаетъ еще Цезарь какъ о восточномъ продолженіи герцинскаго лѣса, самое же названіе которыхъ приводитъ впервые Птолемей. Какъ и большинство другихъ изслѣдователей, г. Нидерле считаетъ Карпаты границей древняго славянства, но (въ противоположность, напр., Мюлленгофу) безусловной: по его мнѣнію, славяне еще до Р. Хр. нерѣдко переходили южные склоны Карпатскихъ горъ. Внутри Сарматіи древніе географы упоминаютъ о повкиньскихъ, амадокскихъ, будинскихъ, аланскихъ и венедскихъ горахъ. Подъ первыми, можетъ быть, скрываются нынѣшнія авратынскія горы, подъ вторыми—лѣсистыя возвышенности между Вильной и Минскомъ, подъ третьими—центральная русская возвышенность, подъ четвертыми—«валдайскія горы». Что касается до венедскихъ горъ, то г. Нидерле не колеблется отождествить ихъ съ Карпатами. На крайнемъ сѣверѣ или востокѣ Европы древніе помѣщали Ринейскія или Гиперборейскія горы, въ которыхъ авторы склонены видѣть скорѣе всего Уралъ.

Послѣдняя глава посвящена попыткѣ географической локализациі нѣкоторыхъ городовъ, упоминаемыхъ Геродотомъ и Птолемеемъ внутри Сарматіи.

Г. Ильинскій.

ОТДѢЛЪ IV.

С м ѣ е ъ.

Народный говоръ на моей родинѣ.

(Въ селѣ Воскресенскомъ, Московской губерніи, Коломенскаго уѣзда).

Въ общемъ говоръ на моей родинѣ не представляетъ особенной разности отъ говора московскаго. Но въ немъ можно замѣтить нѣкоторыя слова, вкравшіяся изъ говоровъ другихъ мѣстностей. Эти слова, мною замѣченныя, слѣдующія:

Особенности въ глаголахъ: хаить (не одобрять), банить (говорить), хватать,—въ окончаніяхъ:—балуй (балуетъ), сижуя (сидя), вѣя (вѣтъ), ходя (ходить) и т. п.

Въ нарѣчіяхъ: коли, кали, кадысь (когда), надысь (на дняхъ), въ тѣ пры (въ ту пору), добръ, вѣстима, знама, таперя, подпослѣдъ, доволя (довольно, вдоволь), сбрѣхъ (поспѣшно), ужотка, зря (напрасно), наркомъ (нарочно), бывалоча—(въ бывшее время), гоже (хорошо).

Въ мѣстоимѣніяхъ: энтотъ (тотъ), эфототъ (этотъ), цей (чей), цево, цаму, цѣмъ, що (что), о цомъ; кажный (каждый); аны (они), въ существ., прилагательныхъ и союзахъ: махонькай и махынѣкый (маленькій), касатикъ (голубчикъ); кабытъ (если бы), хаша (хотя).

Мнѣ кажется, что самое мѣстоположеніе села Воскресенскаго опредѣляетъ и самый характеръ выговора. На обыкновенный московскій говоръ вліяетъ сильно рязанскій, онъ по преимуществу отражается на произнесеніи глаголовъ. Д.

П р и м ѣ т ы.

Встрѣтъ (sic) ночи неускаться въ путь, т. е. не ѣздить въ 12-мъ часу, а непременно дожидаться 1-го часа—это предвѣщаетъ не только неблагополучіе, но даже несчастье. Подтверждено длиннымъ разсказомъ изъ собственной жизни. (Увязла на мосту лошадь).

Если змѣя дорогу проползетъ или заяцъ перебѣжитъ дорогу—предвѣщаетъ неблагополучіе въ пути.

Наблюдалась надъ крестьянами, что они не переходятъ дорогу отъѣзжающему отъ дому, а ждутъ, когда уѣдетъ, или обходить за телѣгу.

Локоть чешется—на новомъ мѣстѣ спать.

Конечъ носа чешется—о покойникѣ слышать.

Правый глазъ къ хорошему, а лѣвый—плакать. А я за собой замѣчалъ наоборотъ.

Поджилки чешатся—въ дорогѣ быть.

Лобъ чешется—спѣсивому кланяться.

Лице или щеки чешатся—къ слезамъ.

Грудь чешется—къ горю.

Ладонь правая чешется—деньги получать, лѣвая—деньги отдавать. Бровь чешется—спѣсивому кланяться.

Рубашку нанничкой надѣть—бигому быть.

Правой ногой встанешь съ постели—хорошо день проведешь, лѣвой—какія нибудь непріятности будутъ.

Разобьется что нибудь—къ благополучію, особенно въ именины, въ свадьбу. На этомъ основаніи, я знаю въ Торжкѣ, на свадьбахъ. цѣлые столы съ посудой послѣ ужина возьметъ кто нибудь опрокинетъ, всѣ гости ха-ха-ха, захлопаютъ въ ладоши.

Полѣно упадетъ, когда дрова несешь—къ гостю.

Когда изъ печки уголь выскочитъ горящій—сердитый гость будетъ.

(Такая, рюмка неполные для кого нибудь—ему неполно жить, бѣдно.

Черный платокъ остался въ домѣ—къ покойнику (индивидуальный случай, т. е. рассказывающій сдѣлалъ такое заключеніе изъ одного случая).

Ножикъ, вилка упадетъ—къ гостю: первый къ мужчине, вторая—къ дамѣ.

Послѣ выноса покойника изъ дому (sic) опрокидываютъ столы, чтобы не было другого покойника. (Въ Осташковѣ, Тверской губ.).

Въ Калязинѣ крышекъ отъ гроба не вносятъ и на дворъ, а ставятъ у воротъ стойкомъ: обыкновенно же не вносятъ въ домъ, а ставятъ въ сѣняхъ, а при выносѣ въ церкви на паперти.

Молодыхъ благословляютъ передъ свадьбой на овчинномъ тулупѣ—чтобы хорошо жили. (Мещовскѣ).

Послѣ вѣнца на молодыхъ бросаютъ хлѣбъ (зерна ржи)—чтобы богато жить.

Къ вѣнчанію ѣхать если по дождю и снѣгу—къ благополучію. На войну идутъ солдаты—та же примѣта.

Когда молодыхъ везутъ въ церковь—дуга лопнетъ, оглобли вывернутся—считается къ неблагополучію.

Въ домъ птица прилетитъ—нехорошо.

Грачи гнѣзда навѣютъ около дома—къ пожару. Самъ замѣчалъ, эта исконнѣе есть примѣта; раньше не зналъ, хотя говорили; изъ опыта узналъ. Подтверждено разсказами.

Сорока прилетитъ—вѣсти.

Если шапку или что запачкаетъ ворона или птица—къ неблагополучію.

Кто уѣдетъ сейчасъ—нельзя мѣсть комнаты, значитъ вынести его.

У жениха или у невѣсты свѣчка погаснетъ—худой признакъ: раньше умереть, также кольцо упадетъ.

Нехорошо потерять обручальное кольцо.

Кто вперед на подножки станеть, женихъ или невѣста, тотъ будетъ управлять другимъ.

Собака воетъ вверхъ мордой—къ пожару, внизъ—къ покойнику.

Кошка умывается—гостей закрываетъ. (Гладитъ себя лапкой).

Самоваръ шумитъ, какъ воетъ—выживаетъ изъ дому вонь.

Мышь скребется, напримѣръ, изъ кухни къ намъ—насъ выживаютъ; если еще отъ насъ—ничего.

Мыши поютъ—очень нехорошо, къ несчастью. Это ужъ вѣрная примѣта. Подтверждено разсказомъ.

Три свѣчки на столѣ—къ покойнику.

Записано отъ М. Г. Садикова и его жены Варвары Павловны. (Уроженцы Тверской губ.).

Когда поца встрѣтятъ—узелки завязываютъ, чтобы не оправдалась примѣта¹⁾).

Когда къ вѣнчанію идутъ, чтобы женихъ за скобу брался—никто не отворялъ. Ужъ это всеобщая примѣта. (Хмѣлемъ осыпаютъ предъ вѣнцомъ).

Подушку хорошо уронить или платокъ въ спальнѣ, чтобы жена подняла: (Будетъ покориться мужу).

На ночь комнату не выметать—посѣщеніе за трапезу, ангелъ Вожій.

Появленіе таракановъ въ домѣ черныхъ—хорошо, къ благополучію, мелкихъ не-хорошо. Тараканы выползли изъ дома (въ извѣстномъ мѣстѣ)—горѣлъ заводъ.

Двери скрипятъ—не къ добру: помереть кто нибудь. Богъ Н. Н. помереть было...

Каша выходитъ изъ горшка вонъ: если вонъ въ комнату—выживаетъ, убытокъ будетъ, вездѣ, въ печку—прибыль въ домъ.

Хлѣбы когда печешь, выплывокъ будетъ къ дому—хорошо, къ прибыли, изъ дому—убытокъ.

Куры ноютъ пѣтухомъ—скверно, къ несчастью.

Обручальное кольцо теряетъ—въ супружествѣ потери.

Въ деревнѣ свата сажаютъ подъ приводиной, чтобы дѣло состоялось, а на которой скамейкѣ сидитъ, ножки завязываютъ, чтобы связать дѣло²⁾. Подасатыми платками, чтобы непокрываться, когда сватать ѣдутъ чтобы много дорогъ не было, много кани-тели, съ цвѣточками—веселѣе, скорѣе дѣло будетъ.

Отъ зубной боли всегда нужно обувать лѣвую ногу прежде.

Если судороги въ ногѣ, мизинецъ подержать рукой, пока жила установится.

Чтобы не бояться покойника—изъ савана ниточку выдернуть; никогда не будетъ бояться.

Свадьбу везутъ—вездѣ затворяютъ ворота по деревнямъ по обряду: когда уѣзжаютъ, все затворяютъ, а какъ подъѣзжаютъ—съ честью отворяютъ.

Воскъ при крещеніи бросаютъ въ купель: если воскъ будетъ плавать—дѣти бу-детъ жить, потонетъ—не будетъ.

Свѣчи мѣряютъ послѣ свадьбы чья короче, тотъ скорѣе умретъ. Господь на-граждаетъ.

Къ вѣнцу ѣхать—сыпать песокъ въ башмаки и обувь жениха, булавки крестъ-на-крестъ затыкаютъ, никакая порча, ни вражда въ жизни не прикоснется.

Подкову находятъ—къ богатству.

1892 года, 10 декабря.

Отъ боровской жительницы

Сообщ. В. И. Чернышевъ.

Примѣты, предсказанія погоды Литовцами, Поневѣжскаго уѣзда.

1. Передъ дождемъ болятъ мозоли на ногахъ. (Бонифацій Якубовскій, мыза Под-зиньки, Клаванскаго прихода. 1 марта 1901).

2. Если у кого нибудь передомана нога или рука, то передъ дурной погодой боль отзывается. (Бон. Як. 1 марта 1901).

3. Передъ дождемъ чешется въ ухѣ. (Бон. Як. 1 марта 1901).

4. Если черезъ деревню проходитъ много евреевъ, будетъ дурная погода. (Эльжбета Петрушайтисъ, дер. Гайляны, Йоганишкель-скаго прихода, 4-го января 1901).

1. Antgraužai ant koju, skauda pries lietu.

2. Kad kas turi sulaužyta koja arba ranką, tai prieš kokius orus skausmas visuomet atsiliepia.

3. Ausyse nešti prieš lietu.

4. Kad per sodžiu, pereina daug žydu, tai bus biauvi orai.

¹⁾ и ²⁾ Для значенія *паузы*. Ред.

5. Передъ наступленіемъ дурной погоды снятся мертвецы. (Вон. Як. 4 марта 1901).

6. Передъ дождемъ бурчить въ желудкѣ у собакъ. (Вон. Як. 1 марта 1901).

7. Если собака траву ѣсть, будетъ дурная погода, дождь. (Магдалена Баіорасъ, дер. Валдейки, Іоганишкельскаго прихода. 5 декабря 1897).

8. Если кошка, смотреть въ окно, будетъ дурная погода. (Эльжб. Петр. 4 января).

9. Когда гонять скотъ домой, если первой идетъ бѣлая или бурая, будетъ ясная погода; если черная, будетъ дождь. (Каролина Пешелисъ изъ мѣст. Іоганишкели 5 мая 1889).

10. Если послѣ заката солнца курицы не скоро усакаиваются (собираются на ночлегъ), быть дождю. (Вон. Як. 1 марта 1901).

11. Ласточки передъ дождемъ летаютъ низко надъ землею, передъ ясною погодою высоко поднимаются. (Магд. Баіор. 5 декабря 1897).

12. Если пѣтухи ноютъ—не въ обычное время, послѣ обѣда. въ началѣ вечера,—будетъ дождь. (Магд. Баіор. 5 декабря 1897).

13. Если зимою вороны по землѣ ходятъ и воробьи «пиво варятъ» (собравшись кучей безпокойно чрикаютъ), указаніе, что будетъ оттепель. (Магд. Баі. 5 декабря 1897).

14. Если вороны садятся на верхушкахъ деревьевъ, это показываетъ, что будетъ морозъ. (Магд. Баі. 5 декабря 1897).

15. Если гуси оправляясь машутъ крыльями повернувшись къ сѣверу, будетъ морозъ: если—къ югу, то оттепель. (Эльжб. Петр. 4 январь 1901).

16. Если пѣтухъ стоитъ на одной ногѣ, будетъ морозъ. (Эльжб. Петр. 4 января 1901).

17. Если гусакъ стоитъ на одной ногѣ, будетъ морозъ. (Магд. Баіорасъ 5 декабря 1897).

18. Если лѣтнимъ вечеромъ жабы въ большомъ числѣ вылѣзаютъ изъ своихъ норъ,—будетъ дождь. (Вон. Як. 1 марта 1901).

19. Если паутина стелется по землѣ. особенно осенью, то долго будетъ ясная погода. (Магд. Баіор. 5 декабря 1897).

20. Передъ дождемъ пчелы очень злы. (Магд. Баіор. 5 декабря 1897).

5. Numireliai sapnojami prieš oro atmainą.

6. Prieš lietumi šunims pilvas gurguliuoja.

7. Kaip šuo žolę eda, tai bus blogi orai.

8. Kaip kate pro langą, žiuri, tai bus prasti orai.

9. Kaip karves pargina vakare namon, tai jeigu pirma eina balta arba žala, tai bus giedra, jeigu juoda, tai bus lietus.

10. Kad po nusileidimo saulės vištos greitai nesutupia, tai bus lietus.

11. Kreg ždele prieš lietumi skraido pagal žemę, prieš giedrą ankštyн kyla.

12. Gaidžiai kaip giesta nepaprastame laike, po pietų, pavakaryje, tai prieš lietu.

13. Kada varnos žiemą vaikščioja po žeme ir žvirbliai alu daro, tai rodo ant atadregio.

14. Kada varnos sutupia ant medžių viršuniu, tai rodo, kad bus šaltis.

5. Kad žąsis plustenasi į žiemius atsigrežusios, tai bus šaltis; jeigu į pietus, tai atadrekis.

16. Kad gaidys ant vienos kojos stovi, tai šals.

17. Kad žąsinas ant vienos kojos stovi, tai šals.

18. Kad vasara piktavarles vakarais buariais išlenda iš savo urvu, tai bus lietus.

19. Kada voratinklis ant žemės klojasi, ypač rudenį, tai bus ilgai giedra.

20. Prieš lietu, bites labai piktos.

21. Если подь поломъ квакають жабы, будеть перемѣна погоды; указаніе, что будеть дождь или снѣгъ. (Бон. Якуб. 1 марта 1901 года).

22. Если комары пѣлыми роями летаютъ, будеть ясная погода. (Магд. Баюр. 5 декабря 1897).

23. Если въ тихій вечеръ летаютъ и жужжатъ навозные жуки, будеть дождь. (Эльжб. Петр. 4 января 1901).

24. Если колокольный церковный звонъ очень далеко слышенъ — быть дождю или снѣгу. (Бон. Якуб. 1 марта 1901).

25. Если дымъ изъ трубъ поднимается вверхъ, будеть ясная погода, если надаеть (опускается) книзу, будеть дождь. (Магд. Баюр. 5 декабря 1897).

26. Если молоко, когда доить коровъ, пѣнится, — будеть дождь. (Бон. Як. 1 марта 1901).

27. Если у горящей лучины уголь загибается книзу, будеть оттепель, если загибается кверху, будеть морозъ. (Магд. Баюр. 5 декабря 1897).

28. Передь дождемъ сало (солонины) повѣшенное въ амбаръ или подь другою кровлей течеть. (Магд. Баюр. 5 декабря 1897).

29. Соль передь дождемъ отсверѣваетъ (сырѣетъ). (Бон. Як. 1 марта 1901).

30. Передь дождемъ въ бочкѣ съ кислой капустой жидкость поднимается кверху (Бон. Як. 1 марта 1901).

31. Передь морозомъ вода въ колодцахъ и рѣкахъ поднимается вверхъ; а передь оттепелью опускается внизъ. (Эльжб. Петр. 4 января 1901).

32. Если во время дожди при паденіи капли, падая въ воду, образуютъ пузыри, будеть еще долго падать дождь. (Эльжб. Петр. 4 января 1901).

33. Радуга показываетъ, что скоро дождь перестанетъ падать. (Эльжб. Петр. 4 января 1901).

21. Po grindoms kada piktavarles kvakši, tai prieš oro atmainą: rodo ant sniego arba lietaus.

22. Kada uodai laksto spiečiai, tai ant giedros.

23. Kada vakaras tykus ir šudvabalai lakstydami bimbis, tai ant lietaus.

24. Prieš lietu arba sniegą bažnyčios varpai labai toli girdžiasi.

25. Kada dumai iš kaminų aukštyn kyla, tai prieš giedrą, kada žemyn krenta, tai prieš lietu.

26. Pienas milžant putoja prieš lietu.

27. Kad balane (šakalys) dega ir anglis žemyn lenkiasi, tai ant atadregio; kada aukštyn riečiasi, tai ant šalčio.

28. Prieš lietu, kletyje arba teip kur pastogyje pakabinoti lašiniai labai varva.

29. Druska dregsta prieš lietu.

30. Užraugtu kopustu skystimas kyla aukštyn kubile prieš lietu.

31. Prieš šaltį, kyla vanduo upėse ir sulnyse, o prieš atadregį leidžiasi žemyn.

32. Jeigu lietui lijan, lietaus lašai atsimušdami į vandenį, kaip į burbulus išeina, tai rodo ant ilgo lietaus.

33. Laumes juosto rodo, juog greitai nustos lijus.

Г. И. Петкевичъ.

Ковенск. г. Мѣст. Югуншиколе (Почт. ст. Посволь).

Замѣтки о Македоніи.

По поводу статьи г. Драганова.

(Изв. Сиб. Слав. благотвор. Общ. 1888).

Отъ Редактора. Въ бумагахъ моихъ уже давно находится статья г. *Офейкова* (псевдонима), извѣстнаго болгарскаго дѣятеля и хорошаго знатока Македоніи. Эта статья, написанная въ концѣ 1888 г., была получена мною отъ автора, когда я былъ редакторомъ Извѣстій Слав. Влаг. Общ. Но въ 1889 г. я отказался отъ редакціи и статьи этой не могъ напечатать. Въ послѣднее время у насъ опять стали писать о Македоніи и знакомые и незнакомые съ нею. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ (напр. г. Дурново) появились ссылки на статьи г. Драганова, какъ прекраснаго знатока этого края. Такъ какъ статья г. Офейкова весьма основательно опровергаетъ нѣкоторыя показанія г. Драганова и приводитъ любопытныя данныя, то редакція и нашла полезнымъ отвѣсти ей мѣсто на страницахъ «Живой Старины», гдѣ будутъ въ непродолжительномъ времени помѣщены и замѣтки Гильфердинга, изъ его карманныхъ книжекъ, за время совершенной имъ 30 лѣтъ назадъ поѣздки по Македоніи.

На страницѣ 320, г-нъ Драгановъ пишетъ, «что у Конановцевъ, въ противность ученолюбивымъ Варзакамъ, почти совершенно отсутствуютъ общинныя школы, а всѣ почти болгарскія училища содержатся средствами, отпускаемыми болгарскимъ Экзархатомъ изъ Константинополя». Это совершенно невѣрно. Болгарская Экзархія начала отпускать училищныя пособія нѣкоторымъ бѣднымъ македонскимъ общинамъ послѣ русско-турецкой войны, именно съ 1880 года, а болгарскія училища въ Скопѣ, Кумановѣ, Кратовѣ, Тетовѣ, Криворѣчній-Паланкѣ, Врацѣ и во многихъ еще деревняхъ существовали уже съ самаго начала счастливой эпохи возрожденія Болгарскаго народа. Болгарское училище въ Врацѣ, было, до послѣдней русско-турецкой войны, одно изъ лучшихъ болгарскихъ училищъ: тамъ главнымъ учителемъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, былъ Николай Шимеджіевъ. Это училище, разумеется, не существуетъ теперь. Мы можемъ указать г. Драганову, и какое училище въ которомъ году открыто, и какіе учителя, поддерживаемые общинами, учительствовали до настоящаго времени въ выше-сказанныхъ Конановскихъ городахъ, въ которыхъ, онъ говоритъ, національное болгарское чувство не существуетъ, и училища въ нихъ поддерживаются изъ Константинополя. Не только до послѣдней русско-турецкой войны болгарскія училища поддерживались общинами Конановскихъ городовъ и селъ, но и до сихъ поръ всѣ почти первоначальныя училища, городскія и сельскія, въ сказанномъ краѣ, поддерживаются общинами. Болгарская Экзархія отпускаетъ пособія только класснымъ училищамъ: первоначальныя же училища принадлежатъ исключительно общинамъ. Въ Скопѣ, напримѣръ, есть семь первоначальныхъ училищъ съ 8-ью учителями и двумя учительницами, поддерживаемыхъ общиною. Болгарская Экзархія отпускаетъ пособіе только Скопской прогимназіи. Тетовская община поддерживаетъ собственными средствами двухъ учителей и одну учительницу, а Экзархія отпускаетъ пособіе двумъ класснымъ учителямъ и одной учительницѣ. Община въ Криворѣчній-Паланкѣ поддерживаетъ тоже двухъ учителей; Кочанская— тоже двухъ учителей и одну учительницу. Мы приведемъ здѣсь названія тѣхъ Конановскихъ селъ, которыя собственными средствами, безъ всякихъ субсидій, поддерживаютъ свои училища и своихъ учителей. Въ Кумановской околинѣ: Винци, Сопотъ, Кукунине, Живине, Чолонекъ, Св. Петка, Болновци, Старо-Нагоричени; въ Скопской околинѣ: Мирковци и Поени; въ Тетовской околинѣ: Челонски, Степче, Теарци, Зубовци, Врутокъ, Влаче и Болгарши; въ Паланкской околинѣ: Ранковци, Радибунъ, Петралица; въ Кочанской околинѣ: Влатецъ, Винца, Зърновци, Соколарци, Станчево, Таркане, Оризари, Липецъ, Драгобраща и Јаки; въ Кратовской околинѣ: Злетово, Опило, Древени, Лесново и Стрѣмунци. Городъ Щинъ собственными средствами поддерживаетъ четыре мужскихъ училища и два женскихъ съ 12 учителями и двумя учительницами. Нельзя

предположить, что все это было неизвестно г. Драганову. И если ему было неизвестно, въ такомъ случаѣ, почему онъ пишетъ съ такою увѣренностью о дѣлахъ, о конхъ онъ не имѣетъ положительныхъ свѣдѣній. Дальше г. Драгановъ говоритъ: Барзаки не только не нуждаются въ экзархійскихъ субсидіяхъ, но и подозрительно, а то и съ недоувѣріемъ относятся къ присылаемымъ экзархатомъ учителямъ, начальникамъ общинъ и посредникамъ съ ними (?) въ Македоніи: одинъ же Охридянецъ А. Кеңсаровъ, получившій свое образование въ болгарской Солунской экзархійской гимназіи, сообщить намъ странную и поразительную для меня, но интересную новость, что его соотечественники бугаре въ Охридскомъ округѣ и не принимаютъ никогда никакихъ экзархійскихъ аташе и протеже въ качествѣ учителей. Это не только невѣрно, но и съ нѣкоторою тенденціозностью сообщено г. Драгановымъ. И могутъ ли ученики знать то, что дѣлаютъ общины? Можно ли довѣрять ученическимъ свѣдѣніямъ для изученія страны? А г. Драгановъ главные свои свѣдѣнія о Македоніи почерпаетъ отъ учениковъ. Въ этомъ признается онъ самъ. Чтобъ опровергнуть теорію г. Драганова объ Охридскомъ округѣ, скажемъ, что экзархія всегда имѣла въ Охридѣ и его округѣ своихъ представителей, требуемыхъ и избираемыхъ самими населеніемъ. Изъ этихъ намѣстниковъ упомянемъ о митрополитѣ Наоаналѣ и о протоіерей Христы Маленковѣ, который и до сихъ поръ состоитъ намѣстникомъ болгарскаго охридскаго митрополита. Какъ Охридская, такъ и всѣ общины въ Охридскомъ округѣ, всегда относились съ просьбами; въ экзархатъ для полученія училищныхъ пособій, но Экзархія, по располагаемымъ средствамъ, удовлетворяла желаніямъ только тѣхъ общинъ, которая дѣйствительно не имѣла возможности поддерживать своихъ учителей. Въ настоящее время Экзархія поддерживаетъ учителей въ слѣдующихъ городахъ и селахъ Охридскаго округа: въ самомъ Охридѣ отпускаетъ пособіе 4 учителямъ; кромѣ того отпускаетъ пособія и селамъ: Вещани, Велгощи, Преторъ, Струга, Рѣсенъ, Яиковецъ, Круше и Любноно.

Одно изъ двухъ: или г. Драгановъ самъ введенъ въ заблужденіе или же онъ желаетъ ввести другихъ въ заблужденіе. Г. А. Кеңсаровъ въ настоящее время находится экзархійскимъ учителемъ въ Охридѣ.

На той же 320 страницѣ г. Драгановъ говоритъ, что вообще училища въ Косовскомъ вилаетѣ болгарскія, греческія, сербскія, католическія, албанскія, турецкія, еврейскія возникли не на органическихъ началахъ, а искусственно. Любопытно знать въ такомъ случаѣ училища какой народности были-бы неискusstvenны?... Объ училищахъ по ту сторону Шара спорить не буду съ г. Драгановымъ: позволю лишь сказать два слова только объ училищахъ въ Скопскомъ санджакѣ, гдѣ населеніе болгарское и училище и учится по болгарски. Въ Скопскомъ санджакѣ, какъ и во всей Македоніи, болгарскія училища возникли естественно, на такой же органической почвѣ, на какой возникли училища и въ самомъ Тырновѣ, Филипповѣ, Софій и пр. Въ городахъ Скопѣ, Кратовѣ, Вранѣ, Щипѣ и пр. открылись болгарскія училища раньше учрежденія болгарской Экзархіи, раньше появленія недоразумѣній болгаръ и сербовъ, какой національности принадлежитъ населеніе сѣверной Македоніи. Эти училища открылись мѣстнымъ населеніемъ въ самомъ началѣ возрожденія болгарскаго народа, слѣдовательно возникли они совершенно естественно. Законъ объ открытіи училищъ въ Турецкой Имперіи гласитъ, что вообще народныя училища открываются только по заявленіемъ по крайней мѣрѣ шести семействъ. Другимъ способомъ народныя училища въ Македоніи не открываются. Всѣ болгарскія училища въ Македоніи открылись и открываются только по письменнымъ просьбамъ населенія. Вотъ почему сербы не могли и не могутъ, пока существуетъ этотъ законъ, открывать сербскихъ училищъ для македонскихъ болгаръ: не существуетъ населенія, которое бы желало открытія не болгарскихъ училищъ. Сербскій консулъ въ Солунѣ съ содѣйствіемъ русскаго генеральнаго консула, долго дѣйствовалъ въ прошломъ году, чтобъ открыть въ Солунѣ сербское училище съ націономъ, но ему не удалось, по единственной причинѣ, что не было населенія, которое бы желало и просило открытія этого училища. То же самое случилось и въ Скопѣ, гдѣ сербскій консулъ напрасно старался и старается открыть сербское училище. Этого онъ не достигнетъ, пока населеніе само не пожелаетъ и не потребуетъ этого. Совѣтъ уже другой вопросъ по ту сторону Шара, въ Призренскомъ округѣ. Тамъ въ сербскихъ

селах открываются училища, потому что население желаетъ и требуетъ этого отъ властей. И правительство не отказываетъ ему въ этомъ.

Пользуемся случаемъ сказать, что глубокоуважаемый русскій генеральный консулъ въ Солунѣ, г. Ястребовъ, едва ли правильно поступаетъ, вмѣшиваясь въ національныя сербско-болгарскія мѣстные распри, беря сторону однихъ и осуждая и обижая другихъ. Это вредно для русскаго вліянія, потому что какъ интеллигенція, такъ и самое населеніе начинаютъ съ недовѣріемъ относиться къ консульству.

Г. Ястребовъ принимаетъ самое живое участіе въ сербской пропагандѣ въ Македоніи: это дурно повліяло на македонскую молодежь, которая начала сторониться солунскаго русскаго консульства, не любить самого консула и избѣгать всякія сношенія съ нимъ. Это жалко, но это фактъ. Всѣ тѣ, которые дорожатъ русскимъ вліяніемъ между македонскими болгарами, должны бы были посовѣтовать г. Ястребову быть безпристрастнымъ и нейтральнымъ, стоять выше всѣхъ мѣстныхъ недоразумѣній и претензій разныхъ пропагандъ.

Страница 319¹⁾. Какъ г. Драгановъ, такъ и г. Срецьковичъ часто вспоминаютъ имя г. Грунчева. Вѣроятно и тотъ и другой его не знаютъ. Г. Грунчевъ до 1883 года жилъ въ Охридѣ и занимался мелкою торговлею сахаромъ. Въ этомъ самомъ году онъ исполнилъ очень важное экзархійское порученіе въ г. Дебрѣ, откуда, по возвращеніи, пріѣхалъ въ Константинополь и не много спустя отправился въ Болгарію искать чиновническую должность. Тамъ онъ выродоженіи двухъ лѣтъ, игралъ видную роль въ дѣятельности македонскихъ дружествъ, которыя работали противъ сербской и греческой пропаганды въ Македоніи. Между прочимъ, онъ вмѣшался во внутреннія партзанскія борьбы княжества я, недовольный, бросилъ Болгарію и снова пріѣхалъ въ Константинополь вмѣстѣ съ какимъ-то Евровымъ, изъ Струги. Какъ Грунчевъ, такъ и Евровъ въ началѣ скрывали истинную причину своего пріѣзда въ Константинополь, но послѣ стало извѣстно, что они чиновники сербскаго посольства и занимаются сербской пропагандой между македонцами въ турецкой столицѣ. Я имѣю случай встрѣчаться иногда съ г. Грунчевымъ, который и до сихъ норъ отказывается, что состоитъ чиновникомъ при сербскомъ посольствѣ и что сдѣлался органомъ сербской пропаганды между македонцами. Когда его спросятъ: хорошо, но откуда ты получаешь средства къ жизни? Онъ отвѣчаетъ: отъ русскаго посланника. Это совершенная ложь. Грунчевъ стѣсняется признаться, что онъ органъ сербской пропаганды, потому что его соотечественники смѣются надъ нимъ и упрекаютъ его въ измѣнѣ своей народности, за которую такъ много боролся. Онъ говоритъ, что получаетъ средства жизни отъ русскаго посланника, чтобы придать большую важность тому, что проповѣдуетъ македонцамъ, которые смотрятъ съ довѣріемъ на все то, что идетъ изъ Россіи или проповѣдывается отъ русскаго имени. Такимъ образомъ, г. Грунчевъ пользуется русскимъ вліяніемъ между македонцами, чтобы провести свои притворныя и лицемерныя начала. Впрочемъ, эти начала не его собственныя, а проповѣдуются всѣми сербскими пропагандистами въ Македоніи. Эти то пропагандисты, вмѣстѣ съ г. Грунчевымъ, не смѣютъ проповѣдывать прямо и откровенно, что македонцы сербы; нѣтъ, они боятся сказать это, потому что, зная что всякій македонецъ будетъ смѣяться надъ ними, никто за ними не послѣдуетъ. Они выдумали и хитро проповѣдуютъ другое мнѣніе, именно, что македонцы настолько сербы и болгары, насколько и русскіе, чехи или поляки; что они собственно македонцы, совершенно отдѣльная славянская народность. И это выдуманно для болѣе успѣшныхъ результатовъ въ дѣятельности пропаганды. Нужно же говорить македонцу нѣчто, что бы ему понравилось. Македонскіе болгары сербами не сдѣлаются, въ такомъ случаѣ давайте вдохнуть имъ совершенно новую и привлекательную для нихъ идею, сказать имъ, что они отдѣльный народъ, потомки Александра Македонскаго, съ славнымъ прошедшимъ и великой исторіей.

Но сдѣлало ли и дѣлаетъ ли успѣхъ это мнѣніе между македонскими болгарами?

¹⁾ Все это замѣчаніе г. Грунчевъ имѣетъ значеніе для характеристики взаимныхъ отношеній болгаръ и сербовъ и ихъ обоюдныхъ воззрѣній на Македонію. Ред.

Этого не видно ¹⁾). Въ началѣ своего прибытія въ Константинополь, г. Грунчевъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Евровымъ, попробовалъ собрать временно пребывающихъ въ Константинополь македонскихъ болгаръ и убѣдить ихъ обратиться для училищныхъ пособій къ сербскому министру въ Константинополь. Но это ему не удалось. Ни одно македонское село не обратилось къ сербскому посланнику, или прямо къ сербскому правительству. Замѣчательно что въ то же самое время македонцы ежедневно обращаются къ русскому посольству въ Константинополь и къ болгарскому правительству о денежныхъ пособіяхъ для училищъ. Однимъ словомъ, македонскіе болгары смотрятъ на сербскую пропаганду подозрительно и не довѣряютъ ей. Если въ чемъ нибудь усиѣваютъ сербскіе пропагандисты, такъ это въ томъ, что увеличиваютъ вражду и негодованіе болгаръ къ сербскому народу: объ этомъ нельзя искренно не сожалѣть. Сербская пропаганда дѣйствуетъ въ согласіи съ греческими митрополитами и сѣлюгосами, которые поддерживаютъ сербизмъ между болгарами сѣверной Македоніи. Порта тоже не только что смотритъ благопріятно на сербскую пропаганду между македонцами, но и начала сильно ей покровительствовать. Мѣсяцъ тому назадъ, вышло приказаніе всѣмъ константинопольскимъ газетамъ ничего не писать, ни нападать на сербскую пропаганду. Это всѣгдашняя политика турецкаго правительства: ослаблять сильныхъ и помогать слабымъ. Видя, что македонскіе болгары не поддаются не только грецизму, но и всевозможнымъ католическимъ и протестантскимъ пропагандамъ, турецкое правительство начало поддерживать въ Македоніи и сербскую пропаганду. Это удовлетворяетъ цѣлямъ Порты, а съ другой стороны увеличиваетъ ненависть между сербами и болгарами. Это и есть политика и интересъ турокъ. Не смотря на это, трудно сказать, что сербская пропаганда сдѣлаетъ какой-нибудь усѣхъ между македонскими болгарами. Товарищъ г. Грунчева, г. Евровъ, три мѣсяца тому назадъ относился къ б. Экзархѣ и просилъ учительскаго мѣста въ Македоніи, причемъ увѣрялъ, что ему надоѣло служить хитрой идее, выдуманной сербами: именно, что «современные македонцы составляютъ особенный историческій народъ». Въ настоящее время бѣдный Евровъ печально проводитъ время въ родномъ своемъ Стругѣ. Г. Грунчевъ тоже относился прошлое лѣто къ Экзархѣ нѣсколько разъ, чтобы выхлопотать своему племяннику Н. Грунчеву служебное мѣсто подъ вѣдомствомъ Экзархата.

Страница 318. Г-нъ Драгановъ пишетъ, что ихъ В. Пр. Охридскій Синесій и Скопскій Θεοδοσίѣ, которымъ Порта еще не позволила отпавиться въ свои епархіи, принимаютъ участіе въ св. болгарскомъ Синодѣ, который будто-бы засѣдаетъ въ Ортакіой, резиденціи болгарскаго экзарха, и въ годъ или въ два года разъ посылаютъ свои пастырскія окружныя посланія въ своихъ епархіяхъ. Г-нъ Драгановъ и здѣсь ошибается. Въ Ортакіой не засѣдаетъ никакой болгарскій Синодъ, слѣдовательно, и сказанные болгарскіе митрополиты не могутъ принимать въ немъ участія. Св. Синодъ періодически засѣдаетъ въ Софіи, а не въ Константинополь. Ихъ В. Преосвященства Охридскій Синесій и Скопскій Θεοδοσίѣ не посылаютъ своихъ окружныхъ посланій въ годъ или два года разъ, а исправно и всегда управляютъ своими епархіями изъ Константинополи посредствомъ особыхъ своихъ намѣстниковъ.

Страница 316. Я долженъ замѣтить, вопреки утверженію Драганова, что митрополитъ Кирилъ, бывшій Скопскій, не бывалъ и не состоитъ экзархійскимъ делегатомъ въ Софіи, а пенсіонеромъ болгарскаго правительства. Настоящій Скопскій митрополитъ В. Преосвященный Θεοδοσίѣ не учился въ Бѣлградской духовной семинаріи, какъ пишетъ г. Драгановъ, а въ Сѣрской греческой гимназіи.

Страница 313. Г. Драгановъ утверждаетъ, что Скопскій санджакъ населенъ большею частію не славянскими и неправославными племенами. Это не вѣрно. Вотъ приблизительно населеніе Скопскаго санджака въ нуфузахъ: 28,556 турокъ, 86,796 болгаръ, 16 влаховъ, 476 евреевъ и 939 цыганъ.

Я первый разъ слышу кромѣ того, что въ скопскомъ санджакѣ есть сербы, которые мечтаютъ о возстановленіи Искеской патріархіи. Такая идея существуетъ между

¹⁾ Но судя по газетѣ г. Сарафова (Реформы) въ послѣдніе годы (въ концѣ 1900-хъ гг.), по крайней мѣрѣ это мнѣніе или ученіе въ Македоніи распространяется. Ред.

нѣкоторыми интеллигентными людьми въ Сербіи, а вовсе не въ Скопскомъ санджакѣ. Пусть укажетъ г. Драгановъ, кто высказалъ ему въ Скопѣ надежду о возстановленіи Иіекской патріархіи. Мы можемъ увѣрить г. Драганова, что ничего подобнаго не существуетъ.

Страница 312. Мы совершенно согласны съ г. Драгановымъ, что въ городахъ Призрѣнѣ, Инекѣ, Новомъ-Назарѣ и пр. населеніе не болгарское. Но сдѣлаемъ небольшое замѣчаніе, именно, что по ту сторону Шара, около Призрѣна и Дякова, есть, между сербскими и албанскими селами и болгарскія села, хотя ихъ и очень мало.

Страница 314. Г. Драгановъ говоритъ, что въ языкѣ Копановцевъ члена нѣтъ. Это показываетъ, что онъ имѣетъ очень мало понятія объ этомъ языкѣ. Мы можемъ привести, сколько угодно, примѣровъ въ доказательство, что членъ въ языкѣ Копановцевъ существуетъ, какъ и во всей Македоніи. Слѣдующія пѣсни пѣты дѣвушкой Станой Іововой, изъ села Овчичани, въ 4 часахъ отъ города Скопья.

Пѣкнале мѣйке трѣснале
Не мѣжамъ в'Скопье да ѣдамъ

Отъ пустите сарачи.
Цървено ми рѣменче давава.....

.....Да избѣламъ ле-ле бѣло лице.
Да натѣгнамъ ле-ле гайтанъ вѣги.
Витолчани ле-ле да насмѣямъ,
Све небо ле-ле да развѣдрамъ,

Бакѣлите ле-ле да отключатъ,
Да отженамъ ле-ле бекѣрите,
Да извадамъ ле-ле ройно вино,
Да е мирна ле-ле све рѣята.

Не ний Нѣдо рѣйно вино,
Отъ вино^{то} глава бѣли.
Не ме бѣли отъ вино^{то},
Тугъ ме бѣли отъ ѣдове,
Отъ ѣдове Стойнови,

Дека си е късканджия
На пѣжките нишанлия,
На мѣжките ясакчия,
На кѣните бинеджия

Подриина, нѣдскокна Мѣро Миршанче
Нрийнеси дѣнеси мѣшето рѣкия,
Обата дѣ двата да го испиеме.
Татко ти мѣйка ти шишенцето прѣзно

Подриина нѣдскокна Мѣрошанче,
Нрийнеси дѣнеси кошничето съ грѣзѣ,
Обата дѣ двата да го избѣаме
Татко ти мѣйка ти кошничето прѣзно.

Изъ Тетова.

(Пѣты Маріей Сеньовой).

Чиво е днун мѣме убаво,
Що рано рани на вода
Съ двѣте стѣмни зѣмани
Край зѣлени^{те} лѣвади,
Подъ високи^{те} тѣполи
Подъ тѣполи^{те} чадѣри,

Подъ чадѣри тѣрзни
Дѣвойче вѣли говори
Тѣрзни мѣре гѣдни,
Да ми скрѣдите кюрдия
Везъ ѣндезе да я мѣрите.....
.

Завила се бела лоза винова
Окољ града Бўдима,
У Бўдима едно лозе шйроко,
Улoзeтo едно дърво бадемо,
Подъ дървoтo една чeшмa шaрeнa,
На чeшмaтa една плoчa мeрмeрa,

На плòчатa ѓдна чàша билюра,
У чàшатa руйно вїно црвено,
У вїнотo ѓдна грѹдка шєкерна,
Какъ се тòпи дной грѹдка шєкерна
Такъ се тòпи мòе срдце зà него.

Вѣдо, Вѣдо пѣрно ѡко,
Вино ли съ (а) твоѣте очи,
Дали лѣта бѣла рѣкѣя.
Еднажъ мене послѣдуешъ,
Тѣжко мене ѡпвѣуешъ,
За нѣделя пѣянь ѡдамъ,
Двѣ нѣдели смѣнь ѡс дамъ,

Три неџели боленъ лѣгамъ,
Боленъ лѣгамъ у сѣбата,
У сѣбата шаренъ ковчегъ,
У ковчеготъ бѣла кнѣга,
На кнѣгата написана—
Кой есъ любѣи да се зѣме.

Изъ Куманова.
(Пѣты Н. Трандафиловымъ).
Варай, майке, стѣра майке,
Що си било мѣри къскънджика,
Къскънджика стѣра майке.
Къскънджика мѣри айнаджика,
Покѣрай си синко невѣстата,
Да не йоди Димитрійо,
Да не йоди синко на чѣшмата,
На чѣшмата Димитрійо,
На чѣшмата синко варѣсана,
Варѣсана синко тельсана.

Съсь гла̀вѣта Димитрійю,
 Съсь гла̀вѣта сѣнко на̀редена,
 Съсь кѣсѣте Димитрійю,
 Съсь кѣсѣте сѣнко на̀чѣшляни,
 Съсь ве́гѣте Димитрійю,
 Съсь ве́гѣте сѣнко ве́гѣдсанп,
 Съсь ли́цето Димитрійю,
 Съсь ли́цето сѣнко на̀бѣлено.
 Кѣтъ се вра́кѣ сѣнко отъ чѣшма̀та,
 Дрѣбни кѣтѣ Димѣтрійю
 Дрѣбни кѣтѣ сѣнко расфо́ярляни...

Нїкола море Нїкола,
Нєкарай млада нєвеста,
Нєкарай млада нєвеста,
Малко ли ти донєла,

Шярёна кучка съсъ кутре
И кутре^{то} е шярено.
Шярена крава съсъ теле
И теле^{то} е шярено.

Вотъ нарѣчіе Копановцевъ, т. е. нарѣчіе болгаръ изъ Скопской, Тетовской, Кумановской, Кратовской и Паланской околіяхъ. Позвольте мнѣ прибавить послѣ этого, что г. Драгановъ не особенно безпристрастно потрудился изучить жизнь и языкъ Копановцевъ.

Страница 315. И въ книгѣ «Огледало» Тетовца Кирилла Пейчиновича, написанной «языкомъ болгарскимъ долниѣ миссиѣ» и напечатанной въ Будиѣ въ 1816 г. вездѣ встрѣчается членъ. На страницѣ ѣ, наприѣтъ, встрѣчаются слова *грѣхотъ*, *стоката*, *кукята*, *челадѣта*, *нивата*, *лозѣто*, *бахчата* и пр. На страницѣ ѣи: *дѣтета*, *прежнитѣ* и пр. На страницѣ *ѣѣ*: *молитвата*, *стедотѣ* и пр.; на страницѣ *ѣѣ*: *духовника*, *исповѣдникотѣ*, *ночѣ-та*.

Я не оспариваю истины, что въ Копановскомъ нарѣчїи встрѣчаются много сербизмовъ, но причина этому та, что Копановцы граница болгарскаго элемента, что тамъ приходятъ въ столкновеніе болгарскій и сербскій элементы. Копановское нарѣчїе не сербское, смѣшанное съ болгаризмами, а болгарское съ нѣкоторыми сербизмами. Болгарскимъ называется это нарѣчїе самымъ населеніемъ, которое и себя называетъ тѣмъ же именемъ.

Большое значеніе придаетъ г. Драгановъ нѣкоторымъ названіямъ македонскаго населенія. Онъ какъ будто хочетъ сказать: македонцы не болгары, а міяки, копановцы, барзаки и пр. Невѣрно передается значеніе мѣстныхъ племенныхъ названій въ Македоніи. Эти названія имѣютъ тѣ же значенія, что и въ другихъ мѣстахъ южной и сѣверной Болгаріи. Въ южной Болгаріи, напримѣръ, населеніе называется между собой: Скобари, Горцы, Полчани, Рупцы, Якалинцы, Вариклечки, Лангери, Загорци, Шони, Романійци и пр. Подобныхъ мѣстныхъ народныхъ названій найдете вездѣ много. Но это не значитъ, что населеніе южной Болгаріи называется между собой не болгарскимъ, а Скобарскимъ, Загорскимъ, Романійскимъ; то же самое не значитъ, что македонское населеніе называется не болгарскимъ, а міакскимъ, барзацкимъ и пр... Могу увѣрить васъ, что можете объѣхать Македонію съ одного края до другого, и не услышите ни одного македонскаго мѣстнаго племеннаго названія. Другой совсѣмъ вопросъ если ѣдете съ цѣлью собрать свѣдѣнія объ этихъ именно названіяхъ и будете нарочно спрашивать. Если просто и прямо спросите македонца, кто онъ, вы никогда не получите отвѣта, что онъ барзакъ, міакъ и т. д., а скажетъ вамъ, что онъ болгаринъ или бугаринъ.

Офрейковъ.

Константинополь
13 Декабря 1888 года.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ на основаніи § 9 Правиль о преміяхъ имени М. И. Михельсона доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что на настоящее конкурсное трехлѣтіе (1900—1903 гг.) назначены слѣдующія задачи:

1. Тюрскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія.

Выясненія, какія слова тюркскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ. Опредѣленіе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюркскихъ нарѣчій до татарскаго нашествія, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, белорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюркскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка; 2) систематическаго изслѣдованія русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до середины XIII в., со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ нарѣчій. Кромѣ словъ тюркскаго происхожденія, изслѣдованію подлежатъ и тѣ иноземныя слова, которыя вошли въ русскій языкъ черезъ посредство тюркскихъ нарѣчій. При опредѣленіи тѣхъ или другихъ заимствованій, должно имѣть въ виду точное, по возможности, приуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыя представляли тюркскіе говоры *). Впрочемъ, въ виду сравнительной скудости матеріала для древнѣйшихъ временъ русской письменности, а также трудности хронологическаго приуроченія нѣкоторыхъ словъ, изслѣдователю разрѣшается переступить за предѣлы эпохи татарскаго нашествія, ограничиваясь однако тѣмъ условіемъ, чтобы разбираемое слово представляло собою достойное всего русскаго языка, а не одного или немногихъ говоровъ, въ которыя оно могло войти въслѣдствіи, и чтобы оно вообще имѣло признаки, позволяющіе допустить возможность его принадлежности къ порѣ до-татарскаго періода.

2. Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка.

Опредѣленіе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть приурочено заимствование этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ:—Какими путями шли заимствования изъ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Опредѣленіе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованіе современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, белорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ германскихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ до XV вѣка; 2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія **).

Примѣчаніе. Ученая работа, посвященная изслѣдованію однихъ только германскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена преміи.

*) Результаты изслѣдованія (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

**) Сочиненія на объявленные нынѣ задачи должны быть представлены не позднѣе 1-го марта 1903 года—печатныя въ двухъ, рукописныя въ одномъ экземплярѣ и адресованы на имя Непремѣннаго Секретаря Императорской Академіи Наукъ.

3. Западное вліяніе на рускій языкъ въ Петровскую эпоху.

Опредѣленіе путей, которыми въ Петровскую эпоху шли заимствованія изъ западноевропейскихъ языковъ.—Систематическая выборка заимствованныхъ словъ изъ какого-нибудь, опредѣленнаго самимъ изслѣдователемъ, круга произведенія письменности Петровской эпохи (актовъ, узаконеній, учебниковъ, писемъ и литературныхъ произведеній), съ указаніемъ происхожденій этихъ словъ (слова нѣмецкія, шведскія, голландскія, польскія и т. д.

4. Уменьшительныя, увеличительныя и т. п. имена въ русскомъ языкѣ.

Списокъ суффиксовъ, посредствомъ которыхъ образуются уменьшительныя, увеличительныя, ласкательныя, презрительныя и т. п. имена существительныя (нарицательныя и собственныя) и прилагательныя въ литературномъ русскомъ языкѣ и въ говорахъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ. Возстановленіе древнѣйшихъ (общеславянскихъ) звуковыхъ формъ этихъ суффиксовъ. Родственные суффиксы однородныхъ именъ въ другихъ славянскихъ языкахъ и въ главныхъ изъ индо-европейскихъ языковъ.

§§ 4, 5 и 7 Правиль о преміяхъ имени М. И. Михельсона.

Преміи имени М. И. Михельсона устанавливаются трехъ разрядовъ: въ 1000 р., 500 р. и 300 р.

Преміи имени М. И. Михельсона присуждаются каждые три года, начиная съ 16 декабря 1900 года. Сочиненія на соисканіе этихъ премій должны быть представляемы не позднѣе 1 марта послѣдняго года конкурснаго трехлѣтія.

На соисканіе премій имени М. И. Михельсона допускаются, какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявленнымъ при началѣ каждаго конкурснаго трехлѣтія особою комиссіею, которая образуется при Второмъ Отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ.